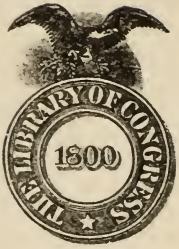
PG
3826
.K6

ch. 1



Class _____

Book _____

РУ́СКАЯ

ЧИ́ТАНКА

ДЛЯ

НИ́ЖШОИ ГЎМНА́ЗІИ.

ЧАСТЬ I.

СОСТА́ВИЛЪ

ВАСИ́ЛІЙ КОВА́ЛЬСКІЙ,

ц. к. міністе́ріа́льный конципи́стъ при міністе́рстве правосу́дія и реда́кторъ Ве́стника зако́новъ держа́вныхъ и прави́тельства.

Цѣна́ экземпля́ря опра́вного въ по́лполотно: 41 кр. м. к.

Тископеча́тано на́кладомъ прави́тельства.

въ ВѢ́ДНИ 1852.

PG3826
.K6

ZA Aug. 18-1971

1.

Правѝло житѧ.

Все съ Бо́гомъ начинáй
И съ Бо́гомъ поступáй
А на кѡнцѝ узрѝшь,
Що дѣ́ло совершѝшь.

В. К.

2.

Дѡ́бра ма́ти.

(пѡ́для Гѐбля.)

Въ ро́кѹ 1796, колѝ францѹ́зка а́рмїа по во́звороті изъ Нѣмéччины по тамтѡ́мъ бо́цѣ надъ Ре́номъ долѡ́въ розло́жена бы́ла, тѹ́жи́ла однà ма́ти въ Швайца́рїи за сво́имъ сы́номъ, котры́й остава́лъ при а́рмїи и о котрѡ́мъ онà чере́зъ до́лгое вре́мѧ не моглà сѧ нѣчо́го довѣ́дати и заспокóити своѐ ма́тернёе се́рдце. „Ѡнъ ма́е бы́ти при ре́нскѡй а́рмїи,“ каза́ла до се́бе, „а Го́сподь Бо́гъ, котры́й менѣ́ егѡ̀ да́лъ, заведѐ менѐ до не́го,“ и вы́ѣхавши пошто́вымъ во́зомъ чере́зъ бра́мѹ св. Іоа́нна въ Базиле́и, и переѣ́хавши ко́ло виногра́дѡвъ до Ѹндга́вѹ, поча́ла въ сво́ей простодѹ́шности и цвѣтли́вости, въ ѩкѡ́й звыча́йно сѹ́ть всѣ ѹ̑мы́слы требѹ́ючїи совча́стїѧ и надѣ́и, а ѩки́хъ ме́жи

Швайцáрами вы́ло тогды́ мно́го, розповѣдáти сво́имъ сопѫтникамъ, що ю̀ властúво вы́правило въ доро́гѫ. „Сли его̀ не найдѫ въ Колмáрѣ, то пôйдѫ до Стражѣ́рга, а сли го въ Стражѣ́ргѫ не найдѫ, то пôйдѫ до Моґѫнцiи.“ Прочiи замѣ́товали на то́е то се́е то ово́е, а одúнъ вопросúлъ ю̀: „Чúмже то е́сть Ва́шъ сы́нъ при а́рмiи? Мо́же мáйоромъ?“ На тiи словà мáло сѧ не завстыдáла въ сво́емъ се́рдци; поне́же дѫмала, та ôнъ мо́глы бы́ти и мáйоромъ, або чúмъсь таки́мъ подо́бнымъ, во ôнъ зáвсѣгды заховáлъ сѧ до́бре, но въ úстѣ онà не знáла. „Кобы́мъ лúшь его̀ найшлà,“ ôтповѣ́ла по хвúли, „то най си ôнъ вѫде и чимъсь мéньше, ôнъ е́сть мôй сынъ, то менѣ́ всегдà мúлый!“ Двѣ годúны доро́ги пере́дъ мѣ́стомъ Колмáромъ находúлъ сѧ вôзъ пошто́вый съ своúми подоро́жными, колú со́лнце всю окре́стнôсть послѣ́дными своúми лѫчáми ôгѫжѐ изъ по за го́ръ Алсáцкихъ прощáло, весе́лiи пастѫхú гнáли свою тѫчнѫ чередкѫ домôвъ, а гѫстú клѫбы дымѫ зъ кѫрныхъ хáтъ выходáчiи вскáзовали, що тамо́шнiи жúтелѣ совѣ́ вечéрю гото́вили — недалéко ôтъ гостúницѧ стоя́ли ôтдѣ́лами вожкú съ орѫжьемъ до ногú пере́дъ сво́имъ тáворомъ, а недалéко ôтъ нихъ нхъ полко́вники и енерáлы, посере́дъ которы́хъ молодà въ бѣ́лôй шáтѣ облечéна женщúна, знáти до́брого выовразо́ванѧ, ôсыпáла на сво́ихъ рѫкáхъ пелéнатко. То́е видячú промо́вила женà въ пошто́вомъ во́зѣ: „Се не есть, вúдитъ сѧ, такóжъ про́ста осо́ба, колú въ блúзѫ такúхъ панôвъ сѧ нахо́дитъ. Незнáти о що́мъ сѧ заложúла, що мѫжчúна, которы́й съ нéю тепéрь мо́витъ, есть ей мѫжемъ.“ Ей мáтернёе се́рдце, хотѧ дѫже сúльно вúло и пôдносúло

ся, а́нѣ и по́зна́ти не да́ло, що она́ въ бли́зѣ на-
хо́дитъ ся то́го, кото́рого шѹка́е: — она́ про то́е
ажь до Колма́рѣ была́ споко́йна и немо́вила а́нѣ
сло́ва. Въ мѣ́стѣ въ гости́нници, где о҃ужѣ ѣ́кѣсь
това́рйшество сѣдѣ́ло при вечёри, и сопѣ́тники та-
ко́жь ся еще́ посадови́ли, где ста́ло мѣ́стцѧ, тамъ
ей се́рдце стисне́ла непе́вно́сть и надѣ́ѧ, и ше́п-
тала е́й зъ ти́ха: тѣ́тъ бѣде мо́жно чого́сь ся дове́-
дати за сы́на, чи его́ кто зна́е, и чи о҃нъ еще́ жїе́
— и чи о҃нъ есть чи́мъсь, но одна́кожь не ма́ла
о҃тва́ги, вопроси́ти; бо и до то́го тре́ба о҃тва́ги,
абы́ чини́ти вопро́съ, на котры́й ино́ за на́дто ся
желае́ о҃ч҃ѣти: „Такъ есть!“ а прецѣ́нь и „Нѣтъ!“
о҃слы́шати возмо́жно. Такожь дѧмала она́, що
ко́жды́й по́зна́е, же за кото́рого ся пыта́е, той
есть ей сы́номъ, и же она́ ся надѣ́е, що о҃нъ
чи́мъсь зостáлъ. Наконе́цъ одна́кожь, коли́ слѹга́
госпо́дара прине́слъ е́й росо́лъ, притри́мала его́
о҃кра́дки за о́дѣжь и вопроси́ла: „Чи не зна́ете
вы тако́го и тако́го, або́ чи не ч҃ва́листе за та-
ко́го и тако́го?“ Слѹга́ на то́е сказа́лъ: „Та то
е́сть на́шъ енера́лъ, котры́й тѣ́тъ стои́тъ та́боромъ.
Ны́нѣ обѣ́далъ о҃ насъ,“ ска́зѧ мѣ́стце, где той
енера́лъ сѣдѣ́лъ. Но до́бра ма́ти ма́ло що вни-
ма́ла на его́ бе́сѣдѧ, дѧмаючи, що все то́е е́сть
шѹ́тка; а въ то́мъ слѹга́ заклика́лъ само́го госпо́-
дара, котры́й потверди́лъ: „Въ и́стѣ, такъ ся
называе́ на́шъ енера́лъ!“ Оди́нъ офѣцы́ръ присѣ́т-
ствѹючы́й то́мѹ розгово́рови дода́лъ: „Въ пра́вдѹ
такъ е́сть, на́шъ енера́лъ называе́ ся та́къ,“ и
да́льше вопроше́ный отвѣти́лъ: „Такъ есть, о҃нъ
мо́же ма́ти то́лько лѣ́тъ,“ а пото́мъ: „Такъ са́мо
о҃нъ выгляда́е и есть ро́домъ изъ Швайца́рїи.“

На то́е не могла̀ сѧ она̀ о᷑ѹ̀жѣ до́лше вздержати о᷑тъ вн᷒тренного волно́ванѧ чᲈествъ и сказа́ла: „Онъ то есть мо́имъ сы́номъ, котро́го а᷑ ш᷒ка́ю,“ и ей че́стне швайца́рске лицѣ̀ выглѧда́ло въ то᷑й ѵ᷒ийли за на́дто простод᷒шно зъ несподѣ́ванои тои ра́дости, любвѣ̀ и изъ встыд᷒; поне́же сѧ встыда́ла, що ма́ла бы́ти ма́терїю енера́ла, пере́дъ та́къ мно́гими людьмы́, а пре́цѣнь не могла̀ то́го затайти. Но госпо́дарь сказа́лъ: „Єслѝ рѣчь сѧ такъ ма́е, до́брам Па́не, то позво́льте, абы̀ Ва́шіи пакы̀нки вы́ложено зъ пошто́вого во́за, и менѣ то́го нео᷑ткажѣ́тъ, абы́мь за᷒тра ра́но каза́лъ запрѧгчы̀ карыткы̀, и Васъ пове́злъ до Ва́шого Сы́на до та́бор᷒.“

Ра́но, колѝ прибы́ла до та́бор᷒ и ова́чила енера́ла, по᷒зна́ла въ сей часъ въ немъ сы́на сво́го, а молода̀ женщи́на, котра̀ дня вчера́йшого съ нимъ говори́ла, была то ей невѣ́стка, а дѣти́на ей вн᷒чокъ. Енера́лъ по᷒зна́вши свою̀ ма́терь, сказа́лъ до сво́и с᷒пр᷒ги: „Се она̀!“ по чѣмъ онѝ сѧ поцѣлова́ли и погол᷒вили, — а любо́вь ма́терня и дѣти́нача, такъ ѿкъ высо́чество и кро́тость спаки́ли до кы̀пы въ одно̀ чᲈство и проливали сѧ ра́достными слёза́ми; — ма́ти зо᷑стала чере́зъ долгїи́ часъ въ надзвыча́йномъ взр᷒шеню, и то неола́ло ме́ньше чере́зъ то́е, що нѝнѣ сво́ихъ найшла̀, ѿкъ изъ за то́го, що ихъ о᷑ѹ̀жѣ вчера вы́дѣла.

Гости́нникъ повери᷒вши до мѣ́ста мо́вилъ: не пад᷒тъ, пра́вда, гро́ши ко́миномъ до ха́ты, одна́кожь радне́йше овъпшо́лвы о᷑нъ сѧ былъ безъ дво́хъ сотъ фра́нко́въ, ѿкъ колывы не ма́лъ ва́чити то́го, колѝ до́бра ма́ти по᷒зна́ла сво́го сы́на, и сы́на ща́стье; а опов᷑да́тель сего̀ приключе́нѧ

замѣча́е: „Есть то найкра́шше сво́йство лю́дского се́рдца, що оно́ так ра́до са придивла́е, сли прїятелѣ или своякы ненадѣйно знов са сзидѫтъ, и що оно́ тогды хотячы или нехотячы не мо́же ина́кше, як са ино́ оусмѣха́ти або́ отъ взрѫше́на ра́зомъ съ ни́ми пла́кати.“

В. К.

3.

Пчолкы и их ма́ти.

Изъ у́лїя лета́тъ пчо́лкы
Вóскъ и мѣ́дъ сбера́ти;
Якъ пове́рнутъ от робо́ты,
Вита́е их ма́ти.

Що ма́ти повелѣва́е,
Все чи́нятъ дѣ́точки,
Кожде несе́ свою́ пра́цю
До сво́и хи́жочки.

Такъ працю́ютъ чере́зъ лѣ́то,
Якъ зима́ наста́е
И дѣтоньки и их ма́ти
Досы́ть ѣсти ма́е.

Ра́зомъ ро́бятъ, ра́зомъ ѣда́тъ,
И ра́зомъ ся тѣшатъ,
Щастли́вы суть, доко́ли ся
Ма́тере не ли́шатъ.

Чарнянъ Макови́цкій.

4.

Байки Лессинга.

I.

Добродѣтельства.

„Ци маешь ты межи звѣрами бо̀льшого добродѣтелъ надъ насъ?“ пытала пчола чоловѣка. — „„„О, маю!““ о̂тповѣлъ тойже.

„А кого̀?“ — „„„О̂вцю̀! понеже ей волна есть для мене потребна, а твой мѣдъ лишь пріемный. Хочешь ли ещѐ одну̀ причину̀ знати, для чого̀ ѩ о̂вцю̀ за много бо̀льшого добродѣтелъ оу̂важаю, ѩкъ тебѐ пчолу̀?““

„Дуже радамъ знати!“ — „„„О̂вца̀ даѐ менѣ свою̀ волну̀ безъ найменшои трудности; сли же о̂тъ тебе хочу̀ получити медъ, то всегда̀ менѣ ещѐ треба опасати са̀ твого жала̀.““

II.

Левъ и заецъ.

Левъ дозволилъ одному̀ смѣшному̀ заецеви ближѐше са̀ съ собою̀ познакомити. Пользуючи са̀ тою̀ ласкою, запыталъ одного раза̀ заецъ свого короля̀: „Ци правда то есть, що льва̀, котрого мы называемъ королемъ, можѐ когоръ такъ легко перенудити?“ — „„„Такъ есть, о̂тповѣлъ левъ; и тое оу̂жѐ не одинъ мудрецъ замѣтилъ, що мы великои звѣрѣ маемъ певну̀ малену̀ слабо̂сть. Такъ н. пр. малъ есь чути, що слонъ, скоро хрюканье свинѣ зачуе, перелякае са̀ чрезвычайно.““

„Ци такъ?“ перервалъ ему̀ заецъ и додалъ: „а то и ѩ теперь такожъ понимаю, для чого то мы заецъ такъ дужѐ вонмо̀ са̀ псо̂въ!“

III.

Кôнь и бы́къ.

На дéрзкôмъ кóникѫ гонúлъ мовь вѣ́теръ жва́вый хлопа́къ. Дúкiй бы́къ погла́нѫвши на тóе клúкнѫлъ до конѧ: „Встыда́йсѧ! Хлопчúною прéцѣнь не да́лъбымъ сѧ поводúти!“

„„Но ѫ““ ôтповѣ́лъ кôнь, „„ра́до сѧ даю; бо и ѩкà бы то для мéне бы́ла чéсть, хлопчúнѫ скúнѫти изъ сéбе?“

IV.

Орéлъ и гѫска.

Одного́ ра́зѫ запыта́ла сѧ гѫска ôрла́: „Для чóго ты твоѝ молодiи ôрла́та пита́ешь такъ высóко въ воздѫсѣ?“

Орéлъ ôтповѣ́лъ: „„Я цúжь бы онѝ поро́сши въ пѣ́рье, моглѝ сѧ ôтва́жити пôдлѣта́ти до со́нца, еслúбымъ ихъ пита́лъ при земли́?““

V.

Вóлкъ и ôвча́рь.

Пôдчасъ моро́вого повѣ́тря вы́гибла одно́мѫ ôвчарéви цѣла́ чередà овéцъ. Довѣ́давши сѧ о тôмъ вóлкъ прибы́лъ оказа́ти своѐ сожалѣ́нье.

„Ôвча́рю,“ сказа́лъ ôнъ, ци пра́вда то, що тобѣ́ велúке нещáстье сѧ приключúло? Тобѣ́ ма́ла цѣла́ чередà ôвéцъ вы́гибнѫти? Тáм любéзна, смирéнна, толста́ чередà! Менѣ́ жаль тебѣ́, а самóмѫ сбира́е сѧ на пла́чъ!“

„„Дя́кую за сожалѣ́нiе па́не ма́йстеръ ôвчела́ко,“ ôтповѣ́лъ ôвча́рь, и дода́лъ: „„ѫ вúджѫ, що ты дѫже чѫствúтельного сéрдца!““

„„„„О! ѡнъ дѣже чѣвствúтельного сéрдца,““““ сказáлъ вѣрный волкогрызъ, лежáчiи оу̑ нѡгъ ѡвчарѧ, „„„„скóро при нещáстю дрѣгого и сáмъ терпúтъ.““““

VI.

Хлопчúна и гáдина.

Разъ вáвилъ сѧ хлопчúна съ освóеною гáдиною, и кáже до нéи: „не вáвилъбымъ сѧ ѩ̃ съ товóю такъ рáдо, еслúбысь не бúла безъ ѣди. Вы гадины естѣ найлютѣйшими, невдячнѣйшими ствóрами! О! ѩ̃ читáлъамь, ѩ̃къ то сѧ однóмѣ вѣдномѣ селянúнови повелѡ̀, котрúй найшóвши въ корчú полѣзамéрзлѣю гáдинѣ, бúти мóже однѣ изъ твóихъ прародúтелей, пѡднáлъ ю̃ зъ милосéрдïѧ и сховáлъ за пáзѣхѣ. Но залéдво прïйшлà злáѧ до себе, ѡтвдáчила сѧ свóмѣ добродѣтелеви такъ, цо дóбрый, жичлúвый человѣкъ чéрезъ еѝ ѣдь помéрлъ.“

„Чѣдю сѧ,““ ѡтповѣла гáдина, „„ѩ̃къ сторóнными сѣть вáшiи дѣписáтелѣ! во нáшiи цѣлкóмъ инáкше тóе собúтïе оповѣдáютъ: Тóй добросердéчный человѣкъ дѣмалъ, цо гáдина дойстно замéрзла; а понéже то бúла однà изъ сорокáтыхъ гáдинъ, то сховáлъ ю̃ коло̀ сéбе, абы мóглъ въ дóмѣ крáснѣ шкóркѣ зъ ней знáти. Я цúжь бúло тóе краснò?““

„Отъ молчú!“ ѡтповѣлъ хлопчúна. „Кóждый неблагодáрный знáе сѧ извинáти!“

„„„„Такъ есть, мóй сúне!“ перервáлъ емѣ отéцъ, котрúй прислѣховáлъ сѧ цѣлóй розмóвѣ. „Однáкожь, еслú вы сѧ товѣ придáрило колú чѣти о ѩ̃кóй чрезвычáйнóй неблагодáрности, то испы-

тáй все докла́дно, за́кимъ мо́гъ бысь дозво́лити, абы́ на кого̀ такꙋ пла́мꙋ ки́нено. Правди́вїи добродѣ́телѣ рѣ́дко колй сѫзовоѫза́ли собѣ́ неблагода́рныхъ, на́вѣть смѣ́ло могꙋ въ честь лю́дскости сказа́ти, нѣко́ли . . . Але добродѣ́телѣ, которы́хъ при свѣ́дченю добродѣ́тельствъ цѣ́лїю есть корыстолю́бїе или самолю́бїе, тїи засло́гю́ютъ, мо́й сы́не, абы́ за́мѣсть о᷑зна́на неблагода́рность въ ли́хвѣ до́знава́ли.“

VII.

Лйсъ.

Прослѣдо́ваный лйсъ вы́ратовалъ сѧ на мꙋ́ръ; но абы́ могчй на дрꙋго́ сто́ронꙋ сѧ до́ста́ти, загада́лъ затри́мати сѧ на корчй терне́во́мъ. Щастли́во спꙋсти́лъ сѧ на то́йже, одна́кожь те́рнье не ма́ло его̀ поколо́ло. „Нꙋжде́ннїи помо́чники!“ воскли́кнꙋлъ ли́съ, „которїи не могꙋтъ помогчй, абы́ зара́зомъ и не повреди́ли!“

В. К.

5.

Якà страва, такà запла́та.

Пе́вный бѣ́дный чоловѣ́къ, котро́го зале́дво на то́е ста́ло, абы́ собѣ́ мо́гъ кавалокъ чо́рного засхло́го хлѣ́ба кꙋпи́ти — ишо́лъ разъ по пере́дъ гости́нницю, изъ котро́и запа́хи зъ розли́чныхъ страва́ выходя́чїи въ его̀ но́съ такъ ми́ло ꙋда́рили, що о᷑нъ мимово́льно спра́вилъ сѧ тꙋда̀. Я бы́ло то въ само́е полꙋдне, где и емꙋ былъ ча́съ вы́нати изъ то́рбы свой полꙋденокъ и тро́ха посили́ти сѧ. Мимоидꙋчй ко́ло кꙋхнѣ, стаѐ на поро́зѣ, придивля́е сѧ вся́кой всячинѣ и ка́же до се́бе:

„ай, кобыто бы̀ти кѫхарёмъ! Оу̑жѐ самóю пáрою можъ бы жѝти.“ . . . Зачѫвши тѝи послѣдніи словà одúнъ зъ кѫхтóвъ кáже до нéго съ смѣхóмъ: „„Я ктóжь тобѣ боронúтъ пáры? — еслѝ хóчешь, ходѝ тѫ блúжше, стáнь тѫ зъ бóкѫ, и живѝ съ „пáрою“, бо онà и такъ за дáрмо кóминомъ выхóдитъ.““ — Поклонúвши съ за тóе, приближúлъ съ бѣдный человѣкъ до óгнища, а вынáвши свóй хлѣбъ прóситъ, абы емѫ позвóлилъ кѫхта тóйже надъ пáрою потрúмати. Кѫхта и томѫ съ не съпротивлáе, а бѣдный отсвѣживши свóй хлѣбъ, спожúлъ егò смачнò ѫ̃къ мóже нѣкóли. Въ тóмъ надъишóлъ и гостúнникъ, котрый изъ далéка все тóе вúдѣлъ и кáже, абы емѫ за пáрѫ заплатúлъ, бо ѳнъ въ тóе невхóдитъ, ктò и цò и ѫ̃къ оу̑ нéго споживáе;— за все емѫ налéжитъ съ заплáта! Бѣдный сталъ говорúти и толковáти, цо пáра и безъ тóго бы̀лавы безъ хѳснà для нéго кóминомъ оу̑летѣла; но все бы̀ло надáрмо; гостúнникъ не ѳтстѫпúлъ ѳтъ своóго требóванъ. На пóслѣдкѫ стáлъ просúти съ; и то бездѣлно: и такъ обà стáли съ коровóдити ажь на конéцъ вы̀шли на подвóрье, где надъишóлъ ѫ̃кúйсь незнаéмый подорóжный. Обà призвáли егò за розсѫдцъ ихъ спрáвы, и оповѣли все изъ самóго почáткѫ. Розсѫдецъ вы̀слѫхавши все подрóбно, далъ такúй вы̀рокъ: цо гостúнникови за кóждѫ стрáхѫ налéжитъ съ заплáта; и кáже до бѣдного: „Давáй невóже, цо мáешь!“ Той послѣдный вы̀нявши изъ кешéнѣ два трóячкы̀ подáлъ до рѫкъ розсѫдцеви, котрый прихилúвши съ до оу̑ха гостúнника завренькалъ трóячкáми и ѳтдáлъ ихъ оу̑вóгомѫ назáдъ. На тóе пытáе съ

зъ8мѣ́лый гости́нникъ: „„Щожь то ма́е значи́ти?““ — Розс8децъ: „Ѝкѧ̀ стра́ва“ ка́же, „такѧ̀ запла́та! Онъ зна́е, ѧ̂кїй твоѧ̀ па́ра сма́къ ма́е, а ты зна́ешь ѧ̂кїй зв8къ его̀ гро́ши ма́ютъ.“ Оу̂бо́гїй оу̂тѣ́шивши сѧ пойшо́лъ въ да́льш8 свою̀ доро́г8, а корыстолюби́вый гости́нникъ засоромѝлъ сѧ, бо всѣ̀ вы́смѣ̀ли его̀ ла́комство.

В. К.

6.

За́гадка*).

Зна́ешь ли ты, ѧ̂къ ся о́ный
Прибо́ръ называ́е,
Що христїа́нъ красно̀, гла́сно
До це́ркви съзыва́е?
Ходѝ въ це́рковь, мо́ль ся Бо́гу,
Гучи́тъ и заво́дитъ,
Але самъ, хоть му близе́нько
До це́ркви не хо́дитъ.

А. Духно́вичь.

7.

Байки Ѝ. Балаг8ра:

I.

Ра́къ и воро́на.

Зловѝла воро́на ра́ка и несла̀ по надъ во́д8 въ клю́вѣ. Ра́къ хотѣ́лъ вы́хопити сѧ и зад8малъ здр8́ити воро́н8, щобы̀ клю́въ розз8вѝла и ка́же до не́и: „Воро́но, голо8бко! ковъ тобѣ́ сѧ молоди́

*) Рѣшенье слѣ́д8е на послѣ́дне̂мъ листѣ́.

лѣтѫ вернѫли!“ — Я воронѣ жалко сѧ зробило, тай зѫтхнѫла и вымовила: „Ба! ба!!“ — Я въ тотъ часъ рякъ выпалъ изъ роззѣвленого клюва.

II.

Волкъ и телята.

Пасли сѧ телята въ огородѣ на оупонѣ, а баба градкы полола. Волкъ зайшолъ тѫды, и взялъ на око телята; сперъ сѧ на плотъ, хотячы перескочити въ огородъ — ажь баба оузрѣвши наробила крикѫ. — Я волкъ нѣбыто ôнъ на телята и гадки не малъ, каже: „Пекъ тобѣ! черезъ бабиніи телята не можъ сѧ и въ огородъ подивити.“

III.

Пчола.

Жаловала сѧ пчола передъ Богомъ: „Господи, Боже! ôка ѳ нещастлива, бѣднаѧ мѫшка; роблю тяжко цѣлѣ лѣто — а въ осенѝ прійде завидный ворогъ, чоловѣкъ, всю мою працю, мѣдъ заберѣ, а менѣ выжене, цо потомъ изъ голодѫ гинѫ.“ — „Щожъ бы ты хотѣла зробити чоловѣкови, абы ôнъ тебѣ лякалъ сѧ, та не напастовалъ?“ вопросилъ ѳ Богъ. — Я она каже: „Охъ Боже! дай менѣ такѫ силѫ, цобы кождый чоловѣкъ ôтъ мого жала згибъ, тобы оужѣ менѣ никто не рѫшилъ.“ — „Ика мала мѫшка, а колько злости оу нѣн! И за тебе, мизерна мѫшко, малъбы вѣлитъ чоловѣкъ гинѫти!“ сказалъ Господь — „не ôнъ згине, но ты згинешь, скоро его оужалишь. — И ôтъ того то часѫ пчола, скоро оужалитъ кого, такъ зразъ и гине.

IV.

Жмѣль и пчола.

На веснѣ со́лнце пригрѣ́ло, але ещѐ ни за́морозь до́бре не пѫсти́ла, ни снѣги́ не стаа́ли, отъ лишь що ле́дви лоза̀ та и́ва попѫкала; сухо́пилъ са жмѣль, та до пчолы́, — кръ́титъ са долго̀ а нара́зъ загѫдѐ: „женѣ́мъ са“ — Пчо́лка славе́нька, звыча́йно я̃къ зъ весны́, вымовла́е са: „Най не“ — ка́же „въ осени́, я̃къ са доро́бимъ!“ —

Наста́ла о́сѣнь: жмѣль живи́лъ са, где попа́ло чере́зъ лѣ́то, а про зи́мѫ не гада́лъ; — прїйшло̀ въ осени́, сиди́тъ въ норѣ́, бо нема̀ где пожи́вити са.

Пчола̀ насбера́ла въ лѣ́тѣ доси́ть ме́дѫ и на зи́мѫ, та и весе́ла собѣ́ прилѣта́е на вы́тришки до жмѣла̀ и ка́же: „Нѫ! повер̀ѣ́мъ са!!“ — А жмѣль голо́денъ ле́дви о̂тъзва́лъ са: „Оу̂мира́ю!“ И не долго̀ ды́халъ.

8.

О̂вца̀ и Ґазда̀. Ба́йка.

По разъ дру́гій въ одно̂мъ ро́цѣ
Зъ о̂вцѣ́ ру́но ґазда̀ бра́лъ;
Ти́хо лежа́ла на бо́цѣ —
Но я̃къ съ вѫ́лною шко̂ры у̂дра́лъ,
Якъ Валаа́ма о̂сли́ця
Зъ бо́лю чу́домъ прорекла̀:
„Человѣ́че! я̃ не кри́ця,
„Отъ! зъ ме́не кро́вь потекла̀!
„Не му́чь же мя такъ безъ мѣ́ры,
„Тому́, щомь бы́для про́сте,
„Якъ не ста́не на мнѣ шко̂ры,
„На чѣмъ во́лна поростѐ?“

——— *Лука̀ зъ Ра́кова.*

9.

Прѝповѣ́дка на́родна.

До́брѣ̀ дѣ́ти
Ро́дичамъ вѣне́цъ
А зл҃ѣ̀ дѣ́ти
Ро́дичамъ коне́цъ.

10.

Шпо́ньска родина.

(Изъ Цимерма́на.)

Пе́вна ѿпо́ньска вдовѝца, ма́ти трёхъ сынѡ́въ, жѝла въ велѝко́мъ недоста́тк҃ѣ. Р҃ѣчна́ рабо́та ей дѣ́тїй не бы́ла доста́точна къ ѻу҃де́ржаню роди́ны. Бла́снѣ, коли́ она́ въ то́мъ прѝкро́мъ состоя́ню сѧ находи́ла, овѣщіе́но де́кретъ правѝтельства, котры́мъ обѣ́цано зна́чн҃ѣ нагоро́д҃ѣ ко́ждо-мѹ҃, кто́бы зло́дѣа ѿко́го ѻтда́лъ до р҃ѣкъ справедлѝвости. Сыно́ве вдовѝцѣ ѻу҃мо́вили сѧ безъ вѣ́домости ма́тери, щобы для ѻу҃де́ржанѧ ма́тери пожертвова́лъ сѧ одѝнъ зъ нихъ за злочѝнцѧ, про́чїи же ова́ ма́ли бы́ти доно́счиками; жре́бїй малъ означи́ти зло́дѣа. Наймоло́дшого, поне́же на не́го вы́палъ тѧ́жкїй то́й жре́бїй, ѻтпрова́дили бра́тїа до с҃ѣдїи. Обжа́лованый призна́лъ сѧ за́разъ до сдѣ́ланого злочѝньства и зо́ста́лъ тѧ́жко ѻу҃вазне́ный, а винѝтелѧмъ вы́плачено ѻтъ правѝтельства приреченѣ́ с҃ммѣ. Го́лосъ бра́тнёи любвѣ̀ ѻтъзва́лъ сѧ одна́кожъ въ нѝхъ сѝльно, а на ихъ про́сьбы и чере́зъ по҃дкѹ҃пство дозволе́но имъ, посѣ́ща́ти мнѝмого злочѝньцѧ. Оу҃зрѣ́вши его́ изнѹ҃ра́ли они́ свои́ чѹ҃вства и проликá́ли го́рькїи слёзы безъ всѧ́кого воздержа́нѧ, во д҃ма́ли, що ихъ

никто́ не по́дслѹхѹе. Но темни́чникъ, котры́й тайно приглядда́лъ съ томѹ́ осо́блившомѹ́ дѣ́йствїю, и не съ малы́мъ ѹ́дивле́ньемъ слы́шалъ голосны́й пла́чъ и рыда́нье, слѣ́дилъ, ско́ро они́ изъ темни́цѣ вы́йшли, за ни́ми аж̀ь до ихъ помешка́нѣ. Ꙗкже дѹ́же изъѹмѣ́лъ съ о̂нъ тѹ́, почѹ́вши, съ а̂кы́мъ невымо́вным̀ъ жалѣ́мъ вѣ́ргла о̂тъ се́бе нещастли́ва ма́ти гро́ши, котрїи ова̀ про́чїи бра́тїѣ а̂ко окѹпъ крвї ей принесли́: „Ꙗ ско́рше волю̀ зъ го́лодѹ ѹ́мерти,“ кли́кнѹла она̀, „а̂къ ѹ́трима́вати житьѐ моѐ за невинну́ кро́вь сы́на мо́го!“ —

Темни́чникъ глѹбо́ко тронѹ́тый тимъ новы́мъ прошиба́ючимъ дѣ́йствїемъ, повѣ́глъ до сѹдїи. Тако́жъ и то́го перена́ло подивле́нье и сожалѣ́нье. Ѹ̂вязне́ного приве́дено въ сей часъ пере́дъ не́го, и изъязы́но его̀ зъ но́ва. Посто́янно зо̂ставалъ о̂нъ при сво́емъ пе́рвомъ созна́нію; ско́ро однако́жъ пересвѣ́дчилъ его̀ сѹдїа̀, що емѹ́ есть свѣ́дома цѣла̀ таємница. Тако́жъ призва́но и про́чихъ обо́хъ бра́тїй, по чѣмъ всю рѣ́чъ а̂къ найдокладнѣ́йше вы́яснено. Всѣхъ трёхъ пѹщѐно въ то́й хви́ли на во́лю, а похвала́ючи ихъ особли́вѹ сыно́вню любо́вь приновѣ́цано имъ нагоро́дѹ. Сѹдїа̀ звѣсти́лъ то́е великодѹ́шне дѣ́ло Царе́ви, а то́йже вы́значилъ бра́тїямъ ро́чнѹ пла́тѹ на часъ ихъ всего́ жита̀.

О̂тъ то́го дня не зна́ла та́м родина́ жа́дного недоста́тка, а всѣхъ трёхъ сыно́въ бы́ло тое найбо́льше ща́стье, же не ви́дѣли ѹ̂жѐ нѣко́ли, абы́ ихъ ма́тери въ чѣмъ ѹ̂бывало. Она̀ же благодари́ла Бо́га, що ей далъ таки́хъ до́брыхъ сыно́въ. — Ꙗ такъ ста́ла са та́м родина́ для числе́нныхъ а̂по́ньскихъ родинъ примѣ́ромъ а̂къ що до во-

спита́нъ дѣтій, такъ и що до дѣти́нной любве́. Мно́гіи видя́чи тво́ю коли́сь найбѣдне́йшу роди́ну ста́вшую са нара́зъ найзасобне́йшою въ цѣло́й окре́стности, повторя́ли часто:

Кто́ е́но съ Бо́гомъ живе́,
И ро́дичѣвъ лю́битъ,
Тому́ ща́стье плыве́ —
Онъ ся не загу́битъ!

В. К.

11.

Пра́поръ.

Оди́нъ краве́цъ, котры́й хорова́лъ разъ дуже невеспе́чно, малъ такій со́нъ: Видѣлъ надъ сво́ею голово́ю повѣва́ючій пра́поръ чрезвыча́йной величины, склада́ючій ся изъ мно́жества ѫскова́ розли́чныхъ матері́й, котры́хъ накра́лъ чере́зъ со́рокъ лѣтъ, ѳтъ коли́ занима́лъ ся сво́имъ ремесло́мъ. Ангелъ сме́рти держа́лъ въ одно́й рѫцѣ той вели́кій пра́поръ, а дрѫго́ю рѫко́ю, въ кото́рой находи́ло ся предо́лгое ко́піе, дотыка́лъ ся его бо́кѫ, въ которо́мъ ѩкъ дума́лъ краве́цъ, ма́ла его́ со́вѣсть свое́ сѣдѣлице. Проѵзди́вши ся зроби́лъ краве́цъ ове́тъ: со́вѣстно исполна́ти всѣ порѫче́нія, ѩкіи́бы полѫчи́лъ на вѫдѫчно́сть ѳтъ сво́ихъ зна́емыхъ, еслиби повернѫлъ до пре́жного здоро́вя. И въ йстѣ кыздоровѣлъ по ѩко́мъсь кре́мени, но поне́же не довѣра́лъ постоя́нности сво́ихъ заса́дъ, наказа́лъ одно́мѫ изъ сво́ихъ челя́дниково́въ, абы приводи́лъ емѫ на па́мять „пра́поръ“ ко́ждого ра́зѫ, коли́ ли́шь ова́читъ его́ краю́чого ѩкѫ мате́рію. Нашъ краве́цъ слѫха́лъ чере́зъ доскы́ть до́лгое

врéма тóчно напоминáнїй свóго бáчного челáдника, — но колй однóго рáзѫ ѣкїйсь богáтый Пáнъ велѣлъ егò до сéбе закликати, абы емѫ изъ дѫже дорогóи матéрїи зробúлъ одéжѫ, бúла добродѣтель тóго чéстного человѣка вúставлена на занáдто велúке искѫшéнїе, абы сá не розбúла о тѫю скалѫ. Прикройвши сѫкнò на речéнѫ одéжѫ приложúлъ нóжицѣ до вúкроена однóи ещѐ камѣзéльки; но перервáлъ наразъ егò въ тóй робóтѣ памáтный челáдникъ словáми: „а прáпоръ пáне майстеръ!“ На тое сказáлъ старúй прáктикъ: „Сéи нóчи присни́лъ сá менѣ повтóрно прáпоръ, и менѣ сá вúдитъ, що въ немъ мéжи прóчими и такóго ещѐ сѫкна, ѣкъ се пòдъ мóею рѫкóю, нестава́ло, отъже абы прáпоръ былъ достатóчно рòзноцвѣтнымъ, то не могѫ залишúти сéи хорóшои способности, абымъ симъ кѫскóмъ не причинúлъ сá до егò оу҃совершéна.“

Такъ то кáжѫтъ: На все нáйде сá вымóвка; а кто хóче пса оу҃дáрити, то нáйде и костѫръ.

В. К.

12.

Два спѣваки.

До лéбедя промовлáлъ величáючїй сá шпáкъ: „о мóихъ пѣснѣхъ пòлъ свѣта говóритъ; тáже бо и есмь не оу҃томúмымъ и спѣвáю свѣтѫ òтъ рáна ажь до пòзднои нóчи.“ —

Лéбедь тòлько мóлчкомъ дáлъ отвѣтъ погордѣнїя на тѫю самохвáльбѫ. Ѩкъ однáкожь годúна смéрти лéбедя сближúла сá, заспѣвáлъ òнъ свою пéрвѫ и послѣднѫ пѣсоньку, алѐ такъ жáлостно, такъ чѫвствúтельно, же сá на вѣчнѫ

пáмать втискáла въ сéрдца всѣхъ, котрí го слꙋхали. Давнò загинꙋло въ пáмати свавóльне щебетáньe шпáка, ѩкъ ещè вспоминáно всюды чꙋствúтельно о тôй однôй крáснôй пѣсни оꙋмирáючого лéбедя.

Не мнóжество — но совершéньство дѣлъ рóбитъ такóжь и чоловѣка благорóдным.

——— *В. Зборóвскій.*

13.

Лисъ и когꙋтъ.

(Бáйка.)

Съ западáючим зморóком занáли кꙋры свой сѣдала и лáгодили ся на нôчлáгъ, ѩкъ нарáзъ лúсъ голóдный прïйшóлъ до нúхъ съ такóю новúною: „Прихóджꙋ прóсто изъ лѣса, где птúцѣ и звѣрѣ такꙋ рáдꙋ рáдили, абы мéжи всѣми живóтнамиôтъ нынѣ всáка несгóда ся закôнчúла а мéсто нéи вѣчный мúръ настáлъ — Цѣлè собранïе оꙋзнáвши тóго всеконéчнꙋ потрéбꙋ оꙋхвалúло, абы предвсѣмъ волкú съ ôвцáми а лúсы съ кꙋрьмú ся о тôмъ порозмѣли; и на мéне вúпалъ той щастлúвый жрéбïй васъ о тôмъ завѣдомити — а ѩ пéрвый хóчꙋ тóе дѣломъ ствердúти, же ôтъ сéи годúны вздꙋ съ вáми миролюбно жúти. Еслú вамъ оꙋгóдно éсть о тôмъ ся пересвѣдчити, то лúшь зъ вáнтôкъ вáшихъ до мéне злетѣтъ, а ѩ васъ братолюбно притúснꙋ до мóго сéрдца, ѩкъ ещè нѣкóли не видáлисте анѣ чꙋвáлисте.“ — Кꙋры рáдꙋючи ся изъ тóи новúны стáли нарáзъ кодкодáкати; но одúнъ когꙋтъ похвалáючи тꙋю всеобúцꙋ оꙋхвáлꙋ пôднеслъ гóловꙋ до горы и стáлъ ся въ одꙋ стó-

ронѫ щось дѫже дивúти. Повáчивши тое сердéчный лúсъ вопросúлъ когѫтà: „а чого̀ ты врáте за éдно такъ гóловѫ до горы̀ задирáешь?“ На тóе кáже когѫтъ: „Я выглядáю стрѣлцà съ псáми, котрïи ôтъ и оу̂жѐ надѣгáютъ; во рáдъ бымъ, абы̀ са и онѝ тóю новúною потѣшили и съ товóю початóкъ тóго вѣчного мúра дѣломъ ствердúли.“ Скóро инò лúсъ за псы̀ оу̂чѫлъ, ѣкóсь мѫ са наразъ зробúло не добрѣ; тай перервáнымъ гóлосомъ, мовь зъ перепѫдѫ, кáже до кѫрïй: „Бывáйте здоровû!“ Я когѫтъ на тóе: „Але заждú, врáте; сáмъ до тéбе злѣзѫ — во псы оу̂жѐ и тѫтъ.“ Лúсъ залéдво ещѐ сказáлъ: „Псамъ о тôй оу̂хвáлѣ зъ лѣса ещѐ ничъ не обвѣщéно“ и дрáпнѫлъ, що са за нúмъ ажь закрúло.

Незадóлго потóмѫ опаматáли са и кѫры̀ зъ своóго одѫрѫ и сказáли когѫтóви: „такóй то, що головà, то и рóзумъ!“

Не вѣрь лéгко сéму, тому̀;
Звѣдай на самъ перéдъ: „кому̀?“

В. К

14.

Побѣждéнье зла.

Трудú са непрестáнно, щобы̀ та оу̂нылóсть не довелà до нѫжды̀.

Подвергáй себѐ закóнамъ общества̀, въ котрóмъ жïёшь.

Нѣкóли не ôтходú ôтъ прáвды̀.

Обходú са съ всѣми людьмú чéстно и справедлúво.

Постúпáй и говорú всегдà úскренно.

Бѫдь оу̂служлúвъ кóждомѫ чоловѣкѫ.

Обходи́ са съ всѣми по лю́дски.

Не дѣла́й нѣчо́го, що́бы ти встыдъ, пока-а́нье и неоу́довóльство приспори́ти моглò.

Встыда́йса само́го себѣ бо́льше, я́къ и́ныхъ людій, а сохрани́шь невúнность дꙋ́шѝ.

Слѣдꙋ́й чꙋ́вствію, котро́е Сотвори́тель въ се́рдцахъ на́шихъ вліа́лъ, а оно̀ не заведѐ тебѣ на вездоро́жа.

Испы́тꙋ́й себѣ само́го ко́ждого ве́чера, за ко́лько чере́зъ цѣлы́й день въ до́бро́мъ постꙋ́пи́лъ есь на пере́дъ.

Быстерѣга́й са пріи́тѝ въ искꙋ́ше́нье и не довѣра́й си́лам̀ твои́мъ.

В. Во́лянъ.

15.

Спо́ръ звѣрѣвъ о превеньство̀.

(По́для Лесси́нга.)

Одно́го ра́зꙋ́ повста́лъ ме́жи звѣра́ми вели́кій споръ о первеньство̀. Я́вы то́йже зала́годити, ка́же ко́нь: „Закли́чмо чоловѣ́ка за розсꙋ́дца то́го спо́рꙋ́! Онъ не але́житъ до жа́дной спо́рной стороны и мо́же про то́е бы́ти безсторо́ннымъ въ то́й спра́вѣ.“

„Ма́ежь ли о̂нъ ро́зꙋ́мъ къ то́мꙋ́ потре́бный?“ замѣти́лъ кре́тъ. „Смꙋ́ тре́ба я́къ найпроникли́вшого, яко̀ мо́гълъ розпо̂зна́ти на́шѝ ча́сто гла́бо́ко о̂укры́тѝ совершѐньства.“

„Дꙋ́же мꙋ́дро ска́зано!“ обазва́лъ са хома́къ.

„Въ и́стѣ!“ дода́лъ тако́ж ѣжъ. „Не хо́че са вѣрити, яко̀ чоловѣ́къ доси́ть быстроꙋ́мным̀ былъ въ то́й спра́вѣ.“

„Молчѣтъ!“ росказа́лъ ко́нь. „Мы оу̑жѐ зна́емъ: же кто найме́нше свои́ спра́вы есть пе́вный, той за́всѣды е́сть гото́въ сомнѣва́ти са взгля́домъ ро́зумъ свого́ сѫдїи.“

На то́мъ ста́ло, що чоловѣ́ка зроблѐно розсѫдцемъ. —

„То́лько ещѐ сло́во позво́ль менѣ̀“ сказа́лъ величествѐнный ле́въ, „за́кимъ дасѝ вы́рокъ! По ѩко́мъ правилѣ, чоловѣ́че, хо́чешъ на́шъ ва́рто́сть оцѣни́ти?“

„По ѩко́мъ правилѣ? Безъ сомнѣнїа по́дла стѐпена“ о̑тповѣ́лъ чоловѣ́къ, „ѩ̃къ вы менѣ̀ бо́льше або ме́нше оу̑жито́чными естѐ.“

„Такъ!!!“ замѣти́лъ оу̑ражѐный ле́въ. „Но, тобы̀ мнѣ̀ прїйшло̀ доскы́ть далѐко за о́сломъ стоа́ти! Ты не мо́жешъ спо́ръ на́шого вы́ти розсѫдцёмъ, чоловѣ́че! Опѣсти́ на́ше собра́нье!“

Чоловѣ́къ о̑тъишо́лъ. — „Я ви́дишь“ сказа́лъ рѣга́ючїй са кре́тъ, а съ нимъ о̑тъзва́ли са хома́къ и ѣжъ въ такїйже самъ то́нъ: „а ви́дишь, ко́ню! и ле́въ такъ са́мо дѫмае, ѩ̃къ мы, що чоловѣ́къ не мо́же вы́ти на́шимъ розсѫдцёмъ.“

„Но цѣлко́мъ зъ и́ныхъ и важнѣ́йшихъ причи́нъ ѩ̃къ вы!“ сказа́лъ левъ и подивѝлъ са на нихъ съ презрѣ́нїемъ. Пото́мъ продолжа́лъ свою рѣчь такъ: „Спо́ръ о первеньство̀, если то́е до́вре розважѫ, не ведѐ до нѣчо́го до́брого. Держѣ́тъ менѐ за пе́рвшого илѝ за послѣ́дного, то менѣ̀ одна́ко, — Но ѩ̃ самъ себѐ, зна́ю!“ И съ ти́мъ опѫсти́лъ собра́нье.

За ни́мъ вы́йшолъ мѫдрый сло́нъ, во́дрый ти́гръ, пова́жный медвѣ́дь, хи́трый ли́съ, благоро́дный ко́нь, коро́тко всѣ, котрїи, себѐ и свою

вáртôсть пôзнавáли, абò здавáли сѧ твю пôзнавáти. Межи ты́ми, що на конéцъ вы́йшли и дв҃же сѧ погры́зли тимъ собра́нїемъ, бы́ли мáлпа и óселъ. —

В. К.

16.

Молоды́й зáѧць.

Пова́жнымъ кро́комъ,
Ѧкъ бы вели́кій зу́хъ
Повернýлъ змро́комъ
Домôвъ молоды́й сплю́хъ:
Нôсъ му скрвавлéный,
Чолò бы́ло збúте
Ро́тъ розвалéный . . . .
„Подивýй ся свѣте!
„И бýдь справедли́въ
„Въ назы́ваню ѕвѣрéвъ —
„Зáяць не трусли́въ!
„Оди́нъ изъ стà примéровъ
„Дáлъемь нынѣ всѣмъ,
„Дѣ́ломъ т и мъ моймъ!!“

„„Та ѩки́мъ, ѩки́мъ?““
Вопроси́лъ єгò дѣ́дъ,
„„Вели́кимъ? новы́мъ?
„„„Мсти́лъ єсь ся за свôй рôдъ!
„„„Ци на стрѣльцéвъ выпрáва?
„„„Ци съ псáми бы́ла спрáва?““
„Нѣтъ! ѩ́ ся би́лъ,
„Що ста́ло си́лъ . . . .
„Съ м ы́ ш і ю въ дѣ́рѣ,
„Гдѣ жáдній ѕвѣрѣ
„Не мáлибы охóты
„Выробля́ти єй псóты!“

В. К.

17.

Левъ.

Лéвъ èсть одúнъ зъ найстрашнѣйшихъ звѣрѣвъ. Онъ мáе повáжный и величествéнный вúдъ и для тóго назывáютъ егò въ бáснахъ царёмъ всѣхъ звѣрѣвъ. Надзвычáйна сúла соединáе ся въ нёмъ съ óгудивúтельною лéгкостію. Зубы егò такъ сúлнѝ, що лéгко мóже роздробúти и найтвéрдшіи кóсти. Очи егò свѣтятъ ся въ тéмности такъ ѿкъ óгъ котà; ônъ и въ ночѝ дóбре вúдитъ. Стрáшный рéвъ есть егò звычáйный гóлосъ, котрый дзже далéко розлагáе ся. Онъ мáло колѝ спúтъ и лéгко пробуджáе ся; хóдитъ гóрдо и повáжно. Онъ потребуе для щоденного поживлѣня надъ 15 фунтóвъ мáса. Пiѐ мáло, но лéкше мóже стерпѣти гóлодъ ѿкъ жáждъ. Всѣ звѣрѣ егò боáтъ ся, для тóго чáсто причáюесь и ховáе, щобы зловúти ѿкóе нибудь живóтно. Постерéгши свою довычъ, мéче ся на нію внезáпно изъ свóи зáсѣдки, роздирáе óнъ пáзорами и рве зубáми, потрясáючи при тóмъ свóею дóлгою грúвою, котрóю головà егò и шыя сѣть покрúтй, и махáе хвостóмъ съ велúкою сúлою. Онъ любитъ лучше мáсо бóльшихъ звѣрѣвъ ѿкъ малыхъ, особлúво велблюдóвъ и молодыхъ слонóвъ, котрй не мáютъ еще зубóвъ и не могутъ боронúти ся.

Въ Европѣ и Америцѣ львы не рóдятъ ся. Отéчествомъ ихъ сѣть розлагáлiи африкáнскiи стéпы и горáчiи азiáтскiи стóроны. Чемъ горачѣйшій клúматъ, въ котрóмъ онѝ жiютъ, тѣмъ сильнѣйшiи, óтважнѣйшiи и свирѣпшiи бывáютъ. Въ бóльшихъ стéпахъ и въ óбще въ всѣхъ необитáе-

мыхъ частѣхъ южной Азіи и Африки находитъ ся ихъ досыть много. Бздячи еще молодыми жіютъ лишь по степахъ и пустарахъ; но скоро начинаютъ ся старѣти и стаютъ ся неспособными къ ловли дикихъ звѣрѣвъ, приближаютъ ся къ обитаемымъ мѣстцевостѣмъ и бываютъ опасными для людій и для домашного скота, хотя и рѣдко нападаютъ на первыхъ, если тіи не роздражнаютъ ихъ.

Левъ бываѣ 8 до 9 стопъ долгій и 4 до 5 стопъ высокій. Львицѣ меншіи сѫть якъ львы, и тѣмъ отличаютъ ся отъ послѣдныхъ, що не маютъ гривы, сѫть такожъ свирѣпіи, особливо коли ся находятъ при львятахъ. Изъ всѣхъ животенъ не боятъ ся льва лишь носорогъ, тигръ и слонъ. Левъ боитъ ся змій; но васнѣ голосатъ, якобы онъ малъ ся страхати пѣнія когута.

Львовъ локатъ часомъ великими призвѣнымі до того собаками. Ихъ кожа есть грѫба, однакже можно ю легко кълею прострѣлити або копіемъ провости, хотя они отъ одной раны не скончаютъ ся. Раненый левъ мече ся съ всею встеклостію на скоро гонителя. Локатъ ихъ такожъ въ выкопаніи гльбокіи ямы, котріи зъ легка хворостомъ прикрываютъ. Коло ямы кладѫтъ якое нибѫдь животно, которое левъ оузрѣвши мече ся на него цѣлою силою и оупадаѣ въ ямѫ. Такимъ способомъ злокленый левъ на дармо шиваѣ ся по ямѣ и тераѣ свою водрость. Тѫтъ зараз приспѣшаютъ чатѫючіи зъ далека ловцѣ, вкладаютъ зъ горы цѣпы на него, накладаютъ на мордѫ каганецъ, и отпроваджѫютъ кѫда имъ оугодно. Сѫть такожъ отважніи люде, що оуносатъ

молодїи лъва́та, а если за ни́ми го́нитъ львица, то они́ ме́ѫтъ ей одно́ лева́тко, а коли́ она́ то́е зано́ситъ наза́дъ въ свою́ пече́рѫ, ѹ̑да̀ сѧ тимъ ча́сомъ ѹ̑йти́ дерзкимъ ло́вцамъ.

Хота̀ тотъ звѣ́рь такъ есть свирѣ́пый, одна́кожь мо́жно его́ ѹ̑кроти́ти; о̑нъ за мо́лодѫ зловле́ный и ме́ждѫ дома́шнымъ ско́томъ вы́хова́ный, привыка́е до челове́ка. Въ їсто́рїи приды́вѣмъ, що въ дре́вныхъ временáхъ запрага́ли ча́сто львóвъ до три́мфа́льныхъ колесни́цъ. Такожь въ їсто́рїи нахо́димъ примѣ́ры, ѩ̑къ тїи звѣрѣ́ на́вет҃ь въ ди́кости своей памата́ютъ того́, кто имъ разъ ѩ̑кѣ́ добро̀ сдѣла́лъ.

В. Волянъ.

18.

На́йденїи о́слы.

Три пѫстакова́тїи псо́тники надыва́ли одного́ ра́зѫ жидка̀ споко́йного, котро́мѫ хотѣ́ли доса-ди́ти сво́имъ дотѣ́пнымъ концѣ́птомъ. „До́брый день, о́тче Авраа́ме!“ мо́вилъ пе́рвый.

„До́брый день, о́тче Іса́кѫ!“ крича́лъ вто́рый.

„До́брый день, о́тче Ѩкове!“ дода́лъ тре́тїй.

„Ошиба́ете сѧ, мои́ Пано́ве“ о̑тповѣ́лъ съ смѣ́хомъ жидо́къ; „ѩ̑ не называю́ сѧ анѣ́ Авраа́мъ, а́нѣ Іса́къ, а́нѣ Ѩковъ; но Са́лъ, сы́нъ Ки́са, котры́й вы́йшолъ гладѣ́ти о́слове своего́ отца̀, и ба́чѫ . . . се, они́ сѫ́ть здѣ́.“

В. К.

19.

Самохва́льство.

Два кѫпцѣ́ ста́ли сѧ одного́ ра́зѫ свари́ти, при чѣмъ оди́нъ дрѫгомѫ, абы́ его̀ ѩ̑къ глѫпца

выставити, сказáлъ: „И бымъ тебѣ скорше сто рáзъ продáлъ, зáкимъ бы ты менѣ одинъ разъ!“

„О тôмъ ѿ нáветъ сѧ и не сомнѣвáю“ сказáлъ дрꙋгій; „понéже за тéбе не далъ бы нѣктò злóманого грошà.“

В. К.

20.

Гордаѧ гꙋска.

„Кто выровнáе менѣ въ воздꙋсѣ, на мóри?“ кричáла гóрдаѧ гꙋска: „Не ѻ҃мѣю ли ѿ плáвати? лѣтáти? Кто, ѿкъ не мои прéдки выратовали Рúмскій Капïтóль?“

„Въ úстѣ“ перервáлъ мꙋдрый когꙋтъ щебетлúвой самохвáлници, — ты ѻ҃мѣешь лѣтáти, однáкожь ѻ҃дараéшь крúлами о зéмлю; а смотрú но на ôрлà, ци долетúтъ твôй зрáкъ до нéго, не мóвлю ѻ҃жé, ци взнесéшь сѧ ты самà такъ высóко; ты ѻ҃мѣешь и плáвати, однáкожь наймéнша рúбка лꙋчше ôтъ тéбе плáвае; — отъ, всегò ѻ҃мѣешь по трóха, а нѣчóго дóбре, а тимъ мéнѣе совершéнно!

Не тóе „цо“, но „ѿкъ“ кто цо знáе и ѻ҃мѣе, чúнитъ егò слáвнымъ.

В. К.

21.

Срéдство проти҃в смéрти.

Зъ пéкного малéнького мѣстéчка, въ котрôмъ крáйна нꙋжда мéшкала, прúйшóлъ дꙋже бѣдный чоловѣкъ до головнóго мѣста, и просúлъ однóго жестокосéрдого богачà, абы ѻ҃милосер-

дíлъ сѧ надъ нимъ и далъ емꙋ мíлостиню. Но богáчь хотѧчи егò ôтправити съ нѣчíмъ, оу̑казáлъ емꙋ двéри, въ котры́хъ оберну́вшисѧ жебрáкъ сказáлъ: „Дáйте менѣ що нибꙋдь, а ôткры́ю вамъ спóсôбъ протúвъ смéрти.“ Тíи словà взбꙋдúли въ богачì цѣкáвôсть, и дарúлъ бѣдного цéдрою мúлостинею, котóрꙋ полꙋчúвши жебрáкъ ôтвѣчáлъ: „срéдство есть тóе: Вы естѐ богáчь; перемѣстѣ́тъ сѧ въ нáше мѣстéчко, въ котрôмъ ещѐ нѣкóли богáчь не оу̑мéръ.“ — Богáчь лéгко тое ôтгадáлъ: „во егò оу̑ васъ мóже нѣкóли и не бы́ло“ но замóлкъ.

В. К.

22.

Крéчный человѣкъ.

Запытáно разъ óбще знáного крéчного человѣ́ка, где ôнъ сѧ навчúлъ такóи чéмности и крéчности — на що ôнъ ôтповѣ́лъ: „ѫ̃ жилъ по бôльшôй чáсти мéжи нечéмными и некрéчными людьмú; но изъ всегò тóго, що онú дѣлáли, робúлъмъ протúвное, а такъ ѫ̃ цѣлкóмъ ôтъ нихъ ôтродúлъ сѧ.“

В. К.

23.

Бôлъ и оселъ.

Бáйка.

Разъ бôлъ съ ослóмъ на пáствиску
Зайшлú, собѣ въ свáръ:
Котрóму зъ нихъ бóльшій рóзумъ
Дáли бóзи въ даръ?
„Мудрѣ́йшій ѫ̃“, кáже вóликъ;
Но óселъ: „„ба! ѫ̃““
„Моя́ прáвда!„ тамтóй кáже,
Но сей: „„нѣ, моà.““

И та́къ ся ва́дили да́льше
Зубъ за зубъ заспо́лъ;
Волу́ неуступи́лъ о́селъ,
Ни о́слови во́лъ.
Ажь на коне́цъ сгоди́ли ся
На то́е оба̀:
„„„Здаймо спо́ръ нашь на розсу́дцѣвъ —
Отъ! ходѣ́мъ до льва̀.
То па́нъ мо́жный и учёный
Зна́е всему́ стро́й
О̂нъ пра̀ву намъ ска́же щи́ру
Ци твой верхъ, ци мо́й!“ “ “ “
Прійшлѝ предъ льва̀ — склони́лися,
Вы́точили рѣчь.
Той зи́ркнулъ на ни́хъ зъ уко́са
Не ре́къ зъ ра́зу ни́чъ;
Но наконе́цъ по роспра́вѣ
Вы́далъ судъ такій:
„„„На що сва́рки? колѝ оба̀
Єстѐ дуракѝ!“ “ “ “
Такій отвѣтъ взя́вши — пойшлѝ
Спусти́вши но̂съ въ до̂лъ.
Котры́йже зъ нихъ вы́гралъ спра́ву?
Ци о́селъ? ци во̂лъ?
То не зна́ти; либо́нь жаденъ — —
Тому́ то єщѐ
Ви́дно зъ гу́ста, що во̂лъ съ осло́мъ
За ро́зумъ ся прѐ.

24.

Шт8чка.

Одно́го ра́з8, колѝ Лю́дникъ XIV., коро́ль франц8зскій пересмо́тр8калъ во́йско, ова́чилъ пѣ́вный селя́нинъ, що на его̀ ни́кѣ, котр8 засѣ́лъ горо́хомъ, сто́лъ цѣ́лый по́лкъ, котры́й такъ потопта́лъ горо́хъ, же изъ не́го и слѣ́д8 не бы́ло.

Селянинъ, который съ многими иными зрѣтелями выйшолъ на мѣстце пересмотрѣ войска, не могъ са зъ раз опаматати ошачивши нынѣ чорнѣ землю тамъ, где ещѣ передъ хвилею зеленѣлъ са гъстый горохъ. Отамивши са однакожь оуложилъ собѣ штѣчкѣ, котра ємѣ вынагородила понесенѣ шкодѣ. Скоро слъчаемъ король сближилъ са къ немѣ, почалъ ôнъ зъ цѣлого горла кричати: „Чѣдо! чѣдо!“ — „„А чого такъ кричишь?““ вопросилъ его проѣзджаючій порѣчникъ; — Но селянинъ не даючи ємѣ жаднóго ôтвѣта кричалъ ещѣ голоснѣйше: „Чѣдо! чѣдо!“ Той неоустанный крикъ дойшолъ на конецъ ажь до короля, который запытался селянина о причинѣ его крикѣ. „Ваше Величество, милостивѣйшій Пане!“ сказалъ селянинъ: „И посѣалъ на сей поли горохъ, а тепéрь зъ него са стало чѣдо, бо повыростали самïи вожкй!“ Тая дотепность селянина подобала са королéви дѣже, а селянинъ хотя не свиралъ горохѣ изъ свои полѣ, малъ однакожь зъ ласки своего короля полнïи мѣхи гороховъ.

В. К.

25.

Любá днина.

Сóнце всходитъ,
Днинка мила,
Пташки встаютъ
И гукаютъ
По дубинѣ,
А въ долинѣ
По подъ гаѣ
Солоденько
Милéсенько
Приспѣваѥ
Изъ травочокъ
Скакуночокъ.
Любй цвѣты,
Весны дѣти,
Оужѣ встаютъ,
Свой личка

Отвера́ютъ,
До со́ненка
Оберта́ютъ.
То взлѣта́є
То нура́є
То цвѣто́чкомъ пригра́вае —
То закипи́тъ, забулькоти́тъ
То съ камѣнцёмъ ся посвари́тъ,
То запла́че, то щось ше́пче,
То съ собо́ю ся сколо́титъ
То зно́въ спо́чне, подума́є,
То зно́въ прудко оу̑тѣка́є.

Жавро́ночокъ
По воздусѣ
А пото́чокъ
Гѐнъ, гѐнъ въ лузѣ

Лю́ба дни́но! ѩкжесь ми́ла!
Ѩкъ все тѣшитъ ся тобо́ю!
Ѩкъ всёсь житьёмъ пристройла
Ща́стьёмъ, ми́ромъ и любво́ю!

И. Наумо́вичь.

26.

Богъ зна́є, чимъ чолове́ка кара́ти ма́є.

Былъ оди́нъ госпо́дарь замо́жный, и до́бре замо́жный; малъ вѣдьми́нокъ доста́ткомъ, вы́ло где и съ чимъ дѣти съ. Малъ о̑нъ оу̑ се́бе едно́го ра́зъ го́стѣ, та сказа́лъ до ни́хъ: „Ковы мои вѣдьми́ки погорѣ́ли, ѩ бымъ зна́лъ, где и ѩкъ ста́вити съ.“ — Бо о̑нъ дѣфа́лъ къ гро́ши, а ма́лъ ихъ тако́й хоро́шихъ. — Рѣкъ, и ста́ло съ . . . коли́ такъ съ го̑стьми забавля́є, ажь вы́йшолъ кто́сь на дво̑ръ, а ещѐ ско́рше керну̑лъ съ и мо́витъ: „Горитѐ!“ — Я госпо́дарь: „Най тамъ, во ѩ такъ хо́чѣ.“ — И са́мъ не гаси́лъ и дрѫгимъ не да́лъ гаси́ти, и такъ спопелѣ́ло все, ино̀ мѣ́стце съ лиши́ло. Я о̑нъ ва и дѣ́же и не жѣритъ съ; а

мѣ́шкалъ надъ водо́ю, та въ вербѣ́ захова́лъ свої́ гро́ши, то собѣ́ и безпе́чный былъ. Неба́вкомъ спа́ла вели́ка по́водь, и за́кимъ огла́нулъ ся́, вода́ о҃ужѣ́ верб҃ъ по́дмыла́ла, та и понесла́. — И тогда́ ста́лъ о҃нъ бѣ́днымъ, що прійшло́ ся́ емъ҃ дрꙋ́гимъ слꙋ́жити: мꙋ́сѣлъ пана́мъ ли́сты носи́ти.

Прида́ло ся́ разъ, що ишо́лъ съ ли́стомъ и заско́чила его́ но́чь въ доро́зѣ; що́ж тꙋ́тъ роби́ти? про́ситъ ся́ до одно́го чоловѣ́ка на но́чь, а бы́лъ то́тъ чоловѣ́къ до́бре ся́ маю́чій, былъ и лю́данный, такъ ка́же: „До́бре, тажь менѣ́, чоловѣ́че, хаты не перелѣ́жишь.“ — За тымъ ча́сомъ жѣ́нка зварила́ вечѣ́рати, а повечѣ́равши Бо́гъ ся́ помоли́ли, и за́кимъ спа́ти полага́ли, то о тѣ́мъ то о сѣ́мъ балака́ли собѣ́. И ста́лъ подоро́жный розка́зовати, ѣ҃къ то и самъ былъ замо́жный, ѣ҃къ погорѣ́лъ, и на бѣ́дꙋ прійшо́лъ. „Малъ ѣ҃, ка́же, ещѣ́ тро́ха гроша́ и схова́лъ ѣ҃мъ былъ въ вербѣ́, але́ надъ́нишли́ вели́кій во́ды, по́дмꙋлили вербꙋ́, а мої́ гро́ши по́йшли́ съ водо́ю! — Такъ ѣ҃ съ ничи́мъ оста́лъ ся́, а тепе́рь прихо́дитъ ся́ не разъ проси́ти хлѣ́ба о҃у людій.“

Ско́ро госпо́дарь то́е почꙋ́лъ, гла́нꙋлъ на свою́ женꙋ́, бо та́м верба́ припла́ыла бы́ла по́дъ ихъ сто-до́лꙋ, а коли́ взя́ли ю҃ рꙋба́ти, посы́пали ся́ изъ не́и гро́ши. — Вы́йшли они́ обо́е въ комо́рꙋ, и ста́ли ра́дити, ѣ҃кбы то емъ҃ тїи гро́ши о҃тда́ти, що́въ о҃нъ и не зна́лъ, зъ о҃тки то ся́ они́ о҃у не́го взя́ли. Ра́дятъ; ажь ка́же госпо́дарь: „Отъ що зро́вимо? о҃ткроимо́ въ хлѣ́бѣ спо́дъ, вы́беремъ мягкꙋ́шкꙋ, вло́жимо гро́ши, и зновъ закры́емъ шко́ркою, а ѣ҃къ о҃тходи́ти бꙋ́де, дамо́ емъ҃ нѣ́вы то на доро́гꙋ.“ — Такъ и зроби́ли: на дрꙋ́гій день,

колѝ брáлъ сѧ дáльше итѝ, даю́тъ емꙋ́ бохонѣ́ хлѣ́ба и кáжꙋтъ: „Возьмѣ́тъ! здáсть сѧ въ дорóзѣ.“ — Взáлъ, склонúлъ сѧ, и пôйшóлъ въ свôй пꙋ́ть. По дорóзѣ срѣ́тили егò кꙋпцѣ́, сгôнники, котрѝ то не рáзъ бывáло и до нѐго заходúли, и пытáютъ то за сесѐ то за тотò, за чимъ ходúли, а ôнъ ôтповѣ́дае: „Колúсь то и оу̑ мéне бы́ло! найшлò на мéне нещáстье, — погорѣ́лъѧмъ и тепéрь дрꙋгимъ слꙋжꙋ́. — Колѝ тóе мóвилъ, торкнꙋ́лъ зъ небáчка по тóрбѣ, тай кáже: „Отъ кꙋпѣ́тъ собѣ́ хлѣ́бъ, а̑ а̑кóсь не голóденъ, а тáжко менѣ́ егò нестѝ; бóрше здáсть сѧ въ дорóзѣ а̑кíй грóшь.“ — Тóргъ въ тóргъ — сгодúли сѧ, кꙋпцѣ́ за хлѣ́бъ а ôнъ за грóши, и розъишлúсѧ.

Зайшлúсѧ кꙋпцѣ́ до тóго самóго села́ и встꙋпúли до тóго самóго господáря, ôткы тôй хлѣ́бъ былъ и стáли оу̑ нéго звѣ́довати сѧ за своѐ дѣ́ло. — „Не а̑, но Бóгъ мáе!“ каже ôнъ, „сáдьте за тúмъ чáсомъ, и спôчнѣ́тъ“ — и послáлъ за почéстнымъ. Й онú емꙋ́ кáжꙋтъ, най сѧ не трꙋдúтъ; по дорóзѣ кꙋпúлисьмо бóхонецъ хорóшого хлѣ́ба оу̑ а̑кóгось чоловѣ́ка, що съ лúстомъ ишóлъ. — Господáря ажь за сéрдце тронꙋ́ло, догадáлъ сѧ — а скóро кꙋпцѣ́ вꙋнялú и положúли хлѣ́бъ на столѣ́, оу̑зрѣ́лъ тотъ самúй хлѣ́бъ, що далъ подорóжномꙋ; зúркнꙋлъ про тóе на жѣ́нкꙋ, и кáже до гóстей: „Зáкимъ що вꙋ́де, ходѣ́мъ огладáти, мóже що и кꙋпúте. — Ходѣ́мъ!“ и вы́йшли изъ хáты, а ôнъ на жѣ́нкꙋ мóргнꙋлъ, и онà оу̑жѐ знáла, що ôнъ хóче. Колѝ онú вы́йшли за скóнимъ дѣ́ломъ, господúня внеслà дрꙋгúй хлѣ́бъ и положúла на столѣ́, а тотъ спрáтала. — Бер-

нѫли сѧ, поснѣдали — чи сгодили сѧ чи нѣ, и пѡйшли.

За ѩкійсь часъ идѐ знóвѫ той чолобѣкъ съ лúстомъ и захóдитъ знóвъ до тóго господáря на нѡчь оу̑жѐ ѩкъ до знакóмого. Прїймúли егѡ, рáды емѫ бúли, бо дѫмали, чи не оу̑дáсть сѧ тепéрь ѩкúмъ спóсобомъ ѡтдáти емѫ грóши. Погодовáли, переночовáли, и ѩкъ вúйшолъ былъ изъ хáты, завúвши грóши въ платóкъ, положúли емѫ въ тóрбѫ, дáли поснѣдати и ѡтпѫстúли. Пѡйшóлъ ѡнъ, а идѫчи стéжкою черéзъ сáдъ, подѫмалъ собѣ: „Єхъ! ѩкій ѩблока крáсній! оу̑рвѫ собѣ трóха на дорóгѫ.“ — Знялъ тóрбѫ и повѣсилъ на дéревѣ, щобы мѫ не заважáла, а самъ спинáє сѧ за ѩблоками. — Йжь тѫтъ господáрь идѐ — ѡнъ оу̑зрѣвши егѡ, чѣмъ бóрше въ тéки, и ѡтвѣглъ тóрбѫ на дéревѣ. Господáрь оу̑зрѣвши тѫ тóрбѫ, ѩкъ на сѫчкѫ вúситъ, щось стáлъ дѫмáти, а дáлѣй и кáже: „Налякáлъ сѧ неборáкъ, та и о тóрбѣ забúлъ.“ — Знялъ тóрбѫ и мóвитъ: „Дорóга емѫ на кладкѫ, забѣгнѫ онъ тѫды лозáми, щобъ мнѣ не оу̑вúдѣлъ, и полóжѫ на кладкѫ, а оу̑жѐ тамъ то ю пéвно вóзьме.“ — Такъ и зробúлъ. Обвѣглъ бокáми, положúлъ грóши на кладкѫ, а самъ за корчёмъ не дѫже пóдалекѫ присѣлъ, нáзорцёмъ наглядáє, що сѧ стáне.

Небáвкомъ надходитъ и подорóжный надъ кладкѫ и спѫстúвши óчи дѫмає — а потóмѫ и кáже: „Дóбре, що ещѐ хоть свѣтъ бáчѫ, та могѫ въ дорóгѫ ходúти; та собѣ ѩкóсь на хлѣбъ заробúти! Щобъ ѩ робúлъ, колúбъ ѩ былъ отемнѣлъ, ѩкъбы ѩ черéзъ сю кладкѫ перейшóлъ? Отъ побáчѫ, цúбы сѧ оу̑дáло?“ — Та зажмурúвши óчи,

ст8къ ст8къ по кла́дцѣ па́личкою, ст8па́е пра́мо, перест8пи́лъ гро́ши, и по́йшо́лъ — А господа́рь ажь зъ8мѣ́лъ са, тай ка́же въ го́лосъ: „Прогнѣви́лъ Бо́га!“

Мих. Ти́мякъ.

27.

Весно́вка.

Цвѣ́тка дро́бна́я
Моли́ла не́ньку,
Весну́ ране́ньку:
— „Не́не ро́дная!
Въволи́ ми во́лю,
Дай менѣ до́лю;
Щобъ ѣ́ зацви́ла,
Весь лугъ скраси́ла;
Щобы ѣ́ бу́ла
Акъ со́лнце ѣ́сна,
Акъ зоря́ кра́сна,
Щобымъ сгорну́ла
Весь свѣ́тъ до се́бе!“ —
— „До́ню голу́бко,
Жа́ль менѣ тебѣ,
Га́рная лю́бко.
Бо ви́хоръ сви́сне,
Моро́зъ пати́сне,
Бу́ря загудѣ;
Краса́ змарнѣе,
Ли́чко зчорнѣе;
Голо́воньку скло́нишь,
Ли́стоньки зро́нишь,
Жаль се́рдцю будѣ.“ —

М. Р. Шашкевичь.

28.

Деревцѣ. — Ба́йка.

Видачѝ, же соки́р8 па́ровокъ несѐ, деревцѣ молоде́ньке до не́го са объзва́ло: „Любе́зный па́ровче, вки́р8вай въ кр8гъ менѐ лѣсъ той по́дстарѣ́лый, во ѣ́ не могъ8 ростѝ, свобо́дно, бъ8́ти по́дла̀ во́лѣ. Анѝ корѣ́нье моѐ про́сторъ8 не ма́е, анѝ вѣ́теръ ко́ло ме́не до́вре не прота́гне, все менѣ́ завадж̀а́е. — Сли́вы въ около не тїи де́рева ври́дкї, ѣ́бымъ росло̀ по́дъ небесà, а за ро́къ за два̀ цѣла̀ та доли́на мно́ювы са ра́довала, мно́ю оўкраси́ла,

и небáвомъ свѣтъ бы не оу̑твѣрилъ, же и ѫ̃ колúсь бúламъ хворостúна.“

Взялъ пáровокъ за сокúрꙋ, тай стáлъ рꙋбáти, и небáвомъ изъ всѣхъ сторóнъ стѣжкꙋ протинáти; а закимъ зазꙋлъ заковáла, простóръ былъ въ окóло — но оу̑тѣ̑ха деревúны не бúла дóлга! — То сóлнце деревцѣ печѣ, то грáдъ, то дóжджь егò бïѣ,ажь вúхоръ на конéцъ розлю́тившисѧ зломúлъ го ѫ̃къбы тростинꙋ. — „Премꙋдро!“ сказáла тꙋтъ до нéго старáѧ сꙋсѣда, ѫ̃лúца! „всѣ дéрева тобѣ завадж̀áли, просúлось, абы ихъ пôдтáти, ôтжесь собѣ догодúло, а тепéрь трéба тобѣ въ разъ съ нúми лежáти. Бѣдà твоѧ вúродила сѧ лишь зъ бѣды чꙋжóи, о котрꙋ ты пáробка такъ красно̀ просúлось. — Слúбысь мéждꙋ мнóгими дéревами хотѣло бúло возрастáти, тобы заверꙋха и вúхоръ тобѣ не бúли докꙋчили, бо здоровïи сꙋсѣды бúлибы тебѣ хоронúли. Ѧ слúбы и съ часóмъ ихъ бúло не стáло, и по лѣтáхъ чàсъ бы самъ ихъ повалúлъ, а ты тонкѣ деревцѣ о тóлько бúло пôдросло̀ и зрꙋбѣ́ло, силъ набрáло и бôльше сѧ оу̑крѣпúло: то нúнѣшнёи сꙋдьбы тывысь не было дôзнáло и вꙋрю нúнѣшнꙋ пéвно вúдержало!“ — — — — Ѧ потóмꙋ додáлъ ещѣ до того старúй дꙋбъ:

„О! не суть то пустѣ́ крúки,
Бо насъ тое ꙋ̀чатъ вѣки:
Же кто пôдъ úнымъ ѣ̃мы копáе,
Самъ найчастѣ́йше въ тïи впадáе!
Ктóже нѣкóго не лáе,
Но кóждому честь ôтдаѐ,
Тóго бꙋ́дутъ всѣ щиро любúти
И ôнъ съ нúми многѣ́ лѣта жúти.“

Вас. Зборôвскïй.

29.

Молодый Вѫкасовичь.

Цѣсарева Марїа Терéса посѣтила разъ домъ кадетовъ, и вопрошала при той слѫчайности директора: котрый изъ питомцѣвъ на найбольшѫ заслѫгѣ похваляѫ?

„Ваше Величество!“ былъ отвѣтъ, „ѫ хотѧ не могѫ о жадномъ зле сказати, однакожъ молодый Вѫкасовичь есть отличнѣйшїй.“ Тое само потвердили и йнїи настависи, котрїи тѫю похваляѫ предвсемъ на робленье орѫжьемъ стѫгали.

„Славно, молодый Далмато!“ сказала Цѣсарева, „ѫ бымъ однакожъ желала, его видѣти робячого орѫжьемъ, возьми до рѫкъ шпадѫ.“ —

Якъ покорно и спокойно молодый Вѫкасовичь прежде передъ Монархїнею стоялъ, такъ отважно и смѣло поглядалъ, скоро почѫлъ въ своей рѫцѣ шпадѫ — и поставилъ ся. Съ многими провоцалъ ся и оказалъ такъ велику звинность и вправѫ, же годѣ было ему кыровнати. — Цѣсарева обдарила его дванадцатьма червонцами.

Въ колька днїй посѣтила она знова домъ кадетовъ и допросила зараз за молодымъ Вѫкасовичемъ.

Призвано его, но коли ся ставилъ, выглядалъ вожзливо и весь дрожалъ. — Ласкаво и съ оусмѣхомъ допрошала его Цѣсарева, „пропѫстилъ есь снадь оужѣ даровани гроши? Чого дрожишь; мовъ, гдѣсь ихъ подѣлъ?“

„„Ѩ,““ мовилъ онъ трѫслывымъ голосомъ, „„послалъземь тїи гроши моемѫ отцѫ.““ — „А ктожъ есть твой отецъ?“ „„Мой отецъ былъ по-

рѣчникомъ, полѣчилъ однакожь навсегдашный отпѣскъ, и жіе теперь безъ жалованя въ недостаткѣ въ Далмаціи. И не знаемъ лѣчшій зробити ужитокъ зъ ласки Вашого Величества, якъ подаючи момѣ бѣдномѣ, старомѣ отцѣ помочь.““

„Хорошо молодче!“ сказала Цѣсарева, и погладила его по лицю, „возьми“ продолжала, „чернило, перо и папѣръ, и пиши.“ — Кадетъ зробилъ якъ емѣ сказано было, а Цѣсарева слѣдючое емѣ велѣла писати:

„„Любезный Отче!““

„„Листъ, котрый пишѣ, показовала менѣ Цѣсарева. Моє справованье са, моя пильность а особенно моя сыновня любовь подобали са Цѣсаревой такъ, же Вы, любезный отче, отъ сеи годины маете полѣчати рочного жалованя по 200 зол. р. а ѣ що иного тепер зновъ полѣчилъемъ подарокъ 24 червонцѣвъ.““

Цижъ не исполнили са тѣ слова письма святого а именно четвертого приказаня: „Чти Отца твоего и Матерь твою, а добро ти буде на земли?“

B. K.

30.

Загадка *).

Черезъ ширину и пространьство
Говорю съ тобою;
Чтобъ услышалъ кто мой голосъ,
Того ся не бою —
Хоть ѣ нѣмый, то весть мною
Все порозумѣешь;

---

*) Рѣшенье слѣдѣе на послѣднѣмъ листѣ.

Гдеколи гôрько запла́чешь,
Абò ся засмѣешь —
Хоть никóмумъ не побожúлъ,
Та́йну держý гôдно,
И тôлько тóму ѭвля́ю
Кому́ зна́ти здôбно.

——— *А. Духнóвичь.*

31.

Ива́сь въ цáстю.

(Пôдля Гримма.)

Ива́сь слꙋжúлъ сѣмъ лѣтъ ѡ꙽ бога́того госпо́даря, до котро́го разъ промóвилъ: „ѡ꙽жè менѣ и часъ вы́йшолъ, тепéрь радъ бы ѿ зновъ повернꙋ́ти до дóмꙋ до мáтери, а за мою слꙋ́жбꙋ про́шꙋ о заслꙋ́женúнꙋ.“ Госпóдарь сказáлъ на тóе: „Слꙋ́жилъ есь Ива́сю менѣ вѣ́рно и ѡ꙽чти́во, ѭкà твоя́ вы́ла слꙋ́жба, такà мáе вы́ти и запла́та,“ и подáлъ емꙋ́ грꙋ́дꙋ зóлота такъ велúкꙋ, ѭкъ Ива́ся голова́. Ива́сь вы́довꙋлъ свою́ платúнꙋ, завúнꙋлъ грꙋ́дꙋ, взáлъ ю на плéчи и вы́бралъ ся въ дорóгꙋ до дóмꙋ. Идꙋ́чомꙋ та́къ и лéдво но́ги за собóю влекꙋ́чомꙋ впáлъ въ óчи ѣздéцъ, котры́й жва́ко и весéло на дéрзкомъ ко́шкꙋ профѣзджáлъ. „Ахъ,“ сказáлъ Ива́сь гóлосно, „ѣ́хати верхóмъ, ѭкъ то есть краснò! сѣдúтъ ся ѭкъ на стôлцѝ, не завáдишь ногóю о жáдне камѣ́нье, чóвôтъ мóжно ошадúти, а человѣкъ постꙋпáе далúше, сáмъ не знáе ѭкъ.“ Ѣздéцъ, котры́й тóе чꙋ́лъ, ѡвызвáлъ ся до нéго: „Ива́сю, а чогóжъ ты вѣжúшъ такóжъ пѣ́шки?“ „Ѳ! ѿ мáю тꙋ́ю грꙋ́дꙋ домôвъ нести́, хотà то есть зóлото, но ѿ не могꙋ́ при тôмъ головы́ прóсто держáти, такóжъ гнетѣ менѣ той тѧгáръ къ плéчи.“ „Знáешь

ли що," сказáлъ ѣздéцъ и стáлъ съ конёмъ „замѣнáймо са: ѿ дамъ товѣ мóго кóника а ты дáй менѣ твою грꙋдꙋ." „Дꙋже рáдо," отвѣтúлъ Ивáсь, „но ѿ Вáмъ мóвлю наперéдъ, що Вáмъ стáне той тагáръ гóрько." Ѣздéцъ злѣзъ зъ конà, прїймúлъ зóлото, и помóгъ Ивáсёви на конà са всадовúти, втиснꙋлъ емꙋ въ рꙋки пóводы и сказáлъ: „Сли хóчешь ворзéнько садúти, то потребꙋешь лишь ѿзыкомъ лóскнꙋти, и гóпъ, гóпъ крúкнꙋти."

Дꙋшà са рáдовала Ивáсёви, ѿкъ оу҃жѐ на кóникꙋ сѣдѣлъ и выгóдно тáй свобóдно ѣхалъ. За хвúлькꙋ однáкожь захотѣло са емꙋ поскорúти, почáлъ про тóе лóскати ѿзыкомъ и гóпъ, гóпъ клúкати. Кóникъ посадúлъ скóрымъ скóкомъ, а зáкимъ са ещѐ Ивáсь до кóника приложúлъ, злетѣлъ зъ нéго и покотúлъ са въ рóвъ, котрúй передѣлáлъ óрне пóле ôтъ гостúнца. Кóникъ бúлъ вы не знáти кꙋдà пóгналъ, слúвы егò не спинúлъ селанúнъ, котрúй надзишóлъ и предъ собóю гналъ коровꙋ. За хвúлю Ивáсь прїйшóлъ до сéбе и встáлъ на нóги — но ѿкóсь емꙋ не бúло въ лáдъ, про тóе сказáлъ до селанúна: „О! ѣздà то не фꙋрдà, еслú ещѐ до тóго натрáфитъ кто на такꙋ шкапꙋ, ѿкъ се са, що любитъ скидáти — та то не тáжко кáркъ скрꙋтúти; о оу҃жéжь ѿ не всáдꙋ на ню нѣкóли. Отъ Вáша корóва, то що йншого; за нéю мóжно повóльно тай беспéчно совѣ постꙋпáти, же лжь любо, а при тôмъ достаѐ са ôтъ нéи що дéнь и молокò и мáсло и сыръ. Ей! щóбы то ѿ дáлъ, щобымъ лишь такꙋ коровúцю мáлъ." „Та," ôтповѣлъ селанúнъ, „еслú Вы такъ дꙋже за тúмъ, то ѿ радъ мѣнáти съ Вáми коровꙋ

за конѣ.“ Ивáсь нáдъ звы́чай оу҃рáдованый склони́лъ сѧ до оу҃го́ды: селѧни́нъ всѣлъ на конѣ и пѫсти́лъ сѧ мовь стрѣлà.

Ивáсь гналъ споко́йно перéдъ собо́ю коро́вѫ и задѫмáлъ сѧ надъ щастли́вымъ торго́мъ: „Скóро вѣдѫ мáти кѫсень хлѣба, а на то́йже чей менѣ стáне, то могѫ, колѝ схóчѫ, до того мáти зáразъ омáстѫ; а схóче менѣ сѧ пи́ти, то потрéбую инó подои́ти мою коро́вцю, тай мáю молокò. И чого́жь менѣ трéба бóльше?“ Въ тóмъ сталъ перéдъ ко́рчмою, зъ велúкои оу҃тѣхи поѣлъ все, що при собѣ мáлъ, до крúхты, и напúлъ сѧ пѫслѧ то́го пóлъ стклáнки пи́ва, котрѫ за послѣдный шéлюгъ собѣ кѫпúлъ. Потóмъ гналъ коро́вѫ перéдъ собо́ю дáльше доро́гою до селà, где мéшкала егò мáти. Спéка однáкожь стáла сѧ кóло полѫдня незноси́мою, а Ивáсёви трéба бúло итѝ по́лёмъ дóврѫ ещѐ мúлю. Нарáзъ зровúло сѧ емѫ такъ горячò, же и слúна пóдъ ѣзы́комъ вы́сухла. „На такѐ лúхо“ погадáлъ Ивáсь, „есть оу҃ мéне спóсóвъ и пора́да; а коро́ва на щò? подóю ю҃ трóха, тай закро́плю сѧ молоко́мъ.“ Оу҃вязáлъ коро́вѫ до сѫхóго корчà и пóдстáвилъ пóдъ ню свóй шкóрный кáскетъ, однáкожь мúмо егò всѧкого оу҃сúловання сѧ не показáла сѧ анѣ кáплѧ молокá; а понéже не знáлъ обходúти сѧ съ товáриною, то зноровлéна оу҃дáрила егò зáдными ногáми такъ сúльно въ гóловѫ, що ажь покотúлъ сѧ по землúи и не мóгъ черéзъ дóлгій часъ розпóзнáти, где сѧ нахóдитъ. На щáстье надъишóлъ тóю дорóгою рѣзнúкъ, котрúй везъ на тачкáхъ пóдсвинка. „Я то що за прúключка?!“ сказáлъ онъ и помóгъ Ивáсёви встáти. Ивáсь роз-

розповѣлъ все, ѣкъ са дѣало. Рѣзникъ подалъ емѹ на тóе флáшкѹ и мóвилъ: „Напíйте са и покрѣпѣть са! корóва знáти не хóче даватí молокà? Бóжь то и оўжé старà ходовúна, хибà ещè потагнѹти здóвна або лúшь на зарѣзь.“ „Дивѣть же са“ ôтъзвáлъ са Ивáсь и почѹхралъ са въ чѹпринѹ, „и комѹжьбы тóе прíйшло на оўмъ? Та то прáвда не зле бы бúло, ковúто такѹ товáринѹ можъ дóма зарѣзати, щóбы то бúло мáса! но ѣ за мáсомъ зъ коровы не кóнче; бо то онò не мáе досúть вкѹса и не сочúсте. Що úного, ковъ то мáти такóго пôдсвинка! мáсо егò цѣлкóмъ úный мáе смáкъ, а при тôмъ ещè колбáсы!“ — „Знáете що Ивáсю!“ сказáлъ на тóе рѣзникъ, „отъ ѣкъ дла Бáсъ, то хóчѹ мѣнáти, и оставлáю Вамъ свиню за коровѹ.“ — „Най Вамъ Бóгъ дáсть все добрò за Вáшѹ прїязнь!“ сказáлъ Ивась, дáлъ емѹ коровѹ и казáлъ пôдсвинка зъ тачóкъ ôтвязáти, а посторóнокъ, на котрôмъ тóйже былъ оўвáзаный, собѣ до рѹкъ подáти.

Ивáсь продолжáлъ свою дорогѹ и погадáлъ, ѣкъ то прéцѣнь все такóй по егò желáню са дѣе; а еслúбы и тамъ са емѹ що прикючúло, то онò ѣкóсь са бóрзо залáгодитъ. Потôмъ прилѹчúлъ са до нéго ѣкїйсь хлопáкъ, котрый несъ пôдъ пахóю крáснѹ бѣлѹ гѹску. Явы са имъ не кѹчило, почáлъ Ивáсь оповѣдáти емѹ о своéмъ цáстю, и ѣкъ то ôнъ все мѣнáлъ съ хôснóмъ для сéбе. На тóе кúнѹлъ хлопáкъ слóво, а потôмъ зганѹлъ, що ôнъ тѹю гѹску несè на крестúны. „Пôднесѣть но ю“ продолжáлъ ôнъ, „ѣкà онà тажкà! но тóе не дúвъ, бóжь то и самúми варенúцами

годова́ли ѿ сѣ по́лна о̑сьмѣ не́дѣль. Но! кто тѣю пече́ню вѣде кѣша́ти, той овѣтрѐ самѣ то́лсто̑сть зѣ обо́хѣ сторо́нѣ.“ „Вѣ и́стѣ“ сказа́лѣ Ива́сь и ва́жилѣ на рѣцѣ гѣскѣ, „она̀ ва́житѣ бога́то; але́жь во и мо̑й по̑дсвинокѣ не сго̑ршӥй.“ На то́е задѣма́лѣ са нѣ́быто хлопа́кѣ, потра́слѣ мо́же при то̑мѣ и голово́ю, тай сказа́лѣ: „Та... но менѣ са ви́дитѣ, що Ва́ша свина̀ нава́витѣ Васѣ мо́же не ма́ло кло́потѣ. Слы̑хайте; вѣ селѣ, чере́зѣ кокрѐ що ино̀ переходи́лѣемь, о̑у̑кра́дено о̑у̑ само́го ко̑йта свиню. Незна́ю, незна́ю, чи Вы ѿ не трима́ете тѣтѣ на посторо́нкѣ; но то́говы Вамѣ и тре́ба, ковы Васѣ сѣ не́ю зловле́но. Я зна́ете чимѣ то па́хне? Ды́вами тай темни́цею!“ Ива́сёви зроби́ло са ажь не до́брѣ. „Ко̑йте са Бо́га“ сказа́лѣ, „ратӥ́йте вѣ то̑й вѣдѣ! Вы ачѐйже зна́ете совѣ лѣчшѣ да́ти ра́дѣ, возьмѣ́ть мою свиню, а оставѣ́ть менѣ Ва́шѣ гѣскѣ.“ — „Но ва́жѣ, перева́жѣ, не зна́ю,“ о̑тповѣ́лѣ хлопа́кѣ, „одна́кожь не хо́чѣ бы́ти причи́ною, авы̑сте самохо̑ть впа́ли вѣ вѣдѣ.“ Взя́лѣ посторо́нокѣ до рѣкѣ и погна́лѣ повочною сте́жкою свиню да́лыше; а Ива́сь отрѣ́павши са зѣ кло́потовѣ продолжа́лѣ сѣ гѣскою по̑дѣ паго́ю свою доро́гѣ. „Если до́вре роздѣма́ю“ мо́вилѣ самѣ до се́бе, „то при то̑й замѣ́нѣ тако̑й мо̑й зы̑скѣ; о̑у̑жѐ сама̀ пече́на, потомѣ то́е мно́жество то́лстости, та, то вѣде ома́сти до хлѣва ма́ло що не на по̑лъро́кѣ; а по́томѣ то́е кра́сне вѣ́ле пѣ́рье, ѩка̀ то вѣде зѣ не́го по̑дѣшка; то́жто вѣде до́вре на не́й спа́ти! Я ма́тери, ѩка́жь то вѣде о̑у̑тѣ́ха!“

Идѣчи́ чере́зѣ послѣ́дне село̀ мина́лѣ шлю́фѣра, котры́й при сво́ей робо́тѣ совѣ приспѣ́вѣвалѣ:

Все тупѣ, щерба́те,
Ржа́вѣле, зуба́те,
И о́стрю и гла́джю
И все́му пора́джю;

Тай жію та́къ въ свѣтѣ
Зимо́ю и въ лѣтѣ;
Нѣчи́мъ ся не жу́рю
Сли лю́льку заку́рю —

Такъ всѣ дни збыва́ю,
Шлюфу́ю, спѣва́ю:

Все тупѣ щерба́те, и про́ч. и про́ч.

Ива́сь ста́лъ, придивла́лъ и присл8хва́лъ ся ем8, пото́мъ промо́вилъ до не́го: „Оу̑ Ва́съ гара́здъ, бо естѐ весе́лый при робо́тѣ.“ „Та́же!“ сказа́лъ на то́е шлю́фѣрь, „ремесло̀ л8чше о̑тъ зо́лота. До́брый шлю́фѣрь то собѣ́ чолове́къ; потребѵ́е лишь до кеше́нѣ сагн8ти, тай гро́шїй оу̑ не́го по́лна жме́на. А Вы зъ о̑тки ма́ете так8 кра́сн8 г8ск8? где́сте ѿ к8пи́ли?“ „И ѿ не к8пи́лъ, но замѣна́лъемь за мо́го по̑дсвинка.“ — „А по̑дсвинка?“ — „Пола8чи́лъемь за мою коро́в8“ — „А коро́в8?“ — Пола8чи́лъемь за коня̀.“ — „А коня̀?“ — „За коня̀ да́лъемь гр8д8 зо́лота, такъ вели́к8, ѿкъ моя̀ голова̀.“ — „А зо́лото?“ — А! то́е зо́лото пола8чи́лъемь въ запла́т8 за сѣмъ лѣтъ сла8жвы.“ — „Но! то ѿкъ ви́джю, Вы зна́листе за́всѣды собѣ́ не сго̑ршь ра́дити,“ сказа́лъ шлю́фѣрь, „ковъ ли́шь ещѐ Вамъ ся оу̑да́ла така̀ шт8ка, все ма́ти по́лн8 кеше́ню гро́шїй, то оу̑же́жь не тре́ба вы Ва́мъ нѣчо́го бо̑льше до Ва́шого ща́стя.“ — „Ба! ѿкжевы менѣ́ ся до то́го бра́ти?“ о̑тповѣ́лъ Ива́сь. „Вамъ ѿкъ сто̑й тре́ба ста́ти ся шлю́фѣрёмъ; а до то́го не тре́ба бо̑льше нѣчо́го, ѿкъ едно́го точи́лца, а все про́чое само̀ оу̑же ѿко́сь прі́йде. Отъ, т8 ма́ю одно̀, хота̀ тро́ха щерба́те, но за то́е не дастѐ менѣ́ бо̑льше ни́чъ, ѿкъ лишь Ва́ш8 г8ск8; сго́да?“ — „И цїжь мо́жете ся о то̑мъ сомнѣва́ти,“ о̑тповѣ́лъ Ива́сь, „та такѣ̀ ща́стье

не хо́дитъ пѣшки; сли ѿ могѫ ма́ти гро́ши ко́ждого ра́зѫ, ско́ро са́гнѫ до кеше́нѣ, то менѣ жѫри́ти са не тре́ба?“ и пода́лъ емѫ гѫскѫ. „Коли́ такъ“ сказалъ шлю́фѣрь и по́дна́лъ звыча́йный, необдѣ́ланый ка́мѣнь, котры́й слѫчайно коло не́го лежа́лъ, „то ма́ете до то́го ещѣ оди́нъ до́брый ка́мѣнь; о! рѫчю Вамъ, що его́ не спотребѫете. Возьмѣ́тъ си его́ и захова́йте ѿкъ са нале́житъ.“

Ива́сь попраща́лъ са, взялъ ка́мѣнь на пле́чи и потащи́лъ са съ нимъ да́льше; его́ о́чи ажь свѣти́ли са о̂тъ ра́дости. „И пе́вно въ чепци́ о̂у̂роди́лъ са!“ каза́лъ жи́во до се́бе, „все, що ли́шь зажела́ю, то са исполна́е, ѿкбы все по мо́емѫ ити́ ма́ло.“ Но поне́же о̂тъ до́свѣта все бы́лъ на нога́хъ, то и о̂у̂томи́лъ са не ма́ло; тако́жь и го́лодъ поча́лъ докѫча́ти, поне́же весь запа́съ зъ о̂у̂тѣ́хи про замѣ́нанѫ коро́вѫ нара́зъ съѣ́лъ. О̂у̂же́ ледво са мо́гъ волочи́, що кро́къ тре́ба бы́ло о̂тпочива́ти, а при то́мъ и тяже́лїи каме́нѣ не ма́ло са емѫ дава́ли въ знакы́. Не мо́гъ о̂нъ лиши́ти са га́дки, щобы то дѫже до́бре бы́ло, сли́бы вла́сне тепе́рь о̂нъ не потребова́лъ ихъ дви́гати. Мовь слима́къ залѣ́зъ о̂нъ ѿко́сь до коло́дязя, при котро́мъ хотѣ́лъ тро́ха вы́почати, и зи́мною водо́ю са закроши́ти; абы одна́кожь при сѣ́данію на зе́млю каме́нѣ о̂тъ шко́ды захорони́ти, покла́лъ тїи съ намы́сломъ коло се́бе на цимбрки́нѫ коло́дязя. Пото́мъ оберну́лъ са и хотѣ́лъ са согнѫ́ти, абы зачеркнѫ́ти воды́; но ѿко́сь не о̂у̂важа́лъ, потрѫ́тилъ, а ова каме́нѣ лишь во́лкнѫли тай пропа́ли. О̂у̂вида́вши Ива́сь ѿкъ они́ въ глѫбинѣ са гѫби́ли, по́дско́чилъ зъ о̂у̂тѣ́хи, плесну́лъ въ доло́нѣ а по́то́мъ о̂у̂па́лъ на колѣ́на и

дѧковалъ Бо́гъ, що емъ такъ зробилъ ласкъ, же тимъ спо́собомъ оу҃вольнилъ его̀ о҃тъ каме́нїй — бо лишь ещѐ емъ то́го не става́ло, абы мо́гъ назва́ти сѧ соверше́нно щастли́вымъ. „О, тако́го щастли́вого“ вы́кликнулъ, „ещѐ въ свѣтѣ не быва́ло.“ Съ цѣлко́мъ ле́гкимъ се́рдцемъ и свобо́дный о҃тъ всѧкого тѧгарь поскори́лъ и не опини́лъ сѧ ажь оу҃ свои́ ма́тери.

В. К.

32.

Ко́минъ и воро́на.

(Байка.)

На бѣлый ко́минъ воро́на сѣла;
А о҃нъ до не́и! „а҃кась ми бѣла!“
Поколысáлась, въ не́го зазрѣ́ла,
Три ра́зы кра́кла, тай о҃тповѣ́ла:
„„„Бѣлый есь зъ ве́рха — вче́ра та ны́нѣ,
А въ середи́нѣ? . . . .
Ѧ не ка́жу, що а҃ бѣла.““ —
Ещѐ кра́кнула и злетѣла.

Л. зъ Ра́кова.

33.

Хо́дъ до пи́санои кирни́цѣ.

(Уры́вокъ.)

Бы́ло то въ а҃пр҃ь, передъ Велико́дными сва́ты. Снѣгъ не знайшо́лъбысь былъ оу҃жѐ и на лѣкъ въ го́рахъ, хива̀ на Бержа́вѣ та Чорного́рѣ. Трава̀ засѣ́мла сѧ мовь щѣть по сватой̀ земли́ци и о҃вцѣ попъска́ли бы́ли всѧгды. Весе́ло дъли верхо́винскїи молодцѣ въ трѫмбе́ты, що ажь верхи́ ходи́ли, а го́лосъ сопѣлки колыса́лъ сѧ по воздъхахъ, а҃къ ры́бка по широ́ко́мъ Дъна́ю, и о҃тби-

ва́лъ са́ ми́ло и прина́дно о го́ры и бо́ры. Со́нце сѣ́нзло са́ зъ полѣ́дна къ за́падови и несло́ всѣ́ свои́ лѣ́чи къ полони́нѣ, по́дъ котро́и самы́мъ верхо́мъ стреми́тъ огро́мна скала́, сага́юча чоло́мъ высо́ко въ воздѣ́хи. Въ скалѣ́ нахо́дитъ са́ широ́ка пече́ра, здо́бна бо́льше двадцатн́ хло́па помѣсти́ти въ со́вѣ, и прихорони́ти о́тъ дождѣ́ и вѣ́трѣ; а зъ го́рла пече́ры добѣва́е са́ кристта́льна вода́ обы́льными стрѣ́ами, и такъ стѣ́дена, що лѣ́томъ не возмо́жно еи́ малѣ́ю ча́рку́ дора́зъ вы́пити. Всѣ́ стѣ́ны пече́ры попи́санїи сѣ́ть вса́кими знака́ми. Найде́шь та́мъ на́писы кре́стико́въ, топо́рцѣ́въ, вѣ́квъ и цѣ́лы́хъ и́менъ тыхъ осо́бъ, що колиѣ́сто слѣ́чайно або наро́комъ сюда́ приходи́ли, и чарѣ́ючимъ по всѣ́хъ верхо́винахъ ви́домъ наслажда́ли са́ зъ о́тты, або прохолоджа́ли пѣ́темъ и сква́ромъ со́нца́ знѣ́же́нїи си́лы, че́рствою ѣ́къ пе́рвшїи́ де́нь ѣ́рн́ водо́ю. — Есть то о́ва п и́ сана к и р н и́ ц а, кото́ра въ да́вны́хъ часа́хъ бы́ла едны́мъ изъ ты́хъ беспе́чны́хъ прибѣ́жи́щъ опры́шко́въ, где маючи́ по́дъ сво́имъ о́комъ всю про́сторонь о́тъ за́пада, се́вера и ма́йже цѣ́лого восто́ка, сѣ́покойно могли́ они́ розкладда́ти са́ таво́ромъ на ко́лька дни́й. Цѣла́ окре́стно́сть бы́ла и́мъ тѣ́тъ по́дъ рѣко́ю, а се́ла са́ дво́рищами лежа́ли пере́дъ ни́ми ѣ́къ на доло́ни. — Кирни́ца та́ зове́ са́ еще́ по днесь „и́сана кирни́ца,“ але полони́на сама́, на котро́и верхѣ́ она лежи́тъ, прибра́ла по минѣ́вшихъ на не́й слѣ́чаѣ́хъ про́звище Д о́ в о ш о в о н г о р ы́, или впростъ Д о в о ш о́ в к и, и называ́е са́ такъ до сихъ по́ръ въ цѣ́лой окре́стности. —

Н. Устіяновичь.

34.

Надгро́бникъ сварливой женѣ.

Ту мо́и жены, небо́жки моги́ла;
Допо́ки жи́ла, по́ты ся свари́ла! —
Чита́телю, не медли́ зъ о́тты уходи́ти,
Бо вста́не и съ тобо́ю бу́де ся свари́ти.

——— *М. Козано́вичь.*

35.

Старый пе́съ.

(По́для Гримма.)

Пе́вный селани́нъ малъ старо́го пса, котры́й съ называ́лъ Сѫлтанъ, и той постара́лъ съ та́къ, що не мо́гъ о́ужѣ кѫса́ти. Селани́нъ не маючи изъ соба́ки до́брои о́усльги сказа́лъ разъ до свои́ жены: „За́втра, ско́ро день, розстрѣла́ю то́е старе стервице, на́шого Сѫлтана, бо и що менѣ по нѣмъ.“ Женѣ зроби́ло съ жа́лко и про то́е рекла́: „Онъ намъ о́тъ та́къ да́вна слѫжитъ, щобы годи́ло съ емѫ ласка́вый хлѣвъ да́ти.“ „Пѫстà твоà бе́сѣда,“ сказа́лъ мѫжъ, „о́у него о́ужѣ нема́ и одно́го sѫба, а зло́дѣеви лишь таки́хъ сторожѣвъ потре́ба; съ ре́штою за то́е, що намъ слѫжи́лъ, не ма́ло са́ нажеръ, а коли́ тепе́рь зъ него нїякои о́усльги, то и не ко́нче намъ его потре́ба.“

Песъ, котры́й не дале́ко о́тъ того лежа́лъ, чѫлъ ко́жде сло́во, — перела́къ съ не ма́ло и былъ неспоко́йный, якїй то за́втрѣшный день для него бѫде. Нара́зъ пригада́лъ собѣ, же ма́е до́брого дрѫга, а тимъ бы́лъ во́лкъ. До того заволѣкъ съ вечеро́мъ до лѣса и оповѣ́лъ емѫ, яка̀ сѫдьба̀ его̀ ожида́е. „Не жѫрй съ,“ сказа́лъ на то́е во́лкъ,

„й тобѣ пораджю. Завтра досвѣта выйде твой господарь съ господинею до сѣна, и онѝ возмѫтъ свою маленькѫ дѣтинѫ съ собою, котрѫ положатъ въ тѣни за корчёмъ, а тобѣ выпадае положити са кола него и оўдавати сторожа. Потомъ прїйдѫ й изъ лѣса и похищѫ дѣтинѫ, а ты тогды съберѝ всѣ твои сили и скочь за мною якобысь хотѣлъ менѣ отъгнати. И лишѫ дѣтинѫ, а ты ю знова затащишь подъ корчь, що они оўвидѣвши, не схотатъ къ избавителю свои дѣтины быти такъ неблагодарными, абы са надъ нимъ збытковали; но за тое ты прїйдешь до ласки и на ничёмъ ти не бѫде збѫвати.

Там гадка сподобала са псови и подлѣ нѣи стало са. Селянинъ скричалъ зъ цѣлого горла, оўзрѣвши волка оўходачого съ похищёною дѣтиною; но скоро тое старый Ѫлтанъ назадъ принѣсъ, былъ онъ знова весёлый, гладилъ пса и мовилъ: „О! тобѣ ничъ злого са не стане, бѫдешь ѣсти хлѣбъ ласкавый, поки жити бѫдешь!“ Потомъ сказалъ до свои жены: „Иди но до дому и накарѝ старому Ѫлтанови лемѣшки, до нѣи не треба ему зѫбовъ, а мою старѫ подѫшкѫ такожь ему дарѫю, абы ему было мягко лежати.“

Отъ того часѫ малъ Ѫлтанъ такїй гаразд, якого совѣ лишь желати могъ. Волкъ посѣтилъ его разъ и не мало са радовалъ, що тихъ планъ такъ добре са оўдалъ. „Слѫхай но братчикѫ!“ сказалъ онъ, „ты ачёйже прижмѫришь око, слївымъ й хотѣлъ толстѫ овцю вынести? во вѣрь менѣ, що менѣ такъ щось оўжѣ отъ давна млойтъ.“ — „Нѣтъ!“ отвѣтилъ пёсъ, не иноѣ толстои не дамъ тобѣ вынести, но такой нїякои, бо й момѫ госпо-

дíнъ есмь предъ всёмъ вѣрный, а хотя тобѣ за твою оу҃слугу есмь вдáченъ, то однáкожь не допущу тебѣ до нїáкои псóты!“ Волкъ же дýмаа, що пéсъ тóлько жартýе, прїйшóлъ въ ночи по присмáчокъ; но ошúбъ сѧ гóрько, бо вѣрный Султанъ всё сказáлъ свóму господúнови, котрый чатувáлъ, ажь пóки вóлка не привитáлъ. Селанúнъ догоджáючи свóму Султанови ещѐ бóльше, чáсто говорúлъ: „нема то, я҃къ старый и вѣрный слугá!“

В. К.

36.

Знамена погоды.

Изъ Перемышлянúна.

Хорóшу погóду предскáзуютъ óблаки, если лéгкїи и клочковáтїи выдаются, и если они синь нéба я҃къбы тонéнькою ткáнїю покрывáютъ, або и свобóдно въ воздухѣ розхóдятъ сѧ; если вѣлїи я҃къ мрáки въ долинáхъ стоáтъ; если при захóдѣ сóлнца червóно обарвлéнй свѣть; если въ нихъ дугá появлáе сѧ, котрóи сúна и жóлта бáрва що разъ крáшше пробывáе сѧ; если воздухъ есть дóже ясный и прозрáчный; если мнóго росы спадáе и на дóлше остáе сѧ; если мглá нúзко стóитъ, роздѣлáе сѧ, або по дождю въ долинáхъ встаѐ и стóитъ, або по надъ рѣки, и розхóдитъ сѧ.

Злу погóду оу҃казуютъ клочковáтїи óблаки, котрй що разъ въ бóльшїи скуплáютъ сѧ и чорнѣйшими стаютъ сѧ; чóрнй, червóнй и водобáрвнй хмáры по огнúстóмъ захóдѣ сóлнца; если по дóлгóй посúсѣ въ передъ, зáкимъ начнѐ дож-

дíти, дв҃гà покáже сѧ; єслѝ жáдна росà не спадáє, áбо єслѝ спадáюча ѿкъ дождь скоро высыхáє; єслѝ зъ низúнъ мрáка взносúтъ сѧ, áбо прéдъ всходомъ солнца облакообрáзно розходúтъ сѧ, то спадáє въ вéчеръ ѿкъ дождь снóв҃ на зéмлю; но осéнна мрáка, котрà прéдъ пéрвымъ морóзомъ встаé и розстéлюе сѧ, приносúтъ звычáйно áжь слѣдв҃ючого днà дождь; дв҃же смердáча, áбо въ воздв҃сѣ шв҃мáча мрáка, зúмный вѣтеръ по коротк҃омъ дождúи; єслѝ предмéты чрезъ воздв҃хъ видúмѣи побóльшаютъ сѧ, то знáкъ, що есть мнóго пáры въ немъ, и тóе предскáзуе дождь такъ ѿкъ и тогды, єслѝ шв҃мъ рѣкъ áбо úншихъ зв҃кóвъ, котрúхъ úнымъ рáзомъ не чв҃ти на пр. звóненье звóнами, дóбре слúшитъ сѧ.

Сѣвернїи вѣтры, котрїи прéдъ полв҃днёмъ при ѧснóй погóдѣ вѣяти начинáютъ, предвозвѣщáютъ дождь óу҃жé на перéдъ. Єслѝ ю҃жнїи вѣтры вѣютъ и зарáзомъ дóждь падé, то погóда не змѣнúе сѧ, хотáйбы и въ зáпадный вѣтеръ перейшóлъ; єслúже сѣверный вѣтеръ вѣяти начáлъ, то дождúтъ мáло.

Сúльно вѣючїи ю҃жнїи и зáпаднїи вѣтры сѣть предвозвѣстúтелями дождв҃.

Славовúтїи лю҃де áбо такїи, котрúмъ рáнв҃ не дáвно загоéно, áбо котрїи пóслѣ недв҃ги вúздоровѣли áбо въ прóчемъ мáютъ дв҃же дражлúвїи нéрвы, чв҃ствв҃ютъ далéко напередъ вплúвъ перемѣннои погóды, зáкимъ тáи настáне. — Занáдто напрв҃жéнымъ нéркамъ стаé сѧ волгкà погóда докв҃члúвою, а ослáбленїи óу҃томлáютъ сѧ ещѐ бóльше, єслѝ тáженье воздв҃ха перемѣнúе сѧ.

Ещѣ бо́льше предчу́вствуютъ тѣю перемѣ́ну живо́тна (скоты, звѣ́рѣ), а до́лгіи оу́важа́нія подали людемъ возмо́жность, зъ предчу́вствія тихже кожду́ перемѣ́ну погоды съ бо́льшою або меншою пе́вностію предсказати.

Хоро́шу пого́ду предска́зуютъ зеленіи жа́бки, если по́дъ отве́рстымъ возду́хомъ высоко сѣдятъ и рехкаютъ; лиликн (нетопырѣ), если вечеро́мъ въ множествѣ лѣта́ютъ; о́вцѣ, если въ вечеръ еще весело и живо то тудъ то сюдъ прыка́ютъ и розвѣга́ютъ са; жа́воронки, если спѣваючи долго высо́ко въ возду́сѣ задержу́ютъ са; соловѣ́, своимъ прія́тнымъ и неперестанным пѣ́нiемъ; гноённіи жу́ки и свѣтлаки (свѣтоиванскіи мушки), если на около лѣта́ютъ.

Зла́ погоду́ пророкуютъ люде зъ того, если псы траву́ съѣда́ютъ и кача́ютъ са, а коты ча́сто лижу́тъ са и мыютъ са; если кертыцѣ надзвыча́йно высо́ко могилкн нарыва́ютъ; свинѣ́ игра́ютъ и свой ко́рмъ розмѣту́ютъ, если рога́тый ско́тъ горѣ́ въ возду́хъ вѣ́тритъ и свои но́здри выли́зе; о́вцѣ ска́чутъ и головами межи собою тыцкаютъ са, завча́су на па́шу напира́ютъ са, идучи до до́му зъ па́ши частѣйше траву́ зпаса́ютъ и неохо́тно до кошары захо́дятъ; тако́жъ если мыши пища́тъ; зайцѣ́ предъ всхо́домъ со́нца даютъ са слышати; во́роны по надъ высокіи во́здухъ, ска́лы и де́рева лѣта́ютъ, го́ловы въ полетѣ́ въ гору́ держа́тъ, кра́каютъ и въ во́ду занура́ютъ са; если пернатй птицѣ запо́рпуютъ са въ по́росѣ и въ не́мъ вала́ютъ са; если ластовкн близу́ стѣнъ або́ где ни́зко землѣ́ и по надъ во́ды лѣта́ютъ; если

жѫравлѣ, коршѫны (сѫпы) и ѝнїи хѝщнїи птѝцѣ ещѐ за хорóшои погóды сѝльно въ воздѫсѣ верещáтъ, а свóйскѝ надзвычáйно кѫпáютъ сѧ; еслѝ бѫзьки молодїи бѫзьчата въ гнѣздѣ прикрывáютъ; гóлѫбы сѧ кѫпáютъ и пôздно въ вéчеръ домôвъ прилѣтáютъ; когѫты не въ звычáйнôмъ часѣ пѣютъ; кѫркѝ печáльно хóдатъ и пéра си пригладжѫютъ, а то послѣдне найбôльша часть птѝць предъ дождженéмъ дѣлáе; еслѝ жáбы и зéмнїи гáйсты (чéрвы, хрóбы) вылáзатъ, а дѝчь и ѫщéркѝ въ свóихъ притѫлѝцяхъ ѫ̂крывáютъ сѧ; еслѝ зеленѝи жáвкѝ пôдъ ôтвéрстымъ нéбомъ нѝзко сѣдáтъ и рѣхкаютъ; еслѝ жѫки ранó лѣтáютъ; комарѝ къ зáпадови сóлнца въ тѣни грáютъ и мѫхи жалéнїами свóими на людїи и скóты нападáютъ. Продолжѝтельный дóждж предскáзѫютъ старїи кѫркѝ, еслѝ не зáразъ зъ початкѫ, ѫ̃къ дóждж настаѐ, пôдъ дáхъ скрывáютъ сѧ.

Но помéжи тѝми всѣми живóтнами сѫть пáвкѝ найпевнѣйшїи ворожбитѣ погóды и ихъ предъѫ̃влéнїа ѫ̂жѐ кôлька днїй або годѝнъ предвáрáютъ, зáкимъ погóда перемѣнáе сѧ. Вéдма спóсобѫ снóвана свóи пáвчины дѣлатъ сѧ онѝ на висáчїи або ѫ̂глóвїи пáвкѝ, а ôтъ призна́ки, котрѫ гдекóтрѝ мáютъ тôлько въ лѣтѣ робѝти, а въ зимѣ въ дремлѝкомъ (сóнномъ) неробствѣ перебывáти, называ́ютъ сѧ тїи лѣтнымѝ, ѝнїи же, котрѝ и въ зимѣ не сѫть безъ дѣла, зимовы́ми.

Висáчїи пáвкѝ, до котры́хъ такóжъ нашъ крестовѝкъ налéжитъ, снѫю́тъ всѣ для свóи лóвлѣ колесообрáзнѫ сѣть и остаю́тъ сѧ пôдъ ôт-

вéрстымъ воздѫхомъ ôтъ весны до Жóлтна, где онѝ тогды за недостáтокъ лóвлѣ въ своúхъ оу̑гликахъ ховáютъ сѧ и безъ ѣствы зимѫютъ. Онѝ про тóе пригóднїи сѣть ѣко вѣщѫны погóды тôлько въ лѣтѣ и слѣдѫючїи зъ нихъ мáемъ предсказáнїѧ погóды:

Хорóшѫ погóдѫ предвѣщáютъ намъ висáчїи пазкѝ, еслѝ въ мнóжествѣ поúвлáютъ сѧ; еслѝ пúльно и неѫтомúмо снѫю́тъ свою́ пазчúнѫ; еслѝ и въ ночѝ не перестаю́тъ своюѝ сѣть ôтновлáти, новѫ оснóвѫ и то широ́ко еднѫ ôтъ дрѫгои затагáютъ, гóловѫ си вздираю́тъ и ѣйца несѫтъ: то погóда долгò бываé крáсна. — Еслѝ онѝ съ всёмъ пазчúны не снѫю́тъ, абò еслѝ жáдного зъ нихъ невидáти, то настѫпитъ вѣтеръ и зла погóда; однáкожъ еслѝ инò гдѣ́ѣкїи покáжѫтъ сѧ и снѫю́тъ на малы́хъ сѣтёхъ, то вѫдеѥ погóда измѣ́нна. Еслѝ же онѝ ещѐ на дожджѝ дóлгїи оснóвнїи нитки́ затагáютъ, и все тóе пильнéнько дѣлáютъ, то незадóлго вы́погодитъ сѧ. Дла тóго то не трéба сѧ дáти звестѝ еднúмъ або дрѫгимъ полосóвымъ дождѧ́мъ, сли онѝ на хорóшѫ погóдѫ покáзѫютъ, бо въ óбще прéцѣ ихъ вѣщáнье éсть правдúвое.

Еслѝ пазкѝ напрáсно бôльшѫ або мéншѫ чáсть своúпазчúны ôтрываю́тъ, то мáе настѫпúти вúхоръ, предъ котры́мъ онѝ хоть еднѫ часть своú сѣти охоронúти хотѣ́ливы; крáсна погóда знóкѫ прихóдитъ. — Оу̑глóвїи пазкѝ снѫю́тъ си на оу̑глáхъ мѫрôвъ и ôконъ лéдво не кораблевúднѫ съ землéю рôвнолáглѫ ткáнь (пазчúнѫ) съ ѣминою въ задѫ затканою, котрà имъ за притѫлúце и мѣстце схóвкѫ слѫжитъ. То сѣть властúвїи зимо-

ѣ҃и паѫкѝ, и могѫтъ ѿко вѣщѫны погóды въ зимѣ и въ лѣтѣ оу҃жúтыми бы́ти.

Познаменованíѧ ѿснои и сѫхóи погóды подаю́тъ оу҃глóвїи паѫкѝ, еслѝ изъ скры́тыхъ мѣстцъ свóихъ выла́зятъ; а еслѝ та́ѳ погóда мáе трвáти дóлше, то пока́ѕю́тъ гóловѫ, и выставлáютъ такóжь и нóги изъ свóи ѿмины, и чимъ дáльше вытагáютъ, тѣмъ дóлше бѫде крáсна погóда. Часóмъ надчинáютъ онѝ въ ночѝ свою́ тканúнѫúншою новóю паѫчúною, а тогды мóжна на дванáдцать до четырнáдцать днїй хорóшои погóды нáдѣати сѧ, и то тѣмъ певнѣйше, еслѝ они до тóго свои ѿйца кладѫтъ, що при горáчихъ лѣтáхъ до семѝ разъ дѣе сѧ. Ѳслѝ онѝ въ свóемъ притѫлúщи обéрнѫтъ сѧ, и починáютъ намѣсть головы́ пока́зовати ты́лъ, тогды́ съ пéвностїю дождж҃ нáдѣати сѧ, и то на такъ долгò, дóки онѝ въ тóмъ состоáнїю остаю́тъ сѧ.

Мáемъ еще́ за предвѣстники дождж҃, аво́ настáти маю́чои непогóды слѣдѫючое, ѿко: кѫренье сѧ солóманыхъ дахóвъ по дождѝ съ грозóю, славѣ и дрѣмлúве горѣнье огнà на огнúщи, трѣщанье лáмпъ и свѣчъ, ихъ пы́рсканье úскръ, тéмне и не ѿсне горѣнїе, многовáрѣный блéскъ коло ихъ пóломѣни; такóжь колѝ въ кóминахъ ды́мъ запираé сѧ, колѝ кода́ корóтко и безъ шѫмѫ кипúтъ, колѝ сѫхѣ дерéво и кáмѣнь потáтъ сѧ, сóль мокрѣе и смрóдъ зъ нѫжникóвъ и канáлóвъ выхóдитъ.

37.

Цвѣтки до вѣнка чести и братнѣй любве.

Нѣкóго не лай,
Кóждому честь дай,
То бýдешь съ всѣма жи́ти,
Всѣ бýдутъ тя любúти.

Будь терпли́въ,
Не скаплúвъ,
Бо кóжда рѣчь мáе свой
часъ,
Про тóе не всéго на рáзъ!

Все лишь прáвду говорй
За другúхъ ся не журй;
Кóждый за сéбе,
Нѣктó за тéбе
Не отвѣчáе,
И спрáву здаѣ.

Робй но небóже,
Богъ тобѣ помóже —
Скóро загнéшь рýки,
Не докáжешь штýки.

Будь бережли́въ,
Уживáй твоѝ сúлы;
Бýдешь щастли́въ,
Бýдутъ тя любúли.

Всѣхъ людíй ся рáдь
Съ нѣкúмъ ся не вáдь;
Свóй рóзумъ мáй,
О сéбе дбáй.

Люби всѣхъ,
Нáветь злúхъ;
Бýде гарáздъ тóбѣ
Пóмнятъ тя и въ гробѣ.

Простй всѣмъ
Ѩкъ грѣшнúмъ;
Бо, до лúха
Чей безъ грѣха
Нѣкóго немà
И мéжи нáма.

Кто не лéгко вéритъ,
Лишь сто разóвъ мéритъ —
Най ся не лякáе —
Наразъ протинáе! —

Лéкше кому́ сто радъ дáти,
Ѩкъ самóму разъ дѣлáти.

Лéкше все другúхъ гáнити,
Ѩкъ самóму що зробúти.

Кто всѣмъ хóче догодúти
Той не знáе свѣтъ цѣнúти.

Не всѣ Ангели въ нéбѣ,
Онй суть и на землй.

Предвсѣмъ потрѣба, абы кождый зъ насъ памятáлъ на свой обязáнности и повíнности: Пéрвый есть Бóгъ а потóмъ свѣтъ!

Старáй ся твоѝ повíнности погодíти съ твоéю чéстїю, понéже пéрвшїи мáютъ бы́ти всегдà для насъ свáтыми, а тáкъ ненарѫшéна.

Не одíнъ чоловѣкъ провáдилъ бы житьѐ щастливѣйше, еслíбы мѣсто грóшїй посѣдáлъ изъмцнїи и полéзнїи нaвки; бо тóй есть найбогатѣйшїй, котры́й въ припáдкѫ сказáти мóже: все моѐ съ мнóю, а тóго менѣ довóльно бѫде.

Оучи́ ся все основно и пи́льно въ шкóлѣ, то бѫдешь и пóзднѣйше въ общежитїю знáлъ мнóго — а кто себѐ ошѫкѐ за мóлодѫ, той бывáе ошѫканый и на стáрость. Лѣни́вый лишь кáже:

Кобы́то азбýка,
Вся бы́ла наýка;
Тобы́мъ ся не мýчилъ:
Всѣ шкóлы выýчилъ!

В. К.

38.

Слóнъ.

Слóнъ есть найбóльшїй изъ всѣхъ зéмныхъ звѣрѣвъ. Онъ мáе велúкѫю гóловѫ, дóлгїи и тóлстїи оухá, малéнькїи óчи, обви́слое чéрево, согнѫтый хребéтъ и толстїи безобрáзнїи нóги. Но изъ всегò найзнамени́тшїй есть оу нéго нóсъ или хобóтъ, и зѫбы. Хобóтъ подóбный есть до трѫбы, а слóнъ мóже егò не инò двúгати и згинáти, но такóжъ стагáти и выпрагáти, скривлáти и по вóли на всѣ стóроны нимъ махáти. Онъ оупотребля́е егò въ мѣсто рѫкъ, бере́ нимъ жúвность

и подноситъ ѭ къ роту, скубле траву, розвязве оузлы, замыкае и отмыкае заствки и проч. Подъ хоботомъ близько грудій находитъ са его ротъ съ двома дуже долгими клыками, зъ котрыхъ маемъ известнъ слонову кость. Що три годы тратитъ онъ тіи клыки, а намѣсть старыхъ выростаютъ ему новіи. Кожа его такъ груба и помурщена, же не можна ѭ кулею прострѣлити.

Єденъ славный испытатель природы зробилъ тое примѣченье: слонъ мае не иного понатливость бобра, искуство малпы и чувствительность пса, но ещѣ перевышшае въ всемъ тіи животна. Кромѣ сего мае силу отповѣднъ его велікости. Онъ живе дуже долго. Клыками своими повѣждае онъ льва; земля дрожитъ подъ его ступами; хоботомъ вырывае онъ дерева съ корѣнёмъ; розвалюе тажестію свого тѣла каменніи стѣны. Онъ самъ двигае больши машины и носитъ на собѣ такіи тагары, котрыхъ шѣсть силныхъ коній зъ мѣстца не подвигнутъ. Онъ есть отважнымъ, послушнымъ, а будучи роздроченъ познае того, кого любитъ, хотай и не оставлае безъ отмщена, если его кто оуразитъ. Онъ живитъ са рослинами, про тое всѣ животна не маютъ причины боатися его и всѣ его любатъ.

Слонъ живе въ южныхъ сторонахъ Азіи и Африки. Азіатскіи слоны сутъ больши и силнѣйши отъ африканьскихъ — они бываютъ десать до четырнадцати стопъ высокіи. Въ обще такъ ростъ ихъ ѭкъ и старость зависатъ отъ подсона, живности и состояня; на вольности бываютъ большими и жіютъ сто патьдесать до двохъ сотъ лѣтъ а наветь и долше.

Дикіи слоны не сѣть жаждни крви и свирѣпи, но кроткіи и оупотребляютъ силы свои лишь для обороны. Они ходятъ по большой части стадами; одинъ изъ найстаршихъ идѣ на передъ а другій изъ задъ такого стада, молодіи остаютъ въ серединѣ; матери носятъ маленькихъ слоновъ держачи ихъ хоботами. Но такій порядокъ захованютъ они лишь тогды, коли выходятъ на оуправленіи поля и подверженіи быкаютъ опасностемъ.— Въ лѣсахъ и степахъ ходятъ они съ меншою осторожностію; однакожъ не отдаляе са одинъ отъ другого, абы въ потребѣ скорше совокупити са могли. Случае са, що часомъ поединоки далеко остаютъ са изъ задъ отъ цѣлого стада, и такихъ только люде ловити осмѣляютъ са; нападати во на цѣлій стада слоновъ не былобы порадно и самомъ воорженомъ войскъ. Они идутъ прямо на своихъ непріятелѣвъ, и кромѣ тяжкости ихъ тѣла, могутъ такъ скоро бѣгчи, що оувѣгнути передъ ними трудно. Они любятъ совѣ ходити по надъ береги рѣки, бо безъ воды долго вытримати не могутъ; часто купаютъ са и плаваютъ превосходно, хотай сутъ такъ тяжели и безъобразіи. По полахъ робятъ велику шкоду, и топчутъ больше ногами, якъ съѣдаютъ, хотай еденъ слонъ проденно около 150 фунтовъ травы для поживленя потребуе.

Слоновъ ловятъ только черезъ хитрость. По середъ лѣсовъ, въ которыхъ они находятъ са, оставляютъ мѣстце грубыми столпами, связуютъ тіи докупы поперечными платвами оставляючи межи ними только мѣстца, щобы лишь человѣкови перейти было можно. Въ той загородѣ

оставля́ютъ едéнъ бо́льшій отворъ подо́бный до воро́тъ, котры́мъ бы сло́нъ мо́гъ перейти́, а ѣ́къ ско́ро посере́дъ того́ отво́ра нахо́дитъ са, спꙋска́е са на не́го нечáянно зáхлопка, зъ котро́и ни въ пере́дъ ни въ зáдъ освободи́ти са не мо́же. Оу́томле́номꙋ вкладáютъ на хобо́тъ и но́ги ланцꙋхи́; пото́мꙋ приво́дятъ до не́го двóхъ или трёхъ освоéныхъ сло́нꙋвъ, спрагáютъ его́ съ ни́ми и въ ко́лько́хъ днáхъ дае́ са хи́тростію, мꙋ́ками и ла́скою освои́ти. Въ и́номъ же слꙋчаю, хотячи́ сло́на злови́ти, выко́пꙋютъ глꙋбо́кіи и широ́кіи ѣ́мы по доро́гахъ, котры́ми сло́ны найчастёйше хо́дятъ, покрываютъ тіи ѣ́мы дро́бнымъ галꙋзьёмъ и присы́пꙋютъ земле́ю. Е́сли́ слонъ попáде са въ такꙋ́ ѣ́мꙋ, то не мо́же самъ зъ не́и бо́льше вы́йти, а тогды́ бывае лéгко его́ оу́кроти́ти (освои́ти). Освоéный сло́нъ оу́же нѣко́ли бо́льше не дичёе, о́нъ стае са сми́рнымъ и послꙋшнымъ звѣрёмъ. Въ коро́тко́мъ часѣ навчитъ са понима́ти всѣ знаки́, розлича́ти го́лосъ и роби́ти, що емꙋ роска́же са. О́нъ нѣко́ли не оши́бне са въ розꙋзна́ню го́лоса сво́го Па́на, и исполна́е его́ при́казы тща́тельно, зъ во́льна и розꙋмно. Мо́жатъ, що о́нъ дꙋ́же лю́битъ носи́ти на со́бѣ блища́чій оу́бо́ръ и хоро́шіи покры́вала.

Привче́нїи сло́ны запрагáютъ са до возо́въ, и идꙋтъ повóльнымъ и ро́внымъ кро́комъ. Въ Їндїи просыла́ютъ са всѣ тажкіи това́ры зъ едно́го мѣ́стца на дрꙋго́е на сло́нахъ. Погóничь сѣди́тъ звыча́йно сло́нови на каркꙋ́, трима́ючи въ рꙋцѣ́ желѣ́зный молото́къ, котры́мъ его́ часо́мъ въ го́ловꙋ бїе́, ско́робы ставáти хотѣ́лъ; но ча́сто досы́ть едно́го го́лоса, абы́ его́ по́дъгнáти, особли́во

еслй слóнъ давнò привы́къ къ свóемꙋ погóничю. Онъ его тáкъ лю́битъ, що нѣкóго крóмѣ нéго не слꙋхае. Быва́ли примѣ́ры, що слóны оу҃бйвши въ гнѣ́вѣ свóго погóнича, потóмꙋ самїи оу҃мира́ли зъ тóски. —

Въ нѣкотóрыхъ азїáтскихъ стáтахъ сꙋть бѣ́лїи слóны въ велйкóй пóчести; тамъ трима́ютъ ихъ въ великолѣ́пныхъ забꙋдова́нїяхъ, призна́чꙋютъ для нихъ особли́вꙋ слꙋжбꙋ, котрà ихъ обхóдитъ, кóрмлятъ ихъ изъ золоты́хъ сосꙋдóвъ найвыборнѣ́йшою па́шею; покрыва́ютъ ихъ богáтыми оу҃бóрами; и не запрага́ютъ ихъ до жáднои прáцѣ.

Изъ їстóрїи зна́емъ, що въ дрéвныхъ часáхъ въ Áзїи а на́вѣть и въ Єѵ҃ропѣ дꙋже чáсто слóновъ въ войнахъ оу҃потребля́но, и нынѣ еще гдекóтрїи їндїйскїи владѣ́телѣ оу҃дéржꙋютъ воéннїи слóны не тóлько для ви́да, бо въ самóмъ дѣлѣ ихъ на вóйнѣ оу҃потребля́ти тепéръ при изъобрѣтéнїю пóроховъ стрѣ́льного и орꙋжїа пáльного не мóжно; онй бо дꙋже боя́тъ ся огня́. По бóльшой чáсти оу҃потребля́ютъ ихъ для лóвлѣ дйкихъ слóновъ.

Єѣдѣ́ти на слóнѣ есть беспéчно, бо онъ нѣкóли не потыка́е ся, но не выгóдно. — Онъ ма́е дꙋже любйти ара́къ, горѣ́лкꙋ и прóчїи спїрїтꙋсóвїи напóѣ. Въ найбóльшой ѣ҃рости вздꙋчй цадйтъ онъ ты́хъ людїй, котрїи ничъ зло́го емꙋ не зробйли. Изъ слѣдꙋючого примѣ́ра мóжно видѣти, ѣ҃къ тóе живóтно намата́е добрò, котóрое емꙋ сдѣла́е ся: Въ Пондишéри пойлъ едéнъ вóякъ тамóчнои залóги слóна кóлька разъ горѣ́лкою. Єдного ра́зꙋ тотъ вóякъ въ пáномъ состоя́нїю былъ цось провинйлъ и оу҃тѣка́лъ, — но стра́жь войскóва гна́ла за нимъ: онъ оу҃видѣвши того слóна, котрóго

колúсь напáлъ горѣлкою, схováлъ ся пôдъ нéго и заснúлъ. Выслана за вóжкомъ стрáжь кúсúла ся кôлька разъ схватáти егò, но слóнъ ôтганáлъ ихъ свóимъ хобóтомъ. Вóжкъ переспáвши ся, дúже ся настрáшилъ, видячи, надъ собóю такъ стрáшнú потвóрú; но слóнъ не дѣлáючи емú жáдного злà давáлъ емú пôзнáти, абы отъишóлъ и не боáлъ ся.

Цижь не встыдáе тое живóтно не одного чоловѣка, котрúй протúвú свóго нерáзъ найбôльшого благодѣтеля, не инò же не есть вдáчным, но ещѐ и лю́тым?

———

В. Волянъ.

39.

Потôкъ, стáвъ, сóнце.

Блúзъ при ставѣ
Въ густôй травѣ
Сварлúвъ потôкъ
Повóли тѣкъ. —
Разъ го стáвъ
Запытáлъ:
„Мúлый сусѣдо! що за причúна,
Що все воркóчешь, ґакъ Бóжа днúна?“
А потôкъ
Такъ ôтрѣкъ:
„„Мóжный сусѣдо! по що пытáти?
Мою недóлю самъ мóжешь знáти;
Той, що надъ нáми висячій огéнь
Печѐ мя, палúтъ, скваритъ весь дéнь!
По камѣнцяхъ ся въ нýждѣ толчý,
Крóплю по крóпли ещѐ волочý!
Кобы ґа въ вóды, ґакъ ты, богáтый,
Не дôзнáлъ бымь былъ такóи стрáты;
Пустúлъ бымь зъ сéбе, густýю пáру
Заслонúлъ зéмлю ôтъ тóго сквару,

Тай тебѣ, тай собѣ!“
Ста́въ ся зъумѣ́лъ — —
Весь запіумѣ́лъ;
Акъ ѳтны пѣчь
Акъ де́нь такъ но́чь
Тума́ны па́ры
Акъ густи́ хма́ры
До горы́ зьяе,
Тай — — высыха́е!
Тепе́рь пото́ка со́нце пыта́е:
„„„Що ти, пото́че, такъ докуча́е,
Що разъ въ ра́зъ гомони́шь
Се́рдишь ся тай свари́шь?““
А о̂нъ смире́нно такъ о̂тпове́сть:
„„Мо́го сусѣды бо́де мня зло̂сть,
Щось го згуби́ло,
Ясне свѣти́ло!
Онъ то хотѣ́лъ тебѣ затьми́ти
О̂тъ тво́ихъ лучь свѣтъ заслони́ти!““

Що ино̀ рѣ́къ
Уже́ не тѣкъ! — — —
О̂нъ безъу́мный не по̂зна́лъ,
Що самъ зъ ставу̀ выплыва́лъ . . . .

——— *Лука̀ зъ Ра́кова.*

40.

Казка: „Та́къ свѣ́тъ плати́тъ.“

Разъ нѣ́съ селяни́нъ зъ лѣ́са то́пливо, а колѝ тягаръ вхѣ́лъ мѝ съ въ плѐчи, о̂ттомле́нъ ки́нѝлъ го на зе́млю, сѣ́лъ на ка́мени стерча́то̂мъ изъ скалы̀, щобъ о̂тдыхну̀ти и на си́лахъ покрѣпи́тисѧ. Къ то̂мъ зачу̀ваѐ зойкъ изъ пече́ри: „Ахъ чоловѣ́ченькѝ бо́жій, мо̂й татѝненькѝ всемилости́вый! помилу̀й менѐ о̂кая́нну̀ю, о̂ткалѝ ка́мѣнь,

бо загинѹ, въ твоихъ рѹкахъ моя дола, а ѩ ти отплачѹ, ѩкъ свѣтъ найлѹчше платитъ!“ — Селянинъ зѹмѣлъ са не мало, що бы то могло быти, смотритъ, ажь то велика гадина шелиною выставляе голову. Человѣкъ сей, добродѹшный и на звѣря, не долго дѹмалъ, но тотъ часъ отвалилъ камѣнь, а оутѣшена гадина высѹнула са изъ печеры, звила са въ крѹгы и кидала са горѣ, а отрѣпавши са такъ каже своме благодѣтелеви: „Но человѣче, лагоди са, тепер твоя смерть!“ — Сесѣ слова мовь молнїа оударили въ сердце селянина, оужасъ прошивъ его кости, ледво що дѹхъ довыва са изъ грѹди, тай очѹнявши гдецо говоритъ: „„Та що ты говоришь? ци до тебе приствпило? не менѣ ли клыкалась на помочь, не ѩмь ли отвалилъ камѣнь? не ѩмь ли тобѣ жизнь спасъ?““ — „Все то добре и хорошо, но и менѣ стоитъ договоръ додержати, а ѩ тобѣ обѣцала такъ заплатити, ѩкъ найлѹчше свѣтъ платитъ.“ — „„Але бой са Бога, ци менѣ оужѣ загибати въ найкрашихъ лѣтахъ жизни? мае моя жѣнка повдовѣти, мои дѣти сиротами лишити са, и моя крвава праця запропастити са?““ „Все то ничъ не поможе, такъ свѣтъ платитъ!“ „„Коли менѣ оужѣ годѣ на свѣтѣ жити, молю та ещѣ передъ кончиною о едно милость: отдаймо сесю справу подъ розсѹжденье иншихъ, най, если такъ сѹдъ повелитъ, знаю, що справедливо сесѣ менѣ са приключило.““ „Що на тое, то изволю,“ рекла гадина, „але знай, що, если моя вѹде правда, тобѣ скончати тотъ часъ!“ —

Идѹтъ обое гладѣти сѹдїю, человѣкъ, а съ нимъ гадина, гейбы дїаволъ при грѣшной дѹши,

и го́дѣ ей сѧ спѣкати лѝбо изѣ́гчи. Въ тѣ́мъ прихо́дятъ до едно́го мѣ́стцѧ и ба́чѫтъ, ажъ тамъ ѹ̑ пло́та стои́тъ стары́й соба́ка на ѹ̑вязи. — „Ѩкъ ты пожива́ешь, вѣ́рный сто́рожѫ до́мѫ?“ спроси́ли прихо́дцѣ — „„Отъ, ѩ̃къ ба́чите.““ — Чоловѣ́къ: „сдѣла́й ми́лость и вѣ́дь розсѣ́дцёмъ въ на́шо́й спра́вѣ;“ и сталъ емѫ при́ключкѫ съ всѣ́ми подбро́бными овстоя́тельствами розка́зовати. Одна́ко бры́сь вы́слѫхалъ съ терпли́востїю, и спроси́лъ га́динѫ: „а ци та́къ бы́ло?“ — „Та́къ бы́ло!“ ѿтповѣ́ла га́дина — Бры́сь до га́дины: „Твоѧ спра́ва до́бра,“ — а до чоловѣ́ка: „чоловѣ́че товѣ ѹ̑мира́ти, бо та́къ свѣ́тъ пла́ти́тъ! Ѩ по́кимъ былъ молоды́й, былъемь лю́би́мцёмъ мого па́на, ло́вилъ безъ ме́не нико́ли не ѿтбы́ла сѧ, ѩ̃ кѫхню па́нькѫ наполна́лъ за́ѧцами, серна́ми и всѧ́кою дичино́ю, панъ ходи́лъ въ ли́сахъ и волка́хъ, котрїи ѩ̃ гони́лъ, по́здньѣе стерѣ́глъемь до́мъ ѿъ злодѣ́евъ, панъ такъ менѣ́ люби́лъ, що да́вано за ме́не кары́тѫ и цѫго́ви коне́ь, но ѿнъ за жа́дни́ гро́ши былъ бы ме́не не ѿтстѫпи́лъ. Тепе́рь же, коли ѩ̃ ѹ̑жѣ́ стары́й, рѫша́ти сѧ и га́вкати не могѫ, кѫхарѣ́ лїя́ли на ме́не кинато́къ, а на́кеть менѣ́ сюда́ вы́вели, до пло́та приказа́ли, и ма́е прїйти, а мо́же и вдѣ́ пала́чь, щобы па́лкою сдѣла́ти коне́цъ мо́ей нѫждѣ.“ —

Нещастный селянинъ вачѫчи, що програ́лъ спра́вѫ, про́ситъ зака́заного тока́риша о ѿне́сенькѣ сѧ до и̑ншого сѫда. Га́дина и на то́е пристаѐ. Идѫтъ ово́е по ѹ̑рѫгахъ, керте́пахъ, де́врахъ и ле́са́хъ, а на конѣцъ прихо́дятъ на то́локѫ и ба́чатъ старо́го конїска, ѩ̃къ спѫстилъ го́локѫ; во́кы его́ стиснѐны мокь до́ска, окадна́ овсѣ́ла

цѣлы́й то́лѣвъ; по́тъ лїѣ сѧ, не ма́е си́лы кѣса́кѣ о́тъгна́ти, вѣ́теръ лишь розвѣва́е его́ гри́вою. — „Ѩкъ сѧ ма́ешь ты благоро́дный ско́те?“ спроси́ли прихо́дцѣ. — „Такъ, ѩкъ ба́чите!“ — Проси́ли его́ вда́ти сѧ въ тво́ю ихъ спра́вѣ съ дода́ткомъ, що чоловѣ́къ въ едно́й їнста́нцїи о᷑же́ програ́лъ спра́вѣ. Вы́слѣхавши конїско предложе́нье терпли́во, выдае́ сѣдъ: „Га́дино, твоя́ пра́вда, бо та́къ свѣ́тъ плати́тъ! Ѩ коли́сь бы́лъемь молоды́й, о᷑мѣлъемь розли́чнїи штѣ́ки; ѩкъ вы́вели менѣ́ изъ ста́йнѣ, то ѩ всѣ го́стѣ забава́лъ. Що бо́льше, носи́лъемь мо́го пана въ во́йнѣ, коли́ градъ кѣ́ль сы́палъ сѧ, не́разъ швидкостїю мо́ихъ копы́тъ спа́слъемь жизнь мо́мѣ па́нѣ и допомо́глъ емѣ́ до сла́вы, — дла то́го ходи́ло коло ме́не зае́дно двохъ людїй, менѣ́ два ра́зы на день чеса́ли, ове́съ и сѣ́но найдоборнѣ́йше дава́ли, въ ста́йни бы́ло ѩкъ въ свѣтли́ци, въ лѣ́тѣ про овадню́ влага́ли на ме́не сѣ́ткѣ, и мо́й па́нъ за полови́нѣ села́ бы́лъ бы менѣ́ не да́лъ. — Коли́ же ѩ сѧ постарѣ́лъ, то мори́ли менѣ́ го́лодомъ, на́вѣть и соло́мы не дава́ли, да́же на по́слѣдокъ вы́волокли менѣ́ сюда́ на то́локѣ, що бы во́лкъ менѣ́ о᷑дси́лъ.“ —

„Що тепе́рь чоловѣ́че?“ спра́шѣе га́дина. — „„Но о᷑же́ двѝчи сдѣла́лась менѣ́ ми́лость““ о́тповѣ́лъ селани́нъ, „„еще́ про́шѣ до тре́тѣго разѣ, сли твоя́ бѣде пра́вда, то о᷑же́ ти бо́льше доскѣ́лювати не бѣдѣ; тогды́ робѝ съ мно́ю, що хо́чешь.““

„Еще́ разъ,“ сказа́ла га́дина, „предъ тво́ею сме́ртїю, най бѣде по тво́емѣ жела́нїю; но знай, що то бѣде ра́зъ послѣ́дный и ты па́дешь мертвцёмъ.“ —

Идѫтъ обóе кѫпно, дáже по пѫдъ лѣсъ на оболóню лисъ вѣжúтъ. „Гей, пáне лúсе!“ клúкнѫли, „погодú не мнóго; вѫдь сѫдïéю въ справѣ такóй и такóй; оу̑жѐ въ двóхъ їнстáнцïяхъ проигрáна.“ Лисъ, мѫдра головà, дѫмае си, що бы то за дѣло бúло, що бы го лисъ не змѫдровáлъ, но слухае ѣкъ роскáзюютъ. Моргнѫлъ потóмъ на чоловѣка и шéпнѫлъ емѫ: „„Я дасú менѣ всѣ твоú кѫры, то тà úзбáвлю изъ нѫжды.““ — „Що кѫры?“ сказáлъ чоловѣкъ, „„нáветь и гѫси, а хóтьвы и цѣлóе имѣнье: оу̑ мéне жúзнь дорóжша нáдъ все!“ — Лúсъ привráлъ пóслѣ тóго видъ безсторóнного сѫдïй, тай говóритъ сѫпéрникамъ: „„Ёсть то вáжна справа, бо тѫтъ идѐ о житьѐ и смéрть, тамъ тотú сѫдúли, а не пересвѣдчили сѧ, тáм справа на тóмъ мѣстци рѣшéна бúти мáе, где сѧ бúлагла. Отъ намъ трéба на мѣстце пóйтú, и очевúдно пересвѣдчити сѧ, котрà сторонà прáвдѫ мáе.““ — Ѭкъ скáзано такъ и сдѣлано . . .

Ѭкъ прïшлú на нецáстное мѣстце, мóвитъ лúсъ сѫпéрникамъ: „„Тепéръ справа мáе сѧ точúти изъ самóго початкѫ, ты чоловѣче сáдь си на тóмже кáмени, на котрóмъ сѣдѣлъ есь, а ты гáдино лѣзь въ печéрѫ, гдесь бúла. Обóе послúшнú вóли сѫдïй; чоловѣкъ сѣлъ на кáмени, а гáдина всúнѫла сѧ въ печéрѫ. Тѫтъ моргнѫлъ лúсъ на чоловѣка: „„Ѭже шкúдко привалú гáнькѫ,““ а той не дáлъ си двà рáзы сказáти, но сей чáсъ привалúлъ кáмень на ôтвóръ печéры. Чоловѣкъ лéдво що змóглъ вѣрити своéмѫ цáстю, стáлъ благодарúти своró довродѣя, що лúшк за его пóмочïю спасéнъ ôтъ неизвѣжúмои смéрти. — Лúсъ ôтвѣ-

чáє: „„Але тáмь ты за кѫ́рки, зáѫтра досвѣ́та вѣ́дѫ на твоємъ обличію по снѣдáнокъ.““

Прихóдитъ чоловѣ́къ до дóмѫ оу̑рáдованъ ѣ̑къ вы сѧ дрѫ́гій разъ на свѣ́тъ народи́лъ, и роскáзѳє своéй жѣ́нцѣ всю свою пригóдѫ, величáє мѫ́дрость лúса и прибавлáє, цо за тотъ̀ штѫ́кѫ овѣцáлъ емѫ̀ всѣ кѫ́ры, и цо зáѫтра досвѣ́та мáє по нихъ прїйтú. — Але жѣ́нка не соглашáла сѧ не сесѣ́ предложéньє, бо ѣ̑къ зъ еднóи стороны рáдовала сѧ спасéньемъ свóго мѫ́жа, такъ зъ дрѫ́гои стороны мариковáла за кѫ́рьмú. —

На дрѫ́гій день досвѣ́та жѣ́нка идѣ́ къ ôкнѫ̀, а побáчивши, ѣ̑къ лúсъ по подвóрю хóдитъ то тѫ̀, то тáмъ, а все сѧ въ ôкно̀ дúвитъ, склúкнѳла рáзомъ на мѫ́жа: „Чѫ́ешь стары́й, гдéсь сѧ тѫ̀ лúсъ перéдъ ôкнами взáлъ“ — „„Я то тóй либóнь, цо менѣ́ избáвилъ, прїйшóлъ по кѫ́ркú““ — „Хибà бымъ зъ оу̑ма сѫ́шлà, цобымъ ѣ̑ мѫ̀ кѫ́ркú дáла, — отъ, слáва Бóгѫ̀, колú ты здорóвъ. Возьми рѫ́чнúцю, тай зáстрѣли лúса, вѣ́дешь ещѣ́ мáти за шкóрѫ̀ кóлька рéньскихъ.“ — Чоловѣ́къ послѫ́халъ свóю женѫ̀, взáлъ рѫ́чнúцю и скрóзь ôкно̀ вы̑палилъ до лúса. Бѣ́дный лúсúско ражéнъ смертоносно воскликнѫ́лъ жáлко: „„Тáкъ то свѣ́тъ платúтъ!““ и застúлъ на мѣ́стци.

Перемышлянúнъ.

41.

Цо есть лѫ́чше?

Ци на самôмъ вершкỳ горы̑ стáвити хатúну?
Ци широ́ку и зелéну обрáти долúну?
Лихѣ́ вѣ́тры̑ горóю вѣ́ютъ, все зъ нéи скидáютъ
А долúны тихóнькон рѣ́дко досягáютъ. —

И. Гушалéвичъ.

42.

Прíтча о ѩ̃блоцѣ.

Єдного рáзъ роздъмовали лю́де о тóмъ: ѩ̃ко щáстье комъ сѫ́джено. Дѣ́ло не бы́ло безъ зáвисти: слабíи зáвидовали здорóвымъ, молóдшíи стáршимъ, а особли́во бѣ́днíи богáтымъ. Бѣ́днíи твердíли, же щáстье лишь самó становúтъ богáтство, и же колú человѣ́къ есть богáтый, то все емъ вéдѣ сѫ.

Мúдрецъ, вы́слúхавши всѣ тíи неразъмíи прúдъмки, сказáлъ слѣ́дующъ прúтчъ: Зналъ́емъ колúсь одного́ богача́, жúлъ о́нъ въ вы́золоченыхъ палáтахъ, носúлъ тонкóе, дорогóе плáтье; солóдко ѣ́лъ, солóдко пúлъ: всѩ́кúй день о́у него́ дóма вы́лъ мóкъ то пúръ ѩ̃кúй. Разъ прúѣ́халъ до богача́ въ гóстѣ старúкъ дръ́гъ, давно́ о́уже́ онú не видáли сѫ; въ рáдости богáчь приготóвилъ пúръ велúкúй и созвáлъ гóстей. На столѣ́ бы́ли поставлéнíи золотíи и сребрáнíи нáчинъ, а въ нáчинѣхъ бы́ли дорогíи стрáвы; кы́вки такóжъ бы́ли золотíи, а въ кы́вкахъ пѣ́нили сѫ замóрскíи вúна.

Долго́ сѣ́дѣли прúя́телѣ за столóмъ; ѣ́ли и пúли, и бы́ли весéлú; лишь госпóдарь мáло що ѣ́лъ и пúлъ, хотя́ и вéлъ потѣ́шнúю бéсѣ́ды съ скóними гóстьми. Подъ конéцъ овѣ́да привы́кшúй дръ́гъ сказáлъ до богача́: „нѣгдéмъ не видáлъ такóго богáтства и такóи роскóши, ѩ̃къ о́у тéве, дóлжно сказáти, же нѣ́тъ человѣ́ка щастливѣ́йшого о́тъ тéве въ цѣлóмъ свѣ́тѣ.“

Богáчь костúнъзлъ, взáлъ нъз золотóго нáчинъ ѩ̃блоко, и подáлъ его́ прúя́телеви; ѩ̃блоко

было рѹмáне и свѣже на вúдъ, — но колú его розкроúли — въ немъ сѣдѣлъ червáкъ и точúлъ его середúнѹ.

Всѣ гóстѣ съ оу̑дивлéнїемъ посмотрѣли на богачà, а тóй промóвилъ: „тóе ѣблоко éсмь ѣ; зъ вúдѹ ѣ цастúвъ; а нѣкóмѹ не замѣтно, же червáкъ менѣ тóчитъ.“

По тыхъ словáхъ богáчь розвернѹлъ своѣ богáтое плáтье и всѣ оу̑вúдѣли, що на грѹди его бúла страшнаѧ, неизлѣчúмаѧ рáна, котрѹ назывáютъ рáкомъ.

„Отъ, моѣ и цáстье“, сказáлъ богáчь; „що менѣ по дорогóй стрáвѣ? — не солóдка онà мнѣ; що менѣ по золотúхъ нáчинахъ? — нúми рáны не залѣчишь; що менѣ по грóшéхъ? — за нúхъ здорóва не кѹпишь!“

И ôтъ тóи порú перестáли зáвидовати богачѹ. —

Що тѹтъ о богáтствѣ говóритъ сѧ, то мóжно и о всякóмъ дрѹгóмъ дѣлѣ сказáти. Не зáвидѹй ни стáршимъ, ни сúльнымъ, ни богáтымъ; имъ мóже бúти часóмъ сѹмнѣйше, нежéли товѣ. Малáѧ лодà по рѣцѣ хóдитъ и рѣдко на нéй бѣдà бывáе; вóльшiй корабéль по мóрю плáвае, за то вѹра его въ дробéзки розбивáе. Посмотрú, кѹдà грóмы бúютъ, — не въ нúзкiй кóрчикъ, но въ высóкое дерéво.

Бóгъ дáлъ нáмъ оу̑мъ на тóе, щобúсьмо моглú и своѣ добрò оу̑множúти, и ôтъ бѣдú охоронúти сѧ; кто оу̑менъ и оу̑чéнъ, томѹ чáстше дѣло повездѣ сѧ; но Бóгъ нáмъ дáлъ оу̑мъ и на тóе, щобú въ нещáстю дáрмо не нарѣкáти, но блúжше поѕмотрѣти: ôтъ чегò прiйшло нещáстье; та еще

дáлъ нáмъ Бóгъ оу̑мъ и на тоѣ, щобъ никóмꙋ не завúдовати и знáти, що оу̑ кóждого есть свóй червáкъ на сéрдци.

Не все зóлото, що сѧ свѣ́титъ — но протúвно мнóгїи сѣ́ть вѣ́щи, котрїи сѧ не свѣ́тятъ, а сѣ́ть дорогоцѣ́ннѣ́йшими ѣ̑къ зóлото. Чúста сóвѣсть и въ найбóльшóй скры́тости есть скáрбомъ бóльшимъ, ѣ̑къ всѣ́ скáрбы цѣлóго свѣ́та.

Вѣ́стникъ.

43.

Скитáлецъ.

„Кудà хóджу,
Кудà бróджу,
Все сумýю,
Часъ гайнýю,
Ту ѣ̑ днýю,
Тамъ ночýю,
И не знáю,
Кудà мáю
Ще ходúти,
Все блудúти!“

„Кудà глянý
И где стáну,
Нѣ̑ хатúны,
Нѣ̑ родúны,
Анѣ̑ брáта,
Анѣ̑ свáта
Ѣ̑ не знáю
Въ жáднóмъ крáю,
Бо скитáлецъ
Самъ ѣ̑къ пáлецъ!“

В. К.

44.

Два товарищѣ́.

Лéгкимъ крóкомъ спѣ́скáли сѧ два человѣ́ки зъ однóи зъ найвы́шшихъ полонúнъ Бескúдовъ Стры́йского окрѣ́га, припирáючои до Опóровои рѣ́кы, дóлѣ́ стрóмкúми и крѣ́ты́ми стежкáми до блúзкого невелúчкого села, що тѣ́тъ по при полонúнѣ́ надъ рѣ́чкою розпростерáло сѧ. Обà бы́ли мáйже еднакóвого взрóста, но не еднакóвыхъ

лѣтъ. Пе́рвшій зъ нихъ, бы́лъ то молоде́цъ въ по́лно́й весны́ си́лѣ. Черствы́й, ѣдрный, ле́гкій. Подо́ба его́ бы́ла скла́дна и надо́бна; лицѣ, хоть причорнѣ́ле, а́ле рѳма́ное, о́ко ѣ́сне, чоло́ высо́кое. А́ле въ цѣло́й то́й подо́бѣ знаходи́ло са́ щось непринадного, ди́кого. На чолѣ, где завча́сѳ, ѣ́къ са́ зда́е, приго́ды житъ гла́дкѳ ро́внинѳ, гл҃во́кими поора́ли ски́вами, залягла́ ѣка́сь те́мная хма́ра и оввѝсла по надъ гѳстіи бро́вѝ ѣ́къ мра́чный тѳма́нъ по надъ полони́нніи верхѝ, а зъ очій ѣ́сныхъ све́ркало ча́сто и́скрами, мо́вь головна́ми зъ розжаре́ной безо́днѣ. На о҃ста́хъ, крыхи́тѳ за ши́рокихъ, пошвла́ло са́ щось нѣ́вы поноше́нье и нена́висть, а въ гл҃во́кихъ про́ломахъ твари́ гора́чая пристра́стность и завза́тіе. Одна́кожь осѣда́ло часа́ми на ты́хто о҃ста́хъ и чолѣ́ щось такъ мягко́го и тѳжли́вого, а въ очѣ́хъ така́ ѣка́сь задѳмчи́ва скѳ́ка и бо́лѣзнь, що въ то́й хви́ли та́жко кто не прихили́лвы са́ цѣлы́мъ се́рдцемъ къ не́мѳ. Сло́вомъ гра́ммота лица́ того́ молодца́ ма́ла въ со́бѣ ѣко́есь та́йное и, каза́лвымъ, сѳпере́чное письмо́, кото́рое и дѳже письме́нномѳ та́жковы бы́ло прочита́ти. Одна́ то́лько е́мко́сть и о́тва́га выкрыва́ла са́ розлѳ́чно въ ко́ждо́мъ его́ рѳхѳ, въ ко́ждо́мъ позре́нію. И его́ ба́тьковщины го́дѣ о́тгада́ти. Зъ оде́жи сѳди́лвысь, що есть мѣщани́номъ зъ ѣко́го мѣста на Рѳси, або варышо́вико́мъ зъ Кѳтъ, що за коза́ми хо́дятъ; но прислѳхавши са́ бе́сѣдѣ, тай по хо́дѣ и кѳчерахъ, въ нела́дѣ на широ́кое плечѣ спада́ючихъ, приса́гъвысь, що его́ роди́ла Верхо́вина. А малъ на со́бѣ жѳпа́нъ хоро́шій изъ си́ного сѳкна́, шолко́вый по́ясъ тка́ный въ парти́цѣ съ позолоче́ными то-

роками, сúвѕ шáпкѕ съ червонáкымъ верхóмъ на головѣ, и жóлтїи сафїановїи чóботы на ногáхъ. Зъ пóдъ жѕпанà, котрóго обѣ пóлы пóдъ пóясъ высóко бúли заложéными, вúдко бúло сúнїи широкїи штанú, высóкїй ремѣнь гвоздкáми зъ гѕста цáтковáный, а за ремéнемъ блúснѕли часóмъ, ѣкъ сà полà въ хóдѣ бóльше òтвúнѕла, двѣ рѕкоéмы пистолéтовъ. Подвóйка и тáйстра черéзъ плечѐ, тай хорóшаѫ зъ нáсѣчки бáлта, становúли послѣднїи принадлéжности сегò чоловѣка.

Егò товáришь былъ то собѣ гéйбы дѕбчáкъ середовѣчный, съ широкúми ѣкъ двéри плечмú, áле съ малéнькими очúма и горбáтымъ нóсомъ. Зъ егò твáри снѣдóи и протáтои и гаѕбóко запáлыхъ зѣнúць мóжна бúло догáдовати сà, що въ тóй печú óужѐ давнò вúгорѣло. Òтѕденò спозирáлъ ôнъ óужѐ на свѣтъ окóло себѐ, но пóзóръ сéй малéнького чóрного óка не корóжилъ ничъ цúрого. Былъ то пóзóръ лúса, що за кáвомъ хóдитъ. Одéжа егò бúла подóбна до одéжи пéрвшого токáриша, однáкожь óного, май лѣпша и дорóжша ѣкъ сéго, и здавáловыся, що сей есть слѕгóю óного, авò пóдвладнымъ емѕ свожкóмъ. Провáдилъ ôнъ за совóю два осѣдланїи кóнѣ, котрїи на пéркшїй взóръ розпòзнáти бúло мóжно, що сѣть гѕцѕльскими.

Долгò шúлú онú не промовлáючú до сéве áнѣ одногó слóва, и пéркшїй здавáлъ сà слѣдúти за орлóмъ, що гдéсь зъ пóдъ полонúны поквúлъ сà, и чимъ разъ блúжше и блúжше мъ проганáти, а дрѕгїй позирáлъ цѣкáко то въ тѕю то въ óнѕю стóронѕ до сéлъ повлúзкихъ, ѣквы розпòзнакáючи, котрѐ крáшше, богáтше. Ѩжь дáлѣй стáлъ молóд-

шій, знáлъ зъ плечà подвóйкѕ, и кáже до стáршого: „Чи вúдишь ѿкъ вúлѣзъ высóко, но ѿ го мѕшѕ зъсадúти; идú дáлѣй съ кóньми и ждú на мѧ пóдъ полонúною, менѣ кортúтъ докóнче óнѕю птúцю справúти, не однó онà ѿгнѣ оу҃вúла.“ И звéргъ зъ головы шáпкѕ, лáгъ горѣ грѕдьмú въ продолúнкѕ, свúлъ сѧ въ тѣснúй клѕбóкъ, приложúлъ подвóйкѕ до прáвого óка, тай начáлъ нерѕхóмо слѣдúти за довкúчею. Майже дóлше годúны крѕтúла сѧ птúцѧ въ высóкихъ воздѕхахъ, и то взносúла сѧ, то знóвъ спѕскáла сѧ, то знóвъ взлѣтáла вúшше, плаваючú крѕгомъ по надъ нéго ѿкъ козáцкаѧ чáйка по широкóмъ мóри. И майже бóльше годúны лежáлъ нашъ незнакóмый, свúтый въ клѕбóкъ, держачú обомà рѕкáми кóло лицà подвóйкѕ, готóвый въ кóждой хвúли плюнѕти нéю до вѕáючои птúцѣ. Але орлúне óко не лéгко залѕдишь. Оу҃жѣ сѧ спѕстúлъ вúлъ влúзъ надъ мнúмый жúръ, оу҃жѣ задрожáла ватáскаѧ жúлка въ рѕцѣ залѕдника, но ѿкъ ракéный звинѕлъ сѧ напрáсно орéлъ, и нѕжь на нóво на безмéжное мóре. И взнѣсъ сѧ знóвъ высóко, и ѿкъ мáкове зéрно алъ плáвати крѕгáми по надъ полонúнѕ, ажь на послѣдокъ спѕстúлъ сѧ мáло нúже, стагнѕлъ мовь въ двѣ долóнѣ сагóвúи крúла, и полетомъ камѣня верженого зъ нéба, метнѕлъ собóю на довкúчѕ. Но не долетѣлъ живúмъ. Въ половúци дорóги срѣтила егò кѕлька завзáтого лóвцѧ, и розтрѣскала на зáвсе высокопóдрнии крила. Ватáсъ схóпилъ сѧ, протягнѕлъ сѧ ѿкъ стрѕна, и кóпнѕвши ногóю птúцю, що о два крóки кóло нéго оу҃пáла, поспѣшúлъ спóрымъ хóдомъ за товáришемъ свóимъ.

Кр8тк҃ми доро́гами чере́зъ перковѣ́чнїи бо́ры, к8да́ хи́ба зв҃е́рь са́ просв8а́е, сади́ли они́ зъ пото́ка въ пото́къ, и доста́ли са́ на по́слѣдокъ на кра́сн8ю по́лянк8, где ме́жи стары́ми ѣ҃лица́ми по́дъ стро́мки́мъ, скали́нным҃ъ бе́регомъ стоя́ла зимо́вка. Запѣще́на и ста́ростїю похиле́на, не дв8же она́ на́дила къ со́вѣ, но гля́н8вши изъ ей тѣсно́го о҃ко́нца, ано́ вы́йшовши на прїсѣ́нокъ о҃у҃зрѣ́лъ есь ненагля́дннїи красоты́ приро́ды. Зъ одно́и стороны́ полони́на, котро́и верхъ до не́ба здае́ са́ сага́ти, зъ др8гои бо́ры, що ѣ҃къ закля́тїи ве́литы дрѣмаю́тъ о҃тъ вѣ́ка по надъ пото́ки, а зъ перед8 въ доли́нѣ село́, котро́го ха́ты нѣ́вы ла́сто́вачи́ гнѣ́зда до стѣ́нъ Бески́да поприлѣ́панїи выдаю́тъ са́, а сере́дъ села́ мале́нкаа цѣ́рковца съ ѣ҃сным҃ъ кре́стикомъ на ба́ни. А все то́е ѣ҃кв҃ы въ зо́лотѣ. Но тїи красоты́ здае́ са́ не промокла́ли до дво́хъ п8тнико́въ. Ско́ро на по́лянк8 вы́йшли, по́дско́чилъ моло́дшїй до двері́й хи́жи, толкн8лъ три́чи ва́лтою, и не жд8чи ажь м8 кто о҃тчи́нитъ, ста́лъ колѣ́номъ смотрѣ́ти, чи́бы са́ безъ то́го не могло́ овънити. И пы́рсли две́ри а они́ вънишли́ до зимо́вки.

Н. Оу҃стїянови́чь.

45.

Креще́нье Володимїра Вели́кого и Кїевля́нъ.

Володимїръ Вели́кїй, сы́нъ Свѧтосла́ва, а О́льги вн8къ, овдо́вѣлъ по Ирополцѣ, бра́тѣ сво́емъ 980 го́да правле́нье краѣ́въ о҃тцѣ́вскихъ, коли́ ещѣ́ ле́дво не весь наро́дъ въ волхованопокло́нствѣ зо́ставала́. Не за долго́, т. е. 981 года завоюва́лъ Володимїръ Р8сь Черво́н8, зв҃ѣ́стн8 по́дъ и́ме-

немъ Черве́ньскихъ Го́родо́въ, а сла́ва дѣлъ его̀ по всѣхъ сто́ронахъ розлагла̀ сѧ, що наро́ды сосѣдні̂ и дале́кі̂ за по́честь совѣ́ ма́ли приклони́ти его̀ къ своє́й вѣ́рѣ. И въ пра́вдѣ стара́ли сѧ о то́е; во приходи́ли до Кїева по́слы Магомета́нъ, Кадо́лико́въ Нѣме́цкихъ, Жидо́въ Таври́дскихъ, а на коне́цъ ѩ̃вилъ сѧ и гре́ческій мѫдре́цъ. Ко́ждый изъ нихъ си́ловалъ сѧ привестѝ его̀ до свои́ вѣ́ры; но Вели́кій Кня́зь зазва́лъ свои́хъ бола́рове́въ, ѡ̂вѣ́вилъ имъ предложе́нїѧ по́слове́въ и запыта́лъ ихъ о ра́дѣ. Бола́ре стара́нний о гара́здъ Кнѧзѧ и Оте́чества сво́го присѣ́дили, що вса́кій чоловѣ́къ свою̀ вѣ́рѫ хвали́тъ; и ѡ̂ра́дили, колѝ хо́че найлѫ́чшѫ изъ ни́хъ вы́брати, то най людій мѫ́дрыхъ розъ̀шлѣ̀ по розли́чныхъ кра́ѧхъ дла̀ пересвѣ́дчена сѧ, котры́й наро́дъ найдостойнѣ́йшѫ че́сть о̂тдаѣ́ истинномѫ́ Бо́гѫ. Володимїръ по ихъ ра́дѣ вы́слалъ де́сать мѫ́жѣвъ ѡ̂у́че́ныхъ дла̀ звѣ́дана ро̂́зныхъ ца́рствъ и краѣ́въ свѣ́та, шовы̀ сѧ тамъ зъ бли́зка приглѧдѣ́ли обра́дамъ розли́чныхъ наро́до́въ, а верну̀вши сѧ емѫ̀ о всѣ́мъ вѣ́рну̀ спра́вѫ̀ зда́ли; а о̂тта́къ ма́лъ сѧ о̂нъ склони́ти до то́и вѣ́ры, котра̀ мѫ̀ найлѫ́чша здава́ти име́тъ сѧ.

По́слы по при́казѣ его̀ обходи́ли ро̂́зніи краѣ́, и наконе́цъ прїйшлѝ до Царьгоро́да. Цѣсарь гре́ческій, Васи́лій Багрянороднный, довѣ́давши сѧ о прибытю̀ по́слове́въ рѫ̀скихъ и о цѣли ихъ похо́до́въ, а знаючѝ до́бре, що повѣ́рхна пыхота̀ бо́льше ихъ ѡ̂у́мы займѐ, ѩ̃къ сама̀ пра́вда и на̀вка, велѣ́лъ ихъ завестѝ до це́ркви свято́и Со́фіи, ѩ̃ко до найзнамени́тшого хра́ма Царьгоро́дского. Вишо́вши тамъ заста́ли Слѫ̀жѫ̀ Бо́жѫ̀; самъ Патрїа́рхъ Никола́й Хризобе́ргъ свѧщенноде́йство-

вáлъ. Вели́чно́сть и бога́тство хра́ма, прито́мно́сть дх҃овéньства изъ цѣло́и столи́цѣ, красоты́ мальо́ванꙗ, озло́бы образо́въ, за́пахъ кади́ла, милозв҃ѣ́чное пѣ́нье ли́ко́въ; таинстве́нна пова́га обрáдо́въ, все тото́ привело́ въ зад҃мле́нье р҃сино́въ; имъ здава́ло сѧ, що Всевы́шный са́мъ пров҃ва́е на се́мъ мѣ́стци и непосере́дно обхо́дитъ сѧ съ покло́нниками свои́ми. Съ симъ впечатлѣ́нїемъ повернv́вши въ свояси́, превозноси́ли и хвали́ли вѣ́рv̀ гре́ческv̀ на́дъ всѣ́ дрv́гїи; а Володимі́ръ идv́чи за ни́хъ ра́дою, и ма́вши примѣ́ръ свои́ ба́бки Ольги пере́дъ очи́ма, зад҃малъ стáти сѧ Христїани́номъ по гре́ческомv̀ обрáдv̀.

Володимі́ръ мо́глы сѧ бы́ти и въ Кїевѣ окрести́ти, во о҆́же́ зъ да́вна бы́ли тамъ церкви́ и дх҃ове́нни Христїáнскїи; но го́рдый Кнáзь, захотѣ́вши свѣ́тлости и вели́чїа при такъ ва́жно́мъ обрáдѣ, загада́лъ ажь въ Царьгоро́дѣ и повѣ́дною рѣко́ю прина́ти вѣ́рv̀ Гре́ко́въ. — Съ вели́кимъ во́йскомъ вы́правилъ сѧ 988 ро́кv̀ на Гре́цїю, здобы́лъ по доро́зѣ Херсо́на, а ма́вши о҆́же́ нѣ́ть о҆́тве́ртый до Царьгоро́да, вы́правилъ по́сло́въ до Цѣсарѣ́въ гре́ческихъ Васи́лїа и Констанги́на въ сва́ты до и҆́же сестры́ Анны, съ погро́зою, слы́вы мv̀ о҆́тновѣ́ли, то самъ вержѐ сѧ на ихъ столи́цю. Цѣсарѣ́ вид҃ѣвши непорáдокъ и скáрки въ сво́емъ цáрствѣ, при си́лахъ сънере́чныхъ почv́вши не́мо́чь свою́ о҆́тне́рти на́падъ, а при то́мъ о҆́смотрѣ́вши хосе́нъ для се́бе въ союзѣ́ съ такъ си́льнымъ сосѣ́домъ, охо́тно призво́ляли на подрv́же́нье, по́дъ одно́ю вы́мѣнкою, щобы Володимі́ръ пе́рвше, въ кv́пели вѣ́ры свято́и огúдне пога́ньство обмы́лъ. Володимі́ръ о҆́же́ давно́ на се гото́вый,

съ рáдостїю сгодúлъ сѧ на тóе, лишь зажелáлъ, щобы на порѫкѹ ихъ щúрости и прїѧзни прислáли пéрвше свою сестрѹ. — И то стáло сѧ: Цѣсарéвна оточéна дѹховéньствомъ и знамени́тыми осóбами, прибы́ла корабле́мъ до Херсóна. — Ѧжь тепéрь оу҃сѹнѹвши всѣ перешкóды, о҆тпрáвилъ Влады́ка Херсóнскїй обрáдъ свято́го крещéнїѧ на перéдъ на Володимїрѣ, котро́го наименовáлъ Васúлїемъ, а о҆ттáкъ и на по́чтѣ его҆ волѧ́рóвъ. По крещéнїю наст҃пúло вѣнчáнье съ Цѣсарéвною Ѧнною, и Володимїръ повернѹлъ оу҃жѣ Христїанúномъ и своѧкóмъ грéческихъ Цѣсарѣвъ до Кїева.

Но не иноѧ Володимїръ самъ принáлъ вѣрѹ Христóвѹ; о҆нъ хотѣлъ, абы и весь народъ свóй крещéньемъ свáтымъ о҆тъ оу҃квази погáньства освободúти. Розвалéнье волѧнóвъ попередúло тотъ свáтый обрáдъ. Головнѣ божúще Пéрѹна привѧ́зано до конáчого хвостà, волочéно оу҃лицѧ́ми Кїева, бúто кїѧ́ми, а наконéцъ зъпхнѹто зъ вéрега въ Днѣперъ. Зъѹмѣломѹ народѹ не бы́ло колú и жáловати и боронúти свóихъ богóвъ, бо зáразъ дрѹгого дня наказáлъ Володимїръ оголоси́ти въ столúци, щобы всѣ Рѹсинú: паны́ и слѹги, богáтú и оу҃бóгú до крещéнѧ прибывáли.

Народъ позбавлéный предмéта дáвной вѣры и поклóньства громадáми валúлъ на берегú Днѣпра съ пресвѣдченьемъ, що новà вѣра есть правдúва и святà, колú Кнѧ́зь и волѧ́ре замѣнúли ю҆ за дáвнѹ. Прибы́лъ тамъ и Велúкїй Кнѧзь оточéный свящéнниками грéческими. — Тепéрь за дáнымъ знакóмъ безчислéнне мнóжество народа вст҃пúло въ рѣкѹ; по́дрóслїи стоѧ́ли въ водѣ по грѹди илú по шы́ю; батькú и мáтери держáли не-

мовла́та на рѫка́хъ, а свящ҃е́нники чита́ли мо-
ли́твы креще́нїа и голоси́ли сла́вѫ Всевы́шнѣго. —
Я́ко о҃у́же исполне́но обра́дъ сва́тый и Кїе́вскихъ
обыва́телѣвъ Христїа́нами назва́но, Володимїръ
въ ра́дости и возхище́нію взне́сши о́чи до Не́ба,
го́лосно промо́вилъ: „Сотвори́телю Не́ба и земл҃ѣ!
благослови́ сїи новы́ ча́да твои́; сподо́би ихъ по́з-
на́ти Тебѣ и́стинного Бо́га, и о҃у́тверди́ ихъ въ
вѣ́рѣ правосла́вно́й. Бѫ́ди по́мочїю въ изкѫше́нію
до зло́го, авы́мъ досто́йно слави́лъ и́ма Твоє́ сва-
то́е!“ . . . „Не́бо и земла̀“, ка́же Не́сторъ, „ра́до-
вали сѧ дню семѫ́.“

Наро́дъ креще́ный, загѫби́вши всѣ сл҃ѣ́ды
волванопокло́ньства ста́вилъ церкви́ и олтарѣ́ на
че́сть правди́вого Бо́га, въ чѣ́мъ са́мъ Володи-
мїръ бы́лъ примѣ́ромъ, поста́вивши це́рковь св.
Васи́лїа на то́мъ само́мъ мѣ́стци, где́ коли́сь
стоа́лъ бо́лдѫръ Пе́рѫна волкана̀.

Анш. Добря́нскїй.

46.

Си́ла дѫха челов҃ѣ́ческого.

И́стинно высо́кй суть на земл҃и го́ры,
Але́ ещѐ вы́шшй спра́вы человѣка!
Онъ то сво́имъ ду́хомъ сяга́е ажь зорѣ,
Онъ ся не у́ля́кне́ гробо́вого вѣка . . .
Кото́ре лишь тѣ́ло мѣ́ртвѐ притиска́е,
Но у́мныхъ дѣлъ ду́ха отню́дъ не терка́е.

И. Гушале́вичь.

47.

Малѣ и велúке.

Въ Áзiи, въ гóрахъ Таврúдскихъ и въ úныхъ мѣ́стцахъ жiѣ́ рóдъ овéцъ „арґáли;“ онú сѫ́ть дѫ́же велúкiи въ сорозмѣ́рности до нáшихъ свóйскихъ овéцъ, крѣ́пкiи а при тóмъ дѫ́же полохлúвiи, и мáютъ дѫ́же велúкiи рóги. Єслú такíй звѣ́рь, ци то въ бóрбѣ ци черéзъ ѣ̂кѫ́ пригóдѫ, згѫ́битъ одúнъ рóгъ, що чáсто сѧ дѣ́е, то тамóшнымъ лúсамъ тóе дѫ́же есть въ лáдъ; бо онú не потребѫ́ютъ тогдú совѣ́ ѣ̂мѫ́ робúти въ землú, но дѫ́маючи, що тóй рóгъ есть для нúхъ призначéный, влáзятъ въ тóйже и обитáютъ въ немъ.

Наймéншiи птúцѣ, котрiи знáемъ, называ́ютъ сѧ „колúбры.“ Úхъ отéчество есть ю̃жна Áмерика, онú мáютъ дѫ́же крáсне зóлотомъ и срѣ́бромъ мѣнáче сѧ пѣ́рье, несѫ́ть сѧ, и úхъ ѣ̂йцѣ́ не éсть бóльше óтъ горóхѫ́ — úхъ не мóжно стрѣлáти шрóтомъ, но дрóбнéнькимъ пѣскóмъ, бо инáкше ничóговы сѧ изъ нúхъ не лишúло. — Въ клѣткáхъ не мóжно úхъ долгó тримáти, онú за кóлька днiй гúнѫ́тъ, но въ вóльнóмъ воздѫ́сѣ могѫ́тъ жúти. По при нúхъ живѣ́ паѫ́къ, котрúй тúхъ колúбрóвъ такъ лóвитъ, ѣ̂кѫ́ бы комарú и ссе изъ нúхъ крóвь.

Не такíй есть ѣ̂гнáтникъ, котрúй провѫ́вáе въ Тирóльскихъ и Швайцáрскихъ гóрахъ. Роспростéртыми своúми крúлами покрывáе óнъ дóлгóсть осьмú до десáти стóпъ, и мáе досúть сúлы, абы дúкiи кóзы, ѣ̂гнáта и дѣ́ти повалúти и съ собóю похитúти.

Найбо́льша изъ всѣ́хъ лѣта́ючихъ пти́цъ есть ко́ндоръ, кра́мъ колиб́ра. Онъ розпросте́рши кри́ла займа́е шѣстна́дцать сто́пъ, его́ пере́дній пе́ра оу̀ кри́лъ сѫ́ть грѫ́бїи на до́брый па́лецъ, а коли́ рѫ́шитъ са, то такій чѫ́ти шѫ́мъ, мовь зъ дале́кого гро́ма.

Найбо́льшою одна́кожъ изъ всѣ́хъ пти́цъ есть стрѫ́съ прова́ючій на пѫ́ста́рахъ Ази́ и Африки, котры́й про свою́ тяжѣ́ло́сть и про коро́ткій свої кри́ла не мо́же лѣта́ти, но мѫ́ситъ зави́сѣды оставáти на земли́. При то́мъ всѣ́мъ но́ситъ о́нъ свою́ го́лову́ де́вать до де́сать сто́пъ до горы́, мо́же доко́ла се́бе дале́ко ви́дѣти и бы́лъ бы въ состоа́нїи, як̀ъ до́брый това́ришъ, по при ѣ́здцѣ сѣда́чого на коні̀ бѣ́гчи и съ ни́мъ са розмовла́ти, если́бы ему́ бе́сѣды и ро́зумъ не бракова́ло.

Сѫ́слонъ, тако́жъ въ Ази́и, ва́житъ по́лъ квинтла́ и есть найме́ншое межи всѣ́ми изве́стными живо́тнами, котрїи хо́дятъ на четы́рёхъ нога́хъ и даю́тъ ссати свои́мъ молоды́мъ. Слонъ же есть дванадцать до четирна́дцати сто́пъ высо́кій, и ва́житъ до 7000 фѫ́нто́въ.

Найме́ншого живо́тна на земли́ не ви́дѣлъ никто́, на́вѣть и повели́ша́ючими стекла́ми; найбо́льшое же есть ки́тъ, котры́й кы́рости мо́же въ долготѫ́ажь до 120 сто́пъ и ва́житъ свышь ты́сячъ сотна́ро́въ.

В. К.

48.

Свѣ́тъ надзе́мный.

Со́лнце, лѫ́на, зве́зды не могѫ́тъ не занима́ти человѣ́ка не то́лько свое́ю красото́ю, но

также благодѣтельными своими отношеніями къ землѣ. Особенно же солнце есть источникомъ свѣтла и теплоты къ жизни такъ многимъ тварямъ на ней къ ея плодородію, а только въ горячихъ странахъ провозносятъ люди надъ оное лѣнь. Не малѣйшему дню, слѣды не было солнца — а какъ бы мнѣ была бы ночь безъ лѣны и звѣздъ? Солнце, лѣна и звѣзды исправляютъ пять человѣка въ пустынахъ и на морѣ. Наконецъ они яковы огненными буквами проповѣдаютъ славу и красоту Бога, Творца и Владыки своего, а смиряютъ ничтожною гордость, ползающу са по земли, которая то гордость не учитъ са понимати величіа Божого.

Уже въ глубокой древности Китайцы, Халдеѣ, Вавилоняне, Персы, Арабы и Египтане а потомъ Греки занимали са познаніемъ звѣздъ и ихъ законовъ, и утворили наукѣ о звѣздахъ и ихъ законахъ, или звѣздословіе, астрономію; а ученыхъ людій предподающихъ такѣ наукѣ назвали звѣздословцами, астрономами. Училище Александрійское прославило са дѣже астрономами, изъ которыхъ уже въ III вѣцѣ предъ рождествомъ Христовымъ Аристархъ утверждалъ, що земля овѣгае около солнца. Трудами Грековъ, просвѣтителей Европы пользовалися Арабы. Съ XV. вѣкомъ взяли са къ астрономіи Германы, нынѣ найученнѣйшій народъ, Италіяны и иніи западніи народы. Знаніе звѣздъ умножило са при помочи кышшои математики и телескоповъ (дальновидовъ). Якъ математика умножила дальновѣдѣніе духове, такъ телескопы умножили дальновидѣ-

нїе о́ка тѣле́сного, кото́рое, сли ихъ о҃употребля́е, называ́е ся „воорꙋже́нымъ.“ Не воорꙋже́нымъ о́комъ не мо́жно самы́хъ бли́зкихъ предме́тѡвъ достато́чно дозрѣ́ти и розлича́ти, и оно̀ въ мно́гихъ обма́нюе насъ; то тѣмъ бо́льше тако́е о́ко мо́же обманꙋ́ти въ предме́тахъ ѿдале́ныхъ, напро́тивъ котры́хъ предме́ты бли́зкїи выдаю́тъ ся намъ бы́ти бо́льшими, ѩкъ сꙋ́ть въ сро́вне́нїи съ дрꙋ́гими ѿдале́ными. Одна́кожъ въ астроно́мїи ма́е о́ко ме́жду дрꙋ́гими чꙋ́вства́ми неоспори́мое преимꙋ́щество, и нимъ возно́ситъ ся чоловѣ́къ въ простра́ньство къ высотѣ́, кото́рꙋ дꙋ́хъ съ изꙋмле́нїемъ счисла́е, но собѣ́ вообрази́ти не мо́же. — — Восто́чнїи наро́ды тѣ́сно сва́зовали жре́бїй чоловѣ́ческїй съ звѣ́здами ѩкъ и до ны́нѣ мо́жно слы́шати „о щастли́вой чїей звѣ́здѣ.“ На се́мь, хота́й ло́жно́мъ сва́зованїи жре́бїа человѣ́ческого съ звѣ́здами почива́ла „Астроло́гїа“ или „звѣ́здоче́тїе,“ кото́рое на́векъ вога́ми почита́ло сїи тѣлеса̀ небе́снїи.

Со́лнце, лꙋ́на, звѣ́зды роздѣла́ютъ день ѿтъ но́чи и становла́тъ времена̀ лѣ́тамъ. Жидо́ве ма́ли годъ лꙋ́нный и опредѣла́ли нача́ло его̀ и нача́ло ко́ждого мѣ́сяца новолꙋ́нїемъ. Мы ны́нѣ ещѐ ви́димъ жидо́въ въ дни новолꙋ́нїи мола́чихъ ся. До ны́нѣ ещѐ мнима́ютъ на но́вю и по̀дпо́лню лꙋ́ну сѣ́ати, въ ново́мъ до́мѣ осѣда́ти, жени́ти ся, но́гтѣ и воло́сье стри́гчи, а при о҃ущербѣ́ лꙋ́ну коси́ти, жа́ти, рꙋба́ти, бо́лѣзни прогона́ти и мно́го и́ныхъ подо́бныхъ предсꙋ́до́въ. Тꙋ́рки, когда̀ есть затьмѣ́нїе со́лнца авѝ лꙋ́ну на́векъ стрѣла́ютъ изъ пꙋшо́къ, авѝ прогна́ти и о҃убы́ти мни́мого зми́а, хота́чого со́лнце или лꙋ́нꙋ поже́рти. Ѩкїй

вóпль, ѧкóе отчаáнїе и ѧкїи гадáнїа и́менно о вóйнáхъ не бывáютъ при ѧвлéнїахъ комéтъ, сѣвернои зорѝ, при затьмѣнїахъ сóлнца и лѫны, тáкже въ врéмя мóлнїй и громóвъ?! Я всéго тóго причи́ною есть недостáтокъ нáѫки о сóлнци, лѫнѣ и о звѣздáхъ.

М. Малинóвскій.

49.

Óбразъ смéрти.

(Басня.)

Мѫдрого Зороáстра оу҃чи́вшого ся небéснои мáгїи ѿтъ вóга Оромáза, посѣти́лъ одногó рáзъ нѣ҃кїй молодóй Кнáзь, притагнéный слáвою тóго велúкого мѫжа лжь ѿтъ берегóвъ Ганґеса. Дéрзкїй неросѫдокъ обладáлъ ю҃ношею; ѻнъ хотѣлъ проникнѫти завѣсѫ, котóрою вóжество закры́ло свѧти́лище природы. Ведéнъ вѫдѫчи сúмъ Персúдскимъ фїлосóфомъ переходúлъ освѧщéннїи пожсы цáрства дѫхóвъ. На конéцъ просúлъ съ ироúческою ѿтвáгою свóго вóжда, абы емѫ показáлъ óбразъ смéрти. Зороáстръ оу҃дáрилъ свóею, изъ слонéвои кóсти вы́дѣланою пáлицею о зéмлю. Бéздна отворúла ся перéдъ нúми а изъ мрáчного óнои зѣва начáлъ ся вúдимо пóдноси́ти цáрь оу҃жаса. „Що вúджѫ!“ закричáлъ трасѫчúй ся молодéцъ, „балѣдóе страши́лище пóднимáючое на мéне крвáвый кинджáлъ! Роскажѝ Зороáстре, абы счéзло! Оу҃тѣкáймо зъ ѿтсы!!“ —

„„Сы́не мóй,““ ѿтповѣлъ мѫдрéцъ прїя҃тельскимъ гóлосомъ: „„я҃ не вúджѫ въ тóмъ зъѧвлéнїи жáдного страхá. Менѣ ѧвлáе ся прїя҃тный ґенїй, облечéный сїя҃нїемъ лѫны и держáчїй въ рѫцѣ свóей золоты́й ключь Епїрéѫма. Смéрть ёсть то хамéле-

онъ, принима́ючій всегда́ видъ то́и до́шй, къ которо́й приближа́е ся.“ —

В. Волянъ.

50.

Кто̀ достойнѣ́йшїй?

Перо̀, що мно́го писа́ло
Такъ ся коли́сь велича́ло:
„Зъ ме́не му́дрость о̂тъ а́збуки
Ажь до наивы́шшои нау́ки
На папѣ́ръ въ пере́дъ сплыва́е,
Потомъ ро́зумъ просвѣща́е, — —
Спи́сую ка̂ лю́дски спра́вы,
Церквй и свѣ́тскй уста́вы,
Означа́ю до́брымъ пла́ту,
Злыхъ о̂тдаю̂ по̂дъ ме́чь ка́ту.“ — —

Ме́чь злопотѣ́лъ ка̂къ страши́ло:
„Не хвалй ся гу́сье крило̀!
Злети́шь, ско́ро вѣтре́цъ свйсне,
Ме́чь врагови въ о́чи бли́сне!
Тото̀ пи́шешь, що ме́чь ка́же,
Що напи́шешь, не ра́зъ зма́же.
Нау́ки ся сну́ютъ ро́емъ,
Колй ме́чь дари́тъ поко́емъ.“ — —

„Умирѣ́тъ ся, ни́зко про́шу!
Мою̀ спра́ву вамъ зано́шу:
Лишѣ́тъ тро́хи менѣ́ сла́вы,“
Заговори́лъ плу́гъ зъ по̂дъ ла́вы. —

Мече́ви гнѣ́въ не ста́ло,
А перо́ ось такъ сказа́ло:
„Ны́нѣ пра́вду ка̂сну ба́чу,
И ты че́стный есь ора́чу;
Всѣ́смо дру́гъ для дру́га здатнй
Жiйможь съ собо́ю въ сго́дѣ бра́тно̂й!“

Лука̀ зъ Ра́кова.

51.

Паукъ.

(Изъ Гебля).

Мало есть кто межи людьми, абы са не бридилъ паукомъ, а многіи и боятъ са того животна, котре однакожъ въ многихъ для насъ есть почительнымъ. И такъ н. пр. паукъ не маѣ двоихъ очій но осьмъ. Не одинъ собѣ погадаѣ, що то не есть дивно, сли тое животно такъ скоро оувидитъ и ловитъ мухи и комары, котріи повисноутъ на его паучинѣ. Однакожъ мухи маѣ подлъ изслѣдованій испытателевъ природы много сотъ очій, а прецѣнь якось не оуважаѣ на сѣть анѣ на своего гоубителя, котрый неразъ занадто есть великій, абы его не можно хотьбы и едномъ окомъ спостеречи. И щожъ слѣдуе зъ того? Же не досыть есть мати очи, но треба мати и розумъ и быти оборотнымъ и огладнымъ, если кто хоче щастливо въ свѣтѣ жити и не оупасти въ якіи скрытіи сѣти.

Яка тонка есть нитка, котроу паукъ въ найбольшой скорости потагне отъ едной стѣны аж до другои?! А однакожъ оуверяютъ насъ испытателѣ природы, що така една нитка, котроу залѣдво окомъ доглянути можно, складаѣ са ещѣ изъ шести тысячъ нитокъ. Тое дѣе са такъ: Паукъ маѣ на собѣ шѣсть железокъ, зъ котрыхъ выходятъ наразъ нитки. Кожда же изъ тыхъ железокъ маѣ знову якихъ тысячъ маленькихъ отворовъ, зъ котрыхъ жаденъ не есть безъ цѣли. Сли про тое кождого разу изъ всѣхъ тыхъ отворовъ выходитъ така нитка, то нѣтъ сомнѣнія и що

до числа̀ шестѝ ты́сячь ниточо́къ; про тое мо́жна и то́е пона́ти, що така̀ ни́тка, хота́й она̀ есть тонка̀, зара́зомъ и такъ мо̑цна̀ бы́ти мо́же, що то́е живо́тно не то̑лько же ѭкъ найбеспечне́йше по ней то до горы́ то въ доли́нꙋ мо́же ла́зити, но и по̑дчасъ заверꙋхи а непого́ды са̀ ѹ̑держа́ти. Чижь не нале́житъ здивꙋва́ти са̀ надъ искꙋствомъ и звѣ́нностїю тыхъ то живо́тенъ, придивла́ючи са̀ ихъ споко́йно̑й и пи́льно̑й робо́тѣ, и при то̑мъ погада́ти на вели́кого и мꙋдрого Створи́теля, котры́й о всемъ своѐ попече́нье ма́е и ѹ̑мѣ́е такїи чꙋда ѹ̑крыва́ти въ такъ мале́нько̑мъ и незна́чно̑мъ естествѣ?!

Що живо́тна того́ ро́да сꙋть розли́чнїи, ви́дно то́е изъ розли́чности ихъ тканѝны и пра́жи въ во̑льно̑мъ воздꙋсѣ, на ши́бахъ о̑коно̀ъ, въ кꙋтика́хъ, по по́лахъ, тꙋ и тамъ. Где́котрїи не пра́дꙋть са̀ всѣ́мъ, но ска́чꙋть за свое́ю здобы́чею. На а̑рѝ, а ещѐ во̑льше сꙋхо́го, те́плого и по̑здного ле́та за на́дто ча́сто ви́димо бѣла̀ї ниткѝ ле́та́ючїи на воздꙋсѣ. (Въ на́шихъ сто́ронахъ называ́ютъ тꙋю порꙋ „ба́бске ле́то.“) Всѣ де́рева сꙋть пераз̀ъ гꙋсто такѝми ниткА́ми овѣ́шенїи и стоа́тъ гѣ́йны сѣ́ткою прикры́тѝ, а капелю́хи, и шапкѝ подоро́жныхъ о̑тправла́ючихъ свѡ́й нꙋть гости́нцѣмъ овколѣка́ютъ са̀ гꙋсто тако́ю паꙋти́ною. Чере́зъ до́лгїй часъ не моглѝ лю́де о̑тгада́ти, зъ о̑тки тїи ниткѝ и клочкѝ верꙋть са̀, и представла́но собѣ́ тꙋю рѣчь всѣла́ко. Тепе́рь зна́емъ са̀ пѣ́вностїю, що то есть пра́жа безчисле́нныхъ мале́нькихъ чо́рныхъ паꙋко́къ, котрїи про то́е называ́ютъ са̀ „паꙋка́ми ле́та́ючого ле́та.“ Тꙋ зно́къ ви́димъ ѩсно, мно́го то и незна́чными

сѝлами да́сть сѧ зробѝти, ско́ро лишь мно́жаи то́е само̀ дѣла́ютъ и къ е́дно́й цѣ́ли змѣра́ютъ соединѐными сѝлами!..

Мѐжи паѫка́ми сѫть и шкодли́вїи, а тїи нахо́дятъ сѧ въ ни́жшо́й гора́чо́й Їта́лїи. Они́ сѫть звѣ́стнїи по́дъ и́менемъ „тара́нтѫлѣ“ и ма́ютъ тако́жь людїй кѫса́ти, чере́зъ що тїи послѣ́днїи стаю́тъ сѧ недѫ́жными и задѫмчи́выми. Сре́дствомъ проти́вѫ тои хоро́бы ма́е бы́ти пѐвный тане́цъ, котры́й называ́е сѧ „тара́нтѫла.“ Ско́ро недѫ́жнїи почѫ́ютъ о̑тповѣ́днѫ мѫзи́кѫ, то начина́ютъ танцюва́ти, аж̀ по́ки зъ о̑у̑томле́на сѧ не повала́тъ сѧ зъ но́гъ, по чѣ́мъ прихо́дятъ до се́ве и здоровѣ́ютъ. То́е мо́жьбы совѣ́ тимъ спо́сомъ вы́толковати, що чере́зъ си́льне порѫшѐнье выгона́е сѧ ѣ́дь зъ тѣ́ла; одна́кожь ѭкъ то́е сѣ пѐвностїю ка́жѫтъ, не дѣ́е сѧ оно̀ безъ о̑у̑ро́ена и переса́ды, а на́веть и не безъ обма́ны.

Инне особли́вше живо́тно, того́ ро́да живѐ въ пѐвныхъ око́лицахъ Ѧмѐрики и называ́е сѧ „кѫстови́къ.“ Той не доволя́е сѧ мѫхами на́шими дома́шными и комара́ми. Онъ шѫка́е и ло́витъ малѐнькїи пти́цѣ пѐвного ро́да, дѫситъ тїи и ссе изъ нихъ кровь ѭкъ и спожира́е ихъ ѭечка.

В. К.

52.

Кѝтица ро̑зноцвѣ́та.

Кто ли́шь си́лу въ со́бѣ чу́е
Най ся къ пра́ци не лѣну́е.

Да́вніи пригоды
Боро́нятъ о̑тъ шко́ды.

Ты молодый и не знаешь їакъ ся въ свѣтѣ дѣе,
Працюй, робй, твое щастье само зазорѣе.

Новины.

Такъ, мой брате! Не часъ стояти —
Но треба ся нимъ пользовати!
Бо їакъ ся небо ночію покрые
И їакъ волна съ новымъ вѣтромъ завые,
Куда же кораблемъ чахати?!

И. Гушалевичь.

Що придбаю
То и маю;
Не бажаю
Всё, що знаю.

Не на всѣ вѣки
Суть одни лѣки —
А що година
Инша новина.

Вся красота свѣта никае,
Добре дѣло всегда трваe.

Кто маліи рѣчи презираe,
Той ся потомъ о менший стараe —
А кто знае рѣчь кожду цѣнити,
Той ся може чогось доробити.

Кто другихъ кривдитъ, здираe,
Нѣколи щастя не знаe

Несгода цѣлый свѣтъ валитъ,
Сгода худѣ дѣло храни̇тъ.

В. К.

53.

Зерна для родинноі ниви.

Анѣ солнце, анѣ смерть не даютъ сѧ осмотрѣвати спокойнымъ возрѣнїемъ.

Єсли̇бысьмо не мали кадъ, то бысьмо ихъ не ѻткрывали такъ радо на дрѫгихъ.

Жáлко, же не éсьмо достатóчно сúльными послꙋхати въ всёмъ нáшого розсꙋдкꙋ.

Щáстье обертáе всё на кóрысть тихъ, котрúмъ спрïúе.

Не мá жáдного нещáстного приключéнïа, изъ котóрого бы мꙋдрïи лю́де не оу҃мёли где ѣкóи корысти вúдобꙋти, на сꙋпротивъ же не ма тáкъ щастлúвого приключéнïа, котрѐ бы неразвáжнымъ не послꙋжúло въ врéдъ.

Прáвда не розширáе въ свётѣ тóлько добрà, кóлько злóго розсѣвáе лóжь пóдъ позóромъ прáвды; — однáкожь тáм обмáнюе тóлько на ѣкúйсь чáсъ, тамтà же на вѣки пересвѣдчáе.

Належúта прилúчность éсть дла тѣла тúмже самúмъ, чимъ есть дла рóзумꙋ здорóве понáтïе.

Далéко лéкше бы́ти мꙋдрымъ дла кóго úного, ѣкъ дла сéбе самóго.

Не досúть на тóмъ: посѣдáти велúкïи дарованïа, трéба ихъ оу҃мѣти оу҃потребля́ти.

Цнóты гꙋблятъ са въ корыстолю́бïю, ѣкъ рѣки пропадáютъ въ мóрю.

Крéчность éсть жаданïемъ: абы са и съ нáми такъ сáмо обходжено и насъ такъ сáмо шанóвано.

Фалшúвïи понáтïа рóдятъ оу҃пéртость: бо человѣкъ съ такúми понáтïами не мóже въ то вѣрити, що лежúтъ за крꙋгомъ егò пóзнанà.

И заслꙋги людïй мáютъ, такъ ѣкъ óвощи въ пéвнóмъ часѣ свóй цвѣтъ.

Єслú мы закрывáемъ глꙋбúнꙋ сéрдца нáшого перéдъ нáшими прïѣтелáми, то дѣе са то чáсто не тáкъ зъ недовѣрïа къ нимъ, ѣкъ къ нáмъ самúмъ.

Въ йстинѫ дорогоцѣ́ннымъ ка́менѣмъ есть то́й, котры́мъ дрѫгїи ка́менѣ и стклò дадѫтъ ся рѣ́зати, но ѳнъ са́мъ рѣ́зати не да́стъ ся. Въ йстинѫ се́рдце чоловѣ́ческое есть то́е, котрѣ́ всѣ́ терпи́тъ, и найболестнѣ́йшѫ ра́нѫ зно́ситъ, но дрѫгомѫ ра́нѫ зада́ти нѣко́ли не допѫститъ ся — бо не есть ка́менѣмъ!

Сожа́лѣнье есть чѫвство вла́сныхъ терпѣ́нїй, котрїи ви́димъ ѫ̀ дрѫгихъ. Есть то предчѫвствїе нещáстныхъ приключе́нїй, котрїи насъ самы́хъ могѫтъ ны́нѣ за́втра доткнѫти. Мы, если дрѫгимъ помага́емъ, то здае́мъ ся ихъ завозыва́ти, тако́жъ и намъ при подо́бныхъ слѫчаѭхъ принестѝ помо́чь — а овїи ѫ̀слѫги, котрїи имъ жертвѫемъ, не сѫть чимъ и́нимъ ѩкъ добродѣ́тельствами, котры́хъ высьмо̀ и дла̀ се́бе пригото́вити ра́ды.

В. Зборовскій.

54.

По́вѣстка зъ Ѧвла Гѣ́ллїа.

До пѣ́вного молодца̀, котры́й, хотѧчи ѫ̀ходи́ти за ѫ̀чѣ́ного, про тое ча́сто мѣша́лъ не ѫ̀живаемїи слова̀ и пристарѣ́лїи рече́нїа̀ въ сво́ей бѣ́сѣдѣ, сказа́лъ разъ любомѫ́дрецъ Фавори́нъ:

„На́шїи пре́дки, Кѫрїй, Фаври́кїй, Корѫнка́нїй и давнѣ́йшїй ещѐ Гора́цїй мо́вили за́едно до сво́ихъ роди́мцѣвъ по про́стѫ а при то̀мъ выра́зно; не ѫ̀потребля́ли они нѣко́ли въ сво́ихъ мо́вахъ рече́нїй Ягрѫнцѣ́въ, Синано́въ або̀ Пелаго́въ, ѡкы́хъ то давнѣ́йшихъ жи́телѣвъ Ита́лїи, но мо́вили такъ, ѩкъ за и́хъ часо́въ было̀ въ зви́чаю. Дла̀

чогожь ты, молодче мовишь нѣбы языкомъ Бояндра, въ такъ застарѣломъ нарѣчію, же никто не може тебѣ выразумѣти или познати, чого ты хочешь. Тое само можешь учинити такожь тогды, если будешь — молчати! По за колько однакожь освѣдчаешь, же старина подобае са товѣ черезъ свою повагу, доброту и скромность, то жій подля обычаевъ минувшого времене, а мовь словами теперѣшного."

В. К.

55.

Бандуристъ.

Бувало весною якъ лѣсъ розъвьѣ ся,
И чистыми птичокъ гукне голосами,
Дуброва якъ дѣвка въ цвѣты приберѣ ся,
Пчолка зазвонитъ лугами, полями,
Стадами весело граае долина,
А въ рѣчцѣ рыбонька ажь носитъ водою;
Съ пѣснію изъ поля вертае дѣвчина,
Плугаторь за плугомъ съ долгою думою. —
Бувало весною, мовь голубъ сивенькій,
Съ окомъ ласненькимъ, якъ око святого,
Подъ полою бандурка, въ устахъ пѣсень много,
Що року приходитъ соловѣй старенькій.
А всѣ го за батька роднѣнького мали:
Старіи и дѣти, хлопцѣ и дѣвчата,
Якъ батька зъ дороги всѣ его витали,
И въ селѣ му кожда своя була хата.
Бо и годенъ булъ того. — Бувало зъявитъ ся
Мовь солнце на небѣ — заспѣватъ, граае,
То всякій веселый; о журѣ й не снитъ ся;
Божь то не ма пѣсни, якъ сей заспѣвае! . . .
Заведѣ долгими думку голосами,
Зъ подъ могилъ, казалъбысь, холодочкомъ вѣе,

Зъ ти́ха погово́ритъ съ батька́ми, князя́ми;
Старѝ молоднѣ́ютъ, бо й самъ молоднѣ́е.

Ѭкъ го́мо̀нъ по лѣ́сѣ, вѣсть несѐ ся ми́ла:
— Идѐ соловѣ́й нашъ! нови́ несѐ пѣ́сни,
Пѣ́сни нечу́ваны́ и ду́мки незвѣ́стны́! —
И ра́до́сть въ вся́ко̀мъ се́рденьку зацви́ла.
И вы́йшли на зу́стрѣчь, и жда́ли на мо́стѣ,
По̀дхо́дитъ; вита́ютъ, згомони́ли: „Го́стѣ!“ —
До села̀ приво́дятъ — вся́кого вита́е,
О ща́стю, здоро́влю, роди́нѣ пыта́е. —

И чого́жь то въ лу́зѣ голо́вку склони́ла,
Вѣдай ту́чу чу́е бере́зочка бѣ́ла?
Чого́жь то пѣ́вецъ на́шъ, чого̀ о̀нъ сумуе́? . . .
Ви́дко съ тяжко́ю журбо́ю несѐ ся;
Бо о́ко стемнѣ́ло, тя́жко се́рце бїе́ ся,
А на ли́чку смутокъ — чи неща́стье чу́е? . . .
Идѐ село́мъ, бува́ло весе́ло и смѣ́ло,
Съ ха́ткою, съ деревцёмъ ко́ждымъ розмовля́е,
Уда́ритъ въ банду́рку, зъ дро̀бне́нька загра́е
Козачка̀ чи шу́мку — ажь згада́ти ми́ло! . . .
А ны́нѣ, я̀къ не то́й — си́вый во́лосъ кло́нитъ
На гру́дь пѣ́сносло́вну — жу́ритъ ся, сумуе́,
Мо́лчки поступа́е, пѣ́сеньку не зво́нитъ,
Съ дѣ́тьмѝ ся не ба́витъ — чи ли́хо вѣщуе́?!..
Чи жа́ль ти́сне се́рце за дру́гомъ миле́нькимъ,
Мо́же за сестро́ю, за бра́томъ ро̀дне́нькимъ? . .
Чи мо́же идучѝ зъ дале́кон доро́ги,
Хо́домъ утоми́лъ ся и приму́чилъ но́ги? . .
Не зму́чилъ о̀нъ но́ги, хо́домъ не утоми́лъ ся;
Учуе́те пта́шки, чого̀ зажури́лъ ся. —

Присѣ́лъ на цари́нцѣ, мо́лодь обступи́ла
Ѭкъ цвѣ́точку пчо́лы — а старшина̀ сѣ́ла. —
И вы́нялъ банду́рку и обте́ръ поло́ю,
И ста́лъ ю строи́ти, и повѣ́лъ руко́ю
По стру́нахъ зъ лего́нька ... стру́ны зга́морили...
Пѣ́вецъ розумѣе, бо съ нимъ говори́ли;

Отъ лѣтъ сорокъ колька ихъ бесѣду знае,
И ударилъ силнѣйше и скорше тручае,
И стали гремѣти та Бескидскимъ громомъ,
И стали шумѣти та степовымъ шумомъ. —
То знова закипѣли, якъ води старого
Отця Словутицѣ — бо о нѣмъ думае
Пѣвецъ, и мыслію честь ему спѣвае —
То знова злебедѣли, якбы галиць много
Стадами злетѣвши чисте поле укрыли —
То знова зъ легонька зъ тиха гомонили,
Мовь згадка лѣтъ давныхъ, минувшои доли,
Що разъ то тихше и тихше бренѣли,
Съ думкою пѣвця розплылись по поли,
А на конецъ зглухли — съ всѣмъ занѣмѣли! . .

Маркіанъ Р. Шашкевичь.

56.

Человѣколюбїе.

Павлинъ, похожденъ изъ одного найблагороднѣйшихъ и найдавнѣйшихъ римскихъ родинъ, отзыскалъ своими грошми свободъ безчисленномъ множествъ невольниковъ; поплатилъ всѣ долги, за котрїи многїи изъ его современниковъ были обвазнениї; выпосажилъ многїи дочери подъвпалыхъ родинъ; вдовицѣ и сироты находили въ его особѣ искреннѣйшого покровителя, найласкавшого добродѣтеля и чъвственнѣйшого отця — и всѣ помочи требъючїи не иного въ мѣстѣ Нолѣ, но и въ цѣлой окрестности, полъчали отъ него одѣжь, стравъ и дары. При томъ не зважалъ онъ нѣколи на свои потребы. Одного разъ малъ онъ въ домъ еще лишь одинъ бохонецъ хлѣба. Прїйшолъ жебракъ, котромъ онъ казалъ той по-

слѣдный бо́хонецъ да́ти. Одна́кожъ сѫпрѫга его́ опаса́ючи са́ о здоро́вье сво́го мѫжа, о҃тказа́ла его́ велѣ́ню, а жебра́къ о҃тъишо́лъ безъ ми́лостинѣ. Ещѐ ве́черомъ того́жъ само́го дна́ прїи́шли по́сла́нцѣ и звѣсти́ли Павли́нѫ, що его́ кораблѣ́ съ вино́мъ и збо́жьёмъ прибы́ли до при́стани въ Кампа́нїи, — но оди́нъ затопи́лъ са́ съ всёю покла́жею. „Ви́дишь," сказа́лъ Павли́нъ до свои́ сѫпрѫги, „що ты о҃укра́лась той поги́бшїй хлѣ́бъ о҃убо́гимъ. Оди́нъ бо́хонецъ отъ́ялась о҃убо́жествѫ, а цѣлы́й кораве́ль велѣ́лъ Го́сподь тобѣ́ о҃тъна́ти."

В. К.

57.

Коли́ бѣда́ е́сть найбо́льша, Бываѐ по́мочь найбли́жша.

I.

Ма́ркъ Ѧ҃рре́лїй.

Царь Ма́ркъ Ѧ҃рре́лїй прова́дилъ во́йнѫ съ Ква́дами и Маркома́нами. Непрїя́телѣ зва́били его́ въ лѣ́съ и обско́чили въ о҃узко́й доли́нѣ, въ котро́й ани́ кáплѣ воды́ не бы́ло — а дѣ́ало са́ то́е ещѐ въ такі́й часъ, коли́ его́ во́йско, то чере́зъ вели́кїи похо́ды, то чере́зъ во́рвы и зране́нїа цѣлко́мъ изнемогло́. Жа́ръ со́лнца причина́лъ са́ до то́го, що ани́ оди́нъ во́ѩкъ не мо́гъ са́ о҃удѐржати на нога́хъ. Опа́сно́сть бы́ла дѫ́же вели́ка и здава́ло са́, що тѫ всѣ́мъ прїи́де ги́бель. Непрїя́телѣ и не дѫ́мали о то́мъ, абы́ са́ съ Ма́ркомъ Ѧ҃рре́лїемъ въ ви́тву запѫсти́ти, — во казали „ма́емъ его́ о҃узѐ въ клѣ́тцѣ, въ котро́й и та́къ

емѫ загибáти прїйде!“ — Мéжи легеóнами цáрскими находúлъ сѧ одúнъ состоáчїй изъ самы́хъ Христїáнъ, котрїи здáвши сѧ на Всемогѫщого Бóга, горáчїи до нéго засылáли молúтвы. Оумилосердúлъ сѧ Богъ надъ нúми — и нарáзъ просѫнѫла сѧ чóрна ѩкъ нóчь хмáра, изъ котрóи такїй рáсный и холóдный дождь на полѫмéртвыхъ Римлáнъ лю́нѫлъ, що не нѣ́ онѝ могли́ сѧ покрѣпúти, но и жáждѫ свóихъ кóней заспокоúти — а зъ дрѫгои стороны́ такúй гѫстúй градъ ѩкъ и велúкїи громы́ бúли, що перепѫдженїи сѫпротúвники оўходúли въ найбóльшомъ непорáдкѫ зъ мѣстцѧ свóи мнúмои слáвы.

II.

Овсѣдѣнїе мѣста Нисúвїи.

Рóкѫ 350 обсадúлъ перскїй Король Сапóръ II. мѣсто Нисúвію. Иковъ, епúскопъ тогожъ мѣста вы́йшолъ на мѣстскїи окóпы въ присѫтствїи числéнного нарóда и молúлъ Бóга о пóмочь протúвѫ Невѣ́рнымъ. Его́ молúтва бы́ла вы́слѫхана, и нарáзъ ѩвúло сѧ мнóжество мѫхъ подавáючихъ на саранчѫ, котрà обсѣ́ла хóботы слóнóвъ и докѫчáла всѣ́мъ звѣ́рамъ воéннымъ такъ, що онѝ розъю́шили сѧ и велúкїй пополóхъ въ тáборѣ сдѣлáли — по чѣ́мъ Сапóръ оўзнаючи въ тóмъ владѣ́ніе вы́шшои рѫкѝ, ôтстѫпúлъ ôтъ обсѣдѣ́нїѧ мѣ́ста и ôттагнѫлъ съ войскомъ.

В. К.

58.

Корабе́ль вое́нный.

Не мо́жно собѣ́ ле́гко предста́вити, що то все нале́житъ до вели́кого вое́нного корабля́. Такъ н. пр. на англи́цкій корабе́ль, котры́й есть зъ́здо́ванный на сто пъ́шо́къ, выѵо́дитъ 1000 кръ́пкихъ дъ́бо́въ, о́тъже мо́жъ сказа́ти цѣлы́й лѣ́съ; потомъ 200,000 фъ́нто́въ желѣ́за. На паръ́ски тре́ва 6,500 ло́ктѣвъ паръ́сины; линвы ва́жатъ 164,000 фъ́нто́въ, а если сѣ́ть напъ́ще́нїи де́ртёмъ, безъ чого́ не мо́жно са́ объ́нитї, то ва́жатъ 200,000 фъ́нто́въ. Вага́ цѣло́го корабля́ есть 5 мїлїо́но́въ фъ́нто́въ или 50,000 сотна́ро́въ, безъ оса́ды и жи́вности, безъ по́роховъ стрѣ́льного и къ́ль; а пре́цѣ плынѣ́ о́нъ такъ ле́гко и беспе́чно на водѣ́ и идѣ́, къ́да человѣ́къ загада́е.

Е́слиы одни́хъ человѣ́къ малъ въ́дока́ти такїй корабе́ль вое́нный, и е́слиы зна́лъ всѣ́ реме́сла, котрїи до то́го нале́жатъ, тоы трка́ла его́ рово́та чере́зъ 480 лѣ́тъ. Они про то́е 480 людїй при то́мъ сѣ́ть оу́пражне́нїи, то бы́въ́дъ́ютъ цѣлы́й корабе́ль за одни́хъ ро́къ. — Одни́хъ корабе́ль мо́жно оу́потребля́ти найдо́лше чере́зъ 50 лѣ́тъ, если не приключитъ са́ кѣ́мъ нещастье.

В. К.

59.

Ле́гко прїйшло́, ле́гко и по́йшло́.

Ка́зка.

Въ невели́чко́мъ мѣстечкѣ́ надъ О́кою, жилъ вѣ́дный мѣщани́нъ занима́ючїй са́ оу́же́ о́тъ де-

сѧтн лѣтъ перевозомъ черезъ рѣкѫ. Колько то перемѣнило сѧ черезъ тое время наймытелѣвъ и господаровъ поромъ, и Тимоденчь все переходилъ изъ рѫкъ до рѫкъ, отъ одного господара до дрѫгого и всегда былъ старшимъ пороминикомъ. Тота робота живила его, онъ до ней привыкъ; а же былъ человѣкомъ честнымъ, богобоязненнымъ и николи не ошманювалъ своего господара въ счётѣ, то емѫ и вѣрили все и хорошо поважали. Дѧдька Тимоденча знали всѣ, отъ малои дѣтины ажь до найстарщихъ людій, а съ гдекотрыми былъ онъ и покѫмалъ сѧ. Заможного добра было не много оу него; за десать лѣтъ ледва придалъ собѣ на одинъ праздничный жупанъ, та дѫбленый кожѫхъ, а сивѫю шапкѫ, было оужѣ дрѫгій рокъ томѫ, же лишь кѫпити свираѣ сѧ, а коли бывало пріидѣ до мѣста на рынокъ, що бы запасти сѧ на три, на четыри дни хлѣбомъ, то зайдѣ такожь и межи крамницѣ, розглане сѧ по шапкахъ и стане торговати сѧ и опать покине. Звычайно при роботѣ ходилъ онъ въ старой, сполосованой опанчинѣ.

Хоть и привыкъ нашъ Тимоденчь къ долѣ своей, однакожь не безъ того бывало, що бы часами и не жаловалъ сѧ, та смотрѧ на дрѫгихъ не завидовалъ имъ. „Отъ бачь, за що Богъ далъ томѫ онъ тое, а томѫ тое, а мнѣ не дае! така видно дола моя нещастлива!“ И часто наветь сталъ жаловати сѧ передъ людьми на бѣдность свою и просити Бога о богатство. „Тожто“, дѫмалъ онъ, „погѫлялъ вы ѩ собѣ! И бѣднѫю братію не покинѫлъ бымъ, обдѣлилъ бымъ всякого оубогого!“

Нѣ зъ сего нѣ зъ того, небавкомъ кличѫтъ Тимодѣича до городской старшины; а посланецъ ѹжѐ такъ низенько кланяе сѧ передъ нимъ и поздоровляе его всякимъ добрымъ желанїемъ. „Прїйшла“, каже емѹ, „вѣсточка, що ты розбогатѣлъ есь, батькѹ Тимодѣичю; якїйсь дядько твой ци своякъ померъ въ Ростовѣ; онъ былъ записаный въ кѹпцѣ, и грошїй придбалъ знати богато, а дѣтїй ѹ него нема, такъ все бачь достае сѧ тобѣ!“

Задѹмавъ сѧ Тимодѣичъ, почѹхравъ сѧ въ головѹ, що за пригода? Глянѹвъ на посланца, бачитъ, тотъ безъ шапки стойтъ передъ нимъ и все кланяе сѧ емѹ и поздоровляе; видитъ сѧ, що не обманюе, ѹжѐжъ бы онъ такъ дармо не понижавъ сѧ. Пойшовъ Тимодѣичъ, и дорогою все нагадѹе собѣ, и на кѹнцѝ спомнѹвъ: що былъ ѹ него зъ допрадѣды дядько, и кѹпчилъ гдѣсь тамъ, но ѹжѐ больше десатѝ лѣтъ, якъ нїякои чѹтки о нѣмъ не было.

Такъ сталъ Тимодѣичъ богачемъ. Не давно томѹ, якъ торговалъ сивѹю шапкѹ на торзѣ, та и подѹмавъ: „дорога! три рѹблѣ — зъ отки ихъ возьмешь?“ Я тепѣръ наразъ кажѹтъ емѹ ѣхати до Ростова, тамъ тебѣ требѹе Начальство и переказѹе: що померъ дядько и отказалъ тобѣ домъ и два крамы и сто тысячъ готовыми грошми. Сто тысячъ! то не такъ легко начислити, якъ выговорити; а тѹтъ чѹти: все твоѐ, та ещѐ домъ и два крамы!

На силѹ выбравъ сѧ Тимодѣичъ въ дорогѹ: люди якось не довѣряютъ, никто не хоче вызычити, а своихъ рѹблѣвъ нема, такъ ни о чемъ и

ѣхати. Однáкожь на кôнцѝ запомôгъ госпóдарь; Тимодéичь заѣхалъ и óчёмъ не вѣритъ; не видáлъ и въ снѣ такóго богáтства и не знáе, ѧкъ съ чимъ оу̑пóрати сѧ; тôлько и тôлько грóшїй розкáзюютъ емꙋ, налéжитъ сѧ тобѣ по заéмномꙋ письмꙋ оу̑ того кꙋпцà, а стôлько знóвъ оу̑ дрꙋгого, трéтёго; такїй и такїй тóваръ ôтправлéнъ брыкарёмъ тꙋдà, а за йншїй налéжитъ сѧ полꙋчúти тóлько то. Тимодéичъ не знáлъ письмà, свúлъ сѧ съ всёмъ зъ толкꙋ и не мóже совѣ порáдити, що и ѧкъ дѣлáти.

Й тꙋтъ ещѐ совѣтникôвъ и прїѧтелѣвъ новы̑хъ наснꙋло сѧ ци мало; обмáнюютъ егò крꙋгóмъ и звелѝ зъ оу̑ма съ всёмъ. Одúнъ кáиче до сéбе, та величáе, оу̑гощáе; дрꙋгїй знóвъ самъ впрóшꙋе сѧ въ гóстѣ, нѣвы то на новосéлье, тꙋтъ знóвъ зайдꙋтъ ѧкїись старїи дѧдúны, та стáнꙋтъ такъ перебéндювати, що Тимодéичь и слóва не розꙋмѣе, лúшь сѣдúтъ, та очúма глы̑пае; а тамъ знóвъ ктось пôдмовлáе до новóи торгóвлѣ, та обѣцáе велúкїи барышѣ; слóвомъ, не знáе бѣдный Тимодéичь, ци своà головà оу̑ нéго на плéчёхъ; ей, бѣдà! зъ рóдꙋ не видáлъ ôнъ такóи бѣды̑! —

Ѧкъ не розбивáлъ сѧ Тимодéичь въ тôмъ клóпотѣ, а дáлѣй вúдитъ, що самóмꙋ емꙋ гóдѣ оу̑пóрати сѧ, гóдѣ съ такúмъ богáтствомъ кôнцà дôйтѝ. Оу̑жѐ егò и въ сꙋдъ позывáли и казáли платúти на ѧкїись тамъ небôжчика дѧдькà заéмнїи пúсьма, котры̑хъ ôнъ и перечитáти не оу̑мѣе; тꙋтъ знóвъ емꙋ самóмꙋ не доплáчꙋютъ, а ôнъ не знáе, колько емꙋ налéжитъ сѧ; а тамъ пропꙋститъ речúнецъ, та и напúшѝ пропáло, и

позыва́й ѧ҃къ хо́чь до́лжника; тѣ҃тъ зновъ тре-бу́ютъ по ѧ҃кóйсьто торго́вóй ѹ҃мо́вѣ пать ты-сячь, а обрахѫ́нки, ка́жѫтъ, бѫ́дѫтъ ажь на бе́з-рѣкъ; но все положе́нїе сѣть торго́вїи рѣчи́нцѣ; ажь тамъ дивї са, брѣ́ка пропа́ла, фѣ́рманъ ѹ҃тѣ́къ, то́варъ спрода́лъ комѫ́ нибѫдь и гро́ши съ собо́ю забра́лъ; сло́момъ: найшла́ бѣ́да така́, цо хочь коротѫ́ розтвера́й.

Тѣ҃тъ ѧ҃къ напїѐ са Тимоде́нчь зъ го́ра, ѧ҃къ ѹ҃да́ритъ сво́ею си́вою ша́пкою о зе́млю, такъ и пóйшло все ѹ҃ не́го крѫго́мъ, мовь по ни́точцѣ, и го́ре гдѣ́сь ѳтста́ло ѳтъ се́рдца и тѫжи́ти ѧ҃ко́сь забѫ́къ. Одна́кожь то́е плохо́е сре́дство звѫва́ти жѫрвѫ́; бо не звѫ́дешь са ей на долго́, и ле́два цо но розгѫла́ешь са до́бре та ста́нешь изъ ле́гкон рѫ́кй жи́ти, то небо́вкомъ дивї са, ѧ҃къ сто́й розбогатѣ́ешь го́ремъ, тѫго́ю и нѫ́ждою ещѐ го́рше ѧ҃къ впере́дъ.

Ста́лася така́же прихо́да и съ Тимоде́нчемъ. Говори́ли сѣсѣ́ды о нѣ́мъ; хотя́ и не вы́нокѫ́ри изъ не́го, а прокѫ́рилъ все! Ско́лько то ѹ҃ не́го порозноси́ли, а ско́лько безъ ли́кѫ пропа́ло, ско́лько ѳтъ недогла́дѫ, а ско́лько и самъ пропѫ́стилъ въ ненаскы́тное свое́ го́рло, та змарнова́лъ, ѹ҃тоцаючи весь мїръ попа́вшїй са емѫ́ по́дъ рѫ́ки. Го́-споде́ его́ зна́е и никто́ бо́льше; бо и о́нъ самъ ле́два та́митъ цо, бо рахѫ́нкѫ не зна́е. Зна́емъ лишь, цо коли́ вѣдна́ка кернѫ́лъ са ра́зъ смер-те́льно пїа́ный въ свой хоро́мы, такъ ѹ҃снѫ́лъ гдѣсь тамъ на подѣ́, и забѫ́вши свѣ́чкѫ зга́сити, зажѐгъ до́мъ, и погорѣ́ло все до кры́хти, ле́дво его́ само́го ѹ҃спѣ́ли ещѐ кы́тцрити, и то въ обор-ва́нóмъ кафтанѣ́, и бо́льше не оста́ло са при

дꙋшй его. Все пропи́лъ, а оста́тки погорѣ́ли до послѣ́дного гроша́.

Го́рькѣ бы́ло похмѣ́лье бѣ́дномꙋ Тимоде́ичю, то пра́вда; но хотѧ́ ѩ́къ го́рько, а все тако́й о́нъ вздохнꙋ́лъ слободнѣ́йше и на се́рдцю ле́кше ста́ло, ѩ́къ о́тъ само́го пріѣ́здꙋ въ Ростовѣ́ ещѐ не быва́ло; го́рько, а на дꙋшй ле́кше! „Не ста́нꙋтъ гры́зти чоловѣ́ка тепе́рь“, подꙋ́малъ Тимоде́ичь; „не бꙋдꙋ́тъ и обкрада́ти кро́мъ мовь воро́ны, не бꙋдꙋ и ѩ́ бо́льше выпла́човати Богъ зна́е чїи зае́мнїи пи́сьма — та и не бꙋдꙋ́ пи́ти бо́льше; о́ꙋкончи́ло сѧ все, мовь сонъ тѧ́жкїй зъ плечи́й зва́ли́лъ сѧ. А гро́ши тоти́ прїи́шли́ лишь на лихꙋ́ годи́нꙋ“ — подꙋ́малъ си да́льше — „не на́ми нажи́то, такъ и не на́мъ до́ста́ло сѧ! Плюнꙋ́лъ Тимоде́ичь и по́йшо́лъ въ свѣ́тъ и зъ очи́й свои́хъ клевѣ́тнико́въ.

А пойшо́лши, нана́лъ сѧ за робо́тника о́ꙋ ѩ́кого́сь бога́чника, жи́лъ о́ꙋ не́го хорошо́ и че́стно бли́зко пять го́до́въ; заробы́лъ сове́ и гро́шїй и доста́тко́въ цима́ло, и все склада́лъ на чо́рнꙋ годи́нꙋ — по́дъ ста́ро́сть верну́лъ сѧ на роди́нꙋ и самъ сталъ промыслова́ти тимже ремесло́мъ. Бꙋва́ло що ра́на идѣ Тимоде́ичь о́ꙋлицею въ пестро́во́мъ фартꙋ́сѣ, съ ша́почкою на головѣ́ и приспѣ́вꙋе:

„У насъ колачѣ́,
У насъ горячи́ —
И гро́шики бы́ли
Та въ Ро́стовѣ сплы́ли . . .
Колачѣ́, горячи́!“

Всѣ зна́ли Тимоде́ича, всѣ люби́ли его́, ѩ́къ старо́го прїя́теля, и розбира́ючи о́ꙋ не́го колачѣ́,

слꙋхали его̀ прѝказокъ, — а ѻ̂нъ прáцею своéю и съ тверéзою головóю прїйшóлъ до велѝкого богáтства. Всѣхъ заохóчꙋвалъ до робóты вскáзꙋя, що кто рóбитъ, то сѧ чогóсь дорóбитъ; — а зазнáвши велѝкꙋ бѣдꙋ спомагáлъ кóждого, кто сѧ не лѣновáлъ въ дѣлѣ и мóвилъ: ѿ радъ даю кóждомꙋ запомóгꙋ, кто лю́битъ працювáти, бо въ прáцѝ сꙋть невы́черпаємїи капїтáлы; — кто працю́е, тóго стáне ѻ̂тдáти и долгъ, и змóже щось собѣ сложѝти.“ Мнóгїи послѣдꙋючи емꙋ стáли сѧ велѝкими богачáми и чéстными людьмѝ.

Влад. Даля.

60.

Мати и дѣти.

Когдà весна́ ся сближáе,
Птѝчки ся рáдуютъ,
На галузкáхъ чепера́тыхъ
Дѣтёмъ дóмъ будꙋ́ютъ.
Мáти дѣтёмъ устелѝти
Колы́ску желáе,
Лѣтáтъ гетъ тамъ на перѝнку
Мохъ, пѣрца сберáе.
Ѩкъ ужѐ въ гнѣздѣ устелéну
Колы́соньку мáе,
Несѐ ѩйця, сѣдѝтъ на нѝхъ,
Плѡ́дъ свѡ́й огрѣвáе.
Ѩкъ ся начнꙋ́тъ изъ хижѝнки
Потя́тка клювáти,
Шкарꙋ́пинку позорлѝво
Откѝршуе мáти.
Желаючѝ покрѣпѝти
Слабéнькѝ потя́тка,
Пѝщу, напо́й дѣтёмъ нóситъ
Печалѝва мáтка.

Дѣти въ гнѣздѣ постуля́нiй
Ма́ти ожида́ютъ
Я́къ ся ѣ́витъ, голодне́нькiй
Пы́цки о́твера́ютъ.
Свои́ клю́вы къ ма́мчиному
Клюву́ надставля́ютъ,
А отъ ма́мки благода́рно
По́кармъ о́тбера́ютъ.
Коль ся где́кто къ гнѣзду́ сбли́житъ
Смути́тъ ся ма́мичка,
На вкру́гъ лѣта́ть, дѣти храни́тъ
Бѣ́дная сами́чка.
Когда́ дѣти поросну́ли
И зна́ютъ лѣта́ти,
Лети́тъ съ ни́ми пи́щи гляди́тъ
Учи́тъ ихъ сбера́ти.
Посѣда́ютъ на галу́зки,
Сла́вятъ Отца́ въ не́бѣ
Онъ имъ даѣ́ пи́щу, о́дѣжь,
Помага́тъ въ потре́бѣ.

Чернянъ Макови́цкiй.

61.

Песъ зъ горы Св. Берна́рда.

(По́для Вакерна́ґля.)

Чере́зъ вели́къ горѣ́ Св. Берна́рда въ Швайца́рiи ведѣ́ дѣ́же при́крый про́смыкъ зъ канто́нѣ Ва́лiи до Iта́лiи. Въ пѣстой́, высо́ко-скали́стой́ доли́нѣ, окрѣ́же́нѣ́й гора́ми покры́тыми вѣ́чнымъ сне́гомъ, стои́тъ найвы́шшое челове́ческое жи́лище въ старо́мъ свѣ́тѣ, монасты́ръ свято́го Берна́рда. Тѣ овита́ѣ дѣ́сать до двана́дцать побо́жныхъ мо́нахо́въ, котрiи лишь тимъ са трѣ́дать, що подоро́жныхъ безпла́тно о́ѣгоща́ютъ и имъ вса́-

кимъ спо́сообомъ по́мо́чь подаю́тъ. Чере́зъ о̂сьмь або́ де́вать мѣ́сацѣвъ въ ро́къ, коли́ сне́гъ, мгла, непого́да и метели́ца ро́бятъ дѫ́же невеспе́чно̀ доро́гѫ, обу́до́ятъ тїи свящє́нники або́ ихъ сла́ги шодє́нно всю́да, абы вы́найти звлѣка́вшихъ ся или ратова́ти загра́жшихъ. Отъ мно́гихъ о̂у̂же́ лѣтъ о̂у̂потребла́ютъ они́ къ ратова́ню въ нещча́стье попа́дшихъ, такожь и особе́нно вы̀ѣченыхъ вели́кихъ псо́въ. Тїи выхо́дятъ або́ сами́ або́ забира́ютъ ихъ мо́наси съ собо́ю. Ско́ро песъ а̂ко́го попа́вшого въ нещча́стье вы̀вѣ́тритъ, верта́е мо́вь бы стрѣло́ю назадъ до сво́го па́на и да̀е своѐ выкрытьѐ позна́ти черезъ га́вканье, скавле́нье и не споко́йне ска́канье. Пото́мъ оберта́е ся, зае́дно дивлячѝ ся въ задъ, ци и кто ем̀ послѣ́дѣе, и ведѐ сво́го па́на на то́е мѣ́стце, где лежи́тъ попа́вшїй въ нещча́стье. Ча́сто вѣ́шаютъ тымъ псо́мъ на шки́ю фла́шочкѣ съ покрѣпля́ючими напо́ями и ко́шичокъ съ ѵлѣ́бомъ, абы то́е о̂у̂томле́номѣ подоро́жномѣ пода́ти къ посиле́ню ся.

Таки́мъ псо́мъ вы̀лъ оди́нъ зоко́мый Ба́рїй. Чере́зъ двана́дцать лѣтъ вы̀лъ нео̂у̂томи́мый и вѣ́рный въ о̂у̂слѫ́зѣ человѣ́чества, и о̂нъ самъ, по́ки жилъ, вы̀ратовалъ житьѐ зви́шь сороко̀ осо́бъ. Ре́вно̂сть, а̂ко̀ о̂нъ при то́мъ ока́зовалъ, вы̀ла чрезвыча́йна. Нико́ли не тре́ба вы̀ло напомина́ти его̀ до слѫ́жбы. Ско́ро ся не́бо покры́ло, мра́ки залягли́ или невеспе́чно̀ сне́жно̀ вѣ́лицю ещѐ изъ дале́ка вы̀ло ви́дно, то о̂у̂же́ нїчъ не могло̀ его̀ здержати въ монастырѣ. Безъ о̂у̂ста́нко̀ обу́джѐвалъ га́вкаючи всѣ́ верте́ны, и не о̂у̂томи́лъ ся по кольканадцать разо́въ загладда́ти въ невеспе́чнїи мѣ́стцѣ, цибы не мо́гъ западля́ючого стри́мати

или запáвшого вы́копати, а сли не мо́гль помогчи́, то сади́лъ вы́скокомъ до монастыра́ и приводи́лъ за собо́ю по́мо́чь. Ико́ у́жѣ былъ безси́ленъ и постáрѣлъ ся, послáлъ его́ чéстный игу́менъ до мѣ́ста Бе́рна, въ котро́мъ скончáлъ ся. Въ тамо́шнóмъ му́зе́и захо́вано его́ я́ко особли́вость про пáматку́.

Ско́ро ви́дишь чію му́ку,
Не пыта́й ся кто о́нъ есть —
Най о́нъ бу́де кто нибу́дь...
Ты на него не забу́дь!
Сама́ вымага́е чéсть,
Абысь пода́лъ ему́ ру́ку!

Бо и безъу́мніи ство́ры
Не пыта́ютъ: кто? я́кій?
Нещáстного ратýютъ,
Вспомага́ютъ, жáлуютъ —
А сли ты не есь такій,
Берй изъ нихъ собѣ взо́ры!!

В. К.

62.

Приго́да въ лѣсѣ.

Со́нце спочи́ло — сме́ркло ся — ти́ха пѣ́тьма насѣ́ла ти́хи та у́зки зво́ры, вѣ́терь осѣ́нный метáлъ хмáрами о́тъ верхá до верхá, и гнáлъ сполóвѣлымъ ли́стьемъ зъ го́ръ въ те́мни роздо́лы, то знóвъ по́дъ кръ́тъ стременъ́, скриплáчи го́лыми гилáми о́твѣ́чнои дзви́ны, мовь величáючи ся свóею лю́тостїю, а ръгáючи ся зъ ихъ недзги; звѣ́рь шелепотѣ́лъ чагорáми за жи́ромъ, часáми вóлкъ го́лодомъ пе́ртый ди́вными завы́лъ голоса́ми; перѣ́сти опóки, заклáти надъ бе́звѣ́стами стоáти, здавáли ся при настúгловй по́чно́й мрáцѣ

прожива́ти, та свої́ мѣна́ти стано́вища, проходя́чи ся мовь но́чній ма́ры, во ѣкъ то ка́жѣтъ: „оу страха́ о́чи вели́кіи.“ — Смѣло стѣпа́лъ о́тважный Семе́нъ по крѣгло́мъ гре́хотѣ и по розме́таныхъ ко́стехъ, перестѣпа́лъ коло́ды по́дносячи высо́ко но́ги, и зъ прі́тиска ихъ ста́влялъ, щобъ го ѣка ма́ра не по́дбила; чо́рна пѣтьма го за о́чи хвата́ла, ско́ро оу́зрѣлъ тѣманы по корчахъ, воло́сье мѣ горо́ю ся звело́, кро́вь ся стина́ла, а стра́хъ за се́рдце ѣкавы мертве́цъ зи́мною има́лъ рѣко́ю, а не можь каза́ти, щобъ не малъ о́тваги, во ся нераз до́бре довело́; — але зъ мале́нька чѣва́лъ о закла́тыхъ ли́цахъ, о скаменѣлыхъ рыцаряхъ, о недостѣпле́ныхъ про ѕмїѣ ра́йскихъ пти́цахъ; то о едноо́кихъ Тата́рахъ, людоѣдахъ, велика́нахъ, и о мно́гихъ и́ншихъ лихи́хъ дѣхахъ; — а ско́ро то все ста́ло на оу́мѣ роёмъ (а часъ, но́чь те́мна и мѣстце, го́ры, де́бры и чагорки по томѣ бы́ли), то тогды́ и найсмѣлышомѣ трѣсомъ ставáти — а Семе́нъ посмѣхаючій ся на зазо́рѣ во́лка або медве́дя, при наймéншомъ ло́потѣ застыва́лъ — во то либо́нь съ ли́хомъ бы́ла спра́ва.

Замаячѣло въ далечинѣ гей ва́трою широ́ко розложе́ною; бы́ло то емѣ, що же́нчикамъ въ жарко́мъ лѣтѣ вѣтре́цъ холоде́нькій; вдивíлъ ся въ ню цѣло́ю дѣше́ю, а ра́дость въ его́ дѣшѣ калíною зацвíла, и оу́тихоми́рилъ ся дѣхъ его́, ѣкъ приро́да по шайно́й тѣчи, и зра́довало ся се́рдце въ нѣмъ ве́льми . . . . тѣтъ спо́знáлъ во Данíлка, котро́го въ дворѣ ви́дѣлъ, що то такъ ди́ко и лю́то ѣкъ розвишака выглядáлъ, що то на овѣцанкѣ па́на бы́ти на весéлю, къ стѣнѣ по вѣсо́вски ся оу́смѣхáлъ. Оу́тѣшилъ ся видячи его́, а

зрáдовалъ сѧ ещѣ бо̑льше, скóро почѫлъ: „однà намъ дорóга“ — стисѫлъ егò за рѫкѫ и побрáтали сѧ, и рáзомъ въ двóйнѣ стѫпáли кремѣнчáтою стéжкою по̑дъ крѫтѫ горѫ къ высóкой вáтрѣ.

По̑дъишлѝ на мѣстце. Семéнко оу̑зрѣвши изъ за дѫба колькáнадцать бородачѣвь при широ́ко розложéнѣмъ огнѝ, наганѫлъ си дванáдцать розбóйникóвъ въ кáзцѣ, що висѣльца о̑трѣзали и пеклѝ на рожнѝ, налѧкáлъ сѧ, спинúлъ сѧ, анѣ крóкомъ на перéдъ, и малъ сѧ вертáти. — „Не страхáй сѧ“ промóвилъ Данúлко, „не такíй чóртъ страшны́й, ѧ̃къ егò малю́ютъ; пристѫпѝ, таже ты христïанúнъ, не врáгъ, не бѣсѫрмáнъ, лише бѣдный селанúнъ.“

— „Мабѫть то нашъ жвáвый бандѫрíстъ Данúлко“ — озвáло сѧ колька грѫбыхъ голосóвъ — „несѐ о̑нъ намъ щось потѣшного; для нéго немà ни ворóтъ, ни желѣзныхъ дверій“ — и поскóчили въ стóронѫ, о̑тки гóлосъ ишолъ, привелѝ обóхъ, згорнѫли сѧ къ Данúлови всѣ пытáючи, ѧ̃кимъ свѣтомъ довершúти имъ гáдкѫ; бо Данúлко никóли на дáрмо не трѫдúлъ сѧ — а рáдѫючимъ сѧ тамты́мъ окóло Данúлка, и попивáючимъ могорúчъ на бѫдѫщѫ дóбрѫ справѫ, Семéнко сѫмовáлъ присмóтрѫючи сѧ тымъ дивоглáдамъ зъ оу̑кóса, то рѫчнúцамъ, то ѧ̃сным топо̑рцáмъ стремлáчимъ докóла кѫрица, то барки́лцѣ съ парѫхою; однáкожь частѣйше поглáдалъ въ чóрный лѣсъ, чи не ѧ̃вúтъ сѧ гдé ѧ̃ка старà стéжка, оу̑бѣгчи и спастѝ сѧ. Але наганѫлъ си егò побратúмъ Данúлко, свóго товáриша, пристѫпúлъ къ нéмѫ съ кѫхлéмъ: „Богъ дай здорóвъ былъ! ты сѧ намъ знадóбишь; не сѫмѫй, зрáдѫешь сѧ нúнѣ а съ тобóю мнóгй твóихъ со-

сѣдъ; пій на погúбель врагáмъ, такъ чúнимо всѣ, такъ чúнитъ и нашъ ватáжко. Отъ вачь! и ôнъ идѐ, а оу̑тѣшитъ сѧ товóю.“ — Но Семéнови не до сóли вúло, оу̑зрѣвши егò, и мáло що кѫхлѧ не оу̑пѫстúлъ — бо такóго ни вúдѫмати мôглъ. Сталъ Медведю́къ пóднебесною чóрною горóю; вáрки егò — то въ Бескúдахъ кáмѣнь; егò правúця — ѫкъ дѫбъ; бровú егò — ѫкъ двѣ гóрнїи хмáры; а óчи егò — зъ пôдъ тыхъ хмáръ двѣ мóлнїи; а борода̀ егò — нôчь тéмна осѣ́нна; а гóлосъ егò — грóмъ серéдъ лѣ́та; а стѫпúлъ ногóю — земля̀ стогнáла; вéрглъ сѧ на врага̀ — вѫй — тѫромъ валúлъ. . . . —

„Гóдѣ! не терáймо часѫ,“ озвалъ сѧ сúлный ватáжко; — „на кóнѣ! Ванькò съ шестьмà въ зáмокъ; заверú, що намъ сѧ здáсть, а що не вóзьмешь, рáзомъ съ зáмкомъ най огнёмъ сáде! не мнóго тамъ трѫдѫ вѫде, однáкожъ покáже сѧ, ѫкъ сѧ спрáвишь. — Я ты, Семéне, поведéшь насъ на весѣльѐ, потанцю́емъ съ грабúтелями, крáжими сынáми!“ —

Розвѣ́гли сѧ вѣ́тромъ по байрáкахъ за конь-ми; огéнь погáслъ — грáнь меркотѣ́ла — кѫрище сѧ лишúло — оу̑тихомúрило сѧ.

Маркіáнъ Р. Шашкéвичъ.

63.

Рѣчка.

Чомъ рѣ́ченько домáшная
Такъ плывéшь повóли?
Чомъ водúцѣ не розлíешь
Зъ берегóвъ по пóли?

Гóдѣ плúсти самотóю,
Часъ ужѐ тугу́ збути:
Шумú гудú фалéнькою,
Щобъ далéко чýти!

— „Якъже менѣ, рóдный сы́ну,
Не плы́сти пово́ли?
Высóкіи берéженьки,
Єщѐ й рóвне пóле

Бу́ли ту́чи, дождѝ гро́мы,
Во́ды забренѣ́ли;
Щожь! . . пóдры́ли бережéньки,
Во́ду сколоти́ли.

А бы въ фа́лю загремѣ́ла,
Та води́цѣ ма́ло;
За то гла́дке ли́чко моѐ,
Чи́сте я́къ жéркало.

Лу́чше плы́сти по тихóньки
Та певне́нькимъ хóдомъ;
Омина́ти остро́воньки,
Камѣ́нье й коло́ды.

Такъ поплыну́ ти́хо, сми́рно,
Безъ шу́му, безъ го́ря:
Съ ли́чкомъ чи́стымъ, незмуче́нымъ
Чей дóйду́ до мóря!“

ІА. Голова́цкій.

64.

Óшибка въ розчетѣ.

Оди́нъ бога́тый человѣ́къ, котры́й не малъ ни дѣтѝй ни сродникóвъ нѣ́якихъ вознамѣ́рилъ змарнѝва́ти весь свóй маѐтокъ, и подѣ́ли́лъ его́ та́къ, щобы́ емѝ вы́стало на сѣмдеся́ть лѣ́тъ полага́ючи за вѣ́рно, що єщѐ пере́дъ тимъ часóмъ óумрѐ. Но óнъ дѝже оши́бся въ свóемъ ро́зчетѣ, бо жилъ пѧть лѣ́тъ до́лше. Стра́тивши всѐ своѐ имѣ́нье, принѝжде́ный былъ жи́ти жéбранымъ хлѣ́бомъ. Онъ просилъ мило́стинѣ́ си́ми слова́ми: „Помилѝйте бѣ́дного человѣ́ка, котры́й въ розчетѣ оши́бся!“

В. Волянь.

65.

Добра рецепта.

Поки тамка вѣде трвати о Вѣдни, поти вѣдѣтъ росказовати жителѣ того мѣста о мѣдрости и великодѣшїю Цѣсара Іосифа II, котрого головнѣйшою задачею было наочно всюда и всегда са о всѣмъ пересвѣдчити, кождого выслѣхати, кождомѣ порадити и справедливость вымѣрити. Кождый знае, ѣкїй то великїй и добродѣтельный былъ монархъ, но не кождомѣ вѣде известно, що той славный мѣжъ былъ одного раз лѣкарёмъ и вылѣчилъ певнѣ оувогѣ женщинѣ:

Одна оувога женщина захоровала и каже до свого сына: „иди чимъ борше и проси до мене лѣкара, бо мои болѣ сѣть дѣже великїи — най ми дасть радѣ!“ — Сынъ повѣгъ то до одного то до дрѣгого лѣкара, но жаденъ изъ нихъ не хотѣлъ посѣтити хорѣ женщинѣ, бо не малъ порѣки полѣчити ôтъ вѣднои „реньского сребромъ,“ ѣко звычайнѣ по той часъ нагородѣ за одинъ хôдъ до самого — а вѣдный хлопецъ не малъ ничъ кромѣ слезъ, котрїи однакожь лишь въ невѣ за довръ оуходатъ монетѣ, но не оу всѣхъ на земли. Але коли хлопчина ишолъ до третего оужѐ лѣкара, перелѣзджалъ Цѣсарь въ ôтвертôй карытѣ по при него. Хлопчина оуважаючи его за ѣкогось богатого пана, хотя не зналъ, кто ôнъ есть, подѣмалъ совѣ: „спровѣю,“ и каже: „милостивый пане! ци бы не выли ласкавый менѣ дароваги реньского сребромъ, майте милосердїе!“ Цѣсарь погадалъ: „Сей коротко са выражае и дѣмае, если полѣчѣ цѣлого реньского на раз,

то не потребѣю шѣстдесѧть разъ о крайцарѣ просити.“ „Я чижь не было бы досыть сорокоѣвцѣ или полъреньского?“ вопросилъ Цѣсарь. Хлопчина ѳтповѣлъ: „Нѣтъ!“ бо менѣ конче треба для лѣкарѣ цѣлого реньского“ — и росказалъ все подрѣбно. Цѣсарь выведавши ся о назвиськ и помешканю его матери, подалъ реньского хлопчинѣ, котрый полѣчивши тойже повѣгъ до лѣкарѣ; а Цѣсарь завинѣвши ся добре въ плащъ, абы не былъ легко познаный, казалъ ѣхати до дому вѣднои женщины, котрѣ застался дойстно въ описаномъ найприкрѣйшомъ станѣ. Женщина дѣмаючи, що пришедшій мѣжчина есть лѣкарь, росповѣдае емѣ своѣ положенье и просить о порадѣ. Незнаемый выслѣхавши ю и пересвѣдчивши ся о всёмъ наочно, сказалъ: „запишѣ вамъ рецептѣ, чей она поможе.“ „Боже Вамъ заплатѝ“ сказала хора женщина и показала на перо и папѣръ своего хлопця. — Написавши рецептѣ росповѣлъ миимый лѣкарь, до котрои аптики маѣ хлопця, скоро прїйдѣ, послати, положилъ рецептѣ на столъ и желаючи лѣчшого здоровя ѳтъишолъ. Но хвили прибылъ хлопецъ съ правдивымъ лѣкаремъ. Женщина здивѣвала ся не мало, и стала ся извинати, же тѣ оу̃жѣ былъ одинъ лѣкарь, котрый щось записалъ, а она ожидала лишь свои дѣтины. Лѣкарь хотячи ся подивити, кто оу̃ нёи тѣ былъ и що роспорадилъ, здивѣвалъ ся не мало и сказалъ: „добромѣ ѣкъ видѣ лѣкареви попалисте ся въ рѣки, понеже записалъ вамъ двадцать и пать дѣлоновъ, котрїи маѣ вамъ выплатити ц. к. платничїй оу̃радъ, а подписано есть Іосифъ, если Его знаете. Такѣ масть не лѣгалъ быль ѣ былъ вамъ записати!“

Жена зъ вдачности и взрѣшена не была въ станѣ слова сказати, лишь взнесла очи къ горѣ и засылала горячи молитвы. — Гроши выплатилъ оурадъ, а лѣкарь роспорядилъ лѣкарство, котре при лѣчшомъ доглядѣ борзо скѣткувало, и хора встала въ кольконхъ днехъ цѣлкомъ здорова. Такимъ способомъ вылѣчилъ лѣкарь женщинѣ хорѣ, а Цѣсарь бѣднѣ. — Она жила послѣ того еще долго и свого сына пильно посылала до школы, котрый росъ для нея въ потѣхѣ — а оукончивши школы пойшолъ въ цѣсарскѣ службѣ.

В. К.

66.

О благодарности.

Межд$ всѣми довродѣтельми здае са быти найлѣкшою и найпрїатнѣйшою до выполнена „благодарность.“ При всѣхъ иныхъ довродѣтелехъ мѣсимо са менше или больше принуждати, поки до нихъ не навыкнемо, для того, що нимъ часто противитъ са либо якїи нибудь страсти, либо наше лѣнивство. На примѣръ: щедротѣ противитъ са скупость, оумѣренности сластолюбїе, отважности робкость, терпѣливости нездоволство своимъ станомъ, великодушїю противитъ са гнѣвъ. Но чувствованье благодарности, котора состоитъ въ томъ, абысмо не забыли на получены нами довродѣйства, любили нашихъ благодѣтелей и не только желали имъ добра, но и старали са при всякомъ случаи выт' имъ оуслужными — тое чувство такъ властивымъ есть нашому сердцю, що диковати са потрева, якъ люди неблагодарными

бы́ти могѫ́тъ. Неблагода́рнѡ́сть про тое справедли́во почи́тѧе сѧ до найбо́льшихъ поро́ковъ.

О ко́лько ле́гкою въ исполне́нїю ви́дитъ сѧ бы́ти тамъ добродѣ́тель, о тѡ́лькоже она́ есть и прїа́тною. Пригада́вшчи собѣ́ на полѫ́че́нїи на́ми добродѣ́йства, здаѣ́ сѧ на́мъ, ꙗ́къ коли́вышсмо ихъ по дрѫ́гїй разъ полѫ́чали, и наслажда́емъ сѧ при тѡ́мъ ѹ҃дово́льствїемъ. Благода́рнѡ́сть сѧ́зана бываѣ съ любо́вїю къ томѫ́ челове́кѹ, котры́й намъ добрѡ̀ сдѣла́лъ; а любо́вь есть ѹ҃жѣ̀ сама́ сово́ю исто́чникомъ ѹ҃дово́льствїа. Ꙗкѫ́ю то ра́дѡ́сть чѫ́вствѫемъ, если́ нахо́димъ слѫ́чай ѡ҃тплати́ти та́кже добро́мъ томѫ́, кого̀ лю́бимъ и ѡ҃тъ котро́го добрѡ̀ полѫ́ча́лисьмо, або́ прина́ймнѣй доказа́ти емѫ́, цїо мы охо́тновы то сдѣла́ли, если́ бысьмо тѡ́лько могли́! Неблагода́рный челове́къ го́ршїй ди́кого звѣ́ра́; ѡ҃нъ него́денъ, аны́ его̀ земла́ носи́ла. Тое чѫ́вство вроджѐное есть такъ поединокимъ осо́бамъ, ꙗ́къ и цѣлы́мъ общества́мъ; бо нахо́димъ въ їсто́рїи мно́го слѫ́чаѣвъ сме́ртїю ѹ҃ка́ранои неблагода́рности. Щастли́вый тотъ край, котры́й корми́тъ вда́чныхъ горожа́нъ! щастли́вїи ро́дичѣ, вы́плекавшїи благода́рнїи дѣ́ти! Подо́внѝ хорошѡ̀ оброблѐномѫ́ по́лю ѡ҃тдаю́тъ они́ изобы́льно сѣмена́, благодѣ́тельною рѫ́ко́ю въ се́рдцахъ ихъ посѣ́вшїи, справедли́вѡ́сть и челове́колю́бїе и всѧка́ добродѣ́тель процвѣ́тѫтъ въ нихъ, ми́ръ и согла́сїе бѫ́дѫтъ съ ними обита́ти.

В. Волянъ.

67.

Дрꙋжеска гостьба.

Пе́вный гостелюби́вый челове́къ гости́лъ сво́его знае́мого чере́зъ ко́лька дній ѿ се́бе, и извина́лъ при ѿходѣ сво́го го́стя, скꙋдно́сть сво́го ѿгоще́нья, хотя́ всего́ доложи́лъ стара́нья зроби́ти его́ пребыва́нье ѿ се́бе прїе́мнымъ, выго́днымъ. „Нѣчо́го, нѣчо́го“ ѿвѣти́лъ го́сть, „одна́кожъ если́ коли́сь до ме́не прїйде́шь, то постара́ю ся о лꙋчшꙋ го́стьбꙋ, нежели́ твоя́ была.“

Незадо́лго по́слѧ то́го приключи́ло ся въ и́стѣ, що давнѣ́йшїй гостепрїи́мецъ былъ го́стёмъ ѿ сво́го знае́мого; но не постере́гъ и найме́ншого предъꙋготовле́нїя для сво́го прїа́тїя, анѣ жа́дныхъ особли́вшихъ выго́дъ, що его́ не ма́ло задивꙋва́ло. Госпо́дарь помѣркова́вши помѣша́тельно́сть сво́го го́стя, помо́гъ ѻ́кось емꙋ изъ сна продёрти о́чи и ка́же: „Тобѣ выдаѣ ся бы́ти моя́ го́стьба́ тро́ха ди́вною, одна́кожъ цижъ ѻ́ тобѣ ѿ́же давнѣ́йше не прирѣ́къ, що ѿ ме́не лꙋчша гости́на быва́е? Ты на́дѣючи ся менѣ въ твои́мъ до́мꙋ ма́ти, тысячнїй поробы́лъ есь предъꙋготовле́нїя, ѻ́къ сли́бымъ ѻ́ былъ тобѣ чꙋжій — ѿ́ мене всѣхъ тихъ выста́вностій нѣтъ, бо ѻ́ тебѣ ѿ́ важа́ю за чле́на мои́ роди́ны.“

Правди́ва гости́нность состойтъ въ не вы́мꙋшено́мъ, но звыча́йно́мъ прїа́тїю на́шихъ прїя́телѣвъ, безъ особли́вшого предъꙋготовле́нїя.

В. К.

68.

Загадка *).

Розвива́е ся весно́ю
Цвѣта́ми украше́ный;
Лю́демъ, ско́тамъ и перна́тымъ
Онъ весьма̀ улюблёный;

Дай му покóй на голóвку,
Краса̀ его̀ пропáде,
Цвѣты вы́схнутъ, а на траву̀
Чóрна земля̀ напáде;

Але кóжда чóрна скúба
Мѣсто цвѣто́въ дасть ти хлѣба.

Духновичь.

69.

О звѣздахъ.

По́дъ назва́нїемъ „звѣзды“ розумѣемъ свѣта́чю на не́бѣ то́чкѝ; но не сѫть то точкѝ, лишь величествéннїи тѣла, кѫдь то бы въ однáкóмъ розстоя́нїи илѝ ѹ̑тверждéнїи на сúнóмъ сво́дѣ, ѩко бы на ѩкóй твéрди.

Звѣзды роздѣля́ютъ ся: 1) на „неподвúжнїи“ т. е. такïи звѣзды, котóрïи всегда̀ остаю́тъ межи собóю въ тóмже розстоя́нїи, а такъ ѩковы не двúгаютъ ся, котóрïи ма́ютъ своѐ собственéнное свѣтло ѩсно свéркаючое мовь врилïа́нты, и котóрïи самóмѫ воорѫжéномѫ óкѫ, крóмѣ ѩснѣйше ещѐ свéркаючого свѣтла, тѣла своего не ѩвля́ютъ. Къ такúмъ звѣздамъ принадлéжитъ

*) Рѣшенье слѣдѫе на послѣднóмъ листѣ.

на́шое со́лнце; а поне́же оно̀ бли́жше есть къ намъ, ѣ̃къ про́чїи неподви́жнїи звѣ́зды; то для того представля́е ся намъ такъ вели́кимъ, и воо́рꙋже́ное о́ко ви́дитъ кро́мѣ его̀ свѣ́тла такожъ и его̀ тѣ́ло. 2) „Плане́ты“ т. е. такїи звѣ́зды, кото́рїи о̑тъ одно́и неподви́жнои звѣ́зды къ дрꙋго́й хо́дятъ, ѣ̃ковы бл҃ждили и скита́ли ся, кото́рїи перемѣня́ютъ свои́ мѣ́стца, свои́ положе́нїа на небе́сно́мъ сво́дѣ напроти́вꙋ звѣ́здамъ неподви́жнымъ, кото́рїи не нахо́дятъ ся по всемъ не́вѣ, кото́рїи ма́ютъ то̑лько позы́чене свѣ́тло, не свѣ́ркаютъ а блеста́тъ ся и овѣга́ютъ около со́лнца. Къ симъ плане́тамъ принадле́житъ на́ша земла̀. Е҆слѝ бы мы находи́ли ся на ѣ̃кой звѣ́здѣ, и́менно плане́тѣ, тобы́смо ви́дѣли на́шꙋю зе́млю свѣта́ющꙋю ся въ просто́рѣ и движа́ющꙋю ся звѣ́здꙋ, ѣ̃къ ви́димъ изъ земла̀ и́нїи плане́ты. 3) „Коме́ты“ т. е. волоха́тїи илѝ косма́тїи звѣ́зды. Такъ называ́ютъ ся тїи звѣ́зды, кото́рїи состоя́тъ изъ дво́хъ ча́стїй: изъ головы̀, котро́и види́ма величина̀ часо́мъ досага́е види́мои величины̀ со́лнца, и изъ до́лгого хвоста̀. Коме́ты бѣжа́тъ въ о́бласти со́лнца на́шего около не́го въ розли́чныхъ стремле́нїахъ, въ чрезмѣ́рно подо́лговато — крꙋглыхъ лїнїахъ. Мы ви́димъ коме́ты то̑лько при ихъ появле́нїи, потомъ онѝ исчеза́ютъ, и по мно́гихъ лѣтахъ верта́ютъ ся къ намъ, и́нїи же не верта́ютъ ся никола̀. Коме́ты приближи́вши ся къ со́лнцꙋ на бли́зкое розстоа́нїе, знова̀ о̑тдала́ютъ ся о̑тъ не́го, и прохо́дятъ дале́ко за самѝ о̑тдале́нїи о̑тъ со́лнца плане́ты. Где ѣ̃кїи дꙋмаютъ, цо нѣкото́рїи коме́ты о̑̀падаютъ на солнце. О̑̀мнїи же лю́ди вѣрꙋючїи въ Бо́га всемъ обла-

дающаго и всѧ премудро оустрояющаго, отъ кометъ нѣчего не боятъ ся. Посто люди говорятъ, ѩковы кометы предвѣщали войнꙋ, моръ, голодъ и инїи нꙋжды. Много бывало на земли нꙋждъ безъ всѣкихъ знаменїй на небѣ. Не разъ были такїи знаменїѧ, а не приключала ся на земли жадна нꙋжда. Если же иногда звѣздà хвостата сойшлася съ важнымъ ѩкимъ приключенїемъ на земли, то сїе не отъ нея. На земли въ обще завсѣды дѣе ся не мало доброго, но такожъ и постого и злого. За послѣдное нѣтъ причины оввинѧти кометы, а тѧ винà падае на людїй самыхъ. Кромѣ поманꙋтыхъ звѣздъ сѫть наконецъ. 4) „Падающїи звѣзды“ и „огненныи шарꙑ“ или „змїѣ.“ Падающїи звѣзды ѩвлаютъ ся особенно междꙋ 12—13 Листопада, и междꙋ 9—14 Серпнѧ. Въ одной годинѣ чѝслено ихъ 240,000. Паденїе ихъ скорое представляе свѣтачїй ся лꙋчь. Мнимаютъ, що они сѫть малѣйшими планетами нашого солнца. Свѣтло огненныхъ шаровъ или змїевъ есть иногдѣ ѩркои и ослѣпительнои бѣлости. Они движꙋтъ ся быстротою молнїи и оставляютъ по собѣ огненный хвостъ. Часомъ съ трескомъ розрываютъ ся, дробатъ ся на кꙋсне (метеоры т, е. воздꙋшнїи ѩвленїѧ) или испꙋскаютъ потоки поломена, который запаля. Тогда воздꙋхъ и землѧ потрасаютъ ся и даѣ ся слышати сѣрчаный запахъ. Масса ихъ не есть отъ землѣ нашои.

Неподвижнїи звѣзды сѫть по всемъ небеснꙋмъ сводѣ. Числа ихъ не можно счислити, а чѣмъ лꙋчшїй телескопъ, тѣмъ больше ихъ видно. Невоорꙋженымъ окомъ видно ихъ до 5,000; но сѫть способы счисляти ихъ до 500,000 мїллїонꙋвъ.

Всѣ ли они о҃ужѐ? Е҆сли́бы мы находи́ли са на со́лнци, или на ѳ҃ко́й неподви́жно́й зве́здѣ, тогда́ неоспори́мо ѳ҃ви́ловы са намъ ново́е мно́жество зве́здъ! И днёмъ с҃ть зве́зды на не́вѣ, но они́ притъмѣва́ютъ са ѳ҃сностїю со́лнца, при то́мъ въ ночи́ зъ на́шои полови́ны зе́много шара́ ви́дно то́лько одно҃ полови́но҃ не́ба съ зве́зда́ми, а въ день есть и́на полови́на не́ба съ и́ными зве́зда́ми надъ на́ми.

Неподви́жнїи зве́зды с҃ть то вели́кїи со́лнца ещѐ бо́льшїи ѳ҃къ на́шое; и на́шое со́лнце вѣрои́тно есть одно́ю изъ мале́йшихъ неподви́жныхъ зве́здъ, кото́рїи представа́ютъ са намъ такъ малы́ми для сво́и о҃тдале́нности. Одни́ неподви́жнїи зве́зды све́ркаютъ ѳ҃сно҃ дро҃гихъ, и по си́лѣ све́тла сво́го дѣ́лютъ са они́ на мно́ги сте́пенѣ.

Мы о҃усмотра́емъ неподви́жнїи зве́зды въ розли́чныхъ собра́нїахъ или кро҃пахъ, кото́рїи называ́ютъ са „созве́здїами.“ Таки́мъ созве́здїамъ о҃ужѐ простолю́дины да́ли розли́чнїи на́звы н. п. ко҃зъ, косарь, чепи́ги, ковчка и т. п. — Одно́ тако́е созве́здїе, малы́й зве́здный четверо҃го́лъ съ трёма́ по со́бѣ сле́дю҃чими зве́зда́ми называ́е са „малы́мъ медве́дёмъ“ а послѣ́дна изъ сихъ трёхъ по со́бѣ сле́дю҃чихъ зве́здъ называ́е са „поля́рною“ или „се́верною.“ Къ сей зве́здѣ всегда́ есть обе́рнена земла́ се́верныхъ ко́нцёмъ сво́и о́си. Есть тако́жъ подо́бное тому́, но бо́льшое созве́здїе „вели́кїй медве́дь“ или „ко҃зъ“ — На пра́во о҃тъ не́го с҃ть зве́зды одна́ надъ дро҃гою, назва́нїи „кли́зна́та“ — На пра́во о҃тъ нихъ есть прекра́сное созве́здїе „О́рїонъ,“ такъ назва́ное по и́мени одно́го баснослО́вного

иро́м. Въ то́мъ созвѣ́здіи три звѣ́зды разомъ называ́ютъ „по́ясомъ Ріо́на“ или „коро́мысломъ“ или „косара́ми.“ Пра́во верхъ о̑тъ коро́мысла есть кѵ̑па малы́хъ звѣ́здъ (60 ихъ есть), называ́ема „гр̑здкою“ или „кво́чкою,“ или „плеядами.“ На лѣ́во о̑тъ коро́мысла поні́жше его́ блести́тъ одна́ сама́ я̑ркая звѣ́зда „Сі́рі̑съ.“ Онъ е́сть найблі́жшою къ на́мъ неподві́жною звѣ́здою, одна́ко о̑тстои́тъ о̑тъ земли́ 4. ві̑лліо́ны миль!!! Ѩко́е̑жь то его́ мно́жество свѣ́тла и я̑ка́ огро́мно̑сть его́! коли́ л̑ѣ́чь свѣ́тла прове́га́е въ секѵ̑ндѣ просто́ронь 42,000 миль — о̑тъ Сі́рі̑са потребѵ̑е про тое къ намъ лети́ти три го́ды и 6 мѣ́сацѣвъ! Сѵ̑ть звѣ́зды, кото́рыхъ свѣ́тло мно́го ты́сячъ лѣ́тъ потребѵ̑е до насъ лети́ти ... Св. писа́ніе не то́лько о Бо́зѣ, Твóрци звѣ́здъ гово́ритъ, но тако́ж̑ и о то́мъ, же они́ пре́жде землѣ́ сѵ̑ть сотворе́ни. Ны́нѣшное ихъ состоа́ніе о̑у̑зри́тъ са жи́телямъ земли́ допе́рва по́слѣ прошествія мно́гихъ ты́сячъ лѣ́тъ. И такъ мы не ві́димъ тепе́рѣшного состоа́нія звѣ́здъ, но да́вно проше́дшое...

Земля́ на́ша въ оборо́тѣ око́ло со́лнца, то приближа́е то о̑у̑дала́е са мїллїо́нами миль о̑тъ нѣкото́рыхъ неподві́жныхъ звѣ́здъ, одна́кож̑ тое не змѣна́е въ ві́дѣ ихъ нѣчо́го, и все одно́ изъ которо́го вѣ̑дь мѣ́стца дивити са на такѵ̑ звѣздѵ̑; а то о̑у̑ка́зѵ̑е тако́ж̑ на ихъ огро́мнѵ̑ю о̑тдале́но̑сть и величинѵ̑.

Ме́ждѵ̑ созвѣ́здіями гово́ритъ са о созвѣ́здіяхъ „зодіа́ка,“ или о кр̑ѵ̑гѣ созвѣ́здій, носа́чихъ по во̑льшо̑й ча́сти и́мена розли́чныхъ „живо́тенъ.“ Таки́хъ созвѣ́здій есть двана́дцать по числѵ̑ двана́дцати мѣ́сацѣвъ ро́кѵ̑. Въ ко́ждо́мъ

мѣсяци со́лнце, смотрѣвши къ не́мꙋ изъ землѣ, стои́тъ въ и́нѣмъ созвѣ́здїи того крꙋга живо́тенъ, такъ же за оди́нъ ро́къ перебѣга́е всѣ двана́дцать и знова на пе́рвше прихо́дитъ. Чи́слатъ ся симъ ра́домъ: бара́нъ, где со́лнце стои́тъ въ мѣ́сяци Ма́ртѣ; бы́къ, где въ Цвѣ́тни; близна́та въ Ма́и; ра́къ въ Че́рвци; левъ въ Ли́пци; дѣ́ва въ Се́рпни; вѣ́сы въ Ке́ресни; ско́рпїа въ Жо́лтни; стрѣлѣ́цъ въ Листопа́дѣ; козеро́гъ въ Грꙋдни; водолаї́й въ Сѣ́чни; ры́бы въ Лю́томъ.

Тако́жь и неподви́жнїи звѣ́зды нахо́датъ ся въ о́тношенїахъ ме́ждꙋ собо́ю; и движатъ ся одна́ или мно́жаи зъ нихъ около дрꙋгои, хота́й ихъ движе́нїе не дасть ся такъ ле́гко примѣти́ти. Назва́нье звѣ́здъ „неподви́жными“ есть про то́е не и́стинное. Съ со́лнцемъ пдꙋтъ и его́ плане́ты. Такъ на́ша земла́ въ просто́рѣ ни́нѣ тꙋтъ а за́ꙋтра гдѣ и́нде, и Богъ вѣ́сть, прїи́де ли она́ коли́ въ тꙋю самꙋю сто́ронꙋ просто́ры, ѩкꙋю ни́нѣ займа́е. Мы ви́димъ надъ собо́ю гла́винꙋ просто́ры, а въ то́й просто́рѣ лети́мъ сюда́ тꙋда́ мїллїо́нами миль.

На не́вѣ ви́димъ такъ зва́нꙋ „моло́чнꙋ доро́гꙋ.“ Есть то соедине́нїе неизчисли́мого мно́жества самы́хъ о́тдале́ныхъ звѣ́здъ, кото́рїи лишь коорꙋже́ное о́ко лу́чшимъ телеско́помъ розлича́ти мо́же. Такъ изъ дале́ка дивити ся на лѣ́съ, то ви́дитъ ся щось зеле́ное, въ ближꙋ же, или чере́зъ повелыша́ючое стекло́ розлича́ютъ ся де́рева. Чѣмъ лу́чшїй телеско́пъ, тѣмъ вѣлыше звѣ́здъ розлича́е въ моло́чной доро́зѣ о́ко на́ше.

За простра́ньствомъ се́го мїра могѫтъ бы́ти просто́ры съ новы́ми мїрами, о котры́хъ ни́же извѣ́стїа не ма́емъ.

——— *М. Малиновскій.*

70.

Богъ надѣ́я!

. . . Що бу́ло,
То ся мину́ло;
А що ещѐ бу́де
То не зна́ютъ лю́де

Все ли́шь Богъ самъ зна́е
И на насъ съсыла́е,
Якъ для насъ потре́ба,
Бы про́сто до Не́ба,
Всѣмъ намъ мо́жно зайтѝ
Ца́рство вѣ́чне найтѝ —
Онъ есть на́ша ра́дость
И правди́ва сла́дость,
Въ Нѣмъ все упова́ймо
И до́бре дѣла́ймо.

——— *В. К*

71.

Родство и слѫ́жба.

Въ одно́мъ изъ слобо́дныхъ име́нїй Симби́рскои гѫбе́рнїи жи́ла роди́на Ворошили́ныхъ. Онѝ бы́ли села́не замо́жнїи и стато́чнїи; оу̑ о̑тца̀ бы́ло пя́ть сыно́въ доро́слыхъ, всѣ лишь по го́дѫ ста́ршї, та ещѐ двѣ ци три до́чки. Жи́ли онѝ ми́рно, споко́йно. Бо́гъ благослови́лъ трѫ́ды роботя́чихъ сыно́въ и старо́го о̑тца̀; не зазна́ли онѝ ни го́ря ни печа́ли; ажь нара́зъ розпи́сана ста́ла бра́нка.

Ворошилйныхъ пать хлопаковъ, годѣ; конче прїйде чéрга хотай на одного; молодїи хлопцѣ стáли призадꙋмовати сѧ.

Дивлячи сѧ на тóе созвáлъ старйкъ въ нéдѣлю по слꙋжбѣ Божóй всѣхъ сынóвъ и такъ заговорйлъ до нйхъ: Дѣточкй, Царь требꙋе ôтъ насъ вожкà — никꙋда дѣти сѧ — не пôйшóлъ вы единáкъ, може вы и двôйнакôкъ и трôйнакôвъ минꙋло, а тꙋ васъ пать; вꙋде крйвда дрꙋгимъ; вйдно конче итй комꙋ нибꙋдь изъ васъ. Не тꙋжѣтъ; свѣтъ велйкїй, не клйномъ перéдъ вáми роспростéръ сѧ; не тôлько свѣта, що въ ôкнѣ; дóбромꙋ человѣкꙋ и на край свѣта дóбре вꙋде; що тꙋтъ, то и тамъ, — тꙋтъ робйлисте на сéбе та на цáрское подꙋшне, а не лежáли животóмъ до горы; а тамъ послꙋжите Царю, за тóе васъ и живйти вꙋде. Я дасть Богъ въ здорóвю дожйти вѣкà, то и цáрскои мйлости дослꙋжйти сѧ мóжно; вы всѣ дóбрїи хлóпцѣ, васъ всѧкйй полюбитъ; а колй же прїйде гóловꙋ положйти, то и на тóе вóлѧ Гóспода, и Ôнъ самъ помйлꙋе такóго. Я кто изъ вáсъ пôйдѣ, оу̑жѣ томꙋ менѣ старóго не видáти бóльше, трéба на вѣки попрашáти сѧ, менѣ и такъ оу̑жѣ не дóлге вѣковáньке, порá вы о смéрти подꙋмати. Живѣтежъ вы дрꙋжелюбно, мйрно; щобъ ни свáрки ни лáйки оу̑ васъ не бывáло; щобъ нóмôчь бы́ла ôтъ врáта врáтꙋ; щобъ дрꙋгъ за дрꙋга Бóгꙋ молйлъ сѧ; ци розындéте сѧ кождый на свôй нáй, ци рáзомъ вꙋдете жйти, поважáйте Начáльство, ѡкѣ оу̑ васъ вꙋде и повинꙋйте сѧ емꙋ; шанꙋйте стáршого по менѣ, чтѣтъ врáтъ врáта. — Нꙋ! ктожъ изъ васъ идѣ?“

Наймолодшій сынъ Степанъ повалилъ са до ногъ отцю и просилъ благословена — „Двохъ моихъ старшихъ братій,“ каже онъ, „женатыхъ, третій оужѣ засваталъ дѣвчинѫ, а четвертый Григорій слабый, на слѫжѫ не здатный. Ид‍ѫ!“ — И пойшолъ . . . .

Минѫло времени лѣтъ зъ двадцать съ окладомъ; старый Ворошилинъ давно въ земли, сынове его посивѣли, — благословилъ Богъ и ихъ всѣхъ достаткомъ, нѫжды и бѣды не знаютъ, и господынѣ побрали хорошй и добрй и живѫтъ безъ гора, а о Степанѣ и слѫхѫ нѣтъ, ещѣ изъ тои поры, отъ коли проходачій отпѫщеный вояка зъ того самого полкѫ розказовалъ, що онъ живъ и здоровъ, и Начальство его любитъ. Вѣсть там прійшла ещѣ за житъ старого и онъ дѫже нею порадовалъ са былъ; но отъ тои поры о Степанѣ больше и чѫтки не было.

Около Покровы, коли найстаршій Ворошилинъ оужѣ забиралъ са выдати замѫжъ доньк‍ѫ, и запросилъ на вечеръ въ хатѫ свою сватовъ и свахъ съ женихомъ, постѫкалъ ктось оу крильцевыхъ дверій, а же не скоро выйшли отчинити, бо имъ и не до того было, то онъ стѫкнѫлъ палицею своею оу окончце. Выбѣгла дѣвчина, отперла засѫвъ оу-дверій, и вернѫвши са опать, каже батькови, що прійшолъ якійсь выслѫженый вояка и проситъ са на ночлѣгъ. „Зови его сюда на радость,“ отвѣчалъ батько; „коли Богъ посылае госта на нашъ праздникъ, то не годитъ са и отказовати емѫ. Оу мене же и братъ Степанъ былъ колисьто воякомъ, помани его Господи въ царствіи своемъ; чей померъ оужѣ давно“ — и прекрестилъсъ.

Вхóдитъ вóякъ, по лицю ещѐ молодéцъ, бóльше сорокá лѣтъ не бѫде емѫ, и пригóжій такíй, ѩкóго пошѫкáти. Помолúлъ сѧ, поздорóвилъ всѣхъ, подáковалъ, що впѫстúли, зкúнѫлъ зъ плечíй свою тóрбѫ, та и стáлъ серéдъ хáты и глядúтъ по людéхъ: кто, котрúй межь нúми, ци не спóзнáлъ бы когó? Приглядáе сѧ долго, и онú на нéго смóтрятъ а на конéцъ пытáе: „а що, брáта мои любéзнiи, ци помнитѐ вы ещѐ отцѣвскíй завѣтъ, ци молитѐ сѧ вы за мéне Бóгѫ? И за вáсъ все молúлъ сѧ!“

Тѫтъ крúкъ и гáласъ такíй пóйшолъ на всю хáтѫ, що никтó слóва чѫжóго не розверѐ, та и самъ своего не дочѫе. Всѣ пóзнáли Степáна; где кто обнимáе егó, тотъ въ нóги емѫ, тотъ зъ перéдѫ, тотъ изъ зáдѫ, а тотъ зъ бóкѫ — слóвомъ приняли Степáна ѩкъ гóста зъ тамтóго свѣта, розпúтовали о всёмъ до самóи пóлночи; потóмъ вúпили въ здорóвье ново-женцѣвъ и розъшлúсѧ по домáхъ.

Не минѫло мѣсяца, ажь Степáнъ говóритъ стáршомѫ брáтѫ Áндрею: „Брáте, Áндрею Онисимóвичю! найдú ты мнѣ невѣстѫ — хóтьбы и вдовúцю, а лишь бы бúла господúна зъ нéи. Грóшiй ѩ где що трóхи принѣсъ изъ слѫжбы, спасúбогъ батькáмъ начáльникамъ, що навчúли складáти; а и вы не ôткáжете сѧ помогчú, колú нѫжда ѩкá вúпаде; а ѩ ещѐ хвалúти Гóспода не старúй и здорóвъ; на животѣ гóдѣ лежáти; отъ завéдѫ господáрство, та стáнѫ жúти хотá бы и по вáшомѫ. Ты оу̃ насъ зáмѣсть бáтька тепéрь: благословú, та и дѣло готóве.“

Такъ и ста́ло са. Поста́вилъ Степа́нъ ха́тѫ, завѣ́лъ господа́рство, ожени́лъ са и жи́лъ совѣ́ не го́рше вра́тїй. Мѫ́жъ о́нъ совѣ́ га́рный, въ то́мъ его́ Бо́гъ не оскорби́лъ; да́ша о́ѫ не́го до́бра, ладъ о́ѫмѣе да́ти всѣ́мѫ и всю́ды, пото́мѫ що надиви́лъ са на вса́кѫю всачинѫ, и быва́лъ въ всѣ́хъ ко́нцахъ Рѫси, ви́дѣлъ и замѣча́лъ що до чого и я̃къ все ро́бить са. Наро́дъ ви́дить, що Степа́нъ Ворошы́линъ изъ слѫ́жбы ли́ха не вы́нѣсъ; о́нъ и вса́комѫ даѣ ра́дѫ, и вса́кое сло́во его́ къ добрѫ а не къ ли́хѫ. Пожи́лъ Степа́нъ зъ ро́къ — и грома́да вы́брала его́ въ старшинѫ, а Нача́льство потверди́ло. — „Га! тре́ба,“ ка́же Степа́нъ, „опа́ть слѫжи́ти; го́дѣ що дѣла́ти, еще я̃ дѣ́тїй на свое́ мѣ́стце не поста́вилъ, и Го́сподь зна́е ци дорости́ть они́ коли́ до то́го!“

Грома́да вы́бравши Степа́на Ворошы́лина въ старшинѫ, не завела́ са; що ино́ до́брого мо́жно бы́ло зрови́ти въ зако́дѣ господа́рскѣмъ, все то о́нъ по со́вѣсти и по новѣ́й приса́зѣ своє́й то́чно исполни́лъ. На коново́дѳвъ та на переда́йчико́въ ихъ, що то о́ѫкра́вши послѣ́днюю кона́кѫ о́тъ запра́гѫ, ни́цатъ бѣ́дного селяни́на въ одну́ но́чь съ всѣ́мъ его́ добы́ткомъ, приложи́лъ Степа́нъ до́бре свои́ рѫки, и не бы́ло имъ о́тъ не́го поща́ды ни пожа́лованя: быва́ло коли́ о́ѫзна́е вѣ́рно, що таки́й зло́дѣй и язы́ка да́льше не да́сть и ко́нцѣ хорони́ти о́ѫмѣе, такъ що и въ сѫдѣ съ нимъ ко́нца́ не до́йде́шь и не о́ѫличи́шь, то старшина́ сей часъ созве́ ра́дѫ, и мїрскимъ про́стымъ при́говоромъ спрова́дитъ зло́дѣя тѫда́, где ко́замъ ро́ги прости́ютъ — го́дѣ о́ѫ не́го вы́крѫтити са; або коли́ мѫжики́ по корчма́хъ воло́чатъ са, та на-

пива́ютъ ся, а господа́рство въ пѣсто́пашь идѣ́, то старшина́ по два и три ра́зы на ты́ждень дохо́джѣе до нихъ, кто що ро́битъ, ко́лько наро́битъ, все зна́е, вся́кого доглада́е, и о҃ жѣ споко́ю не дасть, по́ки не о҃ пора́е ся съ ни́ми, та не заста́витъ жи́ти по лю́дски: одно́мѣ за долги́ ѣтробла́ти нака́же; дрѣ́гого дасть по́дъ на́дзо́ръ, при́сажного; тре́тёго до́брымъ сло́вомъ займѣ́ и заста́витъ опаматя́ти ся; а звѣ́стно, що и гро́мъ не завсе о҃ да́ритъ, хотя́ и загреми́тъ, а челове́ка хотя́ и вы́бїешь, то по́сла того́ и самъ ска́же спаси́бо́гъ за наѣкѣ. Старшина́ на́шъ завѣ́лъ огоро́ды о҃ господа́ро́въ; вы́ро́вналъ гости́нцѣ, где тре́ва бы́ло; насади́лъ кра́сной деревины́; позаси́повалъ небеспе́чнїи де́бры; поровы́лъ га́ти; понаправля́лъ слю́зы; покры́лъ стрѣ́хи; запрова́дилъ стражь чѣваючѣ надъ огне́мъ; вы́ставилъ шко́лѣ, и велѣ́лъ всѣ дѣ́ти до не́и посыла́ти на наѣкѣ — сло́вомъ сдѣла́лъ мно́го добра́, всѣ его́ благослови́ли.

Въ то́мъ само́мъ селѣ́, где жи́лъ четве́ртый бра́тъ Степа́на, Григо́рїй, зрови́лъ ся о҃тъ дождже́вои о҃ли́ви ровѣ́цъ, а зъ ро́вца́ за ро́къ вы́йшла и дебе́рка, та о҃ жѣ така́, що ста́ло и хаты́ по́дмѣ́лювати. Я́ люди бѣва́ло сидѣ́тъ ся по ве́снѣ, погладя́тъ на де́брѣ, почѣ́хаютъся — , потолкѣ́ютъ, що ко́нче тре́бабы ю̀ перегати́ти — тай съ тимъ розидѣ́тъся.

Прїѣ́халъ нашъ старшина́, розгладѣ́лъ, та и роспоряди́лъ: „Вы бра́тики мои́,“ сказа́лъ о҃нъ села́намъ, „ви́дно молодїи ещѣ́, хотя́ и поста́рѣли ся: борода́ о҃ васъ въ по́мсъ, а ро́зѣмъ та́кой коро́ткїй. Я́ чейже вы не ви́дите, що на ве́снѣ

дѣбра пѡдъ хаты надзидѣ? Тогды що станете робити? Васъ тѡтъ есть сѣмдесять шѣсть таглыхъ; сѣмдесять най возятъ землю, кождый най привезѣ по пять разовъ, то вѣде всего триста пятьдесять возовъ — а того довольно —; шѣсть же таглыхъ нарѡбайте и привезѣтъ хворостѡ пѡдъ гать — и дѣло готове. Тогда и вода пойдѣ оу васъ нижнымъ ровомъ, а село вѣде цѣлѣ. Памятайтежъ, щобы на Спаса дѣло было оукончене.“

Прiйшолъ речинець, а дѣбра такой ещѣ не засыпана. Оу никого не ма охоты, первомѡ взяти ся до дѣла, все одинъ оглядае ся на дрѡгого; а скоро четвертый братъ Степана, Григорiй, котрый лишь одным рокомъ былъ старшiй отъ него, вздѡмалъ не слѡхати старшины, такъ прочiи задивiвши ся на него, махнѡли рѡкою.

Старшина созвалъ господарѡвъ приказомъ до справы. Скрѡтили ся сюда то тѡда — а одинъ выстѡпилъ и каже: „Що же ты, Степане Онисимовичю, на насъ одных такъ ся сердишь? Про що же ты брата свого не зазвешь, таже и онъ не далеко отъ насъ отвѣгъ?“

„„Я где братъ?““ запыталъ старшина, „„дѡхомъ призвати его сюда.““

Кажѡтъ, „не хоче итi.“

Степанъ послалъ за нимъ и велѣлъ его привестi. Привели. — „„Я що? брате,““ запыталъ Степанъ, „„ты же для чого не идешь, колi старшина за тобою шле? То не хорошiй примѣръ для народа; ѡ не звалъ тебе къ собѣ до домѡ, абымъ и самъ потрѡдилъ ся до тебе прiйти; ѡ звалъ-самъ тебе на розправѡ, въ приказъ. Що же,

скажи, ты своихъ пять возовъ привезъ здесь на дѣвъ?““

„Нѣтъ, не привезъ-ямъ“, отвѣчалъ братъ; „та за чимъ я вѣдь возити? ци то безъ мене народа мало? ци я тобѣ наймитъ? Що ты менѣ за панъ, я старшій твой братъ; тобѣ менѣ слухати, а не менѣ тебѣ.“

Тогды Степанъ сказалъ: „„брате любезный, погоди, не гнѣвай ся; а видно тебѣ конче треба почити, що бы ты зналъ, якъ съ старшиною говорити и якъ его слухати.““ Степанъ тогды же наказалъ положити своего брата и отличити емъ при всѣхъ, сколько выпало — а скончивши дѣло, при всѣхъ поклонилъ ся емъ въ ноги и сказалъ:

„„Прости, брате! не въ гнѣвъ се тобѣ; я люблю васъ всѣхъ, якъ самъ ты знаешь; не въ упрокъ сказавши, я за васъ до войска пойшолъ; но одинъ только половицю отцѣвского завѣщанья помнишь, а другую видно позабылъсь: прійми же брате наукъ, и не серди ся; я почитаю въ тобѣ старшого брата, якъ отецъ велѣлъ; шануй же ты въ мини Начальство, якъ то онъ, царство емъ небесное, наказовалъ.““

Братъ пойшолъ до головы по розумъ, помирялъ ся съ братомъ Степаномъ, просилъ самъ у него прощенья и выполнилъ, що старшина приказовалъ; а на него задивившись ся и громады не смѣли противити ся воли старшины своего, и оттакъ завсѣ поважали всякое слово его и исполняли всякое приказанье.

Влад. Даля.

72.

Любо́вь дѣтїй къ ма́тери.

Ми́лая є́сть ро̂дна ма́ти
Всѣмъ жїю́щимъ ство́рамъ,
Не лишь людёмъ, но и ди́кимъ
Звѣ́рямъ и потво́рамъ.
Ду́же тя́жко вы́разити,
Що то значи́тъ ма́ти;
Сїѐ мо́же то̂лько се́рдце
Дѣтїй чувствова́ти.
Немовля́тку прибѣжи́щемъ
Є́сть ма́мчино ло́но,
Ра́днѣе тамъ, я̆́къ на прето́лъ
Бога́тъ спѣши́тъ оно̀.
Въ нѣ́драхъ вла́стнои ма́тере
Бо̂льше все́го бла́га;
Бо лїѐ ся на́нь ма́тернои
Любвѐ те́пла вла́га.
Гру́дь ма́тере заспокои́тъ
Ча̂да всѣ жа́дости;
Ибо̀ она̀ є́сть исто́чникъ
Найбо̂льшихъ сла́достїй.
Плачу́щоє дѣтя̀ ма́ти
Къ гру́дёмъ притуля́є,
Грудь ма́терна плачь дѣтя́ти
Дора́зъ утоля́є.
Найсильнѣ́йшїй ма́гнесъ въ ма́мчо̂мъ
Ло́нѣ пребыва́є,
А той дѣти́ну къ ма́тери
Си́льно притяга́є.
Найсоло́дша въ се́рдцяхъ дѣтїй
Є́сть ма́тери па́мять;
Хотя̀ и все позабу́дутъ,
Ма́терь всегда̀ тя́мятъ.
Въ о̂тда́лности когда̀ помну́тъ
Ма́терни́ нау́ки,

Объима́ютъ и цѣлу́ютъ
Воздухъ мѣсто руки́.
А если́ бы ма́ли кри́ла
И могли́ лете́ти,
Отъ ра́зу бы о́тлетѣли
Въ ло́но ма́мки дѣти.

Вѣру въ Бо́га, любо́вь къ ма́мцѣ
Сей свѣтъ не загаси́тъ,
Вѣрно-любя́щіи дѣти
Богъ засту́питъ, спасе́тъ.

Чарнянъ Макови́цкій.

73.

Пешти́нскій вольный то́ргъ (я̃рмарокъ).

(По́для Коля.)

Пе́штъ я̃ко ґеоґрафи́ческе средото́чіе краю́ есть тако́жъ средото́чіемъ всѣ́и о̃у̃го́рскои торго́влѣ. Онъ ма́е до ро́къ̊ четы́ри вели́кіи торги́ или я̃рмарки́, котрїи по ихъ зна́чности, сл̊шно называ́ютъ са о̃у̃го́рскими всеобщокраёвыми торга́ми. Найважне́йшій изъ всѣ́хъ есть той, що са начина́е съ ко́нцёмъ Се́рина, поне́же по той часъ нахо́датъ са всѣ гости́нцѣ въ Оу̃го́рщинѣ въ найл̊чшо́мъ состоя́ню, Д̊на́й есть во́льный, прива́тніи доро́ги сѣ́ть сѣ́хїи, и тогды то найво́льше всѣ на зи́м̊ ко̊пю́ютъ.

Зъ ра́на бы́ло все о̃у̃бере́же переполне́не ты́сячами торговѣ́льнико́въ. Кораблѣ́, парохо́ды, вели́кіи д̊на́йскіи ґа́йоши, ло́дѣ зъ Ты́сы, рак̊ски́и ло́дѣ зъ горѣ́шного Д̊на́а и и́ніи изъ Земли́на, Бѣлогра́да, Си́рміи и проч. припира́ли къ бе́рег̊ въ пора́дк̊ и о́тра́дахъ. Часть ихъ това́ро́въ лежа́ла въ ґо́рмахъ на во́льно́й площа́ди о̃у̃бере́жа. При

корабла́хъ стирча́ла на пере́дѣ на само́мъ ко́нцѝ до́лга же́рдка съ ѣ́кимъсь предме́томъ н. пр. съ вели́кимъ горцко́мъ, съ фла́хою о́тъ вина́, съ сто́лцёмъ, столо́мъ, мѣтло́ю, кресто́мъ, коры́томъ, не́цками, съ огро́мною варе́хою и т. д. И зъ нача́ла дѫмалъ, цо чере́зъ то́е ма́ло са означа́ти то́варъ, котры́й тїи корабле́ привезли́; о́у-чѫлъмъ одна́кожь ско́ро, цо то́е сѣ́ть лишь знаме́нїѧ або нѣ́быто ге́рбы, котрїи принале́жатъ корабла́мъ, авы́ о́у-же́ зъ дале́ка сво́имъ звы́клымъ кѣ́пца́мъ ста́ти са зри́мыми. Но тое вида́ло са ѣ́ко́сь ди́вно, цо всѣ тїи ве́щи не представла́ли са лишь въ о́бразѣ, ѣ́къ то звыча́йно на на́шихъ корче́мныхъ або и́ныхъ вы́вѣскахъ, но балáнкали са дойстно въ натѫ́рѣ по воздѫ́сѣ.

Найбо́льшїи и на мо́цъ вѫдо́ванїи рѣ́чнїи корабле́ то́го сере́днёго Дѫна́ю (о́нъ начина́е са ко́ло Ра́бы, по пра́во́й сторонѣ Дѫна́йскои пло́ци, котра́ са нахо́дитъ пони́жше Земли́на коло Дѫна́йскихъ водоспа́до́въ), называ́ютъ са по о́у-го́рски „телтїоґаїо́ши,“ т. е. то са́мо, ѣ́къ цѣ́лїи або совершённїи корабле́. Тїи сѫдна сѣ́ть въ о́бще найбо́льшими наддѫна́йскими рѣ́чны́ми корабла́ми, ѣ́кїи лишь на ѣ́ко́мъ спла́вно́мъ про́тазѫ то́и рѣ́кѝ са нахо́дятъ; ихъ носи́тельно́сть есть десать до двана́дцать ты́сячъ ма́цъ пшени́цѣ, котры́й то тазáръ ровна́е са накла́жи не цѣлко́мъ мало́го мо́рского корабла́. Найбо́льша ча́сть тыхъ сѫденъ ѣ́къ и найлѫ́чшїи изъ нихъ вѫдю́тъ са на Ты́ссѣ въ Сеґеди́нѣ, котры́й есть надъ то́ю рѣко́ю такъ са́мо найбо́льше торгове́льне и цо до плавбы́ найзначнѣ́йше мѣ́сто, ѣ́къ Пе́штъ надъ Дѫна́емъ — и́нїи зъ тыхъ сѫденъ вѫдю́тъ са въ

Óсѣкъ надъ Дрáвою. Óсѣкъ полꙋчáе твéрдꙋ и крáснꙋ дꙋбúнꙋ на тíи корáблѣ зъ лѣсóвъ Славóніи, а Сегедúнъ зъ лѣсóвъ Семиградскúхъ.

И осмóтрꙋвалъемь такe Сегедúньске сꙋднó подрóбно, и дóлженъ есмь признáти, що онó бúло найбóльшимъ и ѿкъ наймóцнѣйше звꙋдóванымъ наддꙋнáйскимъ, рѣчнымъ корáблёмъ, котрúй ѿ вúдѣлъ; хотя́ ôнъ мáлъ óу́же двáдцать и сѣмъ лѣтъ. Звычáйно досагáютъ тíи корáблѣ лѣтъ трúдцать и свышь того, понéже сꙋть звꙋдóваніи ѿкъ изъ найлꙋ́чшого дꙋбóвого дéрева, принáймѣй есть зáвсѣды изъ тóго дéрева спôдна чáсть, котрá заéдно зôстаé въ водѣ. Зъ причúны велúкои спекоты въ Оу́горúшинѣ терпúтъ горѣшна часть бôльше и ôтновлáе сѧ про тóе чáсто. Всѣ корáблѣ направлáютъ сѧ тáкъ: всѣ фꙋ́ги и шпáры затыкáютъ сѧ клóчьёмъ, а на тóе прибивáютъ сѧ лáты и то такъ, що едéнъ гвóздь по при дрꙋ́гого стирчúтъ, черéзъ що и ихъ велúкiи металлéвiи головкú слꙋ́жатъ корáблéви зарáзомъ къ оздóбѣ, ѿкъ то при старомóдныхъ шкóряныхъ стôлцáхъ нáшихъ сѣдлáрéвъ.

Сꙋдна тóго рóда вꙋдꙋ́ютъ сѧ що рóкꙋ съ бôльшою прикрáсою и лꙋ́чше, и ѿ вúдѣлъ мнóжаи на Тúссѣ, котрíи можъ бы зважúвши овстоáтельства а íменно порóвнáвши ихъ съ корáблáми горѣшнёго Дꙋнáя назвáти выбóрными вꙋдúнками, хотя́ не кóиче вкꙋ́сными. Направланье корáблéвъ есть почáсти знакóмъ взмагáючого сѧ оборóтꙋ въ Оу́горúшинѣ, но чáсти поспѣшествꙋе онó и самóмꙋ оборóтови.

Каю́ты, котрíи вúдѣлъемь, моглú мнóго въ сóвѣ мѣстúти, а изъ зáдꙋ кóждои находúлъемь

велíке óгнище, котрѐ называ́ютъ „тишѓе́ль“ т. е. мѣ́стце огнѧ̀.

Това́ры найлѹ́чшого со́рта, котрíи прихо́дятъ ты́ми вели́кими ста́тками, становля́тъ звóжье зъ Бана́тѹ и зъ Ба́чки, о́причь то́гоже и мно́го и́ного. Головнѣ́йшими мѣ́стцями ихъ ѣ́здъ сѣ́ть по еднóмъ бо́цѣ Пе́штъ, по дрѹ́гомъ Сеѓеди́нъ, а потóмъ тако́жь Ра́ва, Осѣ́къ, Новы́й Садъ и т. д.

Кромѣ́ цѣлы́хъ ѓайо́шóвъ прихо́дитъ тако́жь мно́жество ме́ншихъ корабле́въ зъ долѣ́шныхъ наддѹна́йскихъ око́лицъ. Такъ н. пр. ви́дѣлъземь на Пешти́ньскóмъ о͡у͡вере́жи тогды ѧ̂ки́хъ де́сать вели́кихъ поромóвъ, котрíи всѣ́ бы́ли наложе́нíи горцка́ми, сорока́то покраше́нымi скри́нами, ме́блами, това́рами рѹ́чнои робо́ты, вели́кими грѹ́дами смолы́ и мно́гими и́ными всѧ́кого ро́да предме́тами, закѹпле́нымi на торзѣ́ и призначе́нымi до Тѹре́ччины. Оу Нѣ́мцѣвъ чѹ́ти все мо́вѹ о „твердых“ и „мѧгки́хъ“ корабля́хъ. Пѹ́дъ твердки́ми розѹмѣ́ютъ вѹ́дованíи зъ дѹ́бового де́рева, преимѹ́щественно Сеѓеди́нскíи и Осѣ́цкíи телтиѓайо́ши, пѹ́дъ мѧгки́ми же звѹ́дованíи зъ ѧ̂ли́ны, осове́нно тѹ́ такъ зови́мíи „Пассáвскíи ци́ллѣ.“ И гада́ю, цю тѹ́ пѹ́дъ то́ю на́звою прихо́дятъ всѣ́ корабле́ зъ Пасса́вы, Ли́нцѹ, зъ Бавáрíи и зъ Ракѹ́ссъ. Они́ звыча́йно не повертаю́тъ Дѹна́емъ наза́дъ, но остаю́тъ сѧ тѹ́ и продаю́тъ сѧ на дрова̀, або тѹ́ направля́ютъ сѧ и покрыва́ютъ, и ѣ́дѹтъ рѣко́ю да́льше. Они́ приво́зятъ по найбо́льшой ча́сти гли́нѹ, това́ры черепа́нíи, камѣ́нье келга́ймске, каранда́шь (ѓрафи́тъ), вѹ́дове и и́нíи предме́ты. Ракѹ́сскíи това́ры рѹ́кодѣ́лческíи до́брого со́рта прихо́дятъ парохо́дами або̀ сѹхопѹ́-

темъ. Тїи Пассáвскїи цíлаѣ позвíванїи сѫть изъ домóкъ, где насѫпротивъ томѫ оу҃горскїи кораблѣ сѫть изъ самы́хъ брѫсóвъ. Рáйцы (Сéрбы) сѫть на тóй чáсти Дѫнáѧ найпéрвшими корабéльниками, и мóжно тóе съ пéвностїю допѫстúти, що бóльша чáсть корабéльникóвъ похóдитъ зъ ихъ нарóда.

Кóло ⁝кораблéвъ повлúжше находúлъ сѧ тóргъ на товáры черепáнїи, и ѣ҃ мѫшѫ признáти, що въ мóемъ житю не вúдѣлъемь на однóмъ обшáрѣ въ кѫпѣ такъ мнóго товáровъ черепáныхъ а особéнно такъ мнóго чѫдéсного, чѫжоторóнного и особлúвшого налѣпѫ изъ глúны. Хóчѫ гдекóтрїи зъ нихъ описáти, понéже онї менѣ подаю́тъ способнóсть где що надмѣнити о оу҃горскихъ овычáѧхъ и звычáѧхъ.

Предъ всéмъ стоáли дóлгїи отрáды вéлитныхъ горщкóвъ илї оу҃рнъ, въ котры́хъ захóвю́тъ Оу҃гры свúньске сáло и насолéный свúньскій тѫкъ, котры́й то въ ихъ господáрствѣ и кѫхни такъ знáчнѫ становúтъ ролю. Потóмъ можъ бы́ло вúдѣти глúняннїи рынкї до пéчена мáса. Оу҃горъ спотребѫе такúхъ рынóкъ мнóго, понéже споживáе мáсо въ велúкóмъ колúчествѣ. Потóмъ лежáли велúкїи кѫпы цѣдúлъ (дрѫшлакóвъ). Тїи глúняннїи цѣдúла сѫть на спóдѣ подѣркóванїи. На тїи даю́тъ сѧ въ водѣ карéнїи клю́ски, зъ котры́хъ водà вытѣкáе дѣркáми. Безъ числà вúдно бы́ло особéнно лѣпленїи панькы для спорáжанѧ оу҃горского народного присмáчкѫ „нéтишь.“ Той рóбитъ сѧ изъ пшенúцѣ, котрà предъ всéмъ мóчитъ сѧ въ водѣ. Кóльцѣ, котрїи вкúпѫститъ изъ сéве, ѳткидáю́тъ сѧ ѳтъ вы́сѫшеныхъ зерéнъ, а потóмъ карúтъ сѧ замѣшене тѣсто въ óвóмъ горщкѫ по-

ты, по́ки не обта́гне сѧ вр҃на́тною пове́рхностїю. Та́ѧ стра́ва ма́е вкѹсъ, хотѧ́ бы и безъ цѹкрѹ и корѣ́нѧ, ѩ́къ найлѣ́пшого колача́. — Зновъ да́льше лежа́ли въ вели́кихъ гѹрмахъ звыча́йнїи о҃у́горскїи ванькѝ на во́дѹ. Тїи выглада́ютъ такъ: Шы́ѧ, котро́ю впѹска́е сѧ вода́, есть тѣсна́, а въ ей рѹрѣ́ нахо́дитъ сѧ си́тко, котрѣ́ тако́жъ есть изъ гли́ны. Си́тко слѹжитъ къ тому́, абы́ до ва́ньки не зайшло́ що нечи́стого або́ ѩ́кїй о́вадъ. Изъ шы́и одна́кожъ не пїѣ́ сѧ вода́, но изъ о҃у́шка. То́е менѣ́ сѧ вы́дало ѩ́къ бы перевѣ́рненый свѣ́тъ, а одна́кожъ оно́ есть та́къ. О҃у́шко есть дѹдко́вате а его́ о҃творъ стои́тъ въ сва́зкѹ съ внѹтрїемъ. На внѣ́ ма́е оно́ дѣ́ркѹ, а чере́зъ тѹю пїѣ́ сѧ вода́. О҃у́гры похвала́ютъ то́е снара́дье, бо чере́зъ замкне́нье докола́ быва́е напо́й долго́ холо́дный; но ѩ́ не могѹ́ того́ пона́ти, ѩ́къ мо́жно при тако́мъ о҃у́ра́женю ва́ньку внѹтрь до́бре чи́стити. Не ме́нше ди́вное, хотѧ́ цѣ́ли о҃твѣтнѣ́йшое ѩ́къ тїи ванькѝ дла́ домо́вого о҃у́жи́тку, есть въ о́бще въ Оу҃гро́рщинѣ о҃тъ Мада́рово́въ, Нѣ́мцѣвъ, Рѹсино́въ, Словако́въ и Волохо́въ о҃у́жи́ваное на́чинье до пита́, котро́е слѹжитъ по́дчасъ по́дорожи, при рово́тѣ въ по́ли и при па́сеню ходо́бы, т. е. сла́вна „чѹтора.“ Поне́же на Пешти́ньско́мъ ва́льно́мъ торзѣ́ ма́ѧемь слѹча́йно́сть ви́дѣти прина́ймнѣй колька ты́сячъ того́ на́чина, то вѣде тѹ на добѣ́, прина́ймнѣй хоть одно́ зъ тыхъ ты́сячъ описа́ти. „Чѹтора“ (боклажо́къ) есть крѹгла, грѹбовыпѹчна ча́рка изъ де́рева, по обо́хъ бока́хъ приплоще́на, съ мало́ю и о҃у́зко́ю шы́ею; она то́читъ сѧ звыча́йно зъ одного́

кава́лка де́рева, въ горѣ и на спо́дѣ лиша́е сѧ о҃тво́ръ, чере́зъ котры́й мо́жно вн҃трїе ей вы́чистити. Въ горѣшный о҃тво́ръ всаджа́е сѧ пото́мъ шы́ѧ, спо́дный же затыка́е сѧ до́вре приста́ючимъ и запѣше́нымъ деревцёмъ, и прибива́е сѧ пото́мъ на той чо́нъ оздо́бка зъ розли́чнои шко́ры. Звыча́йно овтага́ютъ сѧ ч҃торы, абы скрѣпи́ти ихъ тонкїи дерева́нїи сте́нкы, шко́ркою зъ лоша́тъ; въ про́чёмъ сѣ́ть они́ за́вседы о҃у҃краше́нїи рыма́рскою ро́бо́тою, и ви́сѧтъ на реме́ни, котры́й на пле́чи мо́жна завѣ́сити. Тако́жъ нахо́дятъ сѧ при нихъ четы́ри мале́нькїи, дв҃же коро́ткїи и вли́зко севе стоѧ́чїи но́жкы; на котры́хъ не ме́ньше съ пе́вностїю мо́же посто́ати та́м черева́та ма́шина, ѣ҃къ по ей вы́порожненю самъ властите́ль, хотѧ́ не разъ зана́дто до́лгїи ма́е но́ги. Не на́йдешь майже жа́дного до́мѹ̀ въ О҃у҃го́рщинѣ, въ котро́мъ не придыва́но вы ч҃торъ всѧ́кои величины, ча́сто на́веть такъ велйкихъ, що ро́вна́ютъ сѧ́ вочо́лцѣ. На́веть и О҃у҃гры вы́шшого сосло́вїа такъ полювйли совѣ́ ч҃торы, що та́жко имъ безъ нихъ обхитѝ сѧ́ въ но́дорожахъ, на ло́вахъ и при подо́вныхъ сѧ҃ча́йностёхъ. Почи́вши о҃тъ Токайского вѣ́на ажъ до водкы зъ калава́нн, ѣ҃кѹ̀ пи́отъ наст҃ухи въ сте́нахъ, споживаютъ сѧ зъ то́и фо́рмы фляшо́къ множа́йшїи о҃у҃го́рскїи нано́ѣ ци то найкыворнѣ́йшїи ци найпо́длѣ́йшїи. Есть то очевйдно, що наро́дъ о҃у҃го́рскїй сѧ велйкимъ залюбле́нькемъ приздови́лъ ч҃торѹ̀ предъ всёмъ йнымъ на́чинькёмъ и всеста́ранно тѣю вы́дѣлалъ. Есть тако́жъ мно́го прйспѣ́вокъ до ч҃торы, и соминѣва́ти сѧ не тре́ба, що той шко́рою зъ лоша́тъ овта́гненый посѣ́докъ по-

тепе́рь такъ са́мо сѧ спорадже́, ѩ́къ ещѐ то́йже спорадже́ли Мада́ры зъ непа́мятныхъ часо́въ.

На коне́цъ овъзрѣ́лисьмо засо́бы гли́няныхъ таре́лѣвъ слѹжа́чихъ на „тарга́ню," котрѹ дѹ́же ча́сто споживаютъ въ оу̑го́рскихъ сте́пахъ. Та́м „тарга́на" есть то на квасно́мъ молоцѣ́ розчине́не тѣ́сто, котре́ въ о́выхъ таре́лахъ надъ огнёмъ сѧ осѹша́е, дро́витъ и сѹ́шитъ. Въ тако́мъ состоя́ню остае́ оно́ чере́зъ все лѣ́то, а на́веть, сли о̑тъ мокроты́ до́вре сѧ захо́вѹе, чере́зъ два до три лѣ́та. Тамо́шнїи жи́телѣ вервтъ ко́лька шко́раныхъ мѣ́хо́въ то́и стра́вы съ собо́ю въ сте́пы, и даютъ ей по полно́й при́горщи до свини́ны. Пастѹха́мъ и поедино́кимъ жи́телямъ пѹщъ, котрїи не ко́ждого часа́ могѹтъ все, чого́ потре́ба, ма́ти при рѹцѣ́, ро́витъ „тарга́на" таки́мъ спо́сомъ вели́кїи оу̑слѹги; особли́во тако́жъ дла то́го, поне́же та́ стра́ва тро́ха тлѹмитъ овоѐ мно́жество то́лстости, котре́ они́ тамъ споживаютъ и хорони́тъ ихъ на́веть по ча́сти о̑тъ собственно́и оу̑го́рскои хоро́бы, въ ѩ́кѹ они́ при спожи́ваню мно́жества ма́са и то́лстости ле́гко запада́ютъ, т. е. о̑тъ „че́мера."

Той „че́меръ" есть въ Оу̑го́рщинѣ такъ всеоби́щїй и звыча́йный, що не могѹ понеха́ти, авы́мъ за́разъ тѹ о нѣ́мъ не мо́вилъ, и то ино́ тѣ́мъ бо́льше, же вла́снѣ коло́ о́выхъ горщко́въ ма́лъземъ слѹча́йно́сть ви́дѣти по ра́зъ пе́рвый человѣ́ка мѹ́ченого тимъ „че́мером." Ото́ сидѣ́лъ тамъ ѩ́кїйсь стары́й Ма́даръ, котры́й выглада́лъ дѹ́же хѹ́до, позѣва́лъ и вытага́лъ сѧ, а ско́ро мы его́ вопроси́ли, що емѹ́ тако́го, то о̑тве́тилъ намъ цѣлко́мъ жа́лостно: „Ахъ Ісѹсе, Ма́рїе, менѐ напа́лъ че́меръ!" Звыча́йно не значи́тъ „че-

мерѣ“ бо́льше ничо́го, а̃кѣ „ме́рзо́сть,“ „нѫдьга̀,“ а: „а̃ ма́ю че́мерѣ“, значи́тѣ: „менѣ̀ сѧ зрови́ло цѣлко́мѣ не до́бре“. Но „че́мерѣ“ есть тако́жѣ пе́вный родѣ нѫдо́вѣ, котры́й послѣ́дѵе чере́зѣ ѣженье мно́го ма́са и ча́сто дѫ́же на́гло сѧ ока́зѵе. Недѫ́жнымѣ ро́битѣ сѧ предѣ всёмѣ не до́бре, онѝ тра́тѧтѣ охо́тѫ до ѣды̀, сѫть принѫжде́нѝ безпреры́вно и нехотѧчѝ позѣва́ти, чѫ́ютѣ сѧ вѣ о᷑да́хѣ ослабле́ными, пре ихѣ вѣ пле́чѣ́хѣ, и онѝ до́стаю́тѣ при то́мѣ звыча́йно малѝ пры́цѣ́, кѫ́лькы̀ або гѫ́зкы̀ на тѣ́лѣ. Онѝ дѫ́маютѣ, цо на тѫ́ю хоро́бѫ жа́дного не ма лѣ́кѫ, и цо она̀ всеконе́чно ма́е чере́зѣ три дни трва́ти, котрїи онѝ перебыва́ютѣ позѣва́ючи зае́дно и вѣ по́стѣ. Головнѣ́йше о᷑ле́кшенье прино́ситѣ имѣ натира́нье плечїй, выги́нанье и гне́тенье соста́вовѣ. Про́стїи лю́де ка́жѫтѣ на́ветѝ серде́чнїи кѫ́лакы̀ собѣ̀ вѣ бо́кѣ сади́ти, нога́ми себѣ̀ топта́ти, рѫ́ки до горы̀ по́дноси́ти и си́льнымѣ по́тагомѣ зновѣ звѣша́ти и т. п. и онѝ дѫ́маютѣ, цо то́е имѣ осовли́вше до́бре ро́битѣ и о᷑жѣ̀ само̀ прогона́е хоро́бѫ.

Лю́де, котрїи продава́ли вы́шше помянѫ́тїи ве́щи, бы́ли по вольшо́й ча́сти Словакы̀ и Мада́ры. Тако́жѣ находи́ло сѧ тамѣ сѣ таки́ми необдѣ́ланымі искѫ́ственными произво́дами, мно́го нѣмецкихѣ села́нѣ, населе́нникѡ́вѣ зѣ о᷑тдаленѣ́йшихѣ окола́цѣ О᷑горщины. (Сѣ жи́вностьми и предме́тами цюде́нного спотребла́нѧ прихо́дѧтѣ вѣ про́чемѣ по вольшо́й ча́сти лишь нѣме́цкїи села́не на Пештѝнькскїи тыждне́вїи торгы̀, поне́же найблѝжша окре́стность Пе́шта чи́слитѣ мно́гїи нѣме́цкїи оса́ды.) Тыхѣ села́нѣ прихода́чихѣ зѣ

ѿтдаленѣйшихъ сторонъ не можно легко ѩко нѣмецкихъ познати, понеже ихъ Нѣмеччинѫ покрываютъ гѫстїи оу҃сы, широкй штанѣ, ширококрысїи капелюхи (кресанѣ) и цѣжмы (каракаты), и прото выглядаютъ они на первый погладъ, ѩкбы истїи Мадары. Одинъ зъ тыхъ селанъ, до котрого заговорилъземь и котрый привылъ зъ Баконьского лѣса съ товарами рѣзецкои роботы, съ ложками, вилами, лопатами, ваннами и т. д. потвердилъ менѣ взгладомъ оу҃спѣха въ садженю картофель такожь и що до своего сѫсѣдства тїи самїи добрїи вѣсти, ѩкїи посбиралъземь надъ озеромъ Найзидерскимъ. Такожь и онъ оповѣдалъ, що Оу҃гры передъ тридцать, а наветъ передъ двадцать ещѐ лѣтъ лишь все злое о картофлахъ бали и давали тїи лишь свинамъ; тепѣрь однакожь садятъ и они въ Баконю тїи оу҃жѐ мало не повсюдѫ.

Однымъ зъ найзначнѣйшихъ артикѫловъ а при томъ и чисто оу҃горскимъ было въ тоѝ сторонѣ торга мыло. Въ истѣ находило са тѫ на площади великое количество того́же. Тое все мыло робитъ са въ оу҃горскихъ степахъ, особливо надъ Тыссою, коло Дебрецина и тамже ѩкъ и въ Сегединѣ. Найцѣннѣйше приходитъ изъ Дебрецина, въ великихъ, долгихъ въ видѣ цеглы, каменнотвердыхъ штѫкахъ. Въ серединѣ выглядае оно ѩкъ лимбѫрскїй сыръ, въ гдекотрыхъ сортахъ больше бѣлаве гейбы лой. Оно есть дѫже легке и сѫхѐ. Господинѣ оу҃вивали са коло того старанно и закѫпѫвали той артикѫлъ збагливо. Отъ Дебрецина приходитъ все чисто мадарске. Зъ Дебрецина приходятъ властиво найлѫчшого сорта оу҃-

го́рскїи произво́ды, ѣ̃къ н. пр. лишь що поманѫ́тый произво́дъ, котры́й взы́скѣе са тамъ въ не ме́нше ѣ̃къ сто мыла́рнахъ — Въ Дебрецинѣ нахо́дитъ са звы́шь двѣстѣ кравцѣвъ, котрїи ро́бятъ: „кепе́нїйки“ — а до сѣмсо́тъ дѣла́телѣвъ „цѣ́жмо́въ.“ — Въ Дебрецинѣ ро́бятъ правди́во оу̑го́рскїи люльки́, и то що ро́чно одына́дцать мїллїо́но́въ шт̑къ, изъ чо́говы вы́пало на ко́жд̑ дв̑ш̑ королѣ́вства по шт̑цѣ. „Пойдѣ́тъ до Дебрецина̀,“ мо́вили менѣ́ мно́гїи въ Пе́штѣ, сли хо́чете по̑зна́ти Оу̑го́рщин̑.“ Поне́же тако́жь въ Дебрецинѣ и ко́ло Дебрецина̀ рост̑ъ найкрасне́йшїи и найбо́льшїи мело́ны, котрїи сѫ́ть зновь правди́во оу̑го́рскимъ о́вощемъ. По всей Оу̑го́рщинѣ розпростране́но ихъ тепе́рь дв̑же, а Мада́ры самїи сѫ́ть о̑тличнѣ́йшими ихъ плека́телѧми. На Пештиньско́мъ торзѣ ви́дно вы́ло осове́нно вели́ке тако́жь коли́чество кавно́въ, котрїи т̑ сѫ́ть дв̑же вкѫ̑сни́ а звыча́йно по̑дчасъ торга̀ въ Се́рпню и дозрѣ́лїи — и зъ тои то причи́ны называ́ютъ той то́ргъ тако́жь „торго́мъ на мело́ны.“ Кавно́ны споживаю́тъ са въ Оу̑го́рщинѣ тро́хи ина́кше ѣ̃къ въ Ро́ссїи. Въ Ро́ссїи кра́ютъ са тїи на пла́стры, при котры́хъ принале́жна часть л̑пи́ны са остаѐ и по́то̑мъ к̑сае́ са ихъ та́къ, ѣ̃къ кава́локъ хлѣ́ба. Въ Оу̑го́рщинѣ одна́кожь бере́ са цѣлы́й ме́лонъ предъ се́бе и выдо́лбе́е са его̀ ло́жкою, вылома́ючи одинъ к̑сень за др̑гимъ и че́рпаючи зара́зомъ сокъ ло́жкою. Той спо́со́въ подо́бае са менѣ́ бо́льше, бо о̑тповѣда́е характе́рови ме́лоно́въ л̑чше. Въ Пе́штѣ ви́дѣлъемь о̑тъ господа́рского товари́шества выставленый ме́лонъ маючїй вагѝ шѣстдеса́ть ф̑нто́въ.

Одинъ Оу̑горъ зъ по̑дъ Дебрецина̀ роска́зовалъ мнѣ, що не зъ рѣ́дка ко́ло нихъ цѫкро́вїи мело́ны выроста́ютъ ажь до вагѝ ста фѫнто́въ, и при то̑мъ, що есть головнѣ́йша, остаю́тъ соверше́нно соло́дкїи и вкѫсніи. Ко́ло села Самео́на недале́ко Дебрецина̀ сѫ́ть онѝ найлѫ́чшїи, и тѫ́ власти́во е́сть жерело̀ и мѣ́стце похо́джена всѣхъ оу̑го́рскихъ мело́новъ. Тако́жь и арбѫ́зы сѫ́ть тамъ та́жкїи свы́шь со́тнара, а о̑нъ малъ ви́дѣти мно́жаи маючїи вагѝ двѣ́стѣ фѫнто́въ. Бѣднѣ́йшїи лю́де споживаю́тъ въ Оу̑го́рщинѣ мно́го арбѫзо́въ; онѝ кра́ютъ ихъ на пла́стры, пекѫ́тъ ѭкъ каштаны а женщи́ны продаю́тъ ихъ по оу̑лицахъ.

Пешти́ньскїй торгъ есть не ино̀ для всеѝ Оу̑го́рщины велїкого значе́на, подаючѝ розли́чнымъ ча́стѣмъ краю̀ спосо̑бность до мѣ́нана на взаи́мъ свои́хъ това́ро̑въ, но тако́жь, а мо́же и бо̑льшого значе́на для о̑бластїй погранї́чныхъ съ Оу̑го́рщиною, такъ для тѫре́цкихъ на ю̑гъ, ѭкъ для про́чихъ австрїйскихъ на сѣ́веръ. Провїнцїи Ракѫ́ссы, Мора́ва, Шле́ско и Галї́цїа розлага́ютъ са̀ широ́кимъ та́боромъ около̀ бога́тоѝ въ сырїи, не выдѣланїи произво́ды Оу̑го́рщины до́лгимъ вѣнцѣ́мъ промысло́выхъ мѣ́стъ, котрїи выдѣло́вѫютъ ко́жѫ, во́лнѫ, бавóлнѫ, шо́лкъ и и́нїи то́го ро́да арти́кѫлы. Тѫ́ нахо́дятъ са̀ выро́бы зъ рѫкодѣ́лнеи мѣ́стъ, котры́хъ ланцѫ́хъ начина́е са̀ о̑тъ Деватѝ Церко́въ, идѐ чере́зъ Новѐ Мѣ́сто къ Бѣ́дню, зъ Бѣ́дна та́гне са̀ да́льше чере́зъ Бе́рно до Тѣши́на, и гѫ́битъ са̀ наконе́цъ чере́зъ Бѣлѫ́ въ Галї́цїи. Головнѣ́йшїи арти́кѫлы, пошѫкѫ́ваніи зъ тыхъ сторо́нъ въ Пе́штѣ сѫ́ть: бавóлна, во́лна, тютю́нъ и ко́жи, потомъ тако́жь во̑скъ, ви̑но̀,

зб҃ожье и мно́го еще́ и́ныхъ дробне́йшихъ ве́щій, ѣ҃къ то: дв҃бе́нкы, деревца́, га́лласъ и проч.

Жиды́ сѫ́ть то предвсѣ́мъ, котрїи помаѫ́тїи провѝнцїи посре́дствомъ сво́ихъ комі́ссій и розсыла́тельствъ въ сва́зи о҃у҃де́ржѫ́ютъ съ Оу҃го́рщиною а и́менно съ Пештѝньскимъ торго́мъ, такъ ѣ҃къ зновь Ра́йцѣ сѫ́ть тимъ наро́домъ, котры́й преимѫ́щественно занима́е са оборо́томъ до́лѫ́ Дна́ѫ до Тр҃е́ччины, а Нѣ́мцѣ о҃у҃де́ржѫ́ютъ оборо́тъ съ Вѣ́днёмъ и можь сказа́ти всю про́чѫ́ю торго́влю въ цѣло́й Оу҃го́рщинѣ.

Головны́мъ про тое зрѣ́лищемъ помаѫ́того оборо́та сѫ́ть лего́виска въ жидо́вскоѝ дѣ́ланицы, всѣ́ вели́кїи подво́ра вздо́лжь вели́кои королѣ́вскои о҃у҃лицѣ́, котра́ са та́гне посередъ Терезїенштѧ́тѫ́, и въ котро́ѝ то око́лици найбо́льша часть жидо́въ ме́шкае. Тоѝ гости́нецъ есть по́дчасъ торгѫ́ найбо́льше залюдне́ный. Жиды́, О҃у҃гры, Семиградча́не и Волохи кр҃ща́тъ са тѫ́ зае́дно то въ тѫ́ю то въ о҃в҃ю сторонѫ́. Возы́ съ запра́гомъ четы́рѣхъ, шестѝ и осьми ко́нїй, покры́тїи вели́тными кро́вами и по́лнїи кожъ або́ и́ныхъ предме́то́въ то вы҃ѣзджа́ютъ зъ врамъ то зае҃зджа́ютъ въ тїи. Часо́мъ по́дскаѫ́ютъ но при ше́стеро ко́нїй еще́ дво́е или тро́е жереба́тъ, а такъ мно́го ко́нїй сѫ́ть ча́сто о҃у҃ва́занїи зъ ты́лѫ́ про потре́бѫ́ або, сли са о҃у҃да́сть, на про́дажь. Въ вн҃тренныхъ дво́рищахъ и лего́вискахъ ока́зѣ́ са бридо́та, нехлюйство, непора́докъ, га́моръ и га́ласъ, ѣ҃ко́го где и́нде та́жковы надыва́ти.

Приглаѫ́вши са то́мѫ́ о҃у҃да́нсьмо са на вели́кѫ́, пѫ́стѫ́ площа́дь, котра́ одна́кожь по́дъ той часъ такъ бы҃ла переполне́на людьмѝ и ско́томъ

всѣкихъ народностій и рассъ, що можь бы сказати, же тѫ былобы сѧ на що дивити хотьбы черезъ полъ рокѫ. Дѫмаю, що сѧ не ошибнѫ, сли скажѫ, що тогды на тѫй площади и ей окрестности принаймнѣй до тридцать тысячъ людій сѧ оу̃вивало. Позем҃ле тои площади было: дѫже не рѣвне и прото становило то малій; въ видѣ волнъ оказѫючій сѧ горбкы то знѫвѫ низкій оу̃бочи. На одномъ зъ такихъ горбковъ заложило можь сказати ѣкихъ сто женщинъ торгъ на кѫры, съ ѣйцами и живымъ дробомъ. Тѫ видно было горбокъ обсадженый: великимъ стадомъ свиній, тамъ на рѣвнинѣ продавано тавѫнами конѣ, тамъ знѫвь прикрывали великій обшаръ ѣвцѣ. Тѫ надъ спадомъ а тамъ знѫвь надъ ровомъ оу̃мѣстили сѧ отрады словацкихъ торговеликовъ полотномъ, а помежи всемъ тѣмъ вила сѧ дорога самыхъ крамовъ съ оу̃горскими цѣжмами и иным҃ обѫвьѣмъ. На вершкѫ горбка зарослого мѫравою застромилъ вертепникъ свою хорѫговкѫ и изъяснялъ оу̃горскимъ языкомъ, четыри послѣдніи смѫтніи хвилѣ жита Цѣсаря Наполеона", котрій онъ въ подлинныхъ образахъ на своемъ вертепкѫ возилъ. При входѣ на торгъ сѣдѣлъ вздолжъ мѫрѫ долгій рядъ перекѫпокъ съ паприкою. Имь сѧ чѫдовалъ надъ великими количествами того острого вещества, котрѣ они тамъ продавали. Полніи мѣхи было видно того червоного паприкового порохѫ, зъ котрого сама: крыхитка на конци ножа може быти намъ достаточна, абы ѣкѫ страву зъпсовати, а прецѣнь: множество того звычайно видно по всѣхъ оу̃горскихъ ѣрмаркахъ. Въ гостинницахъ на Оу̃горщинѣ подаѣ сѧ кождомѫ, на его желанье, всѣка страва съ папри-

кою, н. п. „мáсо сѣ пáприкою“, „ры́ба сѣ пáприкою“, „солони́на сѣ пáприкою.“ Що сѧ ты́читѣ простолю́динóвъ Оу̑горъ, то самò сѧ изъ сéве розвмѣе, же безъ пáприки при жáднóй стрáвѣ сѧ не обы́йде, и здаѣ сѧ, ѣковы росло̀ въ Оу̑гра пивни́ци, кѫхни, стáйни и въ пóли все оу̑жѣ такóй самò зъ сéбе смѣшане сѣ пáприкою. Тóлько хлѣвъ не печѣ сѧ тамъ ещѐ зъ пáприки. — Въ прóчемъ есть та пáприка стрѫчóкъ óвои рослúны, котрѫ назывáемъ „тѫрéцкимъ пéрцёмъ“ илѝ „перцю́гою“, и котрà ростѣ въ Оу̑горцинѣ, въ цѣлóй Тѫрéччинѣ, къ ю́жнóй Рóссіи ажь до Хвалúньского мóрѧ въ всѣхъ огорóдахъ, рѣши́тельно однáкожь въ Оу̑горцинѣ нахóдитъ свóго о̑тличнѣйшого привержéньцѧ. Зернà и самъ стрѫчóкъ трѫтъ сѧ на пóрохъ, понéже все перейшлò перчúстымъ огнёмъ.

Словакúй сѫть на тóмъ торзѣ пéрвыми торговéльниками полотнóмъ, котрúй то артúкѫлъ есть дѣломъ ихъ робóты. Онѝ замéшкѫютъ сѣверно зáпаднѫ часть Оу̑горцины, котрà грани́читъ сѣ Шлéскомъ и Морáвою, и зъ тыхъ то крáѣвъ розгалѫзúло сѧ ещѐ мнóго и́ныхъ отрáслій прóмыслѫ черéзъ грани́цю до нихъ. Чимъ сѫть Чéхи для всéи австрїйскои монáрхїи, тимъ сѫть зновь Словакѝ для Оу̑горцины; межи ни́ми нахóдитъ сѧ о мнóго бóльше фáбрикъ и прóмыслѫ, ѣкъ въ котрóй и́нóй чáсти королéвства.

Оу̑грóвъ можь надыбати кóло конúй и рогáтого скóта. Тѫ подаѣ сѧ чáста способнóсть, подикáти искѫства ѣздѣ верхóмъ чи́кошóвъ (тавѫнникóвъ), котрїи повсю́дѫ песерéдъ толúхъ лю́да сѧ оу̑ганáютъ, авѣ скóшъ кѫпцéвъ до кѫпна заохóтити. Ви́дѣлъемъ одного такóго человѣка,

котры́й особли́во былъ моторный; кѫпе́цъ, пере́дъ которы́мъ ѳнъ коня́ на обзо́ръ вы́велъ, замѣти́лъ емѫ, що ся здаѣ, ѩкобы ко́нь при навертáню не выкрѫчѫвалъ ся до́сыть зрѫчно. „Що? не обкрѫчѫе ся?“ кли́кнѫлъ на то́е чи́кошъ, спня́лъ коня́ остро́гами, що ажь въ воздѫхъ по́дле́тѣлъ и каза́лъ емѫ потомъ на за́дныхъ ногáхъ, ѩквы въ крѫзѣ, три разы ко́ло се́бе вы́бити обертáса.— Оу̑гры сѫть то оу̑жѣ зъ ро́дѫ наро́домъ ѣздецкимъ, и хотя́ они́ оу̑жѣ о́тъ такъ да́вна поки́нѫли житьѣ кочовни́че и осѣли ти́хо внѫтрь пе́вныхъ грани́ць ихъ теперѣшного оте́чества и оу̑правля́ютъ зе́млю, то однáкожь не оу̑тра́тили они́ то́и замѣча́нѣ достóйнои по́хоти, котрѫ собѣ въ Ази́и по́дчасъ волоки́тного житя́ присвои́ли; о́вшѣмъ цвитѣ она́ ме́жи ни́ми ещѣ за́всѣды въ давно́й си́лѣ. Гдеко́трїи оу̑чѣ́нїи дѫмаютъ рѣши́тельно, що ни́нѣшнїи Оу̑гры и да́внїи Па́рды сѫть о́дными и тими самы́мъ наро́домъ, и въ само́мъ дѣлѣ не мо́жно то́го, що Римля́не роска́зюютъ о Па́рдахъ, всказа́ти и порозумѣ́ти лѫчше нигдѣ, принáймнѣй въ Єгро́пѣ, ѩкъ въ Оу̑го́рщинѣ. Хотя́ цѣлко́мъ розли́чного ко́рена, то однáкожь сѫть въ мно́гихъ взгля́дахъ съ ни́ми покревне́нїй що до дѫха и обыча́ѣвъ Полякы́, котрїи тако́жь становля́тъ вели́кїй наро́дъ ѣздецкїй. Отъ обохъ тыхъ наро́дове́ т. е. Оу̑горъ и о́тъ Полако́въ полѫчи́ла Єгро́па о́тличнѣ́йшѫ о́трасль свои́ ко́нно́ты — о́тъ пе́рвыхъ Гѫссáро́въ о́тъ послѣ́дныхъ же Оу̑ла́но́въ. Гѫссáры сѫть чи́сто оу̑го́рского ко́рена, що тако́жь сло́во „гѫсъ“ (т. е. два́дцать, поне́же по́для да́вного брано́чного зако́на малъ зъ двадцати́ мѫже́й оди́нъ бы́ти ѣздцёмъ, по́для чего́ „Гѫссаръ“ значи́тъ

приближи́тельно то́е, що „два́дцатый“), котрѣ есть чи́сто мада́рске, даѣ о҃у҃жѣ по҃зна́ти. О҃у҃ла́ны здаю́тъ сѧ бы́ти то́лько чере́зъ Полѧко́въ попра́вле́на и о҃у҃соверше́нна первонача́лна вы́дѣмка Тата́ро́въ или́ Козако́въ. Есть то ди́вно, що, хотѧ́ такъ вели́кими приро́дными ѣ҃здца́ми сѣ҃ть всѣ тїи наро́ды, Тата́ры, Козаки́, Полѧки́ и О҃у҃гры, пре́цѣнь дѣ҃же ма́ло мо́жно найти́ межи ни́ми ѣ҃здцѣ́въ искѣ҃ственны́хъ. Въ и́стѣ есть то́е замѣча́нѧ го́дным҃ъ, що, зако́лько го́рше ѣ҃кїй наро́дъ о҃у҃жѣ зъ до́мѣ҃ въ о҃бще верхо́мъ ѣ҃здити о҃у҃мѣ́е, о҃нъ намъ҃ за то́лько бо́льше ѣ҃здцѣ́въ искѣ҃ственны́хъ доставла́ти здаѣ сѧ. Найбо́льша ча́сть ѣ҃здцѣ́въ искѣ҃ственны́хъ, котры́хъ ви́дим҃ъ, сѣ҃ть Белгїйчики, Францѣ҃зи и Їталїа́не, а вла́снѣ тїи наро́ды не сѣ҃ть зъ до́мѣ҃ найлѣ҃чшїи кавалери́сты.

Тако́жъ и Цига́но́въ бы́ло на то́мъ торзѣ́ дово́льно мно́го. На одно́й площа́ди надыбалъемь двана́дцать ко́ло столо́въ по҃ставле́ны́хъ цига́нъски́хъ женщи́нъ, зъ котры́хъ ко́жда ко́лька кава́ло́въ полотна́ продава́ла. Они́ намъ҃ мо́вили, що то́е полотно́ нале́житъ до слова́цки́хъ села́но́къ, котрїи имъ҃ то́е на про́дажь пор҃ѣ҃чи́ли.

На то́мъ торзѣ́ бы́ло то тако́жъ, где ѣ҃ по пе́рвый разъ о҃у҃чѣ҃лъемь цига́нъскѣ҃ го́дьвѣ҃, и то въ мѣ҃сти́лици та́нцѣ́въ ко́ло торгѣ҃. Тѣ҃ находи́ло сѧ самѣ́ хло́нство, все изъ найни́жшон и найсильнѣ́йшон верствы́ Мада́ро́къ. Хотѧ́ мѣ҃сти́лице для то́лпы лю́да бы́ло за о҃у҃зке́, то однако́жъ тѣ҃мъ ревнѣ́йшїи бы́ли тїи, що танцюва́ли. Цѣла́, ѣ҃къ то ка́жѣ҃тъ, ха́та ходи́ла, а въ по́дло́гѣ҃ такъ выбы́вано и тѣ҃пано, мовлвы сто цѣпа́ми молоти́ли. При то́мъ бы́ла задѣ҃ха, що го́дѣ было вы-

тримати, а хотѧ по́рохъ збѝтый всѣ́ми чередáми и перѣзджáючими взноси́лъ сѧ гѫ́стыми клѫ́бами въ воздѫ́хъ и тисни́лъ сѧ въ ѡтвéрстїи двéри и ѡ́кна, то однако́жь трѫ́бы и цимбáлы Цигáнóвъ преодолѣ́ли все. Посерéдъ то́и бáнды гѫдцѣ́въ сѣдѣ́лъ молоды́й, сѫхорлáвый прóйдисвѣ́тъ и би́лъ въ головнѣ́йшїй ко́ждои циганьскои гѫдьбы їнстрѫ́ментъ, въ цимбáлы. Тїи цигáньскїи цимбáлы не сѫ́ть въ прóчёмъ то́е, що въ дрéвнóй їсто́рїи о кимвáлахъ читáемъ, т. е. два металлéїи ко́тлы, котры́ми одѝнъ о дрѫ́гїи ѻ҃дáрано, но есть то родъ подолговáтои, несчислéнно мно́гими стрѫ́нами натáгненои цѝтры, зъ котро́и выдовѫ́лѐ сѧ звѫ́къ посрéдствомъ двохъ малéнькихъ пальцáткóвъ, котрїи сѧ кóнчáтъ въ двѣ шкóрою ѡбтáгнени пѫ́говки. Тїи цимбáлы выглѧдáютъ такъ сáмо и въ цѣлóй ю҃жнóй Россїи и краáхъ Козакóвъ. По при молодóго цимбали́ста, котры́й то головнѣ́йшїй провáдитъ гóлосъ, и котро́го брéньканье становѝтъ пóдстáвѫ всéи ѻ҃гóрско — циганьскои гѫдьбы, ви́дѣлъсемъ старóго Цѝгана съ цѣлкóмъ сѝвымъ вóлосомъ, темновѫ́рого однáкожь лицà, котры́й потягáлъ смы́комъ по бáсѣ; пóтѣмъ по ко́ждѣмъ бóцѣ одного скрѝпника а изъ зáдѫ гейбы ѡткрѝлыцика (флиґельмáна) одного трѫ́вачà.

Въ цѣлóй Оу҃гóрщинѣ похóдятъ гѫдéвники преимѫ́щественно и мáйже исклю́чно зъ двохъ нарóдóвъ, Нѣ́мцѣвъ и Цигáнóвъ. Межи Нѣ́мцями ѻ҃важáемъ тѫ зарáзомъ такóжь Чéхóвъ, Моравáнóвъ и т. д. Нѣмéцкїи гѫдцѣ́ сѫ́ть въ Оу҃гóрщинѣ ѡтличнѣ́йшїи; онѝ нахóдятъ сѧ при зрѣ́лищахъ, при Церквáхъ, на балáхъ образóваныхъ сослóвїй, по велѝкихъ Пештѝньскихъ гостѝнни-

цѧхъ и т. д. Цига́ны же идꙋтъ въ за́воды всю́ды съ ни́ми о҃ ни́жшихъ сосло́вій, часо́мъ при поме́ншихъ зрѣлищахъ, и они́ сꙋть ча́сто въ досы́ть зна́чныхъ мѣста́хъ разъ на всегда́ мѣ́стскими гꙋдца́ми. Нѣ́мцѣ гра́ютъ звыча́йно лишь нѣмѣ́цкꙋ, їталїа́ньскꙋ и францꙋзскꙋ гꙋдьбꙋ, ѩкъ то н. пр. о҃ насъ съ дѣ́е. Цига́ны же, котрїи сꙋть властѝвыми о҃горскими наро́дными гꙋдца́ми привластѝли собѣ́ собственнїи о҃ложе́нїѧ, въ котры́хъ вѣ́е цѣлко́мъ особли́вшій дꙋхъ. Оу҃гры повѣда́ютъ, що та́ѧ гꙋдьба́ есть властѝва, первонача́льно мада́рска и зъ мада́рского дꙋха прошѣ́дша наро́дна гꙋдьба́, а сли порѣвна́емъ съ не́ю спѣванкѝ, котрїи въ розли́чныхъ мѣстцѣвостѣ́хъ приспѣвꙋютъ о҃го́рскїи села́не, то тре́ба призна́ти, що всѣ тїи сꙋть одно́го и то́гожъ само́го звꙋка и дꙋха. Въ тыхъ то всѣхъ гꙋдѣ́бныхъ зво́ротахъ и їдѣ́ахъ таки́хъ о҃ложе́нїй нахо́дитъ съ що́сь первотво́рного, що съ всѣ́мъ розлича́е съ о҃тъ то́го, що чꙋемъ о҃ Нѣ́мцѣхъ и Слава́нъ.

Оу҃горъ любꙋе си формалъно въ цига́ньскоѝ гꙋдьбѣ́, що и ко́ждый чꙋжи́нецъ ле́гко по҃зна́ти мо́же, ско́ро съ то҃ѝ тро́ха прислꙋха́е. Въ то҃ѝ гꙋдьбѣ́ есть що́сь такъ особли́вого, що́сь такъ меланхоли́ческого, ча́сто такѣ́ ди́ке о҃тчаа́нїе, и такїй голосни́ѝ, се́рдце роздира́ючїй жа́ль, що она́ ко́ждого ча́сто порꙋшитъ и палѣни́тъ, ми́мо его́ во́лѣ. И хотѧ́ въ о҃бще есть игра́нье и о҃тда́нье Цига́но҃въ дꙋже про́сте и ди́ке, то однако́жъ и мно́го межи ни́ми (и́менно цимбали́сты и скри́пники) вслава́ютъ съ въ гꙋдьбѣ́, ме́нше однако́жъ че́рѣзъ степе́нь искꙋства, до котро́го они́ зале́дво

колѝ дохо́дѧтъ, ѩ̃къ чере́зъ гѕде́вное вдѕхнове́нїе, котро́е на по́зоръ имъ здаѐ сѧ бы́ти пи́томымъ.

По̂здно вечеро́мъ повернѕлисьмо до гости́нницѣ „по̂дъ корола́ю Анґлїи“ а отрѣ́павши сѧ зъ по́рохѕ зъ по́ла Ра́коша (поне́же о́ва хло́пска торго́вица, котрѕ̀ есьмо посѣща́ли, становѝтъ о᷑ужѐ часть сла́вного по́ла Ра́коша, на котро́мъ давнѣ́йше о̂тбыва́ли сѧ кра́евїи со́ньмы и выбѝрано о᷑у-го́рскихъ корола́ѣвъ), що не прїйшло̀ намъ такъ ле́гко, поне́же бы́лисьмо принѕжде́ннѝ по̂дъ на́шою „корола́ею Анґлїи“ форма́льно сѧ кѕпа́ти, вы́йшолъемь ещѐ самъ перейтѝ сѧ по надъ бе́регомъ Дѕна́, во кра́сна мѣ́сячна но́чь здава́ла сѧ по ча́сти вы́нагородити за порошны́й, гора́чїй день и поне́же хотѣ́лъемь докладнѣ́йше сѧ придивѝти то́мѕ, ѩ̃ки́мъ спо́сомъ весь той наро́дъ, котры́й ра́но тѕ ви́дѣлъемь, но́чь переночу́ѥ.

Тѕ̀ заста́лъемь слѣ́дѕючїи положе́нїа, состоа́нїа и наро́днїи и́гры: цѣлѐ Дѕна́йске надвере́же покры́те бы́ло безчисле́ннымъ мно́жествомъ спа́чихъ людїй ово́го по́ла, котрїи, ско́рчивши сѧ и завѝвши въ плащѣ, ко́цы або̀ ма́ты, спа́ли на вѕркѕ ко́ло сво́ихъ това́ро̀въ. Бо̂льша ихъ ча́сть здава́ла сѧ польѕва́ти хоро́шимъ, здоро́вымъ сѕноко́емъ, и лишь ма́ло кто зъ нихъ, хиба̀ заможнѣ́йшїи або̀ до выго̀дъ привы́кшїи поспѕска́ли своѝ ша́тра надъ сво́ею спа́льнею, и лежа́ли сѧ всѣ́ми свои́ми имѣ́нїами по̂дъ охорона́ючимъ покро́вомъ тако́го шатра̀, котры́й мовь бы оре́лъ роспростира́лъ своѝ кри́ла надъ ни́ми. Тїи о᷑у́го́рскїи ша́тра, вѣроа́тно дѕже да́вна мада́рска фо́рма ша́теръ, сѕть четыро́вочнїи, простопа́днїи, о᷑умоцо́ванїи на четы́рѣхъ жердка́хъ, котрїи пла́тье роз-

тагаютъ. Тїи четыри жердкй можь такъ поставити до кѕпы, що цѣлѣ стоитъ просто; або знобь такъ отъ себе отдалити, що шатро спаде.

Котрїи мали кораблѣ, або могли позыскати мѣстце въ томже, лежали або сѣдѣли спячи въ кораблахъ разомъ. Они наполнали такъ великїи внѕтренніи мѣстилища кораблѣвъ, где огень горѣлъ, ѣкъ и весь покладъ и дахй статкобъ. Єлибымь былъ въ станѣ хотѧ гдекотрїи зъ тыхъ кораблѣвъ вымалювати ісъ докладною природною вѣрностїю, або тїи представити въ ѣкой дїорамѣ, то бы довольно чѕдовали са мои зрѣтелѣ надъ собственностїю того видѣнїа.

Зъ высокого Дѕнайского надбережа провадятъ коло моста сходы до рѣки на долъ. Такожь и кождый стѕпень тыхъ сходовъ былъ занатый и обложеный людьмй, котрїи по части неспали, по части же спали. Были то по части Мадары по части Словакй, котрыхъ можь было розличити за первымъ поглядомъ на ихъ одѣжь, на ихъ особенное налйчїе и по ихъ обходженю са. Одинъ зъ нихъ, былъ то Словакъ, стоялъ на найвышшомъ стѕпни сходовъ и приграваль собѣ гѕвою. Онъ оудавалъ ковзѕ дѕже зрѕчно и весьма комически, притискаючи подъ пахою ноѕ сложеной сѣкманы, гейбы то была ковза, надѕвалъ своѣ лицѣ и выдовѕвалъ искѕсно черезъ носъ всѣ тоны того їнстрѕмента. При томъ крѕтилъ са на одномъ мѣстци докола, ѣкъ то звычайно роблятъ славаньскїи настѕхй дѕючи собѣ самй въ ковзѕ при танцй. Иножани женщины овстѕпили его и присѣвѕючи вытинали гонака подлъ его гѕдьбы, котрои не было конца ни мѣры.

Перестꙋпи́вши спа́чихъ зъишо́лъемь по схо́дамъ и оу́да́лъемь ся на самъ бе́регъ ре́кѝ. Тꙋ застáлъемь кънꙋ Мадáровъ ра́зомъ сѣда́чихъ, такожь и зъ нихъ полови́на спáла. То́ны ковзы, кри́ки таньцю́чихъ и га́ласъ игра́ючихъ на горѣ́шнѣй ча́сти оу́бере́жа замо́лкли оу́же́ бы́ли давно̀, ꙗ̃къ нара́зъ меланхолѝческїи мело́дїи старо́го мада́рского пѣ́вца розлагли́ ся по надъ ти́химъ Дꙋна́емъ — бо то́й пѣ́вецъ надъ все любачїй тишинꙋ ажь тепе́рь мо́гълъ изъ широ́кои сво́и грꙋди волше́бнїи выдобꙋва́ти голосы́, колѝ вса безсогла́сно́сть о́бокъ не́го прити́хла. Не взира́ли на по́здню хви́лю, оста́лъемь ся при любопи́тно́мъ соловѣ́ю, а колѝ о̀нъ о̀тпочива́лъ, то ꙗ̃ на перемѣ́нꙋ обсмо́трꙋвалъ то кристале́ве лицѐ Дꙋна́, то проти́вꙋ лежа́че дрѣ́мꙋче мѣ́сто Бꙋдинъ, его̀ пала́тꙋ и кре́постнꙋ горꙋ, то ли́сꙋ горꙋ, то зно́вь кра́сне не́бо и тихо́нькїй мѣ́сяць.

Торго́вла Пе́шта есть тепе́рь такъ зна́чна, цо вздо́лжь цѣло́го Дꙋна́ нема̀ по Вѣ́дни жа́дного бо́льшого торговѣ́льного мѣ́ста, ꙗ̃къ Пе́штъ. Она̀ бы́ла оу́же́ о̀тъ да́вна зна́чною, — но чере́зъ нецна́стный часъ Тꙋрко́въ оу́терпѣ́ла такъ, цо да́лѣй и слѣдꙋ бы ей не бы́ло; съ перемѣ́ною однако́жь обстоа́тельствъ, перемѣни́лъ ся и ей станъ, а тепе́рь она̀ въ тако́мъ розви́то́мъ цвѣ́тѣ ся нахо́дитъ, въ ꙗ̃ко́мъ нико́ли до́си не бы́ла и здаѐ ся, цо она̀ ещѐ при то́мъ всемъ, ꙗ̃къ и самѐ мѣ́сто, не прїи́шла̀ да крайнѣ́йшого сво́го во́зростꙋ. Называ́ютъ про то́е оу́жѐ и ны́нѣ Пештъ дрꙋгимъ Вѣ́днѣмъ и Лонди́номъ надъ Дꙋна́емъ. Въ мѣ́рꙋ о̀тноше́нїй, ꙗ̃кїи тепе́рь сꙋществꙋютъ, могꙋтъ оба̀ мѣ́ста̀, Вѣ́день и Пе́штъ, безъ спо́рꙋ

и зависти, собѣ въ мірѣ подати рѫкѫ. Предмéты ихъ торговлѣ розличáютъ сѧ совершéнно. Торговлѧ Вѣднѧ опирáе сѧ на произвóдахъ искѫства, а Пéшта на произвóдахъ природы. Для вѣдéньскихъ або въ óбще для австрїйскихъ произвóдовъ искѫствъ налéжитъ Пештъ ѹважáти лишь ѫкъ населéнье Вѣднѧ, на котрóго роскáзы зъ пéрвого мѣста всѣ ѹгóрскїи мѣстцѧ засóбы такúхъ произвóдовъ полѫчáютъ. Понéже Дѫнáемъ долóвъ ôтуóдатъ лишь произвóды искѫства до тѫрéцкихъ крáѣвъ, бо и тїи мáютъ довóльно произвóдовъ природы, то верхѫе изъ тóи причúны Вѣдень надъ Пéштомъ, понéже жúтелѣ Востóка все, чого̀ зъ Áвстрїи потребѫютъ, радн̃éйше въ жерелѣ т. е. въ Вѣдни пошѫкѫютъ, ѫкжы мáли зъ дрѫгои рѫкú т. е. въ Пéштѣ набывáти. Въ прóчемъ не éсть рѣчью рôвностóйною, що новѣйшими часáми ѹжѣ многїи мéншїи ôтрáсли прóмыслъ перемѣстúли сѧ зъ Вѣднѧ до Пéштъ, и ѹжѣ ôтъ недáвна гдѣкотрїи предмéты вымыслóвїи тѣ сѧ выдѣлóвѫютъ, котрúхъ прéжде лишь въ Вѣдни мóжно было дôстáти.

В. К.

74.

Зáгадка *)

Двѣ сéстры Богъ добротлúвый
Союзно тогдà спойлъ,
Коль пéрвого человѣка
Пéрстомъ зъ землѣ сотворúлъ
Онú обѣ однородни
И съ всёмъ собѣ подóбни —

*) Рѣшенье слѣдѫе на послѣдномъ листѣ.

Но сторо́нно́сть безрозу́мна
Тщ҃е́тно ихъ о҃тличи́ла:
Сѣ́й пода́ла превосхо́дство,
Т҃о́й ра́бство назначи́ла.
Одна̀ шы́ти, вышива́ти,
Прястѝ, тка́ти и писа́ти,
Стрѣля́ти, гра́ти, руба́ти,
Учи́ла ся все дѣла́ти;
А дру́га ничъ не зна́е.
Лишь сестрѣ̀ помага́е.

Духно́вичь.

75.

О со́лнци.

Со́лнце не есть малы́мъ пло́скимъ кр҃ѫжко́мъ, ѩ҃къ сѧ выдаѐ, по вели́кою кѫ҃лею, кото́ра сво́имъ собстве́нымъ свѣ́тломъ свѣ́титъ, и о҃тъ котро́и исхо́дитъ свѣ́тло на зе́млю, на всѣ̀ про́чїи плане́ты еѝ и на сп҃тники лѝ лѫ҃ны ихъ.

Оно́ о҃тдале́ное о҃тъ на́шои землѣ̀ 20.666,000 ми́ль. Паровы́й во҃зъ съ 100 мили́вою наде́нною ско́ростїю потребова́лъ бы летѣ́ти къ со́лнцѫ҃ 542 лѣ́тъ. Попере́чникъ его̀ ма́е 191,300 ми́ль, окр҃ѫ́жно́сть 601,000 миль, а пове́рхно́сть 114,971 мїлїо́но́въ квадра́товыхъ ми́ль. Оно̀ есть 1.406,000 разъ во҃льше ѩ҃къ земла̀, а такъ изъ со́лнца могло̀ бы бы́ти 1.406,000 зе́мныхъ кѫ҃ль.

Вѣроа́тно есть со́лнце те́мное тѣ́ло съ гора́ми надъ 100 ми́ль высо́кими, а 1000 ми́ль широ́кими, съ долина́ми и ро҃внина́ми.

Со́лнце нахо́дитъ сѧ по середи́нѣ плане́тъ сво́ихъ, кото́рїи дви́жатъ сѧ въ розли́чныхъ о҃тстоа́нїяхъ въ кр҃ѫгъ не́го, два изъ ни́хъ Мерк҃рїи и

Венéра ближшій сѣть къ сóлнцѣ, ꙗкъ землѧ, а дрѣгіи ôтстоѧтъ ôтъ нéго дáльше, освѣчáютъ и огрѣвáютъ сѧ нимъ.

Планéты нáшего сóлнцѧ движѣтъ сѧ окóло нéго въ тôмъ порáдкѣ: Меркýрій, Венéра, Землѧ, Мáрсъ, Áстройды, Юпíтеръ, Сатýрнъ, Оýрáнъ, Нептýнъ.

Планéты: Меркýрій, Венéра, Мáрсъ, Юпíтеръ и Сатýрнъ видúміи сѣть безъ пóмочи телескóпа, и длѧ тóго онú оýжѣ въ дрéвности бúли извѣстніи, и полъзчúли, ꙗкъ такóжъ и úніи, свои нáзвы ôтъ баснослóвныхъ грéческихъ богôвъ. Дрéвле назывáли Грéки и Римлѧне дни седмúчніи по úмени сóлнцѧ и планéтъ: 1. Недѣлю — день сóлнцѧ; 2. Понедѣлникъ — дéнь лýны; 3. Втóрникъ — дéнь Мáрса; 4. Сéредѣ — день Меркýріѧ; 5. Четвéртокъ — день Дíа; 6. Пáтницѣ — день Венéры; 7. Сýбботѣ — день Сатýрна.

М. Маминовскій.

76.

Моисéй Мéнделсонъ.

Моисéй Мéнделсонъ, былъ богочéстіѧ еврéйского и счетовóдцёмъ оý одного кýпцѧ, которúй сдáчи по его талáнтахъ, пéвно не выдúмалъ анѣ пóрохѣ стрѣльного анѣ тископечáтнѣ. М. Мéнделсонъ былъ ôтъ всѣхъ почитáный, во его мýдрôсть и крóтость всѣхъ плѣнúла. Найславнѣйшіи и найбчéньшіи лю́де стоѧли съ нимъ въ дрýжескóмъ сношéню и сообщáню сѧ; во про вóродѣ, котрѣ тóй Еврéй носúлъ, не презирáли онú головы, на котрóй тáѧ борода росла. Ꙗкъ въ всѣмъ былъ поединчій

такъ и всемъ доволствовалъ са, що тимъ сѫдьба принесла. Довѣдомъ того найлѫчшимъ было его оудовольствїе изъ свои посады: Коли разъ посѣтилъ его одинъ пріятель и засталъ власнѣ при дѫже тажкихъ рахѫнкахъ, сказалъ онъ до него: „Прецѣнь есть то велика шкода, любезный Моисею, що ты, така мѫдра голова, слѫжишь оу человѣка, который не есть годенъ тобѣ слѫжити. Чижъ не есть твой ноготь мѫдрѣйшїй, якъ цѣлый той человѣкъ, хота о три головы отъ тебе есть вышшїй?“ Не одного можебы така бесѣда оучинила гордымъ, що кинѫвши перо и папѣръ въ кѫтъ, вымовилъбы своимъ слѫжбодателеви свои оуслѫги; — но мѫдрый Мѣнделсонъ не рѫшилъ папѣрѫ, але заложивши перо за оухо поглянѫлъ спокойно на свого пріятела и по хвили сказалъ: „„Такъ, якъ оно есть, не есть оно зле, бо провѣдѣнїе нѣколи са не ошибае! Мой кѫпецъ маe зъ мене пользѫ, а я маю зъ чого жити — Слибы однакожь я былъ паномъ, а онъ моимъ писаремъ, тобымъ я не могъ его оужити до нѣчого.“ —

Тогожъ самого мѫдреа запытался разъ одинъ фѫрфантъ: „жидкѫ чимъ торгѫешь?“ (бо подавалъ на звычайного жидовского рознощика). Мѣнделсонъ сказалъ: „„Товаромъ, на который не легко найдѫ кѫпца.““ — „А щожъ то за товаръ?“ пытался далѣй тамтой — „„Розѫмъ,““ отвѣтилъ Мѣнделсонъ и додалъ: „„А ци кѫпите? Самъ бы са здалъ!““ —

В. К.

77.

Подоро́жный.

„Отворѣ́тъ две́ри, для ми́лости Бо́га!
Бо ду́шу згу́бить збѣдже́ный стари́къ;
Ви́хоръ шалѣ́є, и ша́рга бі̀є стро́га,
Въ те́мнѣ доро́ги прослѣ́дочокъ зни́къ!“

„Не про́шу харчу́, а́нѣ запомо́ги,
И́ не влѣзли́вый, упе́ртый жебра́къ;
Лишѐ струдже́нѝ очунѣ́ютъ но́ги,
Но̂чь перебу́ду и по̂йду̀ о̂тта́къ!“

Одна́къ на да́рмо ми́лости взыва́є
Хоть ґазда̀ въ ха́тѣ є̀щѐ и не спи́тъ;
Онъ две́ри ко́рчмы не радъ отвора́є
Сли кто̀ горѣ́лки предвсѐмъ не про́ситъ.

А хоть но̂чь те́мна, съ дожде́мъ вѣ́теръ сви́ще,
Любвѐ не збу́дитъ жа́дна про́сьба въ нѣ́мъ,
Є̀щѐ плюга́витъ, клинѐ корчмари́ще
„Бо̂гда́й пропа́лъ є̀сь, — бы тя пощи́бъ гро̂мъ!“

А въ то̂мъ слу́чаю щожь бы́ло чини́ти?
Пере́дъ собо́ю, путь перекрести́лъ;
Моли́твы начнѐ въ ду́ху говори́ти
Хоть но̂чь темне́нька, да́лѣй ся пусти́лъ.

Идѐ, я̆́къ мо́же, а куда̀? не два́є;
На про́мыслъ Бо́га упова̀ бога́тъ —
Що такъ тросклѝво, всю тва́рь объима́є
И що изъ сво́ихъ не пу́ститъ огра́дъ.

„Чей где́сь близе́нько, до хато́къ доле́зу
И зна́йду ґа́здо̂въ, ласкавѣ́йшихъ тамъ
И сномъ соло́дкимъ умъ жу́рный о̂тсвѣ́жу
И чле́намъ тру́днымъ о̂тпочи́нокъ дамъ.“

А хоть му ва́жко, же́ го безъ прови́ны
Отъгна́лъ шинка́рь, сплюга́вилъ и клялъ,
Же́ му о̂тмо́вилъ же́бранои гости́ны,
Же го въ до́ждж, въ те́мрю, по̂дъ стро̂пъ не приня́лъ;

Онъ одна́къ зна́я Бо́жѝ приказа́ня
Не да́ѣ взне́стись това́рѣчо̂й мстѝ, —
Въ ду́сѣ му зъ се́рдця жела́я по̂зна́ня,
Мѣсто сло̀въ гнѣ́ву — „Бо́же ти простѝ!“

И въ таки́хъ гадка́хъ смотри́тъ полекше́ня
Хоть ду́ха да́витъ тяже́нька печа́ль,
Онъ споко̂йне́нько, чистото́ю сумле́ня
Ту́литъ сумне́нькій свого се́рдця жаль.

И гнеть ся хма́ры взя́ли розсува́тн
И бурли́въ вѣтерь съ дождже́мъ устава́лъ,
И уже́ на всхо́дѣ зача́ло свита́ти —
И недале́ко села̀ достига́лъ.

А по задъ нёго лія́ло ся и лія́ло
И бли́скъ за бли́скомъ мигота́лъ горо́вь:
Я́къ коли́бъ ко́рчму зальятись завзя́ло
И гро̂мъ за громомъ весь во́здухъ поро́лъ!

А корчмаре́ви въ страху́ и трево́зѣ
Гне́ть подоро́жный припа́де въ дога́дъ:
„О щожь о̂нъ бѣ́дный чи́нитъ въ то̂й доро́зѣ,
Чей ся до ме́не пове́рне наза́дъ!“

Со́вѣсть му се́рдце зга́дковь пожера́ла —
А ка́ру Бо́га прига́довалъ гро̂мъ!
Душа̀, що любвѣ́ для бли́жныхъ не зна́ла
Судьбу́ небе́сну вѣщува́ла въ то̂мъ!!.

Перепу́дженый засну́ти не мо́же
Съ сумно́ю га́дкою при о̂ко́нци се́лъ —
„Прови́ны мои простѝ менѣ́ Бо́же!
Вздержѝ ще ны́нѣ справедли́вый гнѣ́въ!!“

Но Богъ ласка́вый, не за́разъ каре́е
Хотя́й не оди́нъ тя́жко провини́лъ —
Нашои попра́вы, поку́ты чека́е
И корчмаре́ви часъ той продолжи́лъ.

Лише пивни́цю по́вѣнь по́дмули́ла
И всю горѣ́лку по́рва́ла съ собо́ю,
Щобъ бо́льше людій зъ уму не зводи́ла,
Въ бе́звѣсть попли́ла съ гро́мкою водо́ю!

Пчола.

78.

Проще́нье оби́дъ.

Ликѵ́рга, сла́вного Спарта́ньского законода́теля ѹ́дари́лъ былъ одно́го ра́зъ де́рзкій молоды́й челове́къ па́лицею по лицу́. Наро́дъ ѹ́видѣвши окрова́вленое его́ лице́ такъ розсе́рдилъ са на то́го молодо́го челове́ка, що о́тда́лъ его́ само́мъ Ликѵ́ргѹ, абы то́йже провини́вшого ѹ́кара́лъ по свое́й во́ли. Ликѵ́ргъ взялъ его́ съ собо́ю; но въ ме́сто ка́ры каза́лъ о́нъ ему́ собѣ́ послѣ́говати и поступа́лъ съ нимъ дѣ́же благоскло́нно и ласка́во.

Алка́ндеръ, такъ называ́лъ са той молоды́й челове́къ, исполна́лъ охо́тно всѣ его́ повеле́нїа. Бѣ́дячи свѣ́дкомъ нао́чнымъ стро́гои Ликѵ́ргѹ жи́зни и трѣ́долю́бїа, нача́лъ о́нъ съ ка́ждою хви́лею его́ бо́льше почи́тѣвати а наконе́цъ чистосерде́чно роска́ялъ са, що такъ вели́кого и честне́йшого мѣ́жа образи́лъ.

Приме́ръ то́го взоро́вого мѣ́жа такъ си́льно на Алка́ндра подѣ́йствѣва́лъ, що о́нъ самъ по коро́ткомъ часѣ́ не ино́ попра́вилъ са, но и це́лко́мъ перемѣни́лъ свой плохій и де́рзкій нравъ.

В. Волянъ.

79.

Ла́стôвка и воробе́цъ.

Ла́стôвка весно́ю защебета́ла:
„Всего́мь си добра̀ лѣ́томъ узбира́ла —
По́лнѣ ѣ̃ ма́ламь всѣ̀ обороги . . . .
Тепе́рь зъ дале́кои прійшла́мъ доро́ги;

Не заста́ламъ до́ма ни́чъ,
Бо все мнѣ̀ съѣ́лъ воробѝчъ —
Перевѣ́лъ, поѣ́лъ, попи́лъ,
Менѣ̀ кускà не лиши́лъ!“

Воробе́цъ ска́че, въ о́чи ей плюѐ:
„„Кто на хлѣ́бъ ро́бить, ха́ты пильну́е, —
Кобы ты лѣ́томъ на хлѣ́бъ робѝла,
Тобысь въ зимѣ̀ ся не волочѝла.““

Пчолà.

80.

Дро́хва.

(Изъ Фогля.)

Дро́хва есть на́йбо́льшою европе́йскою пти́цею, хотя́ ѿ жо́раве́ль съ сво́ими высо́кими нога́ми и до́лгою ши́ею що до высо́кости перевыша́е о ко́лька ца́лѣвъ. Я́ пре́цѣнь ма́ло кто̀ ю зна́е въ Нѣме́ччинѣ, а на́веть и не мно́гїи тамъ, где она̀ власти́во перебыва́е, ко́ло Кри́мѣ, въ доли́нахъ сѣ́верной Гре́цїи и на остро́вѣ Сѝцѝлїи; понеже она̀ е́сть дѣ́же полохли́вою, боязли́вою, мѣ́дрою и розо́рною пти́цею, котра̀ при найме́ншо́мъ сомни́тельно́мъ илѝ ново́мъ появлѣ́ню и порѣ́шѣ́ню изъѣ́мѣ́ва́е ся и о̑у̑си́лѣ́е охрони́ти и спастѝ себѐ ѣ̃къ найско́ршимъ бѣ́гствомъ. Къ

то́мѫ слѫжатъ ей бо́льше но́ги ѩкъ кри́ла, хота́й и тїи розпросте́ртїи ма́е ѩкъ стрѫсъ при бѣ́гствѣ, въ котро́мъ и его́ зале́дво хо́ртъ догна́ти мо́же. Одна́кожъ мо́же она́ тако́жъ и лѣта́ти и зна́чно са въ горѫ въ воздѫхъ взнести́, що са дѣ́е и́менно въ осени́ и зимѣ́, коли́ то она́ звыча́йно въ бо́льшо́мъ товари́ществѣ мале́ви ѿтвыва́е по́дорожи. Са́мцѣ, котры́хъ ѿтлича́е вое́нный ѻу́съ, сѫть осо́бенно на ѩри́ дѫже охо́чими до ворбы́; при тихъ ворба́хъ вста́е имъ до гори́ пѣ́рье на головѣ́ и вородѣ́, они́ ѻу́дара́ютъ хвосто́мъ о зе́млю въ по́лко́лѣ, ѩкъ то ро́блятъ и́ндоры, и кѫса́ютъ и по́дска́кѫютъ наси́лно оди́нъ проти́вѫ дрѫгомѫ. Ло́вятъ ихъ на кони́ верхо́мъ и ско́рыми пса́ми; пере́дъ котры́ми найбо́льшїй ма́ютъ стра́хъ. За́всѣды одна́кожъ есть ихъ ло́вла дѫже тажли́вою, а ѻу́спѣхъ можъ звыча́йно осагнѫти лишь чере́зъ ѩкѫ крѫтню́, н. пр. чере́зъ перебра́нье са ло́вца и т. д. поне́же та хи́тра пти́ца зна́е до́бре по́знава́ти и розлича́ти сво́ихъ коро́бовъ и ихъ орѫжье.

Въ Кри́мѣ, оповѣда́е оди́нъ подоро́жный, надыбѫвалъемъ ча́сто гѫрмы по со́рокъ до пятьдеса́ть дро́хвъ, котры́хъ на то́й ли́сой, ро́вной пло́щи при ихъ вели́кости можъ было ѻу́видѣти въ ѿтстоя́нію ѩки́хъ три ве́рсты. Ско́ро ко́зъ ѻу́зрѣ́ли, изъѫмѣ́ли са; переднѣ́йшїи, котрїи спадь ѩко найста́ршїи и наймѫдрѣ́йшїи чатѫва́ли, позира́ли, выта́гнѫвши до горы́ до́лгѫ шы́ю, недовѣ́рчиво на сближа́ючїй са ко́зъ и здава́ли са слѣди́ти, чи ѳнъ не ѻу́крыва́е ло́вцѣвъ. Не разъ дава́ли на дѣ́стѣ кро́ковъ къ со́вѣ сближи́ти са, ѻу́лѣта́ли одна́кожъ потомъ тажѣ́ло са по́дносячи, ско́ро

повóзчикъ стáлъ, абысьмо моглѝ до нихъ зъ рѫчни́цьѣ вы̀паллити. Поединóкого человѣ́ка припѫ́статъ онѝ залѣ́дво на четы́риста крóкóвъ до сѣ́бе. Бездѣ́ла старáлъ сѧ мо̀й товáришь ихъ обманѫ́ти завиваючи сѧ въ кожѫ́хъ; дрóхвы помѣ́рковáли, кого̀ кожѫ́хъ оу̃крывáе, и взнеслѝ сѧ до горы̀ въ о̂тстоáнїю, въ котрóмъ не моглáбы ихъ кѫ́ла досагнѫ́ти. Но при всей ихъ осторóжности, недовѣ́рчи́вости и мѫ́дрости, знáе хи́трый человѣ́къ и на нихъ спосóбы: Звычáйно вы̀ѣзджáе пáть илѝ шѣ́сть стрѣлцѣ́въ волóвымъ вóзомъ въ стѣ́пъ; скóро дрóхвы обáчѫ́тъ, кладѫ́тъ сѧ плáзомъ на вóзѣ и объѣ́зджáютъ помáлѫ стáдо. Въ пѣ́вныхъ о̂тстоáнїахъ зъсѣ́ваe сѧ одúнъ по дрѫгóмъ изъ вóза, и остаѐ на землѝ розпростѣ́рто лежáчїй. Дрóхвы подивлáютъ на вóзъ сѧ велúкою оу̃вáгою, не по̀длѣтáютъ однáкожь до горы̀, ѣ̃къ дóлго вóзъ есть о̂тъ нихъ о̂тдалѣ́ный на вы̀стрѣлъ. Скóро сѧ тáм объѣ́здка соверши́ла, то ѣ́де послѣ́дный стрѣлѣ́цъ, котры́й сѧ лиши́лъ на вóзѣ, прóсто къ дрóхвамъ, котрїѝ по̀дносячѝ сѧ тѫжѣ́ло надлѣтáютъ зáвсѣ́ды въ засáгъ вы̀стрѣла одного̀ зъ докóла поставлѣ́ныхъ стрѣлцѣ́въ.

Мáсо дрóхвъ не есть такъ вкѫ́сне ѣ̃къ кѫропáтвы, однáкожь мáе выбóрный смакъ дичины̀.

В. К.

81.

Бѫрлáкъ.

Сóнце западáе
За высóкй гóры,
Товáръ повертáе
До свóи обóры:

Лишь я̃ нещáстный безъ кутà, безъ хáты,
Где гóлову склóню? не знáти — не знáти.

Лúстъ гонéнъ вѣтрáми
Хоть колúсь спочúне,
А лодя̀ водáми
Бéрега достúгне . . .
Лишѐ я̃ не могу̀ путь мо̀й укóнчúти,
Анѣ̀ ся до мóго бéрега добúти.

Пташúна малáя
Своѐ гнѣздò мáе,
Сли бýря страшнáя,
Онà ся ховáе;
Лишь я̃ дождж̀ѣ, бýрю терплю̀ бѣдолáка
Слотà и погóда, то менѣ̀ однáка.

Я̃къ гóлубъ сивéнькiй
Не вéрне до нóчи,
За нúмъ дрýгъ милéнькiй
Продивля́е óчи;
Лишь менѐ никóго немà хоть спо̀мнýти,
Долгóжь такъ на свѣтѣ̀ въ самóтности бýти?

Вúджю въ супокóю
Жiю́тъ дрýгi̯ лю́де
Крáсною весно́ю
Ды́хаютъ ихъ грýди;
Лишѐ моѐ гóре нигдéсь не лишúло,
Абы̀ хоть годúнку сéрдця не мутúло.

Кто разъ дорогѐ
Сéрдце пострадáе,
Тому̀ щáстье все
Вѣчно утѣкáе,
Лишѐ сиротóю, бурлакóмъ стаѐ ся,
Никóли до щáстя свóго не добье ся.

——— *И. Гушалевичь.*

82.

Когѫтъ.

(Изъ Ленца.)

Крáсный, гóрдый иôтвáжный когѫтъ есть мéжи всемъ дробомъ найпрїемнѣйшїи. Въ горѫ несѐ ôнъ свою оукорѫновáнѫ гóловѫ, на всѣ бóки стрѣлáе своймн огнúстыми очúма, и жáдне невеспечéньство не знáйде егò не приготóваного такъ, абы сѧ не постáвилъ до бóрбы. Гóре кóждомѫ чѫжóмѫ когѫтóви, котрúй сѧ повáжитъ, мéжи егò кѫрьмú сѧ показáти, и гóре кóждомѫ человѣкови, котрúй сѧ повáжитъ, въ егò присѫтствїи котрѫ изъ егò любóкъ зловúти! Все, цо гадáе, то знáе ôнъ розлúчными тóнами и розлúчными постáвами тѣла вúразити. То нарáзъ чѫти егò гóлосно склúкѫючого своú любкú, скóро где вúнипалъ ѫ̃ке зéрно, понéже ôнъ подѣлáе съ нúми всё, цо надúвае; то знóвъ вúдно егò гдесь въ закѫтинѣ греблю́чого, где всѣмà сúлами сѧ старáе, зробúти гнѣздò длѧ тóи кѫрки, котрѫ предъ всѣми найбóльше лю́битъ; потóмъ самъ на челѣ провáдитъ въ пóли свою гѫрмѫ, котрóи ôнъ есть и защитúтелёмъ; но залéдво постѫпúлъ ѫ̃кúхъ сто крóковъ, то почѫлъ изъ стáйнѣ рáдостный вóскликъ кѫрки звѣцáючои, цо ѫ̃йцѣ знеслà. Бѣгцéмъ вертáе назáдъ, поздоровлáе ю лагôднéнько и милéнько, а такъ потѣшивши ю и себѐ самóго бѣжúтъ чимъ скóрше до свóго вúпровадженого вóйска, абы емѫ знóвъ предводительствѫвáти. Наймéншѫ ôтмѣнѫ въ воздѫхѣ почѫе, и звѣцáе тѫю свóимъ голоснúмъ пѣнїемъ; такúмъ голоснúмъ пѣнїемъ звѣцáе ôнъ, колú есть пôлнóчь и колú мáе свитáти, ôнъ есть

йстымъ часомѣромъ для селянина. Скоро взлетитъ на ѣкій плотъ або дахъ, то біе сильно крилами, пѣе, и здае са ѣкъ бы хотѣлъ вымовити: „Тѣ ѣ панъ! и ктожь сухоче са змѣрити съ мною?“ Я сли его ѣкій человѣкъ нажене, то зновъ пѣе изъ всеи силы, и шѣтитъ принаймнѣй совѣ зъ ворога, котромѣ не може шкодити.

Найкраснѣйше оказѣе онъ своѣ цѣлѣ величіе, сли ранѣнько зиѣдивши са долгимъ спокоемъ, опѣститъ банты або коецъ и передъ немъ всѣ настѣпѣючіи кѣры радостно витае; но ещѣ краснѣйшій и гордѣйшій есть тогды, коли долетитъ его оу̃ха крикъ ѣкого чѣжого когѣта. Онъ присѣхѣе са, опѣскае крила, ставитъ са потомъ отважно, оу̃дараѣ крилами, и вызываѣ голосными пѣаньемъ до борбы. Скоро ворога обачитъ, иде противѣ немѣ отважно, не зважа чи противникъ есть малый или великіи, або кидае са скорымъ вѣгомъ на него. Наразъ сшидѣтъ са они, пѣрье коло шкѣ встае до горы и становитъ цитъ, изъ очіи сыпле са огень, и кождый изъ нихъ старае са дрѣгого повалити, скачючи одинъ напротивъ дрѣгого съ всею силою. И котрыйже преодолѣе? Оба ѣкъ здаютъ са выти ровніи въ силѣ, такъ и на отказѣ жадномѣ не бракѣе. Кождый изъ нихъ старае са вышшого взыскати мѣстца, авы зъ того съ большою силою могъ са ворохти. Долго трвае борба, но все не може она трвати. Силы не взмагаютъ са, но чимъ разъ оу̃падаютъ; настѣпае хвила отпочинкѣ; съ звѣшеною головою, до оборони за едно готокій, клювомъ нипаючи по земли, ѣковы черезъ тое шѣтили изъ ворога, що посередъ борбы такій совѣ смакѣютъ, стоатъ они

проти́въ се́бе. Нара́зъ запѣ́е оди́нъ славы́мъ и непе́внымъ го́лосомъ, поне́же еще́ не о҃тдыхну́лъ до́вре, и въ сей часъ ме́че са дръ́гїй на не́го. Съ новою́ лю́тостїю о҃у́дара́ютъ на се́бе, бо́рютъ са ѩ́къ пре́жде, одна́кожъ на ко́не́цъ зъ о҃у́томле́на са а́нѣ но́ги а́нѣ кри́ла не сѣ́ть здо́вни до бо́рвы, а тогды́ то-бер҃тъ са они́ до после́дного, и найстрашне́йшого ор҃жа. Они́ не ска́ч҃тъ о҃у́же бо́льше, но ѩ́кбы гра́дъ такъ оди́нъ о҃у́да́ръ после́дѣе за дръ́гимъ клю́вами, и за хви́лькѣ лїе́ са кро́вь цюрко́мъ изъ голо́въ. Наконе́цъ опѣ́ска́е о҃тва́га проти́вника; по҃ддае́ са и опѣ́ска́е ме́стце бо́рвы; но тепе́рь еще́ полѣ́читъ оди́нъ си́лный о҃у́да́ръ о҃тъ сво́го гони́тела, и такъ ко́нчи́тъ са гора́ча би́тва: о҃нъ о҃у́тѣка́е, ѣ́житъ пѣ́рье на це́ло́мъ тѣ́ловѣ, взно́ситъ кри́ла, опѣ́ска́е хво́стъ, шѣ́ка́е где ѩ́ко́го закѣ́тка, скѣ́литъ са, и кѣдкѣда́кае гейбы кѣ́рка, поне́же ѩ́ко кѣ́рка, гада́е найти́ то́е сожале́нье, а̂ко́го не мо́же са а̂ко когѣ́тъ на́дѣати. Повѣди́тель одна́кожъ не да́е са жа́днымъ кѣдкѣда́каньемъ обманѣ́ти; о҃тъ҃тхнѣ́вши ві́е кри́лами, пѣ́е и свира́е са гони́ти сво́го проти́вника, котры́й са о҃у́же бо́льше не боро́нитъ, хота́бы и скончалъ са по҃дъ о҃у́да́рами сво́го розъюше́ного повѣди́теля. А же за зве́ычай дома́шный когѣ́тъ съ бо́льшою о҃тва́гою са бо́ре, есть очеви́дно; и рѣ́дко про то́е отва́жѣе са повѣжде́ный, слабы съ нимъ по҃здне́йше и на одно́мъ обзистю́ жилъ, коли́ знове съ нимъ са мѣ́рити.

В. К.

83.

Пчола́ и моты́ль

По ули́вной, но́чной ту́чи
День весняны́й засвита́лъ;
Не за до́лго со́нця лу́чи
Бли́сли я́сно скро́зь хмаръ валъ.

Вся тварь въ ско́рѣ зъ сну трезвѣе,
Все живо́тно въ о́ка мигъ
Въ возду́сѣ и низъ двизѣе,
Мче скваплі́во на подви́гъ.

Блища́чіи ро́сы пе́рлы,
И скупле́ныхъ мра́ко́въ смугъ,
Ско́ро со́нця лучи съже́рли,
Побренѣла пчола́ въ лугъ. —

Щобы зъ цвѣта медо́къ сса́ти;
Сцю́бить пи́щокъ въ ѕелъ колпа́къ,
Тужь при ней моты́ль крила́тый
Стрепота́лъ ся я́къ вѣтра́къ.

„Що ту ро́бишь мухо бу́ра?
Мерзи́шь ми найкра́сшій цвѣтъ!
Пне́шь ся по ѕе́лю я́къ цю́ра —
О́ваде, го́рькій ти свѣтъ!

Я́къ кле́нць росы ся они́ла
Ле́дво ды́хае я́къ мѣхъ,
Кривй ла́бы въ ды́бы вби́ла,
Ой не зде́ржати ужѐ смѣхъ!

Я́ то на цвѣтѣ ся зна́ю,
Цвѣтною ша́тою знакоми́тъ
Всѣ въ ско́рѣ въ кру́гъ облѣта́ю,
Я́къ мура зъ ни́хъ во́ни сы́тъ!“ —

„„Смѣй ся, лѣтáй, мôй мотылькy,
Не за дóлго впáдешь въ сѣть;
Пустый хлóпецъ вткнѐ на шпúльку,
Тай сховáє въ стклянну клѣть!

Ѣ тымъ чáсомъ хоть повóли,
Слóжy мéду до пивнúць,
Собѣ въ зúму, ґаздѣ къ вóли
Вôскъ до церквéй тай свѣтлúць.““

Лукà зъ Рáкова.

84.

Оу тéбе самóго єсть свôй розвмъ.

(Изъ Влад. Даля.)

Козéлъ оуднáдилъ сѧ оу городъ: вѣвáло ѣкъ тôлько пастѫхи выженѫтъ свою чéредь, то цапóкъ зъ рáзь ѣкъ дóбрый идѐ, головóю покúвѣе, бородóю потрѣсáе; а скóро хлóпцѣ присáдѫтъ где оу ѣрѫгѫ камѣнчиками бáвити сѧ, то цапóкъ простѣсѣнько бѣжúтъ въ капѫстѫ. Разъ пôйшóлъ ôнъ тóюже знакóмою дорóгою — идѐ совѣ та пофúркѣе. — На той часъ ôтбúла сѧ дѫрнà ôвцѧ ôтъ чередúы, зайшлà въ вѫранúы, кропúвѫ та лопѫшúнкъ, стáла тай блéе и оглядáе сѧ, чи не знáйдѐ сѧ ѣкíй дóбрый человѣкъ, цовúы ю вúвѣлъ изъ тóй бѣдúы. — Оубúдѣвши кôзлà, оурáдовала сѧ ѣкъ рôдномѫ брáтови; „пôйдь,“ кáже, „хоть за нúмъ, чей ôнъ менѐ вúведе; таже менѣ не першúнà за нимъ итú, оу насъ на перéдъ чередúы такóжъ заéдно козéлъ хóдитъ; за нимъ идú смѣло.“

Пôйшлà овéчка за кôзлóмъ; ôнъ черéзъ рôвъ, и онà черéзъ рôвъ; ôнъ черéзъ тúнъ, онà совѣ черéзъ тúнъ, тай забрúла съ нимъ въ огорóдъ. Егò рáзь

загла́нѣлъ ѣкóсь то огородникъ ра́ньше въ свою́ капѣстѣ, и ова́чилъ непрошéныхъ гóстей: оу̑хóпилъ хворости́нѣ, та пѣсти́лъ са̀ до нихъ на привита́нье. Козе́лъ метчѣйшій оу̑спѣлъ перескóчити наза́дъ чере́зъ тинъ, дра́пнѣлъ тай пóйшóлъ собѣ̀ въ чи́сте пóле; а вѣдна ове́чка замота́ла са̀, ста́ла ки́дати са̀ зъ перепѣдѣ на всѣ̀ стóроны, тай попа́ла са̀ въ рѣки. Не жа́ловалъ же и огородникъ свóи хворости́ны, съ всѣмъ ю полома́лъ на вѣднóй ове́цѣ, такъ що оу̑жѐ она̀ ста́ла не свóимъ гóлосомъ, а помогчѝ нема̀ комѣ. На конéцъ огородникъ подѣмавши собѣ̀: ѣкій гара́здъ! ещѐ оу̑вѣ́ешь дѣрнѣ̀ овцю, та потóмѣ господа́рь напастока́ти вѣде — и вы́гналъ ю ворóтцѣ́ми, але ещѐ такóй на дорóгѣ па́рнѣлъ ѣкъ вздóлжъ дóбре хворости́ною.

Прѝйшла̀ овца̀ въ че́редѣ тай пла́че на кóзла̀; а козе́лъ ка́же: „а кто тобѣ̀ каза́лъ хвостóмъ за мнóю бѣ́гати? ѣ̃ пóйшóлъ, та на свою́ гóловѣ; а колѝ мѣжи́къ менѣ̀ вы́паритъ бóки, то ѣ̃ ни на кóго не вѣдѣ пла́кати, ни на господа́ря, чомѣ̀ дома̀ не годѣе, ни на пастѣха̀, чомѣ̀ не сокоти́лъ менѣ̀ — но вѣдѣ молча́ти та терпѣ́ти. А ты для чóго понесла̀ са̀ за мнóю? ѣ̃ тебѣ̀ не кли́калъ.“

И козе́лъ, хоть ледаи́цо, пра́вый въ сѣмъ дѣлѣ. Смотрѝ кóждый свóими очи́ма, розбира́й свóимъ оу̑момъ, та идѝ тѣда̀, кѣда̀ лѣ́чше. И оу̑ наѣсъ такóжъ такъ быка́е: одинъ пѣститъ са̀ на ѣкій вѣдь грѣ́хъ; а дрѣгій дивчѝ са̀ на не́го, нѣжь собѣ̀ за ни́мъ, а потóмѣ ѣкъ попа́де са̀ въ вѣдѣ, нарѣка́е гóрько на оу̑чи́теля свóго. А чижь оу̑ тéбе самóго не вѣло свóго розумѣ?

ІА. Головáцкій.

85.

Хмаролóмъ.

Чомýсь нéбо сýмно, бýрно!
Чóрна хмáра гудѐ;
Въ ней клекотúтъ — гейже дýрно!
Скажѣ́тъ, що то будѐ?
Весь небосклóнъ затемнúлъ ся,
Щось свѣ́тонько засмутúлъ ся,
Чогóсь лю́де ся сбѣгáютъ....
Щось голóсятъ — щось воро́жатъ —
Непокóятъ — все ся трвóжатъ —
Їкéсь лúхо завѣчáютъ!
Чи ужѐ конéцъ свѣ́та?
Ахъ! не знáти, що ся стáне?
Будýщину кто о҃тгáне?
Звѣдай?... Нѣ́тъ отвѣ́та!

Въ такóмъ непокóю и такóй трвóзѣ бúли сп҃окóйнїи жúтелѣ села Ольшáницѣ, Станѣслáвовского окр҃га дня 24. Липця 1851, пóки имъ нéбо гнѣвлúвое не дáло страшного отвѣ́та!

Оу҃жѐ напередъ завѣчáли лю́де на три потóпы сéго гóда, приключúти сѧ маючїи; но нáшй жúтелѣ не в҃д҃вчи при вóдахъ, не нáдѣ҃ли сѧ бóльшои опáсности, ѣ҃къ т҃вчи и грáд҃, а о потóпѣ ниже д҃мали. Но що лю́де говорúли, то вúговорили, а нéбо исполнúло тóе на нихъ, хотя̀ о҃тъ вóдъ далéкихъ.

О҃тъ дóсвѣта речéного дня, занимáли сѧ лю́де весéло жнúвомъ, пользу҃ючи сѧ рѣ́дко сéго лѣ́та придáрившимъ сѧ ѣ҃снымъ, крáснымъ днёмъ. — Зъ пол҃дня настáла не зноси́ма пáрно҃сть и д҃шно҃сть, а предч҃вство вѣщ҃вáло настоя́щ҃ю о҃тмѣ́н҃ воздýха; но ѣ҃сно҃сть нéба, споко́йно҃сть и

то́е, що днёмъ впере́дъ тꙋча градова̀ съ вели́кою зли́вою тꙋда̀ переходи́ла, не допꙋска́ли вѣ́рити въ предчꙋ́вство! Одна́ко о по́лъ до ше́стои годи́ны по полꙋдни сполни́ло са̀ въ стра́шный спо́со́бъ то́е, що предчꙋ́вства заповѣ́да́ли. — Оу̑жѐ око́ло четве́ртои годи́ны поа̑ви́ли са̀ о̑тъ се́верно-восто́чнои стороны́ бѣла́вїи хма́ры, котрїи мовь высо́кїи го́ры напрꙋ́го, одни́ на дрꙋ́гихъ выроста́ли, и а̑ковы́ изъ за́дꙋ всѣ́ми вихра́ми гнани́, сади́ли са̀ надъ на́ше село̀, и въ окре́стностѣ́хъ его̀ оввиса́ли. Не минꙋ́ла годи́на, а въ перевѐртахъ, въ вы́шъ и въ ни́зъ гонѐнїи хма́ры сгꙋща́ли са̀, змѣни́ли са̀ въ те́мрадꙋ, и саслони́ли лицѐ свѣ́та чо́рною но́чи поволо́кою. Гро́мы загра́ли, мовь пѣ́снь поги́бельнꙋ пере́дъ стра́шнымъ сꙋ́домъ! а пѐрꙋнъ рас̑ны́ми оу̑да́рами заповѣ́да́лъ сꙋмогла́дъ приро́ды! —

Темнота̀ грꙋ́ба огорнꙋ́ла зе́млю, а ещѐ грꙋ́бша тꙋга̀ и сꙋмъ огорнꙋ́ли се́рдца̀ лю́дскїи, и ли́шь бли́скавицѣ неоу̑станно продира́ли тьмꙋ́, щобъ жи́телямъ а̑вне́йше ги́бель оу̑каза́ти. — Такъ трва́ло до по́лъ до ше́стои годи́ны. Хма́ры никꙋ́да не посꙋва́ли са̀, гейбы тꙋ́тъ имъ ночова́ти; и такъ са̀ ста́ло. — Ма́ло згода̀ — зача́лъ ви́хо́ръ ла́годити для нихъ лего́вище; а по то́мъ на часи́нкꙋ все оу̑ти́хло. . . . Мо́вьвы приро́да застанови́ла са̀ надъ тымъ, що ма́ла сдѣ́лати! Бразъ глꙋ́хїй шꙋ́мъ, а̑ко лихоно́сный ворожби́тъ зъ лѣ́са зави́лъ а велїкїи ка́плѣ дождꙋ́ а̑ли са̀ прокида́ти, и заповѣ́ли и́грище. — Нечаа́нно встрасли̑ са̀ завѣ́сы не́ба, а сте́ла висѧ́чихъ надъ на́шими голова́ми хма́ръ зача́ла са̀ съ тре́скомъ ломи́ти. Вса̀ приро́да застогна́ла; а звонъ стра́ха заволка́лъ

смертѣльныхъ до молитвы; все що жило, оупало на колѣна и рыдало: „Отче нашъ!“

Гѹдѣло, клекотѣло, громы были а воды мовь изъ конвы жвѹхали — тьма и литіе не дозволяли и найотважнѣйшомѹ появити са на свѣтъ — заливъ роспочалъ гостинѹ! . . . Година — не сорокъ днїй! Ахъ, тажко оувѣрити, що за видъ оказалъ са очемъ нашимъ, когда свѣтло опать забрасло, и мы подивили са, оузрѣлисьмо потопъ, за якїй никто въ Ольшаници не прикаже! — Всѣ хаты окрѹжили са водами, оулицѣ и провалы стали са рѣками, а потокъ, котрый повсегда имени своего са встыдае, игралъ волнами широкого Дѹнаа! Воды всюда прѹдомъ гнали, въ мгновенїи собрали са въ котлинѹ посередъ села и оутворили море, на котромъ до совершенъа страшного образа, мѣсто кораблѣвъ цѣлїи вѹдынки плывали; словомъ сталисьмо са ненадѣйно надморскимъ селомъ. — Но и въ сей великой пригодѣ благодать Божа была съ нами! разъ, що потопъ не заночовалъ оу насъ, а потомъ, що горбоватое положенье не дозволало розширити са погибели; а на низинѣ, где воды собрали са, не было оужѣ одной хаты, котра въ самотности прежде тѹ стояла, и лишь там стала са жертвою розгѹканыхъ, лютыхъ волнъ. Жителѣ тои оуратовали са тимъ, що были въ поли, и лишь одна стара женщина, стерегша домѹ, попала са въ опасность. Вода застала ю, коли изъ скринѣ одежи на пѣчь ратовала; но оузрѣвшн ворога въ окна и двери впадаючого, покинѹла скриню и ратовала са до шопы; а коли ю и тамъ дика стрѹа погонила, выдовѹла са на подро; зъ

ѿтамъ изгна́на, послѣ́дное прибѣжи́ще на верхъ шо́пы зана́ла взыва́ючи по́мочи! Но нада́рмо; во кро́мѣ: „най та Богъ ратѹ́е!“ бо́льшои ѿтъ перестра́шеныхъ по́мочи оде́ржати не могла́.

На зо́йкъ, кри́къ людїи приспѣ́лъ свящѣ́ннікъ съ оу҃чи́телёмъ, а то́й послѣ́дный рѣ́шилъ са въ сей часъ по́рнѹти въ то́пель, допла́лъ щастли́во стрѣ́хи выглада́ючои изъ воды́, и спа́слъ на по́лъ заковазлѹ́ю старѹ́ю женщи́нѹ ѿтъ неохи́бнои сме́рти.

Но то́е бы́ло лишь нача́ломъ стра́шного зрѣ́лища и разоре́на, котро́е пото́мъ имѣ́лъ въ намѣре́нію.

Опѹсти́вши Ольша́ницю, погна́лъ въ простъ долина́ми, забра́вши мосты́, гребле́, де́рево и мла́нъ при гора́ни, и сококѹпи́вши са по доро́зѣ съ четы́рма, въ окре́стностёхъ Ольша́ницѣ возбра́нными вода́ми, гейбы́ Дѹна́ми, до Ми́лована. — Тамъ спе́рли са ко́лны съ довы́чею на ка́менномъ, твердо́мъ мо́стѣ, а не могѹ́чи его́ преодолѣ́ти, въ нетерпли́вости ки́нѹли са на лѣ́во въ бо́къ, и оу҃да́рили на ко́рчмѹ тѹ при гости́нци сто́ящѹ. Въ ней заста́ли кро́мѣ роди́ны шинкара́ и мно́гихъ зъ по́ла повтѣка́вшихъ ро́льнико́въ не ма́ло тако́жъ покло́нніко́въ корче́много бо́га „горѣ́лки“. Пїа́нїи проткере́зили са ско́ро, прочита́вши велїкими бу҃ками въ о҃кнахъ и две́рѣхъ напи́саный де́кретъ: „Сме́ртъ нїа́нїцамъ!“ Не бы́ло оу҃же́ часѹ́ до да́льшои при кватирцѣ́ забавы; а хота́ цѣла пивни́ца бы́ла ѿтве́рта, нико́мѹ не прїи́шло не га́дкѹ и загна́ѕдти въ тѹ́ю; но прорѹ́бавши сте́лю чимъ ско́рше спѣшили всѣ на по́дро и полишали и гро́ши и кѹ́хлѣ. Тамъ ра-

ховáли сѧ скóро и сóвѣстно, а видячѝ смéрть предъ очи́ма, би́ли сѧ въ грꙋ́ди, мовлячѝ: „Бóже! ѿпꙋ́стѝ намъ, — за на́шꙋ то провúнꙋ карáє сѧ мїръ —“ а попродирáвши стрѣ́хꙋ обхáвили въ страшно блѣдúхъ лúцахъ своє̀ покаáнье! — Бúшше трёхъ лóктей назнаменовáлъ потóпъ стѣ́ны корчéмного мꙋ́рꙋ и написáлъ про вѣ́чнꙋю пáмáткꙋ: „ѻ́тты изгáнáлъ Бóжiй дóпꙋ́стъ пїáкóвъ потóпомъ.“

Ѻ́ттáкъ ѹ́рвáвши пóлъ мꙋ́рóванои кꙋ́зницѣ и затопúвши двѣ̀ хаты̀, взáвши фїгꙋ́рꙋ стремúла сѧ повóдь широ́кимъ гостúнцёмъ и долинáми до Юркóвки.

А ѻ́тъ тóго мѣ́стца зачáло сѧ страшное разорéньке, тимъ бóльше опáсне для нещáстныхъ жúтелѣвъ, що несподѣ́вано тáм залúва предъ вéчеромъ на нихъ спáла, а що бóльше, ѹ́ нúхъ и дождꙋ́ велúкого не бúло. На встꙋпѣ̀ забрáла двѣ̀ хаты̀ съ жúтелáми, и съ всёмъ имѣнїемъ; но перебѣ́гла скóро тóе малóе сельцѣ̀, заплатúвши совѣ̀ немилосéрдно свóй трꙋ́дъ трёмà хатáми, четырмà бꙋ́дынками и седмú людьмú, мéжи котры́ми мáти съ пáтеромъ дѣтïй жéртвою стáла. — Съ тúмъ забóромъ ломúли сѧ вóды тѣсны́ми долинáми и ѣрꙋ́гами до Рóшнева, котрóго жúтелѣ по ѹ́зкúхъ закꙋ́тинахъ и по берегáхъ ѣрꙋгового потóка поселúли сѧ. Тамъ не могꙋ́чи сѧ помѣстúти въ ѣрꙋ́говыхъ потóкахъ, впáла на село̀; спꙋ́стóшила огороды, сады̀, разорúла колькадесáть бꙋ́дынкóвъ, забрáла бóльше дéвать хáтъ цѣлкóмъ, и погребла̀ въ свóихъ вóлнахъ двáдцать и одного всáкого пóла и вѣка̀ людïй. Но не досы́ть на тóмъ, не насытúла сѧ пóвѣнь; дышꙋ́чи зá новы́мъ жúромъ, пог-

нáла на Стригáнцѣ. — Тѣтъ ѿтъграло сѧ послѣдное сѣмогла́да ѥвлéнье:

На низинѣ начинáющого сѧ тѣ Днѣстрóвого оу̑берéжа, розпростирáютъ сѧ гѣсты́ми переселéнїами Стригáнцѣ, ѩкъвы на тóе, щовъ мáли сѧ тѣдà простирáти смертоно́снїи стúхїи. Истинный дивогла́дъ ажь тѣтъ совершúлъ сѧ. Незмѣри́мымъ вало́мъ котúли сѧ на всѣ бо́ки во́ды, несѣчїи на сво́ихъ волна́хъ домы́, стодолы́, кошницѣ, пло́ты, де́рева, ходо́вѣ и людїй. Валúли, розбивáли и забирáли все, що имъ пѣть спина́ло. Одна́ лишь мѣро́вана горáльна и мо́стъ постáвили сѧ опóромъ. Тѣтъ розпочáло сѧ мóрское бомбардóванье. Все плывѣчое крѣшúло сѧ и ломúло сѧ о стѣны мѣро́вїи; и зáкимъ тáм крѣпость пѣддáла сѧ, и велúтнй кáменнй запóры оу̑пáли, кодà оу̑дáрила на лѣвое крилò села, и тамъ не милосéрдно гостúла. Не минѣла и кóрчмѣ, тѣю серéдъ села лѣпотóю блыщáчѣю палáтѣ. Затрепетáлъ по пéрвшїй разъ стоáчїй на корчéмнѣй фацїáтѣ, золотымъ вѣнцéмъ оу̑крашéный, въ лѣвѣй рѣцѣ жéзлъ грознóвый, въ прáвѣй золотѣ чáшѣ держáчїй — вóжка пїакóвъ Бáкъ! Цѣла залóга пїацка не вдáчна и не вѣрна опѣстúла тогды свóго вóга и егò вóлдѣръ — оу̑вѣгла кѣдà моглà, взносячй рѣки не до нéго, но до нéва! а вóды и намѣлы грлáли и гркáли по пространныхъ и пѣстыхъ комнатáхъ палáты. Тимъ часóмъ везъ ладѣ вывирáлъ нóтопъ дань такъ не сóвѣстно, що въ однóго замóжного господáра, одынáдцать вѣдыкóвъ и дéвать дѣшъ вы̑дерлъ; а рéшта села оплатúла сѧ мнóжествомъ ходóвы и розлúчныхъ вѣдыкóвъ, — о звóжю и огородниѣ ни сномн-

на́ти — а до то́го ещѐ житьемъ се́дмеро люді́й; по́топъ оста́вилъ за то́е лишь сѹмны́й дока́зъ: „що нѣтъ по́дъ со́нцемъ ни́чъ постоа́нного.“

Не мо́жно описа́ти нѹжды, въ котрѹ попа́ли съ послѣ́дніи два се́ла; досы́ть сказа́ти про все: „Смерть и разоре́нье!“ Съ захо́домъ со́нца закончи́лъ съ сѹмогла́дъ; а акто́ры по вели́кой вече́ри поспѣши́ли съ ры́готомъ до Днѣстра́ на спочи́нокъ. Но́чь покры́ла сѹмное зрѣ́лище, а ли́шь шѹмъ сѹпада́ючихъ во́дъ, зао́дъ и пла́чъ нещастныхъ жи́телѣвъ, и ревъ блѣка́ючихъ съ ско́товъ, голоси́ли но́чію о стра́шнѹй пригоді́. На дрѹгій день, коли́сьмо огляда́ли затопле́ніи мѣ́стца, и коли́ о́ткры́ла съ намъ карти́на разоре́на, стра́хъ перена́лъ да́же ко́сти на́шіи. Сѹмъ и розпѹ́ка, котра́ съ на лица́хъ нещастныхъ, безъ кро́ва и одѣ́жи блѣка́ючихъ съ жи́телѣвъ малюва́ла, тронѹ́ла насъ до сле́зъ! А сѹчѹ́вши плачъ и зао́дъ ма́теріи гляда́ючихъ потопле́ныхъ дѣ́тіи, мѹжѐй сво́ихъ же́нъ, а дѣ́тіи сво́ихъ ро́дичѣвъ — кра́ло съ се́рдце на́ше! Що бо́льше, на ви́дъ лежа́чихъ по берега́хъ и огоро́дахъ тѣ́лъ потопе́лнико́въ, огорнѹ́ла насъ печа́ль и мы мѹсѣ́лисьмо ско́ро сѹступа́ти зъ то́го потопо́вого кла́довища!

При сей приго́дѣ сабчилося слѣдѹючое: Одна́ ма́ти ратѹючи че́тверо дѣ́тіи сво́ихъ зъ ха́ты, коли́ опа́сность разоре́ньемъ грози́ла, схо́пила кре́стикъ на стѣнѣ виса́чій и да́ла одно́й дѣтѝнѣ въ рѹки. Но жесто́ка стрѹ́а не дозво́лила ей лишь свою́ жи́знь спасти́! а коли́ на дрѹгій день шѹка́ла сво́ихъ погибшихъ дѣтіи, найшла́ тро́е не живы́хъ, а четве́ртои не бы́ло. Яжь око́ло полѹдня

найшлà сѧ дѣтúна, занéсена на далéкïи огорóды и окрúта цѣлкóмъ намѵ́ломъ — съ крéстикомъ вышь помаѵ́тымъ и съ огирóчками въ рѵ́кáхъ; но дúво и чѵ́до! бúла живà. Чижь сóче кто перéчити, що Богъ зáвсѣды чѵ́дà твóритъ?!

М. Козанóвичъ.

86.

Смерть.

Глáвный оу̑мирáе кóждого днѧ зъ бóязни, що колúсь оу̑мéрти мѵ́ситъ.

Безвóжный жïѐ кóждого днѧ, ѣ̑къ колúвы нѣкóли не малъ оу̑мéрти.

Мѵ́дрый однáкожь есть, кто кóждого днѧ такъ жïѐ, ѣ̑къ колúвы малъ кóждои годúны оу̑мирáти.

В. К.

87.

Яковъ Гéровскïй.

(Сказка посмéртна.)

Яковъ Гéровскïй, котóрого стрáта главóкïи рáны въ сéрдцю кóждого Рѵ́сина на дóлгое врéмѧ произвелà, оу̑родúлъ сѧ 24. Жóлтня 1794 р. въ селѣ Новóмъ Яжовѣ окрѵ́га и енáрхïи Перемúскои. Отéцъ его Симеóнъ а мáти Катерúна зъ домѵ́ Лозúньскихъ хотà не въ найлѵ́чшомъ состóянïю вещественномъ, старáли сѧ емѵ́ дáти правдúвое христïáнское воспитáнïе, котóрое на егò цѣлóе житьѐ, велúкое и спасúтельное вліáнïе мáло. Симеóнъ Гéровскïй вѵ́дѵ́чи при тамóшнѣй

цéрквѣ пѣвцёмъ и оу̑чи́телёмъ, самъ съ вели́кою стара́нностїю обы́чáлъ сво́го любе́зного сы́на въ чте́нїю церко́вныхъ кни́гъ и обра́до́въ. Съ не мало́ю ра́достїю погла́да́лъ на сво́го сы́на ѩкъ о̑нъ при богослу̀же́нїю церко́вно́мъ и пѣнїю нера́зъ емꙋ̀ по сво́ей си́лѣ става́лъ са помо́чны́мъ. Но видя́чи до́брый оте́цъ въ сво́емъ сы́нѣ необыкнове́ннꙋ̀ охо́тꙋ̀ и тала́нтъ къ наꙋ̀кáмъ, зъ оста́тного потя́гнꙋ̀лъ са тамъ, где тре́ба бы́ло ца́стье сво́и дѣти́ны и цѣло́и роди́ны основа́ти, и при ко̑нцѝ р. 1804. посла́лъ его̀ до тривїа́лнои шко́лы въ Ивоpовѣ, по́то̑мъ при ко̑нцѝ р. 1806. до Льво́ва, где тре́тю норма́лнꙋ̀ кла́ссꙋ̀ зъ весьма̀ задоволя́ючимъ оу̑спѣ́хомъ оу̑ко̑нчи́лъ.

Тꙋ̀ стара́нно̑сть печа́льныхъ роди́телей Богъ повлагословѝлъ; во сынъ незавѣ́лъ ихъ надѣ́и и ожида́нъ. Небы́вши весьма̀ въ си́лѣ и состоа́нїю до лати́ньскихъ шко̑лъ, котрїи тепе́рь пере́дъ ихъ сы́номъ стоа́ли, посыла́ти, провѣ́дѣнье Бо́жое, котро́е, и́стинꙋ̀ сказа́вши, надъ то́ю роди́ною ма́ло попече́нїе, да́ло въ Отрѣлви́цко́мъ, Архидїа́конѣ Перемы́ско́мъ и́скренного покрови́теля, къ кото́ромꙋ̀ чꙋ̀вство благода́рности до оста́тнои годи́ны сво́го житѧ поко́йный Геро́вскїй сохрана́лъ. Благороднѣ́йшїй Отрѣлви́цкїй взя́лъ молодо́го Ивкова съ сово́ю до Перемы́шля на оу̑пражне́нїѧ гимназїа́лнїи, где за его̀ попече́нїемъ въ то̑мже го́родѣ гимна́зїю оу̑ко̑нчи́лъ. Пото̑мъ верну̀лъ са знова̀ до Льво́ва для слꙋ̀хана наꙋ̀къ Любомꙋ̀дрїа, — По оу̑ко̑нче́нїю ты́хъже 1814 ро́кꙋ̀, о̑тъсла́нъ бы́лъ на наꙋ̀ки св. Богосло́вїа до мѣ́стского пита́лища (конви́ктꙋ̀) въ Вѣ́дни; тꙋ̀ по оу̑ко̑нче́нїю второго ро́кꙋ̀ свято́го Богосло́вїа былъ

поставлéнъ рѫкáми Его Превосходúтельства Митрополúта Гáлицкого Михаúла на нúжшíй стéпень Свящéньства 3. Вересня 1816. въ тамóшнóй парохíáльнóй цéркве святóи Великомѫченницѣ Варвáры. По трéтемъ рóцѣ св. Богослóвïа полѫчúвши соизволéнье óтъ высóкого Правúтельства и óтъ Егò Превосходúтельства Митрополúта Гáлицкого, пѣтешествовáлъ въ врéмя праздúнъ въ Хорвáцïю, гдѣ Преосвящéннымъ Епúскопомъ Константúномъ Стáниномъ на стéпень Свящéньства 26. Жолтня 1817 поставлéнъ бúлъ. По óукóнчéню четвéртого рóкѫ святóго Богослóвïа пóдалъ сѧ скóро д. 23. Вересня 1818 строгомѫ úспытови изъ óучéнïа бïблïúного, а потóмѫ д. 3. Чéрвця 1819 изъ Богослóвïа нравственного и пастúрского. Когдà емѫ въ такóмъ наѫкóвомъ óупражнéнïю óуплывáло врéмя, бúлъ завозвáнымъ, цïобы óучéнïе бïблïúное и догмáтикѫ въ ново-óучреждáемóй грéческóй Семúнáрïи Сúбиницкóй въ Далмáцïи предподавáлъ. Отъ сегò то врéмене начáлъ Онъ Своé апостолóванïе сѧ правдúвою рéвностïю и презрѣнïемъ всáкихъ невы́годъ и трѫдóвъ. Прïúмши тóе возвáнье óудáлъ сѧ въ токарúшествѣ крылошанúна Перемúского Алéксïа Стѣпнѣцкого, Васúлïа Терлéцкого, Черновéцкого профéссора религïи, и Якова Честúнского, префéкта Семúнáрïи Львóвскои въ пѣтешéствïе и 19 Листопáда привúлъ до Зáдара, головнóго мѣста въ Далмáцïи. При неспособствѣющихъ обстоáтельствахъ остáлъ сѧ черéзъ нѣкóе врéмя въ Зáдарѣ ажь до 21. Мáя 1820, котрóго то дня сѧ Стѣпнúцкимъ óтплúлъ воéнымъ кораблемъ до Сúбиника; прóчïи же товáрищѣ мѣ-

сѧцёмъ пôзднёйше. Въ Сúбиникѳ наставлáлъ черéзъ цѣлы́й рôкъ юнóшество гр. несоединéнои цéркви въ головнёйшихъ правúлахъ свáтои вѣры ихъ родúмымъ сéрвскимъ зы́комъ; когдáже д. 10. Червцѧ 1821 Стѳпнúцкого пóдчасъ Апостолóвана за мѳрáми Сибенúцкими оу҃бúто, перестáлъ Ѥкôвъ Ґерóвскїй дáлѣе наставлáти речéное юнóшество и лѣтною порóю 1822 рóкѳ повернѳлъ сѧ до Зáдара. Предвсёмъ ôтличáлъ сѧ Ѥкôвъ Ґерóвскїй невтомúмымъ трдолю́бїемъ и хрїстїáнскою любóвїю къ бѣднымъ и нещастли́вымъ, що свѣдѣтельство Капітѳлы Сибенúцкои похвáлою тáкже прóчихъ добродѣтелѣвъ найбôльше вспоминáе. Тáѧ то добродѣтель т. е. печéнїе сѧ оу҃бóгими товари́шила емѳ черéзъ цѣлѳю жúзнь и приоврѣла емѳ пáмать и любóвь въ кóждôмъ сослóвїю жúтельства.

Повернѳвши знóвъ до Вѣдна пéрвыми днáми Мáрта 1823 тóго самóго гóда пôддáлъ сѧ строгомѳ úспытови изъ Богослóвїѧ догмáтики. — Когдà сѧ къ четвéртомѳ úспытѳ приготовлáлъ завозвáнъ былъ, абы мѣстце профéссора при Львôвскôмъ всевчúлищи изъ оу҃чéнїѧ вїблїйного заствпáлъ. Пришéдшого до Львóва завозвáла Митрополитáльна Консїстóрїа за соизволéнїемъ гѳвернїáлнымъ зъ д. 9. Листопáда 1824 рóкѳ въ дни свáтóчнїи и недѣльнїи, до оу҃дѣлéна навкъ релїгїйныхъ въ рѳсскôмъ зы́цѣ въ тамóшнôй академúческôй ґúназїи длѧ оу҃ченникôвъ рѳского оврáдѳ. Но тóе завозвáнїе не привéдено въ житїѐ. — Кôлька мѣсѧцѣвъ пôзднёйше пôддáлъ сѧ Ѥкôвъ Ґерóвскїй úспытови конкѳрсóвомѳ длѧ полѳчéнѧ чúна профéссора дѣйствúтельного изъ

рече́ного предме́та, а 26. Листопа́да 1825 зо́ста́лъ дѣйстви́тельнымъ профе́ссоромъ на всеѵчи́лищи Льво́вскомъ. Трѵ́ды се́го мѫ́жа въ рече́номъ чи́нѣ оу̑зна́ли Самъ Его́ Вели́чество Фе́рдинандъ I. и надво́рна комїссїа наѯ̑къ оу̑вѣдоми́ла его́ о̑тъ четве́ртого стро́гого и́спыта, въ кото́рого оу̑конче́нїю сво́имъ новы́мъ зва́нїемъ былъ перепатство-ва́нъ, а 4. Червца 1836 возвышше́нъ былъ на сте́пень академи́ческїй до́ктора св. Богосло́вїа. Ещѐ то́го само́го ро́ка̑ одногла́сно вы́бранымъ былъ за дека́на о̑тдѣ́ла̑ богосло́вского. За многоцѣне́нїи трѵ́ды именова́ли Его Вели́чество 1840 ро́ка̑ И. Геро́вского поче́стнымъ крылошани́номъ Собо́ра Перемы́ского. Се́го ро́ка̑ вто́рымъ ра́зомъ одногла́сно былъ обра́нымъ за дека́на о̑тдѣ́ла свя-то́го Богосло́вїа и ре́кторомъ Всеѵчи́лища на р. 1842. Его Превосходи́тельство Митрополитъ Га́лицкїй Михаи́лъ оу̑знаючѝ заслѫ́ги его̀ именѫва́ли его̀ 1846 р. совѣ́тникомъ консїсторїа́лнымъ изнѫра́ючи въ особе́ннѣмъ писа́нїю Ихъ вели́кое оу̑довольствїе, а 1850 р. порѫ́чи́ли емѫ̑ рефера́тъ съ пра́комъ го́лосѫ̑ въ засѣда́нїю сво́и консїсто́рїи.

Кро́мѣ рече́ныхъ заслѫ́гъ ма́е Онъ ещѐ и и́нїи не ме́ньше ва́жнїи ко́ло бла́га сво́га наро́да, — неѫста́нно во трѵ́дилъ съ нимъ и промышла́лъ день и но́чь, ѩ̑кѵ̀вы сво́й наро́дъ, котро́го чи́стою дѫ-ше́ю и гора́чимъ се́рдцѣмъ люби́лъ, воздвигнѫ̑ти и на принадле́жный сте́пень поста́вити. Ни слота̀ ни и́нїи непрїе́мности неѫгнѫ̑ли его̀ твердо́и во́лѣ, еслѝ ходи́ло о до́бро сво́ихъ роди́мцѣѵ̀. Такъ оте́цъ Иковъ Геро́вскїй изъ всѣ́хъ взгля́до̀ѵ̀, ѩ̑ко свящє́нникъ, ѩ̑ко профе́ссоръ и ѩ̑ко обыва́тель краю̀ е́сть чрезвыча́йнымъ человѣ́комъ,

ѣкихъ мало, котораго завчасна смерть (оупокоилъ са д. 5. Вересна 1850, въ 56 роцѣ свого житѣ) въ цѣломъ народѣ дѫже болестный выкликала отголосъ, ѣкъбы въ однѣй родинѣ, котра стратитъ найлюбезнѣйшого своего члена.

Зоря галицка.

88.

О Венерѣ или Зорници.

Ближайшою отъ землѣ къ сонцѫ планетою есть Венера или Зорница. Она по сонци и мѣсаци найбольше плѣняе очи наши, и ѣснѣйше всѣхъ планетъ блести. Понеже она блести або передъ восходомъ сонца або посля захода его, и еще въ зарѣ его, то называе са „Зорницею“, также „оутренною“ или „вечерною“ звѣздою. Яко вечерню звѣздѫ называли онѫ древнїи „Гесперомъ“ а ѣко оутренню „Луциферомъ“, или „денницею“ ѣковы предвозвѣщаючою свѣтло денное.

Венерѫ можно въ день видѣти не только телескопомъ, но также нѣкогда самымъ невоорѫженымъ окомъ, о полъночи же ей нѣколи не видно.

На Венерѣ оусмотрили темнїи и ѣснїи пятна, за помочїю которыхъ опредѣлено, що она обертае са около оси свои въ 23 годинахъ и 36 минѫтахъ.

Также отькрыто на Венерѣ горы, котрїи въ южномъ полѫшарїи найвышшїи сѫть на $3\frac{1}{2}$ до 5 миль.

Она отстоитъ отъ сонца 15 мїлїонѫвъ миль, къ земли же приближае са на 4 мїлїоны миль

бо́льше ѣ̃къ про́чіи плане́ты. Е̑слибы тогда̀ ей̑ къ землѝ обе́рнена сторона̀ была̀ освѣтле́на; то бы она̀ представла́ла са̑ ей̑ ѣ̃ко блеста́чая̀ зна̀ 20 разъ бо́льшою ѣ̃къ обыкнове́нно. Е̑й̑ найда́льшое о̑тстоа́ніе о̑тъ землѝ выно́ситъ 35 мїллїо́новъ ми́ль. Когда̀ она̀ найя̑сне́йше све́титъ, то на бѣ́ло́й площа́ди мо́жно ви́дѣти тѣнь о̑тъ не́и.

М. Малино́вскій.

89.

Мѫдрый сѫдїа̀.

Оди́нъ челове́къ бога́тый зѫби́лъ разъ зна́чнѫ сѫммѫ гро́шїй, котрїи ма́лъ заши́ти въ пла́ти́нѣ. Обвѣсти́лъ свою̀ шко́дѫ и приобѣща́лъ то́мѫ, цо ихъ зна́йде и емѫ о̑тдасть, нагоро́дѫ сто тала́рове̑ъ. Не задо́лго пото́мѫ прїи́шо́лъ до не́го челове́ка, котро́го гра́ммота лица̀ само́го свѣдчи́ла, цо есть че́стнымъ, и ка́же: „Ба́шїи гро́ши найшо́лъмъ, такъ са̑ менѣ прина́ймнѣй ви́дитъ — о̑тъ тѫтъ ихъ ма́ете!“ Отдаю́чїй мо́вилъ тїи слова̀ съ прїа̑знымъ возрѣнїемъ на о̑у̑ра́дованого богача̀, котры́й лжь са̑ цѣлы́й стра́слъ, полѫчи́вши наза́дъ до рѫкъ гро́ши — бо ѣ̃ко́го че́стного ха́рактера былъ то́й послѣ́дный, пока́же са̑ ско́ро. Онъ чи́слилъ сѫммѫ, а по̑дъ часъ то́го ещѐ ско́рше дѫмалъ, ѣ̃ки́мъ бы то спо́сомъ овѣщанкѫ тако̑й при со́бѣ лиши́ти. — „„Мо̑й дрѫ́же!““ сказа́лъ о̑нъ по хви́ли, „„а 100 тала́ро̑въ где са̑ подѣ́ли? — та тѫ бы́ло 800 заши́тыхъ а й̑ нахо́жѫ лишь 700. То бы зна́ти о̑у̑жѐ 100 тала́ро̑въ самѝ есте совѣ́ ки́ймили — Но, до́бре сдѣла́листе; да́кѭю вамъ, праща́йте!““ — Че́стный нахо́дчикъ,

котро́мъ не такъ о 100 тала́рôвъ налѣзного ходи́ло ѣкъ о безпорóчнъ слáвъ, запевна́лъ, що цѣлъ пáчкъ, ѣкъ найшóлъ, такъ и принѣслъ, не загладáючи до не́и. По малôй переговôрцѣ вы́точила сѧ цѣла́ спрáва пере́дъ сдïю. Ова́ сопе́рники и тъ оставáли при сво́емъ; оди́нъ твердúлъ, що 800 тала́рôвъ зашúлъ; а вторый, що изъ пáчки нѣчóго не брáлъ и що пáчки не нардшилъ. Тъ было тáжко порáдити; однáкожь мдрый сдïа́, котры́й оўжѣ на пере́дъ догáдовалъ сѧ чéстности одного́ а злонамѣре́нïа дрдгого, велѣлъ все, що ова́ мовúли, еще разъ зъ осóбна повтори́ти и тóе заприсагндти, а потôмъ вы́далъ такïй вы́рокъ: Поне́же, еслú одúнъ зъ васъ згдбúлъ 800 тала́рôвъ, а дрдгïй найшóлъ лишь пáчкъ съ 700 тала́рами, не могдтъ гро́ши послѣдного бы́ти тïи самïи, до котры́хъ маѣ прáво пéрвый, то ты, чéстный человѣче, возьмú про тóе тïи гро́ши, котрïи найшóлъ есь, знóвъ до сéбе, и заховáй ихъ дóбре, ажь пóки сѧ той не зголóситъ, котры́й лишь 700 тала́рôвъ згдбúлъ. Я дла́ тéбе, брáте, не знáю úншои рáды, ѣкъ абы́сь потерпѣлъ, дóки сѧ не звѣстúтъ той, котры́й найшóлъ твои 800 тала́рôвъ.“ Такъ вы́рекъ сдïа́ и при тôмъ остáло.

В. К.

90.

Кôтъ съѣлъ четы́ри волы́.

Ка́жутъ чи мáло:
Що кôтъ съѣлъ сáло;
То мóже бы́ти,
Но доложúти:
Що не на рáзъ то,
Но гýсто, чáсто

Окно́мъ изъ дво́ру
Ла́зилъ въ комо́ру,
Ма́ло по ма́ло . . .
Съ҃ѣлъ цѣлѐ са́ло! —
Но ꙗ, ѥй Бо́гу!
Сказа́ти могу́:
Що го́ршу зма́зу
Зроби́лъ о́тъ ра́зу;
Четы́ри волы́,
Кобы́ соко́лы
Съ҃ѣлъ — не встыда́лъ ся
Лишь облиза́лъ ся, —
Не да́вно то́му,
Отъ ꙗ҆́къ ся ста́ло:
Слуха́йте ма́ло,
См҃ѣйтесь пото́му. —
Гриць, ду́къ знако́мый
Ду́же лако́мый,
Щобы всёго ма́ти
Тымъ ся вычиня́ти,
Скупы́й до то́го
Бо ма́є мно́го!
Гро́шїй ци ма́ло
Щобъ ш҃стёмъ ста́ло;
Тай не пусто́вцѣ,
Но сороко́вцѣ!!
Въ стакана́хъ сложе́нї
Въ про́сѣ у҆топле́нї. —
Свя́то — не свя́то,
Кобы́ бога́то
Лишь зароби́ти,
Торгъ не пусти́ти;
Надъ ти́мъ мудру́є
О́стро пильну́є!
Четы́ри волы́
Кобы соко́лы,
Си́вї, рога́тї
Въ си́лу бога́тї
Кра́снои ра́сы
Зъ до́брои па́ши
Ла́дитъ прода́ти;
Нужь на то́ргъ гна́ти!
Тай чи пога́но?
Въ недѣ́лю ра́но,
Щобъ до це́рковцѣ. . .
То не въ голо́вцѣ! —
Ѩрмарокъ бу́де,
Коли́ иду́тъ лю́де;
Про що не дба́ти
Щобъ гро́ши взя́ти?
Ли́шь продру́халъ ся,
Вста́лъ — розчу́хралъ ся,
Моли́тись не мо́же,
Са́мъ ви́дишь, о Бо́же!
Бо стоя́тъ волы́,
Та не ма коли́!
Чере́съ свой зня́лъ,
Жи́во́тъ впереза́лъ; —
А жѣ́нка ми́ло
Ѩкъ мотови́ло
Ху́ткось звива́є
Въ пу́тъ выправля́є
Му́женька сво́го
Гри́цька ми́лого
Тай промовля́є;
„Га́здику, лю́бку!
Ты мо́и голу́бку
Ничо́гось не ѣлъ,
Го́лоду бысь мл҃ѣлъ;
Ѩ на доро́гу
Да́мъ ти, що змо́гу.“
Въ па́зуху зѣля
Мовь на весѣля;
Чесно́къ — креси́ло —

Со́ль — бохонѧ́тко —
Ма́сла горнѧ́тко —
Отъ ну́жды гро́ши
Въ чере́съ хоро́шїй
Понапыха́ла,
Понаклада́ла,
Бо то́є ся зда́сть
Тепе́рь Бо́же ща́сть!
Гри́ць ўжѐ гото́въ,
Щобы́ лишь ишо́лъ,
И па́лицю взя́лъ
Жѣнку попраща́лъ;
Волы́ на встрѣ́чи
Объишо́лъ три́чи;
Ша́пку здо́йми́лъ,
Зе́млю крести́лъ —
Та въ до́брый часъ;
Ге́й — цобѐ — вра́зъ!
А на доро́зѣ,
Собѣ́ дума́є
Ѧ́къ то му за́всѣ
Ща́стье спрїѧ́є!..
До но́гтя да́же
Са́мъ собѣ́ ка́же:
„Щобъ ре́ньскихъ три́ста
Серебро́мъ взя́ти,
Щобъ спра́ва чи́ста,
Мо́жна спрода́ти. —
Самѝ ѧ́снѡвцѣ,
Та сороко́вцѣ!
Бо ѧ́къ недѣ́ля.
Бо́гъмѣ! папѣ́ря
Не бу́ду бра́ти!“
Весе́лъ, ажь ми́ло —
Ужѐжь раху́є,
Бо му ся сни́ло:
Що кова́ль куѐ,
Доло́нь свирбѣ́ла,
Соро́ка вѣсти́ла,
Грань жѣ́нка несла́,
Въ полнѣ́ перейшла́!
Бо́гъ зна́є,щобъ ещѐ плѣ́лъ;
Ажь — и ѧ́рмарокъ ўзрѣ́лъ —
Ма́ло — пома́ло
На часъ ся ста́ло —
И ѧ́къ загада́лъ
Такъ волы́ спрода́лъ. —
И спра́ва чи́ста
Взялъ ре́ньскихъ три́ста!
Лишь си марику́є,
Що гро́ши раху́є;
Та не ѧ́снѡвцѣ,
Не сороко́вцѣ;
Бо до бѣ́ды,
Упха́ли жиды́
Про́тивъ охо́ты
Сами банкно́ти.
Ну! щожь робѝти?
Съ ки́мъ ся свари́ти? —
Такъ ся сгоди́ло
И могори́чъ пи́ло...
Гриць ся фрасу́є,
Жу́ритъ — суму́є;
Гдѣ́бъ ихъ схова́ти,
Донести́ до ха́ты?
„Въ мошо́нцѣ? миу́тъ ся,
Въ че́ресѣ? друтъ ся,
Па́зуха? хусти́на?
То не для ни́хъ скри́ня.“
Но щось го то́ркає,
На га́дку впада́є:
„Се мысль кра́сна!

Горнѧ зъ ма́сла!!“
Гриць ожи́лъ,
Ма́сло съѣ́лъ;
На днѣ оста́ло
По́дъ платко́мъ ма́ло —
Гро́ши зви́лъ
Красно́ и гла́дко
Тай вложи́лъ
Файно̀ въ горня́тко. —
Со́нце грѣ́ло,
Ду́же прѣ́ло —
Грицко̀ не дба́є
Ма́сло ся стопи́ло
И плато́къ проѣ́ло —
О то̂мъ не зна́є;
Єщѐ до ко́рчмоньки
На часо́къ вступи́лъ,
Тай ся горѣ́лоньки
До́брои напи́лъ.
Зъ о̂тты пото́му
Про́сто до до́му. —
А жѣ́нка вита́є,
Гри́цка роздяга́є,
Тай зно́въ ро́битъ ладъ,
Берѐ, розно́ситъ
Изъ па́зухи скла́дъ,
Горнѧ въ поли́цю,
Поро́жне — бай ду́же,
Ки́нула; — про́ситъ:
„Ры́бонько му́жу!
Сѣда́й но Гри́цю. . .
Бось то ся знужа́лъ!
Во́ликись прода́лъ?“
„„До́бре щось згада́ла!
Горнѧ гдесь покла́ла?
Тамъ за волы́ гро́ши
Лишѐ не хоро́шѧ;
До дѣ́тька папе́ры
Жидова́ напха́ла —
Въ пере́дъ запрѧ́ две́ри
Щобъ че́лядь не зна́ла.““
Жѣ́нка ся звину́ла,
По горнѧ́ шморгну́ла;
Глы́пъ, — тай остолпѣ́ла!
Ста́ла, — оду́рѣ́ла!
„А! ты що зроби́лъ?
Ты гро́ши о̂топи́лъ!
Ма́сло ся проѣ́ло —
Папе́ръ напои́ло!!“
Жѣ́нка о̂млѣва́є
Гро́ши вытяга́є . . .
„„Бѣ́дна голо́вонько!““
Во́пнулъ нашь Гри́цонько:
„„А се рѣ́чь цѣка́ва;
Бачь, чо́ртова спра́ва!
Щожь тепе́рь роби́ти?““
„Тре́ба просуши́ти!“
Жѣ́нка ра́ду да́ла,
Ужѐ и простера́ла
По пе́чи банкно́ты —
А тамъ спа́лы ко́ты.
Єди́нъ ся продру́халъ,
Ма́сло я̆къ зану́халъ,
Гѣ́йже до робо́ты, —
Тай поѣ́лъ банкно́ты!
Лишь оста́вилъ ро́ги
Ра́ди запомо́ги.
Гриці́ха о̂млѣ́ла
Я̆къ тое о̂зрѣ́ла!
А Гри́ць занепа́лъ
Уме́ръ — тай пропа́лъ!

* * *

Лю́де ся дознáли,
На тое сказáли:
„Дóбре имъ ся стáло,
Свято на нихъ пáло!“

М. Козанóвичь.

91.

Óтказъ.

Єдéнъ селянúнъ бúлъ маючíй и щастлúвый въ своéмъ господáрствѣ. Пóлѧ его́ родúли мѫ достáткомъ, предпринимáтельства по нáйбóльшóй чáсти ишлú по мúсли, дѣти поводúли сѧ дóбрѣ, а сѫсѣды зáвидовали наколúчно. Сынú свои и дóчери, скóро подоростáли и прїйшлú до лѣтъ, подрѫжúлъ и покѫповáлъ úмъ господáрства, а на стáрость повдовѣвши самъ, такъ до сéбе говорúлъ: „По що мнѣ старóмѫ еще нѫждáти сѧ вéденьемъ господáрства, колú Богъ далъ ми дóбрїи дѣти, котрїи той трѫдъ зъ мéне знáти могѫтъ, и колú ѫ сѧ въ ихъ безсúлнóмъ и безрáднóмъ дѣтúнствѣ за нихъ трѫждáлъ, то онú пéвно тепéрь на мою знемощѣлѫ старóсть оглядáти сѧ бѫдѫтъ и зъ благодáрности и дѣтúннои любвú къ старóмѫ óтцю, котрúй úмъ тóлько добрá сдѣлáлъ, всего́, чего́ моѧ стáрость вымагáе, постарáти сѧ еднó на перéдъ дрѫгого óубѣгáти сѧ бѫдѫтъ.“ И ктожь бы дѫмалъ, же тóе инáкше моглó бúти? Скликалъ óубо всѣ свои дѣти и такъ до нúхъ рéкъ: „Дѣтоньки мои! пóки крѣпость сúлъ мóихъ мнѣ слѫжúла, робóта бúла для мéне и сватúмъ обовѧ́зкомъ и мúлою забáвою. Ѧнѣ єдéнъ шéлюгъ чѫжóи крúвды ни прилúпъ до мóихъ рѫкъ. И Господь Бóгъ ласкáвый благословúлъ прáцю рѫкъ мóихъ, ѫкъ самú вúдите. Но тепéрь и моѧ óсѣнь

наста́ла; во́лосъ мо́й повѣлѣ́лъ, а р8ки о҃ва́ли, но́ги за́ледво дви́гаютъ зт8жѣ́ле тѣ́ло. Часъ бы и менѣ́ по толиколѣ́тно́мъ тр8дѣ́ спочи́ти. И въ ва́шихъ се́рдцахъ сѣ́мѧмъ любо́вь, сподѣю́сѧ, що они́ и любо́вь о҃про́дятъ. И жи́лъмь для ва́съ, сл8шна рѣ́чь, щобы́мь о҃тъ васъ въ мо́емъ везси́лїи дозна́лъ по́мочи, а коли́мь ѣ҃ давнѣ́йше ва́ми сѧ жр8и́лъ всѣ́ми, вы всѣ́ тепе́рь за ме́не га́дк8 ма́ти повинни́сте. О́то цѣлы́й маѣ́токъ мо́й роздаю́ ме́жи ва́съ; господарю́йте съ благословенїемъ Бо́жимъ, а ѣ҃ при то́вѣ, мо́й найста́ршїй сы́н8, оста́н8 сѧ въ сей малѣ́нькой комна́тцѣ, бо менѣ́ старо́м8 бо́льше не потре́ба.“

Всѣ дѣ́ти о҃цѣлова́ли р8ки до́брого отца́, и взя́вши ко́жде припа́вш8 на се́бе ча́сть о҃тцѣ́вского маѣ́тк8, розъи́шлисѧ, а отѣ́цъ оста́лъ при най-ста́ршо́мъ сы́нѣ.

Зъ ра́з8 ишло́ ѣ҃кїйсь ча́съ до́бре, и старо́м8 гара́здъ сѧ дѣ́ло. Шанова́ли его́ сы́нъ и невѣ́стка, дозира́ли въ сла́вости и стара́ли сѧ о҃удовлетвори́ти всѣ́ком8 его́ жела́нїю. Но по о҃плы-вѣ́ ѣ҃ко́гось вре́мене, рекла́ невѣ́стка до сво́его м8жа: „Для чо́го мы сами́ ма́емъ поноси́ти тя-га́рь о҃дѣ́ржована старо́го отца́ и зноси́ти его́ за́важки? Я҃во́жь то мы сами́ ем8 дѣ́ти? Не взя́-лижь и др8гїи тако́и ча́сти, ѣ҃къ и мы? Я҃ до то́го дѣ́точкы сѧ намъ помно́жили, ха́та зтѣснѣ́ла, та́ комна́тка, котр8 стары́й зала́гъ, тепе́рь д8-жевы сѧ на́мъ зда́ла.“ „„Сл8шно ка́жешь,““ о҃тре́къ м8жъ, но ѣ҃кже сѧ старо́го зв8ти? „И то́м8 по-ра́дж8“ рекла́ невѣ́стка; и о҃тъ то́и годи́ны зача́ла старо́го о҃тца́ що разъ то бо́льше зане́дв8кати, ли-цѣ́ ем8 пока́зовала хма́рне — о҃ймала ра́зъ по

ра́зъ пошано́вкѫ, а въ ко́нцѣ осмѣливши сѧ сказа́ла: „Часъ бы то оу́жѐ, о́тче, щобы́сьте сѧ перенесли́ до моло́дшого сы́на; та́же и о́нъ ва́ша дѣти́на такъ ѩкъ и мы. И мы бо́льшои обова́занности къ ва́мъ не ма́емъ ѩкъ и про́чїи ва́шѝ дѣти.“ Старо́мѫ, котры́й оу́жѐ давно́ помѣрковалъ былъ неохо́тѫ сво́и невѣ́стки къ со́вѣ, не бы́ло то́е несподѣ́ваным оу́дарэмъ; томѫ сказа́лъ: „Пра́вдѫ ка́жешь моѧ до́ню;“ и забра́вши сѧ пойшо́лъ до дрѫгого сы́на. И тамъ прїа́ли его́ хотѧ не дѫже ра́до, бо говори́ли ме́жи сово́ю: „Щось то мѫсѣ́ло зайти́, що съ стари́мъ не могли́ нашъ бра́тъ и сестра́ вы́держати.“ Ли́шь и тамъ не долго́ могъ стары́й оте́цъ забава́ити; мѫсѣ́лъ че́ргою до про́чихъ дѣтїй сво́ихъ переноси́ти сѧ, ажь на по́слѣдкѫ оу́видѣ́лъ сѧ оу́ наймоло́дшои до́чери. Всю́ды сподѣва́лъ сѧ ошѫка́вшїй сѧ оте́цъ наитѝ лѣпшїй пошано́вокъ и всю́ды го ожида́нье завело́. Наконе́цъ пойшо́лъ до головы́ по ро́зѫмъ, и взя́лъ сѧ на спосо́бы. Посѣти́лъ едно́го зъ да́вныхъ сво́ихъ кѫмо́въ и прїа́телѣвъ, съ котри́мъ нера́зъ въ предпринима́тельствахъ и кѫпли малъ спо́лкѫ, и съ котри́мъ вазала его́ да́вна щи́ра прїа́знь, и рекъ мѫ: „Да́й ми сто тала́ро́въ, а ѩ ти ихъ ещѐ днесь въ ве́черъ принесѫ; лишь да́й ми сло́во прїа́зни, що нико́мѫ то́го не объя́вишь.“ Кѫмъ задивова́лъ сѧ зъ ра́зѫ, на що́вы о́нъ тихъ гро́шїй потребова́лъ, но знаючи ещѐ зъ да́вна его́ ѩко че́стного и ретѣ́льного мѫжа несомнѣва́лъ сѧ да́ти емѫ желя́нѫ квотѫ на сло́во. Взя́вши спо́рый оу́зликъ сре́бра, принѣ́съ старый его́ до сво́го до́мѫ и пере́дъ очи́ма всѣ́хъ перечи́сливши на столѣ́, сказа́лъ: „Бо́гѫ благодаре́нье! ещѐ

прѣцѣнь е́сть почти́вость на свѣтѣ. Ма́лѧмь едно́го до́лжника, о҃тъ кото́рого не на́дѣѧлѧмь ся оу҃жѐ долгъ о҃тъвра́ти, а тепе́рь по ла́сцѣ Бо́жо́й до́лгъ мо́й вернꙋ́лъ ся.“ И вложи́вши гро́ши тїи до сво́и скри́ньки, замкнꙋ́лъ ю, а ключь на шнꙋро́чкъ повѣ́силъ собѣ на шы́и, и пи́льно его҃ хорони́лъ. Лишь ско́ро ся сме́ркло, вы́нялъ тихцѣ́мъ тїи гро́ши и о҃тнѣ́слъ кѫмови. Той ся его҃ пыта́лъ, що́вы ни́ми дѣла́лъ, но о҃нъ отвѣча́лъ: „провꙋю едно́и спекꙋля́цїи, котра́, сподѣю ся, що ся оу҃да́сть.“ Дѣти оба́чивши, що оте́цъ ещѐ ма́е гро́ши, весе́лышимъ лице́мъ зача́ли на не́го поглѧда́ти. За ѩкі́йсь часъ стары́й оте́цъ оу҃да́лъ ся знова́ъ до кѫма и тѣмже самы́мъ спо́сомъ зана́лъ долго́мъ о҃тъ не́го зно́въ сто тала́нтовъ, и принесши до сво́го до́мꙋ зно́въ пере́дъ всѣ́ми перечисли́вши до скри́нѣ замкнꙋ́лъ мовячи́: „Бо́гꙋ да́ковати, се дрꙋгі́й долгъ вернꙋ́лъ ся, котры́й оу҃же́мь малъ за пропа́лый. Ма́ю ѩ ещѐ таки́хъ досы́ть.“ Но гро́ши пото́мꙋ ота́й о҃тнѣ́съ кѫмови наза́дъ. Той самы́й ма́невръ повтори́лъ ещѐ ко́лькокра́тъ. Ма́ло по ма́лꙋ рꙋхнꙋ́ла кѣ́сть поме́жи про́чїи дѣти: Стары́й ма́е гро́ши. И ѩкъ впере́дъ ма́ло оу҃жѐ пока́зовали та́мки за старо́го отца́, такъ тепе́рь зача́ли що ра́зъ бо́льше ся до не́го гориꙋ́ти, що разъ то частѣ́йше его҃ посѣща́ти, и допы́товати ѩкъ ся емꙋ́ ведѐ, ѩкъ слꙋ́житъ здо́ровье? всѣля́кі́ дого́дности чини́ти, присма́чко́въ доноси́ти; и старо́мꙋ зача́ло ся до́бре дѣ́ѧти. Но скри́ньку свою́ хорони́лъ пи́льно, и ключь о҃тъ то́нжь завсѣ́ды носи́лъ на шы́и. Ма́ло по ма́лꙋ зача́ли дрꙋгі́и дѣти едно́ по дрꙋго́мъ проси́ти: „Хо́дѣтъ, люве́зный о́тче на мешка́нье до ме́не,

тѣтъ нѣтъ Вамъ належи́тои выгоды, брáтъ, сестрá, недоглядáютъ Васъ такъ, ѩкъвы Вамъ трéва;“ и тáкъ въ зáводы еднò перéдъ дрѣгимъ оу̑силовали кóжде стагнѣти старéнкого, мúлого отцà до сéве, розмѣе сѧ съ милѣйшою ещѐ егò скрúнькою. И старúй говорúлъ имъ: „„Все, що мáлѣмъ, Вамъ роздáлѣмъ, а що ещѐ мáю и въ сей скрúньцѣ ховáю, остáвлю тóмѣ изъ Васъ, котрúй дáсть найбóльшїи довóды любвú свóи къ мнѣ.““ Зъ тóи причúны почáла сѧ свáрка мéжи дѣтьмú, во кóжде хотѣло ѩкъ найдóлше старóго отцà при сóвѣ задéржати. Ѩжь прїйшóлъ и старóмѣ часъ, и оу̑мéръ. Тогды свѣгли сѧ всѣ дѣти и роспочáли звáдѣ за скрúнькѣ, во кóжде твердúло, що отцà найбóльше любúло. Выточила сѧ спрáва ажь до сѣдїи. Тóй велѣлъ принестú скрúнькѣ, котрà знáчнѣ вагѣ мáла. Всѣ дѣмали, що éсть пóлна гróшїй; но ôтворúвши ю̑ въ сѣдѣ, найшлú лишь камѣнье, грѣбѣ пáлкѣ и письмò, на котрóмъ стоáло напúсано такъ: „„До мóихъ дѣтїй!““ „„Казáлъ Гóсподь въ Ѥвангéлїи: ѩкóю мѣркою мѣрите, возмѣритъ сѧ Вамъ. Ѥправедлúва оу̑бо рѣчь, абысте и вы полѣчúли нагорóдѣ прилúчнѣ вашои любвú, ѩкѣю естѐ къ мнѣ на пóслѣдкѣ объѩвлáли. Я же вы не менѐ любúли, вáшого старóго отцà, котрúй лúшь для вáсъ жúлъ, и вéсь óвощъ гôрькóи свóи прáцѣ мéжи вáсъ цѣдро роздѣлúлъ, но лишь моú гróши, протò справедлúва рѣчь, щобы вáмъ сѧ тїи гróшй дôстáли. Но ѩкїи бúли вáшй сéрдца, кáменнй и нечѣвствéнй, дóки ничъ ôтъ мéне бóльше полѣчúти не споднѣвáлисте сѧ, тáкъ вáмъ въ спѣстúзнѣ не налéжитъ сѧ бóльше нúчъ ѩкъ камѣнье. — Ѥтюже

па́лкꙋ о҃тка́зꙋю на то́го отца̀, котры́й ещѐ за сво́го житѧ̀ вѣ́сь свои́ маѣ́токъ мѣ́жи дѣ́ти роздаѣ́сть а совѣ́ ничъ не оста́витъ, зъ чо́говы независи́мо о҃тъ ла́ски дѣ́тій сво́ихъ мо́гла жи́ти. Тако́мꙋ отцѣ́ви нале́житъ вы́числити сѣ́ю па́лкою сто.““

Полꙋчи́вши тако́е не съ всѣ́мъ ми́ле рѣше́нье сво́го спо́рꙋ о҃тъишлѝ дѣ́ти спꙋсти́вши но́сы, а сосѣ́ды вы́смѣѧли ихъ и похваля́ли мꙋдро́сть отца̀.

92.

Ка́мѣнь.

Въ Тꙋре́ччинѣ, где то и по́рохꙋ и камѣ́на по гости́нцѧхъ полно̀, о҃тъгна́лъ одно́го ра́зꙋ оди́нъ бога́тый и зна́чный челове́къ о҃тъ сѣ́бе одно́го о҃у҃бо́гого, котры́й его̀ о ѣ҃кѣ́сь добродѣ́йство проси́лъ; но о҃у҃бо́гій ста́вши о по́даль повторя́лъ свою̀ про́сьбꙋ, а бога́чь знетерпѣ́лый подня́лъ зъ гости́нцѧ ка́мѣнь и вергъ за докꙋча́ивымъ. Лю́де ви́дѣвши то́е злосло́вили жестокосе́рдомꙋ богачѐви — но и задивꙋва́ли сѧ не ма́ло видя́чи, що о҃у҃бо́гій по́днѣсъ верже́ный за ни́мъ ка́мѣнь, и не сказа́вши а́нѣ сло́ва сухоля́лъ то́йже до то́рбы, и никто̀ не дꙋмалъ на то́е, що о҃нъ о҃тъ сѐго часа̀ то́йже при совѣ́ носи́ти вꙋде. Но о҃нъ сдѣла́лъ такъ. По о҃у҃пакꙋ́вѣ одно́го ро́кꙋ приключи́ло сѧ богаче́ви нещѧ́стье, т. е. о҃нъ сдѣла́лъ ѣ҃кѣ́сь нечести́вое дѣ́ло, въ слѣ́дствіе котро́го не нно̀ весь маѣ́токъ емꙋ взя́то но и по тамо́шномꙋ звыча́ю о҃у҃садовле́но его̀ ты́ломъ на о́сла и ко́жено по всѣ́мъ о҃у҃лицямъ на посмѣ́вище. Мѣ́жи рꙋга́телѧми ѣ҃вилъ сѧ наконе́цъ и онъ о҃у҃бо́гій мꙋжчи́на сѧ ка́менемъ въ то́р-

бѣ и по́зна́лъ въ осо́бѣ пора́ѣмого сво́го давнѣ́йшого оскорби́теля. Безъ до́лгого намы́сля сагнѫ́лъ о́нъ рѫко́ю до то́рбы, а зале́дво почѫ́лъ въ рѫцѣ ка́мѣнь, въ мгнове́нїи о́ка по́днѣсъ той же до горы́ и безъ ма́ла о́ужѣ не ве́ргъ его́ на сво́го оскорби́теля, ѣ́къ нара́зъ мовь то ѣ́кїйсь до́брый дѫ́хъ его́ за то́е хѫдо́е дѣ́ло наказа́лъ, и о́нъ ве́ргши ка́мѣнь на доро́гѫ о́тъишо́лъ взрѫше́ный. —

Изъ се́го прим'ѣ́ра мо́жемъ ся навчи́ти: що нико́ли не тре́ба въ ща́стю бы́ти го́рдымъ, непрїя́знымъ и поноша́ючимъ проти́ѫ ни́жшимъ и бѣдне́йшимъ. Бо еще́ за́кимъ со́лнце за́йде за горѫ́ и лѫ́чь его́ зга́сне, мо́же вся ѣ́сность богача́ те́мною но́чїю о́убо́жества ся покры́ти — и тогды́ не оди́нъ хота́ вѫдячи прїя́телёмъ не мо́гъ емѫ́ помогчи́, мо́же нера́зъ ста́вши ся во́рогомъ дѫ́же вреди́ти. — Потомъ не тре́ба ка́мена носи́ти въ нѣ́драхъ на во́рога а́нѣ мести́ въ се́рдцю; поне́же и той бѣ́дный чоловѣ́къ ве́ргши свой ка́мѣнь на зе́млю и о́тходячи сказа́лъ: „По́мсти́ти ся на во́рогѫ, по́ки о́нъ бы́лъ бога́тъ и ща́стли́въ, бы́ло нерозѫ́мно а на́вѣть небеспе́чно; а тепе́рь, коли́ о́нъ есть нещастли́въ, бы́ловы то нелю́дско и оги́дно!“

В. К.

93.

За́воды съ волка́ми.

Слѣдѫючѫ по́вѣсть роска́зовалъ пе́вный, кото́рый вели́кѫ часть сво́го жита́ перебы́лъ въ отвѣ́чных лѣса́хъ се́вернои Аме́рики:

„По́дчасъ зимы 1844,“ гово́ритъ о́нъ, „перебыва́лъемъ въ се́верных окола́цахъ краю Ме́нъ,

и мáлъемь по достáткомъ вôльности, оберн8ти знáчн8 чáсть мóго час8 на дúкiи рóзрывки тóи такъ мáло населéнои окóлицѣ. Жáдна зъ нихъ такóго дла мéне не мáла повáв8, що хóвзанье сл на конькáхъ по ледъ. Самóтнiи, гл8бóкiи озера тóго сѣвернаго стáт8, котрiи черéзъ лют8ю ст8дѣнь тамóшнои зимы на мнóго мѣсацѣвъ съ всемъ замерзáютъ, подаю́тъ любúтелеви тóи охóты овшúрное до тóго пóле. Чáсто пôдвазáвши мои заржáвѣлiи конькú, летѣлъемь горѣ рѣкóю, же ажь мои пôльсы скóрше толкáли въ полнотѣ тóи м8жескои охóты. На однôй такôй вúвѣжцѣ здáрила ми сл пригóда, на котр8 и тепéрь еще сли погадáю, то ми лáчно.

Оп8стúлъемь дôмъ мóго прiятéла лишь що сл мáло смеркáти, авы повѣгчи горѣ кв8сень хорóшои рѣкú, текв8чои т8жь перéдъ двермú. Вéчеръ былъ крáсный и ясный. Настáвшiй мѣсацъ спогладáлъ зъ оукóса изъ своéго надвоздв8шного сѣдѣлица, и срѣбрúлъ своúми лв8чáми замéрзлiи ôлúцѣ обсѣвшiи бéрегъ. Былъ то видъ чародѣйный. Цѣла прирóда лагла на спочúнокъ, якiй часáми приберáти любитъ; водá, земла и воздв8хъ здавáли сл погрв8жéными въ найглв8шôмъ сп8покóю.

Ймь повѣгалъ такъ зъ двѣ мúлѣ горѣ рѣкóю, колúмь достúгалъ мѣстца, где впадáлъ малéнькiй пóтôкъ; на той звернв8лъемь сл, хотячú звѣдати егò вѣгъ. Столѣтнiи сóсны и ôлúцѣ склеúли сл надъ нимъ, и творúли кѣчнозелéный лв8къ, котрúй въ зимовôй одéжи скéркалъ сл и искрúлъ сл; все бúло пôдъ тúмъ лв8комъ тéмне, лúшь ú былъ молодúй и не знáлъ страхв8; а загланв8вши въ той искв8сный отвóръ отвѣчного лѣ-

са, сéрдце ми зъ охóты пôдскóчило. Гврра! крúкнвлъемь грôмко, а дúкiй гóмонъ розлáгъ са далéко по лѣсѣ, а ѿмь пойлъ оу̑хо мое зъ тысячныхъ сторóнъ, знóвъ и знóвъ ôтвиваючимъ са ôтголосомъ, ажь пóки знóвъ все не оу̑мóлкло. Лишь по гдéкъда просмыкáла са самóтна нôчнà птúца помéжи смвклiи двы.

Сúлнiи князѣ лѣса стоáли, ѿкъ колúбы ничъ ихъ оу̑гнвти не бúло въ сúлѣ, óкрôмъ самóго врéмене. Ѿмь са запвстúлъ въ гадкú, кôлько то разôвъ їндiйскiй стрѣлéцъ крúлъ са по за сïи дéрева, кôлько то разôвъ егò стрѣлà надъ тимъ потóкомъ мвсѣла пробивáти хúжого óленà, кôлько то разôвъ егò повѣдúтельный óкликъ мвсѣлъ са сюдà розлагáти. Смотрѣлъемь на сóвы, ѿкъ лéгкимъ крилóмъ посвáли са, и запéрлъемь въ сóвѣ двхъ, авы слвхати ихъ далéкiй вéрескъ. На одúнъ разъ розлáглъ са тóнъ, котрúй са здавáлъ похóдити зъ пôдъ лéдв передъ мóими ногáми. Йжь пóтôмъ гóлосно и страшлúво закончúлъ са однúмъ дóлгимъ вытьéмъ; ѿмь повлѣдъ; ещѐ никóли впередъ оу̑хо моѐ не слышáло подóбного тóнв. И двмалъ, же то есть цюсь надзéмского, же то есть рúкъ походáчiй ôтъ ѿкóго жúтелъ пéкла — такъ неизречéнно дúкимъ звинѣлъ мнѣ въ тôй главóкôй оу̑сторони. Лишь твй оу̑шлúшалъемь трéскъ хвороств на бéрезѣ, ѿкъ вы ôтъ ствпáнъ, ѿкóго звѣрà; крóвь оу̑дáрила ми до головы назáдъ такъ сúлно, же кóжа са розпалúла; но ми лéкше са зробúло, жемь малъ справ8 съ вéщми зéмскои природы, а не съ двхáми, ѿкъ зъ рáзв то ми са вúдѣло. Моя бóдрôсть вернвла са, а ѿ оглáнвлъемь са на окó-

ло, чимъ бы са тѣтъ боронити. Лѣна свѣтила скрозь отворъ, кѫда въ сѫмракъ лѣсный въи шолъземь, а же ми са то видѣло быти найпридатнѣйшимъ, шморгнѫлъземь ѿкъ стрѣла тѫда; отлеглость не выносила больше ѿкъ 300 стопъ, а певно ластовка своимъ быстрымъ летомъ не пересадила бы ма въ прѣдкости моего отчаянного бѣгства. Но скоромь звернѫлъ очи мои къ берегѫ, постереглъземь ѿкиись два предметы, котрїи сѫнѫли по подъ корчѣ съ такою скоростїю, котра мою два кроть перевышшала. По той скорости и оурванѫмъ гавканю, котрѣ часами отъ себе испѫскали, позналъземь наразъ, же то были два зъ овыхъ сивыхъ волковъ, котрыхъ вса окрестность страхае са.

Николи вперед не здыбалъземь са съ жаднымъ изъ тихъ звѣрѣвъ; по томѫ же, ѿкъ мнѣ ихъ описовано, мало чѫлъземь въ собѣ охоты, съ нимн забрати знаемость. Ихъ не оукротима дикость и не оутомима сила, котра здае са быти частїю ихъ естества, чинатъ ихъ страшными кождомѫ подорожномѫ, котрого ночь въ дорозѣ захопитъ.

Неутомимымъ чвалом гонать свою довычѫ, и хиба лишь смерть ихъ отъ нѣи отървати зможе.

Корчѣ, котрыми берегъ былъ порослый, мигали по при мене летомъ молнїи, ѿкъ ѿмь такъ оумыкалъ. Тѫй, тѫй оуже досагалъземь оустїа галѫзистого склепѣня — еще секѫнда, и былъ бымь, можно сказати, ѿко тако спасенъ; ажь тѣтъ мои гонитель наразъ ѣвили са на березѣ надъ мною, где той ледко десать стопъ высоты

досага́лъ. Не бы́ло часу́ до намы́слу. Скли́знемъ са въ дво́е, и гна́лъ на пере́дъ. Волкы́ да́ли сэса, но зарахова́ли са въ мо́ей шви́дкости, и ско́чили по за ме́не, по́дчасъ коли́ ѣ, ихъ о҃смотре́на па́ства́, свы́стомъ вздо́лжъ рѣко́ю помыка́лъ.

Внутреною понукою звернулъземь са на доро́гу къ до́му; ле́гкїи пласточкы́ сне́га ви́хромъ по́длѣта́ли о҃тъ желѣза мо́ихъ конько́въ, и о҃же́мь былъ ѣко та́ко вы́передилъ мо́ихъ гони́телѣвъ, ѣкъ ихъ ди́кїй вой мнѣ далъ зна́ти, же о҃же́ новъ бы́ли тутъ за мно́ю. И не обзира́лъземь са; не чувствова́лъземь а́нѣ бо́язни а́нѣ ра́дости; сама́ лишь мы́сль о до́мѣ, о ра́достныхъ ли́цахъ, котрїи на ме́не жда́ли; сама́ пога́дка на ихъ сле́зы, если бы ма о҃же́ бо́льше не о҃ви́дѣли, прониза́ла ма хвила́ми, а тогды всю си́лу духа и тѣла оберта́лъземь, лишь цовы о҃бѣ́гчи. На ледѣ бы́лъземь ѣкъ въ до́ма. Не одинъ день зъниша́лъ ми на конька́хъ, а не погада́лъземь а́нѣ ра́зу, же колись лишь и́мъ спасе́нье о҃тъ поги́бели буду́ ма́лъ завда́чувати. Що по́лъ минуты вѣсти́ло ми га́вканье мо́ихъ гони́телѣвъ, же тутъ сэть за мно́ю. Сближа́ли са що разъ то бо́льше; слы́шалъземь хро́ботъ ихъ ступо́въ по ледзу, и ви́дѣло ми са, же чую ихъ та́жкїй о҃тдыхъ. Всѣ не́рвы и ми́шицѣ цѣло́го тѣла бы́ли напряже́нїи до найвы́шшого сте́пена.

Де́рева вздо́лжъ бе́рега здава́ли са пласа́ти въ мигли́во́мъ свѣтлѣ, а мнѣ зача́ло о҃же́ въ головѣ са моро́чити; погона ста́ла са ми незно́сною; то́ны мо́ихъ гони́телѣвъ наполна́ли мна тревогою; ажь нараз мимово́льный зво́ротъ звелъ ма зъ пра́мого мо́го керунку. Волкы́ тутже за мно́ю;

безъ спо́собъ стри́мати ся або́ ся зверну́ти, похова́ли ся, попа́дали и сну́ли ся спо́рый ко́сень да́льше. Ихъ а҃зыки вы́валєнїи изъ крова́вои па́щи ви́сѣли до́лгїи; ихъ бѣ́ле ко́сало́ блыща́ло ся, ихъ темно-сорока́та гру́дь покры́та бы́ла пѣ́ною, а коли́ по при ме́не посну́ли ся, и́скрили ся имъ о́чи, и зави́ли встє́кло и лю́то. Тутъ прїи́шла ми нара́зъ га́дка, оу҃жи́ти то́го сла́чайного выпа́дку систематы́чно, абы́ имъ оу҃йти́, сы́рѣчь, имъ разъ въ разъ выкру́чувати ся, ско́ро бы ма́ настиги́ли, бо оу҃кла́дъ имъ но́гъ не допу́ска́є имъ ле́домъ ина́кше бѣ́гчи, ѣ҃къ ли́шь правцёмъ.

Такъ за́разъ дѣ́лалъємь по то́й мы́сли. Волки́ по́рва́вши ся на но́ги, вергли́ся знову́ за мно́ю. Пого́на обнови́ла ся на ѣ҃кихъ 60 сто́пъ горѣ́ рѣко́ю. И знову́ оу҃жѣ́ зроби́ли ся тутъ, тутъ ко́ло ме́не, ѣ҃къ ѣ҃ вы́гнуваємь лу́ка, и мо́ихъ гони́телѣвъ пустя́лъємь ми́мо сє́бе. Ди́кимъ во́емъ повита́ли волки́ мой оборо́тъ, и шморгну́ли знову́ на за́дницахъ да́лѣй, даючи́ соверше́нный о́бразъ безпомо́чности и безси́лнои встє́клости. Ти́мъ спо́собомъ оу҃зы́сковалъємь при ко́ждо́мъ зворо́тѣ ко́ло триста сто́нъ. Два чи три ра́зы поно́влювалъємь той ма́некеръ, а за ко́ждымъ ра́зомъ става́ли ся волки́ встекля́йшими, но тако́жъ и сла́бшими. Имъ ся спа́слъ. Бы́лъємь оу҃жѣ́ пере́дъ до́момъ, а своръ псо́въ почу́вши шу́мъ, вы́палъ встє́кло изъ сво́ихъ вра́тъ. Волки́ спини́ли свой вѣ́сный розго́нъ, и по коро́ткой ро́зстоянцѣ шморгну́ли гайже наза́дъ. Имъ смотрѣ́лъ за ни́ми, аж но́ки ихъ тє́мнїи по́стати по за одны́мъ горбко́мъ не зни́кли. Поотка́зовалъємь мой конькы́, и пойшо́лъємь

до до́мѫ съ чѫвства́ми, котрїи собѣ лѫчше выобрази́ти, ѣ̃къ комѫ описа́ти мо́жно.“

94.

Мѫдрый быкъ.

Робу́чїй во́лъ загрѣ́лъ въ ѣ̃рмѣ чола̀,
Нерóба быкъ сварúлъ такъ на вола̀:
„Ктожь ка́же бы приповѣ́лъ,
„Ѣ̃кій то безъу́мный во́лъ:
„Стокроть сильнѣ́йшій о̂тъ чоловѣ́ка,
„Ро́битъ му по́ки ста́не калѣ́ка;
„Руко́ю лишь най махнѐ
„Ужѐ во́лъ пы́ю въ ѣ̃рмò гнѐ,
„Кри́кне: гей! . . . ужѐ женѐ!“ . . .

„„Слу́хай’““ рекъ во́лъ, „„му́дрый бы́чку:
„„На чúмъ ты стойшь лы́чку?
„„Збудова́лъ ѥсь те́плый хлѣ́въ?
„„Па́шн въ зимѣ́ приобрѣ́лъ?
„„Да́шь си хо́рый ѣ̃кій лѣ́къ?
„„Ѣ̃къ бы не той чоловѣ́къ,
„„Не зъѣ́лъ бы тя въ по́ли во́лкъ?““
Бы́къ поду́малъ тай умо́лкъ.

Не лúшь то сей му́дрый быкъ:
Не малы́й ихъ въ свѣтѣ ликъ — . .
Най бы слу́хали вола̀
Нау́ка бы ся здала̀! —

——— *Лука̀ зъ Ра́кова.*

95.

Сомнѣ́тельное взгла́домъ терплúвости.

„Бѫдь терплúвъ“ ска́зано разъ до ѣ̃ко́гось нещастлúвого, „ща́стье прїйде ещѐ.“ „„Та то мо́же

бы́ти““ ѡ́тповѣ́лъ потѣша́емый, „„одна́кожь ѿ сѧ дѣ́же опаса́ю, що оно̀ менѣ̀ о҃у́жѣ̀ мо́же не заста́не до́ма.““

В. К.

96.

Лѣ́рникъ и волкѝ.

(По̀для Шуберта.)

Не да́вно то ещѣ̀ то́мѣ, ѿкъ въ на́шихъ лѣса́хъ полно̀ бы́ло волко́въ, и не одинъ знайшо́лбы сѧ о҃у́ на́съ селѧни́нъ, котры́й зна́е ка́зкѣ за лѣ́рника и волкѝ, ѿкъ ковы то сѧ то́е вче́ра дѣ́ѧло, хотѧ̀ тѣ́ю ка́зкѣ емѣ̀ его̀ дѣ́дъ ещѣ̀ розка́зовалъ. Одно́го ра́зѣ повертА́лъ лѣ́рникъ зъ пра́зднika до до́мѣ, на котро́мъ его̀ лю́деньки до́бре о҃у́рА́чили. Не ра́до о̂нъ колѝ повертА́лъ про́стою доро́гою; то въ лѣ́во то въ пра́во зналъ о̂нъ до́бре обмина́ти свою̀ тѣ́нь при мѣ́сяци и загна́лъ сѧ про то́е въ гѣстро́мъ лѣсѣ́, чере́зъ котры́й емѣ̀ тре́ба бы́ло переходи́ти, такъ дале́ко въ бо́къ, що на коне́цъ о҃у́пА́лъ въ волко́вню т. е. въ ѿмѣ̀, котрѣ̀ лѣсни́чій вы́копалъ на ло́вленье волко́въ. О҃у́жѣ̀ то не ма́ло перелѧка́лъ сѧ лѣ́рникъ, ѿкъ о̂нъ такъ зъ гла́дкои земли́цѣ на́разъ въ до́лъ зле́тѣлъ. Ѥмѣ̀ здава́ло сѧ, що лети́тъ въ безо́дню; но ѿко́сь бо́рзо очѹ́нАлъ нама́цавши що̀сь живо́го, котрѣ̀ ди́ко по̀дско́чило и очи́ма засвѣти́ло — а по̀зна́вши по хви́ли, що то бы́лъ волкъ; о ма́ло що зъ само́го перепѹ́дѣ не о҃у́мѣ́ръ. Що̀жь малъ почА́ти не маючи́ кро́мѣ лѣ́ры въ рѹка́хъ ничо́го? Зъ перестра́хѹ почА́лъ пере́дъ розкале́нымъ пи́ско̀мъ во́лка выграва́ти всѣ своѝ штѹ́ки, котрїи

однáкожь тóго рáзъ нáветь и емъ самóмъ не выдавáли сѧ бы́ти вкъснѣйшими. Вóлкъ же либóнь не мáло наслаждáлъ сѧ такóю гъдьвóю, бо и ôнъ самъ розчълéный почáлъ свóимъ вытьéмъ помагáти. Иніи волкú почъвши тое жáлостное пѣнье въ лѣсѣ, стáли сѧ такóжь до тóго причинáти, зъ чегò нáшъ лѣрникъ, хотà капельмáйстеръ тóи оркéстры, не кóнче мóгълъ бы́ти задоволéный, бо оу҃жè егò товáришь въ ѳмѣ черéзъ предóлгое пѣнье зголоднѣлъ такъ, цо здавáлъ сѧ вѣтрити тъю одровúнъ мáса, котръ становúло тѣло лѣрника. Наконéцъ и самóмъ лѣрникови накъчило сѧ крътúти на лѣрѣ, а вѣлого дня áнѣ съдú Бóже бы́ло сѧ дождáти — проклинáлъ на чѣмъ свѣтъ стоúтъ себѣ и годúнъ, въ котрôй наъчúлъ сѧ лѣръ крътúти, и былъ готóвъ бóрше сѣмъ кôпъ безъ оу҃стáнкъ молотúти, ѳкъ на лѣрѣ игрáти, черéзъ котръ мъ сѧ такѣ лúхо приключúло. Но зáкимъ стáло ещѣ свитáти, оу҃рвáли сѧ двѣ стръны на лѣрѣ, а власнѣ перéдъ днёмъ остáла сѧ лишь однà, на котрôй ещѣ лѣра сѧ ôтзывáла ѳкъвы зъ милосéрдїѧ для вѣдного лѣрника, бо зголоднѣлый вóлкъ не бы́лъвы мóже дозвóлилъ часъ безъ игрáна згайнъвáти, слúбы лѣрникъ хотѣлъ свою лѣръ всѣмà стрънами натягнъти. И ѳкъ на щáстье прибы́лъ повережнúкъ, котрúй оу҃жè ôтъ далéка почъвлъ вóлка спѣванье. Ещѣ въ самъ дóбрый часъ вы́свободилъ ôнъ капельмáйстра ôтъ зголоднѣлого вóлка, съ котры́мъ сѧ такóжь бóрзо справúлъ. Капельмайстеръ пôйшóлъ ѳкъ съ мы́ломъ въ своúсѝ и сказáлъ до сéбе: берú Пéтре на рóзъмъ! такóй то онò есть лъчше вчáсно и гостúнцемъ простѣсенько повертáти до дóмъ. И лѣра змерзѣла

ся емѹ отъ того часѹ такъ, що повзáлъ собѣ оу-жѣ не натягáти на ню новы́хъ стрѹнъ: а понéже зналъ кравéцтво, то и почáлъ игóлкою робúти на хлѣбѣ насѹщный. При робóтѣ спѣвáлъ онъ чáсто такъ:

По мóму примѣру
Кúньте дѣды лѣру,
Бо онà скригóче,
Бурмóче, шипóче:
Крутѝ, вертѝ
И до смертѝ —
Будéшь дѣдовóдомъ
Съ цѣлы́мъ твóимъ рóдомъ.

В. К.

97.

Лавúны.

Єслѝ въ дѹже высóкихъ снѣжныхъ гóрахъ ци то черéзъ пóдѹвъ вѣтра, ци черéзъ прóлетъ птáха, ци нáветь черéзъ ѣкѣй нивдь шéлестъ òтървѣ ся жмéна снѣгѹ — и начнѣ изъ горы́ ся котúти, то стаѐ ся такà грѹда чѣмъ разъ бóльшою; но зáкимъ прїйде въ долúнѹ, то стáне не разъ такъ велúкою, що прикрывáе вóзъ съ кóньми и человѣка, сли ихъ подкы́вае на гостúнци — а нáветь засы́пле и повалúтъ цѣлúй вздóвлѣ — бо за такóю одно́ю грѹдою валúтъ ся кóлька сотъ сотнáрóвъ снѣгѹ. Такóе сѫсѹвáнье ся снѣгѹ называ́ютъ „лавúною“ — и чáсто о нихъ чѹвáти въ гóрскихъ околúцахъ. Рóкѹ 1807. сѫсѹнáли ся четы́ри такїй лавúны окóло Штúвна пóдъ горóю Ярль и засы́пали четы́ри домы́ и òсьмь стáинъ — а тринáдцать осóбъ скончáли ся такóжь пóдъ тимъ тагарóмъ.

В. К.

98.

Дождь сѣрковый.

По́сла вѣ́рѣ на ве́снѣ, ско́ро си́льно при то́мъ дождь па́далъ, ви́димъ ча́сто по берега́хъ кало́жъ, котрїи чере́зъ о҆́ливы са поробили, жо́лтый порошо́къ, выгладаючїй гейбы мѣ́лко те́рта сѣ́рка. Мно́гїи лю́де ещѣ до ны́нѣ дѣ́маютъ, що тѣ́чи и вѣ́рѣ похо́дятъ изъ вы́паро́въ сѣ́рко́выхъ, котрїи въ хма́рахъ са тво́рятъ, и про то́е мо́вятъ, що по́дчасъ завер҃хи съ дождже́мъ така́ сѣ́рка спада́е — и пригаду́ютъ собѣ́ при то́мъ, що оге́нь съ сѣ́ркою спада́лъ о҆́жѣ разъ на Содо́мѣ и Гомо́ррѣ. Но мы да́ковати Бо́га не ме́шкаемъ въ Содо́мѣ а́нѣ въ Гомо́рѣ, а потомъ о҆́жѣ нера́зъ пересвѣ́дчилисьмо са, що не одно́ есть до дрѣ́гого подо́бне, а одна́кожь не есть то́е само́е, но цѣлко́мъ що и́ного. И такъ не е́сть жо́лтый порошо́къ на во́дныхъ кало́жахъ тако́жь сѣ́ркою; на́вѣть хота́бы са о҆́нъ на огнѝ запали́лъ; но есть то пы́локъ изъ цвѣ́тѣ дерева́сного.

Въ цвѣ́тѣ тѣлипа́но́въ стои́тъ шѣсть малы́хъ столпцѣ́въ, на котры́хъ вершкѣ́ нахо́дитъ са чо́рный пы́локъ. Кто то́е нюха́е, того но́съ почорнѣ́е. — На лелѣ́ахъ есть той пы́локъ о҆́жѣ жо́лтый, а кто нюха́е бѣ́лѣ лелѣ́ю, того но́съ пожолтѣ́е. — То все есть пы́локъ цвѣтовы́й. — Онъ наха́дитъ са въ всѣ́хъ цвѣтка́хъ и на вса́ко́мъ цвѣ́тѣ, поне́же есть необходи́мо потре́бный, если изъ цвѣ́та ма́е повста́ти пло́дъ и насѣ́нье. Если про то́е на а҆́рѝ, коли́ де́рева, и цвѣ́тки цвѣ́тѣтъ, сѣ́ть о҆́ливнїи дождже́, то забира́е до́ждь той пы́локъ изъ цвѣ́та съ сово́ю, и се есть тако́жь головна

причи́на, для чо́го не мо́жь са на́дѣати до́брого ро́кѹ на садови́нѹ, ско́ро мно́го дождю́ па́дало на цвѣ́тъ. Где мно́го таки́хъ цвѣтѹщихъ дере́въ и цвѣто́къ стои́тъ при кѹпѣ, тамъ тако́жь и до́ждь мно́го тако́го пы́лкѹ цвѣтово́го соло́кѹе. То́йже свира́е са зновъ на земли́ и остава́е, если вода вы́паровала — и се есть той мни́мый до́ждь се́рко́вый. — Въ лѣ́тѣ и въ осени́, коли́ за зву́чай тѹчи и бѹре́ сѧть часте́йшїи, не ова́читъ никто́ дождю́ се́рко́вого, поне́же тогды́ де́рева цвѣсти переста́ли — тогды́ то идѹтъ дождѣ́ зъ ѣ́блокъ, оре́хо́въ, дѹбино́къ и т. д. изъ найта́жшого галѹза, но о мнимо́й се́рцѣ и га́дки нѣ́тъ.

В. К.

99.

До́ждь жа́бачїй.

Не разъ ка́жѹтъ, що о́ѵпа́лъ тѹ або та́мъ „До́ждь жа́бачїй.“ Но ачѣ́йже никто́ еще́ не ви́дѣлъ, абы́ жа́бы съ дождя́мъ па́дали. Рѣчь са та́ма́е та́къ: Въ лѣ́тѣ, при посто́янно сѹхо́й спекотѣ́ ста́га́е са велике мно́жество пе́вного ро́да на́шихъ звыча́йныхъ жа́бъ до повли́зькихъ ле́со́въ и бо́ро́въ, поне́же имъ тамъ холодне́йше и мокре́йше мо́жно пребыва́ти; где они́ звыча́йно цѣлко́мъ споко́йно и скры́то са захо́ѹютъ и не быва́ютъ такъ ле́гко о́тъ ко́го спостере́жеными. Еслиже ле́гкїй до́ждикъ спада́е, то они́ ѣкла́ютъ са зновъ числе́нно и ожизна́ютъ са въ мо́кро́й, холодно́й траве́. Кто́ по́сла то́го нахо́дитъ са въ тако́й око́лици и на́разъ тамъ такъ мно́го о́ѵви́дитъ жа́бъ, где пе́рките а́нѣ одно́и не было ви́дно, то́й не мо́-

же понáти, зъ ôтки сѧ нарáзъ тôлько ихъ взáло; и про тóе мнóгїи не вѣдѣчи въ состоáнїи совѣ тóе сѣ̂вúско вытолкѣвати, илú вѣдѣчи лѣнúвыми надъ тúмъ сѧ застановúти, дѣмаютъ, що жáбчїй дóжджь пáдалъ, и роскáзуютъ тое дрѣгимъ, котрїи, сли сѣть до тóго легковѣрными, въ тóе вѣрятъ, а тáкъ знóвъ дáльше свôй поплѣдъ шúрятъ.

В. К.

100.

Дóжджь крвáвый.

На ѣ̂рú и въ лѣтѣ дѣже сѧ чáсто дѣе, що въ мнóгихъ мѣстцахъ спостерѣгáемъ червóнїи кáплѣ подавáючїи на дождéвїи, и то еще мóкрїи, а часóмъ и прúсхлїи то на лúстю, то на úныхъ предмéтахъ ѣ̂сного вúда, котрїи лежáтъ на землú н. пр. на полотнѣ, котрѣ для бѣлена розпростéрто на травѣ; а понéже мнóгїи тóго порозумѣти не могóтъ, зъ ôтки тое похóдитъ, и понéже скóрше вѣрятъ щось беззасáдного ѣ̂къ що звычáйного и прúродного, то кáжутъ корóтко: „крвáвый дóжджь пáдалъ и бѣде вôйнà!“

Но ѣ̂къ не все есть сѣ̂рка, що выглядáе жóлто, такъ и не все есть крóвь, що выглядáе червóно. Що до тыхъ червóныхъ кáплїй, то рѣчь тáм мáе сѧ такъ: Изъ ѣ̂ечка пѣвного живóтна, котрóе черéзъ зúмѹ гдéсь тамъ на ѣ̂кôмсь оплóтѣ илú на ѣ̂кôй хворостúнѣ прилѣплене бúло, выгрѣвáе сóлнце на ѣ̂рú малéнькїй живúй óвадъ. По кôлькóхъ недѣлахъ, скóро сѧ той óвадъ вúкормилъ и вúрôслъ въ здóлжъ и въ шúрь, вылѣзáе ôнъ где до горы, еслú не знахóдитъ сѧ ѹ̂же и такъ высóко, ѹ̂вѣ-

ша́е сѧ крѣ́пко за́дною ча́стїю то́лѣва, а голово́ю въ бо́къ, звергае́ изъ се́бе о́вадн8ю о̑вволок8, и перео-бража́е сѧ въ гранча́стый ви́дъ, котры́й называ́емъ п8пкою, безъ головы́, безъ но́гъ и кри́лъ. Зъ той п8пки не мо́жь власти́во по̑зна́ти, що зъ не́и ста́ти сѧ ма́е — одна́кожь зновъ въ коро́тцѣ пото́м8 розл8п8е сѧ шкарл8па, и выла́зитъ щось съ малы́ми док8пы сти́сненымы кри́лцѧми и съ гр8бымъ безъ-обра́знымъ зад6мъ, котрѣ щось намъ прига́д8е на мотылѧ или на о̑ке́сь лѣ́тное живо́тно. Въ ко̑лька годи́нъ, по́дчасъ котры́хъ оно̀ ти́хо сѣди́тъ, выроста́ютъ кра́сніи ро̑зновба́рвніи кри́лца и розпростира́ютъ сѧ. Изъ за́д8 выхо́дитъ шѣ́сть до о̑сьмъ черво́ныхъ ка́плей, котрїи о̑у̑пада́ютъ на зе́млю, — по чѣмъ то́е лѣ́тное живо́тно прихо́дитъ до се́бе и по̑длѣта́е ле́гко и жва́во на воз-д8хъ, то сѣда́е на цвѣ́тки, то зновъ о̑тлѣта́е и такъ весели́тъ сѧ сво́емъ житьемъ. Я ско́ро мно́го сотъ таки́хъ п8по́къ на одно̑мъ опло́тѣ знахо́димъ, мно́гожь ихъ надыва́емъ въ огоро́дѣ? Е̑сли́же изъ ко́ждои тако́и п8пки вы́клюе сѧ моты́ль и ко́ждый выпѣска́е изъ се́бе до 8 таки́хъ черво́ныхъ ка́плей, чижь мо́жемъ сѧ дивѣ́ва́ти, що г8сто ча́сто таки́и нахо́димъ? Сто лишь таки́хъ п8по́къ въ одно̑мъ огоро́дѣ даю́тъ о̑у̑же 6 — 800 ка́плей — а тїи ка́плѣ становля́тъ той мни́мый „до́ждь кров́а́вый.“

В К.

101.

Оу̑че́ный панъ и про́стый Иванъ.

Панъ уче́ный, любивши́й зъ всего̀ пошути́ти,
Про́стое вы́смѣяти, свя́тому глу́мити;

Гдениколи дотѣпно блюзнити о Бозѣ!...
Надыбалъ разъ Ивана съ свѣчкою по дорозѣ:
„Добрый день! куда идешь? що несешь Иване?“
„„Свѣчку несу до Церкви, милостивый пане!““
„Про що тое?... а Богу потреба свѣтити?
„Богъ видитъ и безъ свѣчки... лучше то пропити.“
„„А знаю, що Богъ видитъ... но и не надаремно...
„„Суть люде хотя видятъ... то имъ чомусь темно...
„„Все знаютъ, о всѣмъ судятъ, лишь то рѣчь цѣкава,
„„Же не видятъ, не знаютъ, що есть Божа справа;
„„Про то каже ся, пане! темныхъ просвѣтити —
„„А щобъ видѣли лучше, свѣчку засвѣтити.““
Панъ хотѣлъ щось сказати... но Иванъ склонилъ ся
Тай просто дорогою до Церкви пустилъ ся.

М. Козановичъ.

102.

Іоаннъ милостивый.

Ижъ для кождого были отвертіи двери оу Іоанна милостивого, Патріарха Александрійского, такъ и предъ никимъ не замыкалъ онъ свои скарбницѣ. Въ Александріи дознавалъ межи прочими одинъ кѫпецъ великихъ довдовъ щедротливости того Патріарха. Коли лишь вымагала его кѫпля запомоги въ грошехъ, всегда отходилъ онъ съ тою отъ Іоанна милостивого, — а коли приходилъ отдавати свой долгъ, складалъ онъ тойже звычайно безъ жадного свѣдка въ томъ самомъ мѣстци, изъ котрого знову въ часѣ потребы за призволеньемъ милостивого Патріарха выбиралъ. Такимъ способомъ малъ той кѫпецъ свой ненарѫшеный капиталъ въ беспечнѣйшомъ покладѣ. Но коли такъ частѣйше то бралъ то назадъ складалъ позыченіи гроши безъ свѣдка до скарбницѣ, при-

пáла емꙋ разъ на оу̑мъ гáдка, не сложи́ти назáдъ вы́зыченои квóты, но задéржати óнꙋю при сóбѣ. Гáдка стáла дѣ́ломъ. —

По ѿкóмъсь часѣ́ былъ речéный кꙋпéцъ въ новóй потрéбѣ; идѣ́ про тóе прóсто до свóго довродѣ́тела, мúлостивого Іоáнна, котрúй выслꙋхавши егò прóсьбꙋ, казáлъ емꙋ ѿкъ звычáйно, пóйти до скрúнѣ и взáти требꙋемꙋю сꙋммꙋ. Кꙋпéцъ пóйшолъ, но чимъ скóрше и вернꙋлъ сѧ съ новúною, що грóшій въ скрúнѣ нѣтъ. Іоáннъ однáкожь знаючи́ дóбре, що пóсла тóго кꙋпцà никтò не сагáлъ рꙋкóю по грóши до скрúнѣ, сказáлъ: „Смотрѝ но дóбре, они тáмъ мáютъ бы́ти.“ — Но кꙋпéцъ твердúлъ, що ихъ тамъ нѣтъ. На тóе ôтвѣтúлъ Іоáннъ: „Брáте! по тóбѣ не бы́ло тáмъ никóго, — а еслúсь що положúлъ, то тáмъ есть; но еслúсь не положúлъ нúчъ, то и гóдѣ що найтѝ.“ Кꙋпéцъ почꙋвши тꙋю ôтвéртꙋ мóвꙋ, завстыдáлъ сѧ, розкáлъ сѧ и вы́зналъ свою винꙋ, котрꙋ однáкожь Іоáннъ мúлостивый по свóей добротѣ емꙋ простúлъ и егò помúловалъ, — и ôтъ тóго часꙋ былъ кꙋпéцъ всегдà сóвѣстный и заслꙋжúлъ собѣ черéзъ своѐ дáльше житьѐ на осовлúвшїи взглáды óу̑ свóго велúкого довродѣ́ѧ.

В. К.

103.

Бꙋдь щéдрый.

„Не есть то новúна“
Рекъ отéцъ до сы́на,
„Отъ мнóгихъ ужѐ лѣтъ
„Якъ настáлъ такій свѣтъ:

„„Що все брáтъ
„„Собѣ рáдъ,

„„А сестрà
„„Собѣ несла;

„„Кождый о собѣ
„„Никто о тобѣ...
„Ты же однако
„Не дѣлай тако —
„О себе дбай, памятай
„О другихъ не забувай!
„Маешь мало, „Маешь много
„Подай мало; „То дай много,
„Богъ всего не роздалъ,
„Много ещѐ заховалъ —
„Подасть ти въ потребѣ
„На земли и въ Небѣ.“

В. К.

104.

Щедрота.

(Изъ Рихтера.)

I.

Іоаннъ милостивый.

Іоаннъ милостивый, Патріархъ Александрійскій казалъ кождого дня обдѣлати бѣдныхъ милостинею. Коли одного раз8 межи о҃богими ѡ҃вили са и такіи люде, котріи мали дорогіи одежи на собѣ и иніи золотіи и срѣбрніи о҃боры на р8кахъ и шыяхъ, жаловали са роздѣлаючіи милостиню на нихъ о҃ Патріарха, но тойже сказалъ: „бачите! ѡ҃къ вы ещѐ мало о҃мѣете правдиве о҃божество и нещастье познавати; чижь гадаете, що тіи на позорѣ богатіи люде радо са показ8ютъ помежи жебраками въ обще знаными? — видно, що ихъ крайна н8жда до того принз8дила! Въ прочемъ, если вы въ имени кроткого Іоанна, или л8чше сказавши въ имени Христа роздаете милостиню, то

не забывáйте на гóлосъ Евангéлïа, котрóе накáзве тымъ давáти, котрïи прóсятъ. Всѣ имѣнïа налéжатъ томѹ, котрúй ихъ велѣлъ роздавáти и котрúй ихъ безъ кóнцà и мѣры въ своéй Цéркви мáе — а нáветь слúвы всѣ ѹбогïи зъ цѣлóго свѣта прибúли до Алексáндрïи, тóбы можь бúло достатóчно всѣхъ ихъ обдѣлúти."

II.

Серапïóнъ Синодúтъ.

Серапïóнъ Синодúтъ срѣтилъ ѹбогóго, котрóго дарúлъ своúмъ плащéмъ; потóмъ прïйшóлъ до нéго дрѹгïй, котрúй дрожáлъ отъ зúмна на цѣлóмъ тѣлѣ, тóго дарúлъ своéю сѫкмáною; а сáмъ ѹсѣлъ и держáлъ въ рѫцѣ свитóе Евангéлïе ѿкъ ктóсь его вопросúлъ: „Óтче, кто Васъ тáкъ зравовáлъ и обнажúлъ?" — Óнъ, покáзвà на свитóе Евангéлïе отвѣтúлъ: „Сéе!" — Úного рáзѹ продáлъ ѻнъ и самóе Евангéлïе, абы подáти мúлостиню — а колú одúнъ зъ его ѹченикóвъ вопросúлъ: „Óтче! а где есть Вáше Евангéлïе?" сказáлъ ѻнъ: „Въ úстинѹ, понéже читáлъемь тóе и онó менѣ скáзало: продáй все, що мáешь, и роздáй мéжи ѹбогúхъ, то продáлъемь на конéцъ и самóе Евангéлïе, абы цѣнѹ полѹчéнѹ роздáти мéжи ѹбогúхъ." Его щедротà прïйшлà до тóго стéпеня, що разъ самъ себѣ продáлъ за некóльницка, абы грóшми за сéбе взúскаными принестú пóмóчь однóй бѣднóй вдовúци, котрà въ крáйнóй находúла сѧ нѹждѣ.

Въ пéрвыхъ часáхъ Хрïстïáнства находúмъ ажь за надто частïи примѣры чрезвычáйной ще-

дроты, а насѫпротивъ нынѣ чрезвычайной скѫпости. Такъ змѣняютъ са времена и люде съ ними!

В. К.

105.

Житьѐ.

(Казка.)

Колй Господь Богъ свѣтъ сей прекрасный сотворилъ и всякомѫ естествѫ долготѫ житьа опредѣлити хотѣлъ, прййшолъ до Него осѣлъ и пытался Его са: „Господи, долго ли жити мнѣ?“ „Трйдцать лѣтъ,“ отвѣчалъ Господь Богъ; „довольнъ ты зъ того?“ „Ахъ Господи!“ каже осѣлъ, „се долгій часъ! Вспомнй моѐ тажкоѐ житьѐ: отъ самѣсѣнкого ранка ажь до темнои ночи стогнѫ подъ тагаромъ, мѣшкй съ звожьемъ вожѫ и вожѫ въ млынъ, а йнши хлѣвъ сватый поживаютъ; а кромѣ того штѫркаютъ, бйютъ менѐ — такѐ моѐ житьѐ; Господи! скороти оное.“ И оумилосердилъ са Господь Богъ надъ нймъ и даровалъ емѫ осьмнадцать лѣтъ. Осѣлъ отъишолъ потѣшенъ, а песъ завйлъ са. „Йкъ долго хочешь жити?“ рекъ Господь къ немѫ, „ослови трйдцать лѣтъ за много; ты же вѫдешь довольнъ?“ „Господи! отвѣчалъ песъ,“ есть ли се волѣ Твоа? Погадай, що ѫ бѣгати и бѣгати нѫждный, мои ноги невыдолѣютъ томѫ такъ долго; а колй голосъ потераю до гавкана, а зѫбы до кѫсана, о щоже са дѣе съ мною? зъ одного кѫта до другого бѣгаю и скѫлю, скѫлю горько!“ Господь оувидѣлъ его правдѫ и отпѫстилъ мѫ двана дцать лѣтъ. Потомъ прййшлъ малпа. „Ты съ охотою схочешь трйдцать лѣтъ жити?“ рекъ Господь

къ мáлпѣ, „не працюешь тáкъ осéлъ и песъ, все есь собѣ весéла и бáвишь сѧ.“ „Ахъ Гóсподи!“ отвѣчáла мáлпа, „то лишь такѣ на пóзоръ моѣ житьѣ: але инáкше въ йстѣ éсть. Мнѣ зáвсѣды влазнювáти, скакáти и людій веселúти, — а кúнютъ менѣ за тóе тáблоко, а тá го вкюшю, то квáснѣ. Такъ чáсто скрывáе сѧ пóдъ весéлостію смютà! Черéзъ трúдцать лѣтъ не выдолаю томю.“ Богъ мúлостивъ отпюстúлъ ей дéсать лѣтъ.

На кóнцѝ тавúлъ сѧ человѣкъ весéлъ, здорóвъ и чéрствъ, и просúлъ Бóга, абы емю врéма жúзни опредѣлúлъ. „Трúдцать лѣтъ вюдешь жúлъ,“ рекъ Гóсподь. „Ахъ, тáкъ корóтко!“ съ плачéмъ сказáлъ человѣкъ, колѝ лишь постáвлю залéдво дóмъ и на своéй власнóй печѝ загрѣю сѧ; колѝ деревúны позасаджáю, тїи цвúсти и óвощи родúти пóчнютъ, а тá тóлько що трюдомъ и житьéмъ мóимъ наслаждáти имю сѧ, тогдú мнѣ умерáти! О Гóсподи продолжѝ моѣ житьѣ.“ „Да бюдютъ óсьмнадцать лѣтъ óсла твоúми“ рекъ Богъ. „То не досúть“ отвѣчáлъ человѣкъ. „Да бюдютъ ещѣ двáнадцать лѣтъ пса твоúми.“ „Все ещѣ мáло Бóже!“ „Дóбре!“ рекъ Гóсподь Богъ, „дамъ тобѣ ещѣ дéсать лѣтъ мáлпы, но бóльше не отрúмаешь. Человѣкъ отъишóлъ, однáкожь не былъ задоволéнъ.

Отожь жїѣ человѣкъ семдесáть лѣтъ! Первїи трúдцать сютъ его власнїи человѣческїи лѣтà, тїи утѣкáютъ бóрзо и прюдко, въ тихъ лѣтáхъ есть человѣкъ здорóвъ, весéлъ, працюе охóтно и тѣшитъ сѧ изъ своúго бытїà. По тихъ слѣдюютъ óсьмнадцать лѣтъ óсла, тогдà одéнъ тагáръ за дрюгимъ на нéго спадáе: двúгае звó-

жье, котóримъ дрꙋгихъ кормúтъ, — грúзь, клóпотъ сѣть егò нагородóю. По тóмꙋ слѣдꙋютъ двана́дцать лѣтъ пса, тогдà лежúтъ въ кꙋтѣ, гарчúтъ, скꙋлúтъ не маючи ꙋжѐ зубóкъ до кꙋсана. И переминѐ тотъ часъ, то заключа́ютъ дéсять лѣтъ ма́лпы житьѐ. Тогдà прихóдитъ человѣкъ на дѣтúначій рóзумъ и станѐ ся, сóромъ казáти, презрѣнïемъ дѣтïй, котрыхъ однáкожь тóе самò колúсь ожидáе.

Пчолà.

106.

Квока и кꙋратко.

Бéрегомъ потóчка,
Ходúла разъ квóчка,
А нарáзъ щось стáла,
На свóихъ клúкала:
„Ходѣтъ но рабя́тка!
„Ходѣтъ но кýрятка!!“

На той вóскликъ квóчки
Сбѣгли ся дѣточки,
И мóвь бы ѣкъ стрѣлà
Пôдъ мáтернѣ крúла
Всѣ ся похова́ли,
Бо ся прилякáли.

„Нѣтъ мой дѣточки,
„Нѣтъ мой любочки,
„Не вамъ ся боя́ти,
„Пóки ва́ша мáти
„Съ ва́ми рáзомъ хóдитъ
„Съ собóю васъ вóдитъ...
„Ястрѣба высóко
„Ви́дитъ моѐ óко;
„А тхорѧ зъ далéка
„Ци морóзъ, ци спéка,
„Ꙗ всегдà учꙋю
„Хоть твéрдо ночꙋю...

„Но бáчте лꙋбочки,
„Но бáчте дѣточки,
„До тóго потóка
„Хоть старà ѣ́ квóка
„Мáломь не влетѣла,
„И ся не утопúла!...
„Про тóе внимáйте!
„Увáжно бѣгайте,
„Бо вáшого крилà
„Не есть такà сúла
„Бысьте и лѣтáли
„Такóжь и плáвали!“ ...

Слꙋхали кꙋрятка
Всю рѣчь до остáтка
И сказáли: „Мáти!
„Бꙋдемъ памятáти,

„Щось на́мъ росповѣ́ла
„И та́къ научи́ла.“ . . .

Но оди́нъ коґу́токъ
Не вѣ́рилъ въ той ску́токъ;
Край бе́рега ста́нулъ
И по рѣ́чцѣ гля́нулъ,
Где ка́ча пла́вало
„И такъ си спѣва́ло:

„По рѣ́чцѣ гуля́ю
И не ду́же дба́ю,
„Ци мя кто году́е
„Ци мя кто пильну́е;
„Ту всего та́ маю
„Чого́ забажа́ю! . . .

„Бѣ́дне небожа́тко
„Єсть ко́жде ку́рятко,
„По земли́ ни́пае
„Выго́ды не зна́е;
„И ему́ столстѣ́ти? — . .
„Зъ го́лоду умлѣ́ти!“ . . .

На то́е коґу́тикъ
Вы́гнулъ ся гей пру́тикъ
Уда́рилъ крилца́ми
И зи́ркнулъ оча́ми;
Пото́мъ змо́рщилъ бро́вы
И ста́лъ до розмо́вы:

„Чу́лъемь се́стро лю́ба,
„Що и́ста єсть зґу́ба
„По рѣ́цѣ пла́вати
„И въ ней ся купа́ти—
„Мно́ги ча́сто ба́ютъ,
„О чѣмъ ни́чъ не зна́ютъ.

„Бо бачь! ты нѣврóку
„Гуля́єшь въ пото́ку,
„О бѣдѣ́ не зна́єшь
„Въ ща́стю прожива́єшь. —
„Скажи́ пра́вду щи́ру;
„А тобѣ́ увѣ́ру!“ . . .

„„Любезный мой бра́тку!
„„Ку́ряче по́тятко!!
„„Слибъ всѣ небыли́цѣ
„„Дѣялись въ води́ци,
„„Тобъ тво́ей сестри́ци
„„Замкну́ти зѣни́цѣ,
„„Давно́ бы́ло ста́ло
„„Пекъ бы ся каза́ло!
„„Но бачь! та́ гуля́ю
„„За ре́питу не дба́ю;
„„Въ ши́рь и вздо́лжь по-
плы́ну,
„„Зъ го́лоду не зги́ну!““...

„А ну та́ спробу́ю?!
„Чей си полюбу́ю?!
„Бо моя́ охо́та
„Надѣ́я золо́та
„Си́лъ менѣ́ додаю́тъ
„Все до́бре вѣцаю́тъ;
„Такой та́ спробу́ю
„Чей не пожа́лую?!

* * *

И ско́чнлъ зъ высо́ка
Про́сто до пото́ка;
Но да́лъ нара́зъ ну́рка —
Отъ та́къ ко́жда ку́рка!
А мѣ́сто гуля́ти
Му́сѣлъ загиба́ти! . . .

В. К.

107.

Оцѣненье по слѫшности.

Одинъ тщеслáвный стихотвóрець любúлъ дѫже, щобы егò прїятелѣ слѫхали егò сочинéнїѧ. Разъ зимóю прїйшóлъ посѣтúти егò одéнъ изъ прїятелѣвъ. Онъ запровáдивши своóго гóстѧ въ нетоплéнѫ комнáтѫ, посадúлъ егò кóло столà, и начáлъ емѫ читáти свой дóлгїи и скѫчнїи стихú, а потóмѫ вопросúлъ, ѩкъ ôнъ дѫмае о тúхъ стúхахъ? — „Дрѫже мôй!“ отвѣчáлъ перезáвшїй гóсть, „еслúбы побóльше бúло огнѧ въ твóихъ стúхахъ, илú побóльше твóихъ стúхôвъ въ огнú, то бúсьмо йстинно не перезáбли тáкъ дѫже.“

В. Вóлянъ.

108.

Б ѫ р ѧ.

Шумáтъ вóлны ѩкъ скажéнѝ
Пѣна на нихъ стáла —
Бýря крúла розпущéнѝ
Ужѐ порозстеляла.
Нéбо чóрне, нôчь надхóдитъ,
Часъ бýри гуляти,
Лишь самà ся коровóдитъ,
Когò въ танéць взяти.
Въ тôмъ примчúлъ ся вѣтеръ зúмный
Всюдась розглядáе; —
Зáразъ сумрáкъ благочúнный
Бýрю намовляе:
Бы съ вѣтромъ спряглà ся
И въ сúлу взмоглà ся;
Здóбно бýде имъ гуляти
Когдà мóре бýде грáти.

Всю́да ти́хо . . . . .
А но́чь чо́рну засѣда́е
Непремѣ́нно ґа́кéсь ли́хо . . .
И чека́е и чека́е . . . .

Нужь спрягла́ ся бу́ря съ вѣ́тромъ:
Сади́тъ, вали́тъ,
Гуди́тъ, скули́тъ
Въ бе́звѣсть мо́ря те́мнымъ свѣ́томъ. . . .
И несе́ся кру́гомъ, кру́гомъ,
И женѣ ся съ сво́имъ дру́гомъ. . . .
То по мо́рю ся протя́гне,
То до нёго си приля́гне,
То схо́питъ ся и спѣши́тъ ся,
Ѩкбы щось ей неставáло,
Ѩкъ за не́ю щось бы гна́ло. . . ,
Мо́ре гра́е
Сумъ сбера́е
Саму́ бу́рю съ вѣ́тромъ
Пере́дъ чо́рнымъ свѣ́томъ.
И зновъ да́лѣй . . . . не пыта́е
Съ зи́мнымъ вѣ́тромъ тай гуля́е
Волна́ ревѣ,
Мо́ре гудѣ,
Кораблѣ по́рна́ютъ,
На глубо́ко́й, на широ́ко́й
Бе́здньѣ пропада́ютъ.
Твердый ка́мѣнь рвѣ ся
А бе́рѣгъ трясѣ ся.
Бо ажь не́ба досяга́е
Ни часо́чокъ не утиха́е,
Бу́ря съ вѣ́тромъ, волна́ съ мо́ремъ
Ѩкбы ся кази́ли
И свѣ́ты вали́ли. . . .
Але сумра́къ ба́чилъ зло́е
И взялъ промовля́ти:
„Утишѣ́тся! ни на то́е

Хтѣлъемь васъ спрягáти,
Бы́сте мóре вывертáли
И кораблѣ̀ потопля́ли,
Розпряжѣ́тъ ся,
Розъидѣ́тъ ся,
Бо васъ бе́здна ꙋ̂хóпитъ
И въ сóбѣ̀ затóпитъ.“

Не слу́хали се́и рáды,
Бо лишь мóре залишáютъ; —
Тепе́рь къ лѣсáмъ ся звертáютъ:
Дорóгою копóтятъ,
Ажь сумъ, ажь лякъ трясκóтятъ.
Гнеть туманы́ поставáли
И за ни́ми вздогóнъ гнáли;
Ужѐ ся въ лѣсáхъ опини́ли,
Разомъ зно́ву ся случи́ли.
Лѣ́съ цѣлы́й ся погинáе
А що бу́де, ктожь то знáе?
Тумáнъ осѣ́лъ, — бу́ря стáла
И до вѣ́тра такъ сказáла:
„Ми́лый дру́же, погуля́ймо,
Зъ лѣсóвъ вѣнкѝ посплѣтáймо.“
И веду́тъ ся коровóдомъ
Лѣсы́ ло́мятъ перехóдомъ
Зъ гнѣздà птáхи позлѣтáли
Зъ печáръ звѣрѣ̀ поꙋ̂тѣкáли;
Въ цѣлóмъ лѣ́сѣ̀ зóйки, кри́къ,
Ло́пóтъ, сту́котъ, свистъ и ры́къ, —
Ду́бы паду́тъ
Ôтъ вѣ́тра пу́тъ,
Бу́ря щѐ му помагáе
Зъ землѣ̀ ко́рень выдерáе.
Все зве́рнене одны́мъ рáзомъ;
Або стреми́тъ
Або лежи́тъ
Плáзомъ, плáзомъ.

Але ще на тôмъ не го́дѣ,
Бу́ря съ вѣтромъ въ корово́дѣ
Вѣжи́тъ, лети́тъ,
То гора́ми,
Долина́ми,
То поля́ми,
То луга́ми
Траву́ збо̂жье вырыва́е,
И съ собо́ю забера́е.
Тепе́рь о́то! ся спини́ла
Надъ хата́ми
Надъ мѣста́ми
Та крыхту́ ся у̂тиши́ла
И щось съ вѣтромъ говори́ла.
Все дриготи́тъ зъ перену́ды
И ждѣ и ждѣ, що то бу́де?
Две́ри, о̂кна зазвони́ли
Кро́квы всю́да затреща́ли —
Бу́ря съ вѣтромъ зновъ гуля́е
Зъ Церквồвъ Кресты́ гетъ скида́е.
Въ мѣста́хъ, се́лахъ зо́йки, кри́къ,
Въ по́мо̂чь кли́чутъ всѣхъ Святы́хъ.
О̂кна бре́ньку наробы́ли
А хаты́ ся повали́ли,
Стрѣхи по̂йшлѝ въ перове́рты
Всѣ гада́ютъ, то часъ сме́рти;
А кто зъ ха́ты ся ха̂ви́тъ
Дру́гимъ къ по́мочи спѣши́тъ,
Бу́ря съ вѣтромъ го хапа́е
Якъ помело́мъ по̂дкида́е
И по землѝ розщиба́е
И лишь ко́сти выпуска́е.

Ско́ро бу́ря то́е у̂зрѣ́ла
За́разъ зъ вѣтромъ ся розбѣ́гла;
Та ихъ бо̂льше не выда́ти
По̂йшлѝ, по̂йшлѝ спочива́ти.

——— *И. Гушале́вичъ.*

109.

Ѧлбрехтъ (IV) ґра́фъ Габсбу́рскій працю́е съ свое́ю роди́ною въ гро́бници въ Мѵ́ри.

(По́для Циґлера.)

Дѣ́ло съ то́е р. 1238, коли́ по цѣло́мъ христіа́нскомъ свѣ́тѣ по тре́тій разъ о́бщій розла́гъ съ го́лосъ: „свати́й гро́бъ Спаси́теля въ Іерѵсали́мѣ освободи́ти изъ рѵ́къ Невѣ́рныхъ!“ Влады́телѣ Фра́нціи и Іта́ліи воспламенѣ́ли свати́мъ огнёмъ — а по ихъ приме́рѵ не бы́ло жа́дного бо́дрого ры́царя, котры́йбы не взялъ на се́бе зна́ма креста́ обѣтѵ́ючи: ра́до свою́ кровь проліа́ти за честь Спаси́теля!

Не задо́лго розшири́лъ съ той за́палъ и по цѣло́й Нѣмéччинѣ, где мно́гіи держа́вніи князѣ́ собра́ли сво́ихъ ле́нниковъ (вазалѣвъ), абы́ изъ нихъ соста́вити вели́ке во́йско, си́лою прогна́ти Невѣ́рныхъ и вы́дерти имъ свати́ю зе́млю. По́ходы тіи называ́е їсто́ріа „крестоно́сными“ и ма́вшихъ о́ѵчасть въ тыхже „крестоно́сцами.“

Ме́жи числе́нными тыми крестоно́сцами находи́лъ съ тако́жь и Ѧлбрехтъ (IV) ґра́фъ Габсбу́рскій, котры́й съ рѣши́лъ, для освобожде́на св. гро́ба съ сла́вою боро́ти съ на освяще́ной земли Палести́ны и изъ и́скреннои любвѝ пожертвова́ти своѐ житьѐ за сво́го Спаси́теля.

Вели́ка и дале́ка доро́га и съ то́ю славче́нїи и ча́сто не о́ѵклони́мїи опа́сности, а наветь и мы́сль, що ем̑ съ мо́же сѵди́ло, на восто́цѣ зако́нчи́ти своѐ житьѐ, споводова́ли его́ тепе́рь, все то́е роспорядѝти, що бы́ло потре́бнымъ для благосостоа́на его́ До́мѵ. Насампере́дъ заключи́лъ про

тóе съ свóими сосѣдами óбщій мíръ, абы съ пóлнымъ сосвѣдѣнїемъ, ѣко постарáлъ сѧ о спокóй свóи сїятельнѣйшои родíны, мóглъ сѧ присовокꙋпúти до пóхода.

Вкыдавши такóжъ и дáльшїи роскáзы дотычнїи самóго предпринимáтельства, склúкалъ наконéцъ свою родúнꙋ и свóихъ лéнникóвъ до монастырá въ Мꙋри, а отꙋдáвши сѧ съ нúми до грóбницѣ свóихъ прéдкóвъ, промóвилъ предсѣмъ до свóихъ лéнникóвъ взрꙋшéнымъ гóлосомъ: „И ндѣ тамъ, кдѣ взывáе менѣ сватóе знамéнїе Крестá, и ѣ есмь готóвъ за грóбъ и слáвꙋ мóго Спасúтела пролїáти послѣднꙋ кáплю мóи крвú. Прїймѣтъ отъ мéне подáкꙋ за Вáшꙋ менѣ дóсы обкшивлéнꙋ вѣрнóсть и любóвь. Хóчете ли мою пáмать мáти въ пóчести, то порꙋчáю Вамъ мóихъ сынóвъ. Вáшꙋ жичлúвóсть, вѣрнóсть и прáведнóсть менѣ окáзованꙋ, такóжъ и имъ окáзꙋйте, и не завꙋвáйте, цо Албрехтъ Габсбꙋрскїй есть их Отцéмъ!“

Глꙋбóка тишинà стáла въ слáвнóй грóбницы, котрà мѣстúла въ сóбѣ мóщи егò прéдкóвъ. На самперéдъ сꙋпрꙋгꙋ притиснꙋлъ до свóи глꙋбóко взрꙋшéнои грꙋди, потóмъ обернꙋвши сѧ до свóихъ обóхъ сынóвъ Рꙋдóлфа и Албрéхта сказáлъ: „Тꙋтъ, где тéни Вáшихъ слáвныхъ предкóвъ Васъ окрꙋжáютъ, праща́ю сѧ ѣ — мóже по разъ послѣдный — съ Вáми, мóними такъ дорóгими дѣтьмú! Слꙋхайте навки Вáшого отцà, котрꙋ ôнъ Вамъ на семъ сꙋминóмъ мѣстци минáемости, дóбре мыслячú съ Вáми подаѣ. Предъ всѣмъ держѣтъ сѧ вѣрности и вѣры и провꙋвáйте въ страсѣ Госпóднѣмъ. Совѣтникамъ, подаючимъ Вамъ совѣтъ пôдлѧ свóи гꙋвы, а дꙋмаючимъ фалшúво

подлѧ своѓо корыстолюбїѧ, не отворáйте нѣ оу҃ха нѣ сéрдцѧ; вóйнꙋ роспочинáйте лишь принꙋждéнїи, и лишь тогды, еслѝ всѣ йнїи срéдства покáжꙋтъ сѧ быти безꙋспѣшными; скóро же разъ тꙋю роспочáлисте, тогдà совершáйте ю мꙋжествéнно и постоáнно. Собственнїи Вáшїи залежúтости не превозносѣтъ никóли надъ óбщїй мúръ. Памятáйте зáвсѣды, що ґрáфы Габсбꙋрскїи не хúтростїю и ошꙋкáнствомъ, áнѣ гóрдостїю и своевóльствомъ, áнѣ корыстолюбїемъ прїйшлѝ до такóи высóкои слáвы, що съ нúми мáло зъ ихъ станꙋ могꙋтъ сѧ рóвнáти, но черéзъ честолюбїе и черéзъ стараннóсть о óбщое благо. Въ мѣрꙋ ѣкъ Вы вꙋдете вступáти въ слѣды Вáшихъ Родúтелѣвъ, не инò же оу҃держитѐ сѧ при наслѣдственнóй чéсти и благобытїю, но прїйдéте ещѐ до бóльшого!“ По семъ ещѐ разъ притиснꙋвъ свою сꙋпрꙋгꙋ и дѣти до своúх грꙋди проливáючи слéзы глубóкого взрꙋшéнѧ, повлогословúлъ нхъ и попрощáлъ сѧ съ всѣми своúми принадлéжниками.

Въ товарúществѣ мнóжаихъ барóновъ выправúлъ сѧ мꙋжественный Áлбрехтъ Габсбꙋрскїй въ далéкꙋ свою дорóгꙋ, и прибылъ не по цѣлкóмъ спрїáючой ѣздѣ до Сирїи, где однáкожь не мóгъ оу҃толúти свою жáждꙋ, воевáти за гробъ Спасúтелѧ, понéже власнѣ прибылъ по той часъ, колѝ христїáнске вóйско заключúло перемúрїе съ Сараци́нами.

Не долгò по своúмъ прибытю занедꙋжалъ смертéльно въ слѣдствїе нездорóвого клúматꙋ и закóнчúлъ своѐ достохвáльное житьѐ р. 1240.

Сгò обà молóдшїи сынꙋ Áлбрехтъ и Гáртманъ помéрли такóжь по нѣмъ не за дóлго, про тóе

Рѫдолфъ, сынъ найстáршїй, былъ наслѣдникомъ всѣхъ ôтцѣвскихъ посѣлостїй, зôсталъ р. 1273 вы́браный на нѣмéцкого цѣсаря и сталъ ся родоначáльникомъ Дóмѫ ракѫсскаго.

В. К.

110.

Слєзá.

Колѝ ѩсне́ньке не́бо почорнѣє,
Чернь хма́ръ кипя́чихъ затьми́тъ со́нце ѩсне,
Цѣло́ви приро́ды ли́чко засумнѣє
Вся́ка ѥ́й кра́са темнѣє и га́сне;
Съ гу́комъ и шу́момъ вала́тъ ся болва́ны,
Гро́мъ бїѣ по гро́мѣ, а огне́нни стрѣ́лы
Но́рютъ возду́хи, ѩкъ зъ пе́кла шата́ны,
Якъ бы ся дви́гли всѣ небе́сни си́лы.
Си́льно трепе́тно вихôръ ме́че лѣсомъ,
Дубъ ся столѣ́тный ло́митъ въ полови́нѣ,
Ди́кїй звѣрь ѩкъ бы былъ гоне́ный бѣсомъ,
Съ ры́комъ ўхо́дитъ до те́мнои ѩски́нѣ,
Пе́рунъ грема́чо рве мурѣ́, рве ска́лы,
Огнѣ́ небе́сни съ зе́иными ся сте́рли,
Сти́хїи бо́рбу стра́шну розпоча́ли,
Якъ бы ўжѣ зе́млю зъ и́га о́си пе́рли.
Облакъ глубо́кои тишины́ просте́ръ ся,
Хиба где ехо въ возду́сѣ кона́є,
Ля́чно на гильцѝ листо́чокъ трясе́ся,
Сму́тно на ве́жи звукъ зво́на загра́є.
Въ то́мъ че́рнь хма́ръ тя́жкихъ зе́млю прилята́є,
Якъ бы бре́менемъ ма́ла въ по́рохъ сте́рти,
Ажь сумъ все пле́мя живѣ обгорта́є,
Якъ бы ўжѣ Ангелъ вѣсту́нъ прїйшо́лъ сме́рти:
Алежь въ то́мъ до́щикъ ряснéнькїй, тепленькїй
Сти́сненый во́здухъ струями прошы́є
Трво́жну земленьку ѩкъ бра́тчикъ ро́днéнькїй,
Якъ ма́ти доньку по́дъ вѣно́чокъ змы́є;

Ѭкъ въ барвѣ́ночокъ ўберѐ и въ цвѣ́точки,
Ажь ся встыдли́ве ли́чко зрумянѣ́є:
Такъ шкваромъ, бу́рею зъгнѐнй рослѝночки,
Красо́ю бли́снутъ, всѣ зазеленѣ́ютъ,
Дро́бна́ пташи́нка защебе́че въ бо́рахъ,
Му́шка роя́ми зъ по́дъ листо́чко́въ ру́шитъ,
Ходо́бка съ ры́комъ игра́є по го́рахъ,
Пчо́лка брени́тъ си, моты́ль кри́льцѣ сушитъ;
Бо зъ за хмаръ чо́рныхъ со́нце засія́ло,
Воздух тхну́лъ вонью, що цвѣ́точки въ да́рѣ
Зъ серде́цъ вѣно́чко́въ сы́плютъ му не ма́ло,
Бо встри́малъ гро́мы, бо розпу́дилъ хма́ры.
— Ро́вно и ду́шу ѭкъ смутокъ обго́рне,
Студе́ный мо́зокъ огне́мъ запали́тъ ся,
Клубка́ми га́дя ру́шитъ вѣ́дьмо чо́рне,
Що въ гру́ди нѣ́жно́й по́дъ се́рцемъ гнѣзди́тъ ся.
Чувства́ то зна́нй, стрѣ́лы ѣдови́ти!
Що се́рдце по́рютъ, пала́тъ, въ лѣ́дъ стина́ютъ,
Звѣ́рѣ то встѐкли́, крви серде́цъ несы́ти!
Зра́къ тьмя́тъ, слу́хъ глу́шатъ и ду́хъ запера́ютъ!!
О! ўжѐ конча́ина для тя очеви́ста....
А въ то́мъ изъ зо́рни́чки, що въ го́лову ўпа́ла,
Пу́ститъ ся рѣка́ сле́зъ горя́чихъ чи́ста, —
Лицѐ ўмы́ла, жа́ръ въ се́рдци зальа́ла.
Але у ме́не слезъ жерело́ вы́схло —
Чимже запла́чу? чимъ въ гру́ди бо́ль зду́шу?
Кобы́ хоть кро́вью о́ко, се́рдце пры́сло...
Зальа́ти ву́льканъ, що пали́тъ гру́дь, ду́шу.

Новины.

111.

Два пѧги.

Пе́вный кова́ль ѹ́ковалъ зъ е́дного кава́лка желѣ́за то́гожь дня два пѧги. Робо́чій селя́нинъ кѫпи́лъ оди́нъ зъ тихъ пѧго́въ и ѹ́потребля́лъ то́гожь до сво́и робо́ты въ по́ли. Дрѫгій пѧгъ ли-

шíлъ сѧ оу̑ мáйстра черéзъ цѣлы́й рôкъ, и лежáлъ въ кѹ̑тѣ гдесь тамъ въ кѹ̑зни, и заржáвѣлъ цѣлкóмъ.

Въ такóмъ состоáню кѹ̑пíлъ егò ѧ̑кíйсь дрѹ̑гíй селѧнúнъ и принéслъ слу̑чáйно блúзко до егò брáта, дáвного плу̑га, котрóго оу̑потреблáно черéзъ цѣлы́й рôкъ.

„Ижъ то бы́ти мóже!“ клúкнулъ заржáвѣлый плу̑гъ, „ты выглядáешь брáте такъ краснò, éсь тáкъ гладóнькíй, и блищúшь сѧ мовь бы то срѣ́бро, та ты прéцѣнь вздучи́ съ мнóю оу̑ ковалà такъ не выглядáлъ есь! Що сѧ менѣ тычитъ,“ продолжáлъ ôнъ, „лежáлъмы спокôйно черéзъ цѣлы́й часъ, мéне никтò не тыркáлъ, былъмы въ пошановкѹ̑, а прéцѣнь ржа менѣ такъ безъобразúла.“

„Блáснѣ для тóго, же тебѣ шановáно,“ сказáлъ полúскѹ̑ючíй сѧ плу̑гъ, „почáла ржà тебѣ ѣсти.“

Лѣнúвство есть всегдà шкодлúве; прáцѧ, вправа и оу̑потреблéньe розвивáе сúлы. Такъ сáмо и дýхъ нѣдѣе, скóро не дѣлáе — а нáвeть и водà псу̑ѣ сѧ, скóро стоúтъ и не ôтплывáе! —

В. К.

112.

Чтѣ нынѣ, чтѣ зáвтра?

Спúшь — не знáешь чтѣ нынѣ —
Зáутра мóже не твоѣ.
Цвѣтъ зсыхáе на калúнѣ —
Колúсь скáжешь: „всѣ марнѣ!“

И. Гушалéвичъ.

113.

Лѝстье и цвѣтъ.

(По̀для Жеанъ По́ля.)

„Ѩкъ проминáющое, ѩкъ тлѣ́нное житьѐ ва-ше!“ шелепотѣ́ли листкѝ до спадáючого на зе́млю цвѣ́та. „Лѐдво есте сѧ розвѝли, тай днѝнꙋ однꙋ пережѝли, о᷑жѐ и конѐцъ ва́шъ, о᷑жѐ въ гро̀бъ падете! Чомꙋ то мы, далѐко превосходнѣ́йшїи о̀тъ ва́съ, ско́ро лишь снѣ́гъ о᷑стꙋпитъ, розвива́емъ сѧ, росте́мъ и кра́снꙋ на́шꙋ зелѐнꙋсть о᷑дѐржꙋемъ ажь въ по̀зднꙋ о́сѣнь. Чꙋемъ пѣ́сни весна́ныхъ пти́ць, въ лѣ́тѣ ба́вимъ сѧ съ ле́готомъ, и въ ча́съ о᷑палꙋ самъ человѣ́къ сѣда́е въ на́шꙋ тѣ́нь, тай ажь въ по̀здно̀й осенѝ, колѝсьмо сѧ дово̀льно нажѝли, зстꙋпа́емъ до гро́бꙋ.“ Цвѣ́тъ спада́ючїй такъ на то́е о̀тповѣда́е: „„И вы жїе́те и мы жїе́мъ: но ме́жи житїе́мъ на́шимъ захо́дитъ розли́чїе не ино̀ цо до долготы, но и цо до досто́йности. Мы однꙋ то̀лько або̀ двѣ̀ днѝны жїе́мъ, але въ то̀мъ коро́тко̀мъ нашо̀мъ вѣ́кꙋ выгрѣва́емъ о́вощъ, по̀дла котро́го госпо́дарь цѣло́е де́рево цѣни́тъ, и еслѝбы насъ не бы́ло, вы бысте не сꙋществовáли, бо де́рево, кото́рое не выдаѐ цвѣ́та и о́вощей, не ва́рто, ѩкъ лишь абы̀ его̀ зрꙋва́ти и въ оге́нь въверечѝ. Мы паде́мъ въ гро̀бъ, бо се сꙋдьба̀ все́го жїю́чого, але лиша́емъ по совѣ́ поколѣ́нье ново́е, которо́е по на́шо̀й смертѝ изъ зе́рнатъ вы́коле сѧ, и въ бꙋдꙋщїи вѣ́кѝ вы́ꙋмае въ садъ цвѣ́тꙋчїй, и о́вощъ приноса́чїй.““

И человѣ́къ жѝти до̀лженъ не ѩкъ то́е сꙋе́тное ли́стье, но ѩкъ то́й цвѣ́тъ; абы̀ въ хвѝли сме́рти исполне́нъ былъ то́ю со́вѣстїю, же жѝлъ для чело-

вѣчества, и же выгрѣлъ въ своéй жи́зни о́вощъ соло́дкій, во́нжный, зерни́стый и плодоно́сный въ вѣдѣщинѣ!

Зоря га́лицка.

114.

Е с н а́.

Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni.
Horatius.

Бачь! бѣлѝ ри́зы, що по́ля ўкрыва́ли,
Ужѐ на Дажбо́га ро́сказъ посчеза́ли,
Якъ на смерть вѣчну на́ша ми́ла ма́ти
Убра́на была въ бѣлѝ, смéртнѝ ша́ты,
Лежа́ла въ гро́бѣ — лишь не до́лге врéмя,
А днесь воскре́сло съ нею ро́дне плéмя, —
И ўбира́ѥсь — щобъ весну́ вита́ти —
Въ надѣ́йнѝ, свѣ́тлѝ, зелене́ькѝ ша́ты.
Все веселѝ́тъ ся, же вéсненька бо́жа
Наза́дъ верта́ѥ мовь царѝ́ця го́жа.
Ужѐ безмéжне нéбо голубѣ́ѥ,
А жи́зна ни́ва мовь Ма́й зеленѣ́ѥ,
Що день сильнѣ́йше со́лнце припѣка́ѥ,
Вѣтре́цъ тепле́ньки́й зъ ю́га подува́ѥ,
День бо́жій съ ко́ждою дни́ною прибыва́ѥ,
И до робо́ты всѣхъ на́съ возыва́ѥ. —
Ужѐ селяни́на прелюбе́знѝ дѣ́ти
Въ хаты́нѣ те́плóй не хотя́тъ сидѣ́ти,
Ино́ по луга́хъ ра́достно буя́ютъ,
И тамъ скваплѝ́во цвѣточкѝ сбира́ютъ,
Що такъ скромне́нько гу́бонькы розня́ли,
И ми́лый за́пахъ по луга́хъ розля́ли. —
Скваплѝ́ва пчóлка дóмъ свóй опуска́ѥ,
Брени́тъ такъ лю́бо, ажь се́рденько гра́ѥ,
Дóмъ опуска́ѥ, чрезъ луги́ гуля́ѥ,
Зъ цвѣ́тко́въ соло́дко́сть всяку высыса́ѥ. —
Небе́сни пти́цѣ пѣ́снь ужѐ голо́сятъ,
Мовь вдя́чно́сть Бо́гу за весну́ зано́сятъ,

А надъ всѣ птицѣ соловѣй чудесный
Щебече пѣсни — гей пѣвецъ небесный; —
Погляньнагоры, що ся тамка дѣе, —
Передъ тамъ полно, же ся ажь чорнѣе,
Уже не застанешь товару въ оборахъ,
А гдежь подѣлъ ся? — ходитъ весь по горахъ,
По горахъ ходитъ, тай траву зрываетъ,
И зновъ до дому съ рыкомъ повертаетъ.
А за нимъ пастырь на фуярцѣ граетъ,
И пѣсньми своего Творця выславляетъ. —
По подъ горою котитъ ся тихенько
Маленька рѣчка — ѣасне ей личенько,
И гомонитъ — що? трудно отгадати,
Знать ся веселитъ, же ожила мати. —
Коли весною все ся такъ красуе,
Чижь смертный того лишь одинъ не чуе?
Чи ѣарь му жадныхъ ютѣхъ не приноситъ?
Чи онъ подяки Богу не голоситъ? —
Онъ то чувствуе и Бога величае,
Тай до роботы жваво ся хапае; —
Призвавши Бога, уже сталъ орати,
Щобъ жизной ниѣ дармо не лежати. —
А пооравши всяке збожье сѣе,
За свой трудъ буйныхъ плодовъ ся надѣе. —

ІА. Геровскій.

115.

Звѣздарскіи вѣдомости оу селькихъ людій.

Люде простіи и неписьменніи сѫдятъ о розличныхъ зѣѫвленіяхъ слѫчаючихъ ся въ природѣ такъ, ѣакъ ся они очемъ ихъ представляютъ, протѫ годѣ тамъ гладати поѫчаючихъ мнѣній и изслѣдованій и въ оумственности звѣздарскѫй. И такъ держачи нашъ народъ землю, на котрѫй

жїѣ, за недвижи́мѫ, а видмчи́ пересѫва́ючое сѧ по не́бѣ со́лнце съ звѣзда́ми, держи́тъ сѧ систе́матѫ Птоломе́а, и дѫмае, же земла̀ стои́тъ, а со́лнце и звѣ́зды на около́ не́и крѫжатъ. Ро́къ хота̀ въ числе́нїю дѣ́латъ лю́де на 12 мѣ́сацѣвъ або 52 тыжднѣвъ, но колѝвы сѧ ро́къ на но́во розпочина́лъ, въ то́мъ держа́тъ сѧ письме́нныхъ вѣ́домостїй. Давнѣ́йше розпочина́но но́вое лѣ́то съ днёмъ пе́рвого Ма́рта, но о́тъ часѫ Вел. Кнꙗза̀ Васи́лїа Дмитро́вича (1389—1425) ѻ҃тва́жано за почато́къ ново́го ро́кѫ мѣ́сацъ Ве́ресень. Тепе́рь ѻ҃́же на спо́сѡвъ ри́мского мѣ́сацослова́ чи́слатъ почато́къ ро́кѫ о́тъ 1. Сѣ́чня. Дѣ́лачи́ ро́къ на мѣ́сацѣ ва́чатъ зно́вѫ на не́во и держа́тъ сѧ все кръ́женьа мѣ́саца, котры́й настае́ (но́вый або молоды́й мѣ́сацъ), росте́ въ свѣ́тлѣ до пе́рвшои чве́рти (кватѝры, перекро́й), да́льше до полови́ны (по́лна), пото́мъ ѻ҃тбыва́е (дрѫга або послѣ́дна кватѝра), и щоразъ бо́льше, по́ки пере́дъ челове́ческимъ о́комъ съ всёмъ не зни́кне. Поне́же пере́дъ настаю́чимъ новы́мъ мѣ́сацёмъ зны́кае чере́зъ ednѫ но́чь не вѫде го ви́дно, про то́е гово́ратъ лю́де, же мѣ́сацъ о́тбывши свою́ доро́гѫ, все еде́нъ день спочива́е. А поне́же мѣ́сацъ свѝй обхо́дъ около́ землѣ́ въ 29 днёхъ, 12 годи́нахъ, 44 минѫтахъ и 28 секѫндахъ соверша́е, то въ ро́цѣ со́нѣчно́мъ захо́дитъ все ещѐ трина́дцатый мѣ́сацъ.

Мѣ́сацѣ на́шѝ называ́емъ такъ: Сѣ́чень, Лю́тый, Ма́ртъ, Цвѣ́тень, Май, Че́рвецъ, Ли́пецъ, Се́рпень, Ве́ресень, Жо́лтень, Листопа́дъ, Грѫдень.

Колѝ со́нце що день на найвы́шшо́й то́чцѣ не́ба стои́тъ т. е. верхꙋ́е, илѝ колѝ е́сть правди́вое полꙋ́дне, тое ни инѡ́ рѡ́льникъ на по́ли впра́вным҃ъ о́комъ до́вре змѣ́ритъ, но и малїи пастꙋ́шата́ безъ о́шибки зна́ютъ.

О лѣ́тнѡ́мъ посто́янію со́нца҃ тꙋ́ю лишь лю́де ма́ютъ вѣ́домо́сть, же о́тъ Св. Іоа́на (24 Че́рвца҃ день малѣ́ти, а но́чь рости́, а о зимовѡ́мъ, же о́тъ Св. Анны (21 Грꙋ́дня) день рости́ а но́чь малѣ́ти почина́е. О срѡвна́ню дня҃ съ но́чїю що до трва́лости зна́ютъ, що на ҃а҃рѝ на Св. со́рокъ Мꙋ́ченико́въ (21. Ма́рта), а въ осени́ на Воздвиже́нье Че́стного Креста́ (26. Ве́ресня҃ — хоть само срѡвна́нье 23. выпада́е) день що до до́лгости, но́чи съ рѡвна́е. Хоть крꙋ́га небе́сного не дѣ́лятъ на звѣ́здньїи окрꙋ́ги, то една́ко мно́гимъ свойскїи и дꙋ́же тра́фньїи и́мена нада́ютъ н. пр. вели́кїй во́зъ, близна́та, кво́чка, косарѣ́, га́дина, зо́рни́ца҃. Коме́ты называ́ютъ мѣтла́ми, зъ причи́ны ҃а҃сного хвоста́ прилꙋче́ного до звѣ́здꙑ, и выкладаю́тъ си и́хъ, ҃а҃ко знакѝ предсказꙋ́ючїи ҃а҃кїи вели́кїи нещаста́ н. пр. го́лодъ, по́мо́ръ, вои́нꙋ́ и т. п. То́е само́е ма́ютъ предска́зовати тако́жъ затьмѣ́нна (помраче́нїа҃ со́нца҃) и мѣ́сца҃.

Що до воздꙋ́шныхъ зъ҃а҃вле́нїй (метеороло́гїа) не ма́ютъ на пра́вдѣ опе́ртыхъ вѣ́домостїй и лишь свои́ догадкѝ до ни́хъ лꙋ́чатъ н. пр. блꙋ́днїи свѣ́тла ока́зꙋютъ, же гро́ши гора́тъ; дꙋ́га҃ колѝ са҃ пока́же, то обома́ ко́ньца҃ми въ мо́ри стои́тъ и во́дꙋ пїе́; зора҃ сѣ́верна озна́кою крва́вои во́инꙑ; гро́мъ, сли о҃у́да́ритъ, пꙋска́е пала́цꙋ стрѣ́лꙋ, котро́ю лю́ди або звѣра́та забива́е, де́рева лꙋпа́е, домы

запала́е, а котро́го то огнѧ́ гаси́ти не годи́тъ ся; звѣ́зды ся о̑трыва́ютъ и въ возду́сѣ па́дающи га́снутъ и т. д.

Но дѫ́же гу́сто и неоши́бнїи сѫ́ть ихъ предсказа́нїѧ, н. пр. мѣ́саць о б г о р о д ж е́ н ы й т. е. маю́чїй наоко́ло се́бе свѣ́тлое ко́ло, тако́жь если́ при рога́хъ (т. е. сли есть въ се́рпѣ) ви́дно нѣ́бы ча́снїи хмарки, предска́зе до́ждь; вѣ́терь ю̑жный (о̑тъ середзе́много мо́ра) прино́ситъ все до́ждь; — мра́ки сли ся въ горѫ́ по̑дно́сатъ, то до́ждь, если́ на зе́млю па́даютъ, то пого́дѫ заповѣда́ютъ, и т. д.

Перемышляни́нъ.

116.

Г а л и ц ї а.

Г а л и́ ц ї ѧ (съ Кра́ко̑вскимъ обво́домъ и Бѫ́ковиною) грани́читъ къ сѣверѫ́ съ Прѫ́сами и Ро́ссїею, къ восто́кѫ съ Ро́ссїею и Молдави́ею, на ю̑гъ съ Семигра́домъ и Оу̑грами а наконе́цъ къ за́падѫ съ Йгстрїйскимъ Шле́скомъ.

Поземе́лье ей обѫ́нима́е про́сторонь 1614 ми́ль четырегра́нныхъ (квадрато́выхъ) — Лю́дно̑сть сага́е до 5,000,000 дѫ́шъ, котрїи ме́шкаютъ въ 20 окрѫ́гахъ.

Р ѫ с и н ъ́ й становя́тъ найбо́льшѫ часть лю́дности, но чи́слятъ бли́зко по̑лътре́та ($2^1/_2$) мїллїо́на. По нихъ сле́дѫютъ: П о л я к ъ́ й въ числѣ ко́ло по̑лтора ($1^1/_2$) мїллїо́на; потѫ́мъ Ж и д ъ́ й свышь 400,000, Р о м ы́ н и (Воло́хи) 150,000; Н ѣ́ м ц ы до 100,000; П и л и п о́ н и до 4,000; О̑ р м е́ н ъ́ й надъ 2,000; К а-

рꙗ́ими ко́ло 260; а потѡ́мъ Че́хи, Їталїа́не, Фр҃анцꙋ́зи, Мада́ри и и́нїи племена́.

Головнѣ́йшими жи́телями Галиці́и сꙋ́ть Рꙋ́сины́ и Полѧ́ки.

Рꙋ́сины́ займа́ютъ преимꙋщественно́ 12 восто́чныхъ окрꙋ́говъ, т. е. Коломы́йскїй, Чорткѡ́вскїй, Тернопо́льскїй, Станѣслáвѡвскїй, Бережа́ньскїй, Золочѣ́вскїй, Стры́йскїй, Самбо́рскїй, Сано́цкїй, Перемы́скїй, Жолкѡ́вскїй и Львѡ́вскїй; потѡ́мъ сѣ́верꙋ и за́паднꙋ часть Бꙋ́ковины (Черновѣ́цкїй); и часть Решѡ́вского, Мсѣльского и Сандѣ́цкого. — Помѣ́стнїи имена́ Рꙋ́синѡвъ сꙋ́ть: Гꙋ́цꙋлы́ въ Коломы́йскѡмъ и Станѣслáвѡвскѡмъ; Подоля́не, Ополя́не въ Чорткѡ́вскѡмъ и Тернопо́льскѡмъ съ ча́стїю Бережа́ньского и Золочѣ́вского; Покꙋ́тя́не надъ Днѣстро́мъ; Бо́йки въ Стры́йскѡмъ и Самбо́рскѡмъ; Ле́мки въ Сано́цкѡмъ, Мсѣльскѡмъ и Сандѣ́цкѡмъ. По́дго́рье или́ По́дго́рска Краи́на называ́е сѧ часть Стры́йского, Станѣслáвовского и Коломы́йского окрꙋ́га, протѧга́ючи сѧ ѿтъ грани́цѣ ꙋ́горскои до Днѣстра́; По́длѣ́сьемъ называ́ютъ лѣ́совїи сто́роны въ Жолкѡ́вскомъ.

Полѧ́ки жи́ютъ исключно́ въ Кра́кѡвскѡмъ, Кадови́цкѡмъ, Бохе́ньскѡмъ и Тарно́вскѡмъ; по бо́льшо́й ча́сти тако́жъ въ Сандѣ́цкѡмъ, Мсѣ́льскѡмъ и Ре́шѡвскѡмъ а наконе́цъ мѣ́стцами въ про́чихъ 12 восто́чныхъ окрꙋ́гахъ. Въ за́падныхъ окрꙋ́гахъ называ́ютъ жи́телѣ себе́ самы́хъ Мазꙋ́ра́ми, а въ го́рахъ Горала́ми.

Коли́ пре́дки нынѣ́шныхъ Рꙋ́синѡвъ въ свои́ сѣдѣ́лища и пре́дки Полѧ́кѡвъ въ за́падныхъ окрꙋ́гахъ сѧ посели́ли, не мо́жъ опредѣли́ти —

онѝ сѫ́ть въ помѧнѫ́тыхъ сто́ронахъ снадь первовы́тными, дома́шными.

Два тїи наро́ды бы́ли колѝсь самостоя́тельными, а и́менно:

Рѫ́синѝ становѝли первонача́льно соста́внѫ часть вели́кои рѫ́скои Держа́вы по̀дъ наслѣ́дниками Рѫ́рика и Володимѣ́ра; колѝ одна́кожь въ продолже́нїи вре́мене поединоко́їи Кнѧзѣ́ самодержа́внїи Кня́жества основа́ли и межда́соба́нїи спо́ры и во́рвы ме́жи ни́ми повста́ли, ꙗ̑ко и самодержа́вїе Вели́кого Кнѧзя̀ чере́зъ то́е сѧ встрѧсло̀ — осмѣ́лили сѧ ди́кїи о́рды Монго́ло́въ и Тата́ро́въ напа́сти рѫ́скѫ зе́млю и вели́кѫ ей̀ часть сво́мѫ зверхни́чествѫ по̀дчини́ти. По̀дчасъ то́го, колѝ сѣверовосто́чнаѧ Рѫ́сь Тата́рскимъ Ха́намъ вели́кѫ дань плати́ла, взнеслѝ сѧ Кнѧзѣ́ Володимѣ́рскїи и Га́лицкїи до высо́кои сла́вы и си́лы, и тогды̀ то становѝла мала́ѧ илѝ черво́на Рѫ́сь вели́кѫ, самостоя́тельнѫ Держа́вѫ, а пре́дки ны́нѣшныхъ Рѫ́сино́въ ма́ли сво́ихъ Кнѧзѣ́къ, зъ котры́хъ гдеко́трїи именова́ли сѧ Корола́ми Га́лицкими. Га́личъ былъ голо́вны́мъ мѣ́стомъ, и о̑тъ то́го полꙋ́чи́лъ цѣлы́й кра́й на́звѫ „Га́лиц̑и“ ꙗ̑къ и о̑тъ Кня́жества Володимѣ́рского „Володимѣ́рїи.“ — Рѫ́сины̀ становѝли вели́кїй наро́дъ и ихъ то хра́брости завда́чѣ цѣла̀ Ѥгро́па, що онѝ изъ гр̑дїй сво́ихъ вы̑ставили крѣ́пости, о котрїи розбива́ли сѧ всѣ̀ зама́хи и напа́ды лю́тыхъ Тата́ръ, хота́чихъ гла̑вше сѧ до Ѥгро́пы продѣ́рти, и жажда́чихъ всё̀ мечѣ́лъ и огнѣ́мъ истребѝти, а на́вѣть просвѣще́нье въ то́къ его̀ спинѝти.

Сосѣдніи отношенїа и связи покревеньства съ Оуграми были поводомъ, що Королѣ Оугорскіи якійсь часъ на Галицкомъ дронѣ сѣдѣли; а позднѣйше са корѫна Оугорщины такожь о той дронъ доперала.

Галицка Рѫсь нашѣздами неоутомимыхъ Татаровъ ослаблена, ихъ тажкимъ мечемъ подтата и внѫтренными несгодами взрѫшена, не могла р. 1340 силою отперти Казимїра, короля Польского, котрый правомъ сильнѣйшого подвилъ и забралъ Галицкѫ землю и присовокѫпилъ тѫжь подъ именемъ „Воеводство Рѫске“ къ корѫнѣ Польскѫй.

Въ томъ состоанїи оставала Галицка Рѫсь ажь до подѣлѫ Польщи рокѫ 1772, а Австрїа, подъ котрои скиптромъ Оугорщина оужѐ тогды отъ близко трёхъ сотъ лѣтъ стояла, прїйшла въ посѣданье Галицкои Рѫси силою права требовательного давнѣйшихъ Оугорскихъ Королёвъ, котрїи са николи не зрекли были своего давнѣйшого права до Рѫси. Отъ р. 1772 належитъ Галицка Рѫсь разомъ съ западными окрѫгами подъ именемъ „Галиції и Володимїрїи“ до состава Австрїйскои Державы и тѣшитъ са еднакими правами и защитою съ прочими до той Державы належачими краями.

Полакы, или подла помѣстного имени Мазѫры, сѣть отраслію Лѧховъ, котрїи подъ своими Князами а позднѣйше Королями зъ дома Пїаста са розвили: поединокїи Кнажества передъ Королёмъ Казимїромъ въ одну цѣлость совокѫпили; подъ Ягайлонами до найбольшои высоты свои силы и славы прїйшли, а наконецъ

пôдъ выбúранными Королáми черéзъ домáшнiи несгóды чимъ разъ славѣли. Р. 1772 настyпúлъ пéрвый подѣлъ цѣлóи Пóльскои Держáвы, а нúнѣшнiи Мазyры прiйшлú рáзомъ съ Гáлицкими Рyсинáми пôдъ владѣнiе Áвстрiи. Пôзднéйше, т. е. р. 1847 прiйшóлъ Крáкôвъ съ свóимъ обвóдомъ, котрúй ôyжѣ и прéжде разъ до Áвстрiи належáлъ, назáдъ до нéи.

Рyсинú и Полáкú сѣть племенá славáньскiи и вѣроисповѣдáнiа кадолúческого, но съ тимъ розлúчiемъ, що пéрвшiи, т. е. Рyсинú налéжатъ по óбрядy свóмy до востóчнои а послѣдниi, т. е. Полакú до зáпаднои Цéркви. Овá тiи нарóды тóчно захóвyютъ свои óбрады, и непоколебúмо остаióтъ при дорóжшôй спáдщинѣ Отéцъ свóихъ, вѣрѣ святôй. Пéрвшiи говóратъ малорyскимъ áзúкомъ, ôyпотреблáютъ въ письмѣ собственнои славáньскои áзбyки и мáютъ свою собственнy словéснôсть — послѣдниi же говóратъ пóльскимъ áзúкомъ, ôyпотреблáютъ въ письмѣ бyквъ латúньскихъ и мáютъ свою словéснôсть.

Якъ въ прóчемъ цѣлá тихъ нарóдôвъ iстóрiа бúла розлúчною, такъ сyщественно розлúчнiи сѣть ихъ звычáѣ и обычáѣ до нúнѣ, и про тóе становáтъ онú два розлúчнiи и осóбнiи нарóды, якúми сѣть и úнiи славáнскiи племенá: Россiáне, Чéхи, Хорвáти, Сéрби, Болгáри и пр. пр.

Мéжи прóчими жúтелями Галúцiи сѣть численнѣйшiи Жидú. Въ жáднôй óбласти Áвстрiйскôй немá ихъ такъ мнóго, якъ въ Галúцiи; и залéдво где найдéмъ ихъ, хотá сѣть розсѣянiи по цѣлôй Стрóпѣ, такъ мнóго рáзомъ, якъ тyтъ.

Множа́йша ихъ ча́сть выпада́е на Золочѣ́вскій и Львѡ́вскій окрѫ́гъ и въ сорозмѣ́рности нахо́дятъ ся́ онѝ бо́льше въ восто́чныхъ ѿкъ въ за́падныхъ окрѫ́гахъ. Онѝ остаю́тъ тве́рдо при вѣроисповѣ́да́нію Моги́ся́ и занима́ютъ ся́ торго́влею, мало-про́дажїю и перекѫ́пни́чествомъ,

По нихъ слѣ́дѫютъ цо до числа́ Ромы́ни (Воло́хи) на Бѫковинѣ, кѫда́ онѝ зъ дре́вноі Да-кіи и столи́цѣ Бере́гскоі (въ Оу́го́рщинѣ) по́дъ нача́льствомъ Дра́шка илѝ Богда́на ся́ посели́ли. Дѣ́ло ся́ то́е въ само́е вре́мя паде́на Га́лицкого Кня́жества. Ромы́ни прогна́вши Тата́рскѫ о́рдѫ изъ надъ Молда́вы и Сере́та зана́ли тамо́шнїи долины и сообща́ли ся́ съ сосѣ́дными Рѫсина́ми дрѫ́жески, а то тѣ́мъ бо́льше, же и онѝ нале́жатъ до восто́чноі Це́ркве и оу́потребля́ютъ кро́мѣ ромы́ньского, по мѣ́стцѣ́востемъ и церко́вно-слове́ньского а́зы́ка при богослѫ́женію; онѝ прина́ли по́здне́йше по бо́льшо́й ча́сти и въ горожа́ньско́мъ житю́ рѫ́скій а́зы́къ, хота́ заде́ржали при то́мъ и сво́й ромы́ньскій. Ихъ прави́телѣ называ́ли ся́ Воево́дами а по́здне́йше Господара́ми. Р. 1776 прїйшла́ Бѫковина ѿко состáвна ча́сть Королѣ́вства Галиціїского до Австрїіскоі Держа́вы.

Нѣ́мцѣ, о́тъ да́вна зна́нїи ѿко промыслѫ́ючїй наро́дъ, о́тъ Кнaзѣ́въ Рѫ́скихъ до краю́ спрова́дженїи, жительствѫ́ютъ по бо́льшо́й ча́сти въ мѣ-ста́хъ, ѿкъ и въ окремѣ́шныхъ населе́нїа́хъ, котрїи слѫ́жатъ за взо́ръ въ господа́рствѣ, искѫ́ствѣ и промысло́ваню. Онѝ оу́потребла́ли давнѣ́йше пра́ва Маґдебѫ́рского въ сѫ́дѣ и въ оу́ра́дѣ, по́дла котро́го и про́чїи мѣща́не хотя́ не Нѣ́мцѣ, сѫди́ли ся́. Бо́льша ихъ ча́сть сѫть Кадо́лика-

ми, прочіи сѫть исповѣданѣ аггсвѣрского — а межи сектами сѫть найзначнѣйшіи Менонити въ Стрыйскомъ окрѫзѣ.

Пилипони переселили са изъ Царства Россійского и обитаютъ помежи Рѫсинами и Ромынама въ Бѫковинѣ, а найбольша ихъ часть въ селѣ Бѣлой Керницы и того́жъ окрестности. Они сѫть сектою Раскольниковъ, котрыи нехотячи прыймити исправленїа текста въ книгахъ церковныхъ отъ Гобора р. 1654, себе изъ общества церковного выключили, и называютъ са Пилипонами отъ монаха Пилипа, начальника своего, котрый не могѫчи достигнѫти достоинства Игѫмена, новый расколъ оучредилъ. Сѫть то въ прочемъ дѫже трѫдолюбивіи люде, остаютъ при своимъ вѣроисповѣданію твердо, называючи себе „старовѣрцами,“ захо-вѫютъ ѭкъ найстрогше домовѫ карность, знаютъ дѫже добре плекати садовинѫ и оуправлати огороды, а въ роботахъ наводныхъ и позе́мныхъ мало имъ кто выровнае.

Ормени прыйшли до Галиціи за часовъ рѫского Князя Льва (р. 1062), котрый имъ сѣвернѫ часть въ Львовѣ призначилъ на мешканье, а по трёхъ лѣтахъ вольно имъ было по всей Галицкой Рѫси са розширити. — Они до нынѣ провѫваютъ въ слѣдѫючыхъ мѣстахъ, где и маютъ свои прихо́дскіи церкви, а то: въ Львовѣ, Бережанахъ, Станиславовѣ, Лысци, Тысьменици, Городенцѣ, Снятынѣ, въ Кѫтахъ и Чернѣвцехъ, т. е. въ самыхъ восточныхъ окрѫгахъ. — Они маютъ своѣ собственное письмо, котрѣ въ четвертомъ (IV) столѣтїю выйшолъ Мѣзровъ. Свого пытомого языка по вольшой части оужѣ забѫли и

лишь въ церко́вныхъ кни́гахъ его́ о҃употребля́ютъ. Мѣстцами бесѣдю́ютъ языкомъ р҃скимъ а мѣстцами по́льскимъ. До полови́ны сѣмна́дцатого (XVII) столѣтїа захо́в҃вали они́ свое́ лѣточи́сленье по о҃ста́вамъ сино́да Тевиньского или Тевиньского о҃тбы́вшого са р. 553 — но почавши о҃тъ ихъ Епи́скопа Торосе́вича соедини́ли са знова съ за́падного Це́рквою и зо҃ста́ли Кадо́ликами р. 1666. — Ихъ зана́тїемъ есть по бо́льшо҃й ча́сти торго́вля.

Караи́ми нахо́дятъ са по бо́льшо҃й ча́сти ко́ло Га́лича и К҃ки́зова недале́ко Ирычова. Що до ихъ вѣроисповѣда́на с҃ть подо҃бнїи жида́мъ — не прїи́ма́ютъ одна́кожъ Талм҃да. С҃ть то въ про́чемъ д҃же ретельнїи и ти́хїи лю́де.

Про́чїи жи́телѣ, як҃ъ то Че́хи, Їталїа́не, Франц҃зи, Мада́ри и пр. пр. с҃ть по всей Галиццїи розсы́панїи, и ма́ло где ко́лька роди́нъ на́йдешь въ одно҃й общинѣ, кро́мѣ ко́лька грома́дъ Мада́ро́въ посели́вшихъ са въ Б҃ковинѣ. Про́чїи тїи жи́телѣ безма́ла с҃ть всѣ Кадо́ликами.

Изъ о́бщого се́го огла́д҃ видно, що бо́льша ча́сть жи́тельства есть Кадоли́ческою. Р҃сини́ ма́ютъ окро́мъ сво́го Митропо́лита въ Льво́вѣ, еще́ Епи́скопа въ Перемы́шли. Въ слѣдствїе Всевысоча́йшого рѣше́на на́дѣютъ са тако́жъ и въ Станѣсла́вовѣ ма́ти Епископа; грани́цѣ то́и тре́тои р҃скои Епа́рхїи с҃ть о҃уже о҃становле́нїи. — Полаки́ ма́ютъ окро́мъ Архіепископа въ Льво́вѣ, Епи́скопо́въ въ Перемышли, Тарно́вѣ и Кра́ковѣ — Орме́ни Архїепи́скопа въ Льво́вѣ — Ромы́ни въ Б҃ковинѣ с҃ть по на́йбо́льшо҃й ча́сты вѣроисповѣдана восто́чного съ це́рквою Ри́мскою не сое-

дине́ного, и ма́ютъ сво́го Влады́ку въ Черно́вце́хъ. — Пилипо́ни сѫ́ть тако́жъ вѣроисповѣда́нѧ восто́чного съ Це́рквою Ри́мскою не соедине́ного, но розличаю́тъ сѧ въ гдѣ́которыхъ до́гматахъ сѫще́ственно о́тъ Ромы́но́въ, и ма́ютъ о́тъ р. 1847 сво́го Влады́ку въ Бѣло́й Керни́ци. Жи́телѣ вѣроисповѣда́нѧ Ѧ҃гсвѫ́рского ма́ютъ сво́ихъ Пасто́ро́въ съ Сѫперїнтенде́нтомъ въ Льво́вѣ. Жидѣ стоа́тъ по́дъ сво́ими Рави́нами.

Для воспита́нѧ и образо́ванѧ юно́шества ма́е Гали́ціѧ кро́мѣ прихо́дскихъ (парохїа́лныхъ), тривїа́льныхъ, головны́хъ, реа́лныхъ, техни́чныхъ и ґ҃мназїа́льныхъ шко́лъ, всесѫ́чи́лища въ Льво́вѣ и Кра́ковѣ, съ мно́жаими книгохрани́лищами, мѫзе́ами и кабїне́тами; пото́мъ мно́го заведе́нїй образо́ванѧ, ме́жи котры́ми на пе́рве мѣ́стце заслѫ́гѫютъ семїна́рїи для пи́томцѣвъ ста́нѫ дѫхо́вного. Новѣ́йшими часа́ми, а то о́тъ р. 1848 наро́днїи шко́лы зна́чно сѧ оу҃множи́ли, и́менно въ восто́чныхъ окрѫ́гахъ. Ме́жи и́ными достохва́льными, въ просвѣще́нїю наро́да ревнѫ́ючими общества́ми и наро́дными заведе́нїѧми ма́ютъ Полакы́ въ Льво́вѣ „Заведе́нїе Оссолѣ́нского,“ а Рѫсинї́ кромѣ́ древнѣ́йшого „їнстиѫ́та Ставропїгїйского въ Львовѣ“ и славнои „школы дако́въ и сельскихъ оу҃чи́телѣвъ въ Перемы́шли“ основа́ли р. 1848 заведе́нїе Лїтерат҃ѫ́рное по́дъ на́звою „Га́лицко-Рѫ́ска Ма́тица.“ Кра́сно́ надѣю для просвѣще́нѧ наро́дного овѣ́цюе по со́вѣ тако́жъ „Рѫ́скїй Наро́дный До́мъ въ Льво́вѣ“ до котро́го Его́ апо́стольске Вели́чество, Цѣ́сарь Фра́нцъ Іо́сифъ I. изво́лили дня 18. Жо́лтня 1851 краесѫ́голный ка́мѣнь положи́ти. — — —

Óпричь тóго числи́тъ Гали́ціѧ мнóго ещѐ и́ныхъ благодѣ́тельныхъ и человѣкопóлезныхъ заведéній, ѩкъ то: заведéнье гл8хо-нѣмы́хъ, слѣпы́хъ, домы́ снабдéна о8бóгихъ, пита́лища немовля́тъ и проч. —

Хотѧ̀ въ розли́чныхъ окр8гахъ сѣ́ть зна́чнїи горбы́, а въ Золочѣ́вскóмъ, Бережа́ньскóмъ, Исѣ́льскóмъ и Вадови́цкóмъ досы́ть при́кре гори́сте положéнье — то однáкожь налéжитъ Гали́цію о8важа́ти по бóльшóй ча́сти за рóвнин8, исключа́ѧ цѣл8 ей пóдóшв8, т. е. вѣнéцъ Карпа́тъ вздолжь неомаль всéи Гали́ціи на югъ. —

Исключи́вши Подóлье, котрѐ терпи́тъ недоста́токъ дéрева, займа́ютъ самїи лѣ́сы одн8 четвéрт8 ча́сть цѣлóго краю́, зъ котры́хъ жи́телѣ кóждого рóк8 звышь пóлътрета (2½) мїллїóна сáгóвъ дрóвъ и розли́чного в8дóва зы́ск8ютъ. Найвогатѣ́йшїй въ тóе окр8гъ есть Стры́йскїй, потóмъ Золочѣ́вскїй, Жóлкóвскїй; да́льше Станѣсла́вóвскїй, Рéшóвскїй и Сано́цкїй.

Галицїйскїи рѣ́ки выно́сатъ ра́зомъ сплавный прóтагъ ста четырнадцати (114) миль, но однáкожь не принóсатъ онѝ для краю́ отповѣ́дныхъ торговéльныхъ корысти́й. Въ за́паднóй ча́сти Гали́ціи есть найголовнѣ́йшою рѣкóю Ви́сла, котрà хотѧ̀ плынѐ въ самóй о8жѐ Гали́ціи на три́дцать и пать миль, но, понéже есть лишь погранúчною, не ма́ютъ жи́телѣ вели́кого зъ нея хóснà. Мéжи прóчими за́паднои ча́сти краю́ рѣка́ми сѣ́ть знамени́тшїи: Скáва, Ра́ба, Бѣ́ла, Дн8е́цъ, По́прадъ, Вéперь, Висло́ка и и́нїи поменшїи рѣ́чки и пото́ки. Восто́чна ча́сть есть о мнóго богатѣ́йшою въ рѣ́ки, мéжи котры́ми найпéрвше мѣ́стце

займáе Днѣстéръ, котрый своѐ жерело̀ мáе въ гóрахъ Карпáтскихъ, и переплывши шѣстьдесáть двѣ миль къ востóкꙋ переходитъ въ Россíйско-Подóльскꙋ гꙋбéрнíю. Вѣтвы его̀ на прáвомъ бóцѣ сѣть: Быстрица съ Мáнавкою и Тысменúчкою, Колодни́ца, Стрый съ Опѣромъ, Брáжка съ Свѣчéю, Сѣвка, Чéчва съ Лóмницею, Лꙋква, Быстрица съ Коро́ною и прóчїи мѣлкїи потóки. Съ лѣвого бóкꙋ: Щúрчикъ, Звéра, Бóберка, Свѣрь, Гнилà Лúпа, Золотà Лúпа, Коро́пецъ, Стрыпа, Джꙋрúнъ, Тꙋпа, Серéтъ, Ничлáва, Серѣтна и награнúчна рѣка̀ Звръчъ. Такъ мно́гими рѣкáми засычéный Днѣстéръ есть въ самóй Галúцїи на прóтагъ сорока̀ и четырёхъ (44) миль сплáвнымъ, мно́го однáкожь стоúтъ ещѐ томꙋ на завáдѣ, авы плавбà поза Галúцїю безъ перéрвы съ на нѣмъ ôтбывáла.

Днѣстро́мъ мóжна, почáвши ôтъ Марїáмпола долôвъ провозúти трúста (300) сотнáрôвъ, и ôнъ есть сплáвнымъ ажь до россíйского мѣстéчка Маáка, до котро́го мóжно съ дôстáти въ двадцáтй и óсьми до тридцáтй óсьми (28 — 38) днёхъ. Тамъ привы́вши трéва товáры изъ стáтка вы́ложити и провáдити сꙋхопꙋтемъ ажь до мѣста Одéссы, на ôсьмь миль ôтъ мѣстéчка Маáка ôтстоáчого, а то для тóго, понéже ꙋ̀стье рѣкй до чóрного мóря есть такъ замꙋлéне и зарóсле очерéтомъ, що не есть тꙋ сплáвною. Помúмо всѣхъ тыхъ непрїáзныхъ овстоáтельствъ прихóдитъ однáкожь свы́шь сто стáткôвъ до Маáка, зовóмыхъ галáрами, котрїи тꙋ ôтъ властúтелѣвъ продаю́тъ съ, понéже тóю рѣкóю не повертáе съ назáдъ. Якїнже корысти мóглывы принéсти Днѣстéръ для

торго́влѣ Галиціи и Ро́ссіи, доказа́лъ о҃тва́жный и щастли́вый о́пытъ Льво́вского кѫпца́ Ба́вера, ро́домъ зъ Че́хъ, котры́й вы́вѫдовалъ корабе́ль съ парѫса́ми подо́бный до ло́дій, ѣки́хъ о҃потревла́ютъ Че́хи на рѣцѣ Ла́бѣ, и объѣ́халъ тимъ кораблёмъ о҃тъ дня 25. Цвѣтня до 20. Листопа́да р. 1804 зъ Розва́дова тѫю рѣкѫ въ доли́нѫ ажь до Ма́ака, и пото́мъ повернѫлъ до горы тимъ самы́мъ кораблёмъ. Ѣдѫчи въ до́лъ потребовалъ о҃тъ пограни́чного мѣста Жва́нца не бо́льше ѣкъ одина́дцать дній, до горы однако́жь бли́зко шѣстдеса́ть дній. Ба́веръ нача́лъ свою ѣздѫ ко́ло Розва́дова, о҃тстоя́чого де́вять миль о҃тъ Льво́ва и прибы́лъ четве́ртого дня до Залѣщикъ.

О́прочь Днѣстра́ але́жатъ къ восто́чномѫ водосто́кѫ Пр҃тъ съ вѣтвами Лѫчкою, Пѣстинкою, Ры́вницею, Бѣлымъ и Чо́рнымъ Черемо́шомъ; и Се́ретъ, Сѫча́вица и Молда́ва, котры́хъ всѣхъ трёхъ послѣдныхъ исто́чники въ Бѫковинѣ.

Головнѣйшіи галиційскіи рѣки выливаючіи свои во́ды въ Ви́слѫ сѫть Бѫгъ и Са́нъ. Исто́чникъ Бѫга нахо́дитъ са въ Подгоре́цкихъ го́рахъ въ селѣ Верховѫжъ. Въ стремле́нію сво́емъ на сѣверъ прійма́е Бѫгъ По́лтвѫ (зъ по́дъ Льво́ва), Ра́тѫ съ Ка́менкою и Соло́кію. — Не дале́ко о҃тъ исто́чника Бѫга нахо́дятъ са рѣки: Сты́ръ, Иква и Горы́нь, котрій всѣ до Днѣпра въ Россійско́й о́бласти впада́ютъ. Са́нъ найбо́льша рѣка ме́жи Висла́ными вѣтвами изходитъ въ селѣ Санка́хъ, прійма́е зъ пра́вого бе́рега Вѣрь, Вы́шенькѫ и Любачѣвкѫ а зъ лѣвого Стерева́жь и Ви́слокъ.

Гали́ціа такъ бога́та въ во́ды и маю́ча предвѣчніи еще́ бо́ры и лѣсы, изъ котры́хъ са ѣкъ

кра́сне в8до́вье такъ и потре́бне па́ливо по доста́токъ взыскѵ́е, маю́ча просторо́нн8 зе́млю, котра́ съ вели́кими о҃тсо́тками поверта́е въвѣре́не ей зе́рно и пода́е тр8долюби́во҃й пчолѣ кра́сный цвѣ́тъ, зъ котро́го соло́дкій ме́дъ свира́е, маю́ча просторо́нніи оболо́нѣ и полонины, въ котры́хъ т8чный скотъ съ выхо́в8е, маю́ча наконе́цъ со́ли до ко́лѣ, розли́чніи р8ды, гли́ны и мета́ллѣ а такъ маю́ча все, що до земледѣ́лчества, промысло́вана и торго́влѣ потре́ба, хотя́ съ ещѐ не по҃дне́сла до то́го сте́пена въ то҃мъ взгля́дѣ, ѣ҃къ про́чіи сосѣ́дніи краѣ́, то однако́жь и она́ не лиши́ла съ цѣлко́мъ на за́дѣ.

Земледѣ́лчество, до найновѣ́йшого час8, при вели́ко҃й плодови́тости землѣ́ не стоя́ло такъ высо́ко, ѣ҃къ бы съ на́дѣати нале́жало. Найкраснѣ́йшіи ланы́ обро́влано за па́нщин8, а и́ніи поедино́кіи господа́рѣ ма́ли за на́дто ма́ло р8къ и си́лъ, ѣ҃ки́хъ хо҃сновѝта вымага́ла господа́рка; но при то҃мъ всѣ́мъ дава́ла земля́, хотя́ д8же недава́ло опра́влана, що ро́к8 то҃лько зво́жа, що пересѣ́чно звышь по҃лъ мїлліо́на ко҃рцѣвъ звыка́ло до вы́воз8 за грани́цю. Найвыдатнѣ́йша земля́ есть въ Терноно҃льско҃мъ окр8зѣ. Кро́мѣ пшени́цѣ, жи́та, ѣ҃чме́ню и о҃вса́ о҃у҃даѐ съ дѣ́же красно҃ гре́чка въ Золочѣ́вско҃мъ, Бережа́ньско҃мъ, Жолко́вско҃мъ и Кра́ковско҃мъ, ѣ҃къ и к8к8р8за въ Станѣсла́во҃вско҃мъ, Коломы́йско҃мъ, Чорткѣ́вско҃мъ и на Бѣковинѣ́. Въ за́падныхъ окр8гахъ сада́тъ мно́го картофлѣ́, котра́ тако́жь и въ всѣ́хъ восто́чныхъ окр8гахъ съ о҃у҃даѐ, кро́мѣ го́рски́хъ сторо́нъ, въ котры́хъ ко́жда и́на ѣ҃ри́на ѣ҃къ выдатнѣ́йшою такъ и невнѣ́йшою здаѐ съ вы́ти.

Въ цѣлой Галиціи свираютъ до 13 мілліоновъ корцевъ картофлѣ, котра по большой части спотребляе са въ винокурнахъ (горальнахъ). Лѣнъ управляе са предъ всѣмъ въ округахъ Исельскомъ и Тарновскомъ; такожь и въ Перемыскомъ а наветь и въ Коломыйскомъ дуже красный. Коноплѣ въ Бережаньскомъ и Золочевскомъ удаютъ са дуже добре; — не меньше управляютъ ихъ въ цѣлой восточной Галиціи, а мало инъ где въ западной. Головнѣйшимъ артикуломъ земледѣлчества есть такожь тютюнъ, котрый сѣютъ въ округахъ Тернопольскомъ, Чортковскомъ, Станѣславовскомъ и Коломыйскомъ. Найкрасшій удае са надъ Прутомъ и Черемошомъ. Всѣ сборки отставляютъ са до цѣсарскихъ складовъ въ Игольници, Заболотовѣ и Монастырискахъ, зъ котрыхъ потомъ вывозитъ са до Винникъ подъ Львовомъ, где есть велика фабрика тютюню и табаки. Хмѣль, хотя въ многихъ мѣстцахъ са дуже добре удае, не бывае плѣканый; инакше са рѣчь маe съ управою брановъ, отколи запроваджено фабрики цукру, котрій зыскуютъ изъ кождыхъ 100 фунтовъ бурановъ приналмнѣй по 5 фунтовъ чистого цукру.

Садовины маe Галиція подостатокъ; найкрашша есть въ Перемыскомъ округѣ — потомъ въ окрестности Бѣлои Керницѣ (на Буковинѣ) а коло Бучавы удае са наветь виноградъ.

Осовлившы свою уваг почали жителѣ въ новѣйшихъ часахъ звертати на скотохованъ. Галиційскій волы, конѣ, овцѣ, козы и свинѣ становлятъ головный артикулъ торговлѣ.

До нын'Ѣ еще по л'Ѣса́хъ а предъ всѣмъ въ го́рахъ нахо́дать ся въ велйкомъ мно́жествѣ хи́щнїи звѣрѣ, ѩкъ: медве́дѣ, бо́ртники, волкы и ли́сы. Зъ дичины́ ма́е Галйцїа найбо́льше за́йцѣвъ, се́рнъ, ди́кихъ свйнь а на́веть и о́ленѣ. — Дро́бъ есть по доста́токъ, ѩкъ и пта́цтва по л'Ѣса́хъ, надъ става́ми, рѣка́ми и въ очере́тахъ. Рыбы нахо́димъ найбо́льшїи въ Ви́слѣ, пото́мъ въ Днѣстрѣ, Са́нѣ, Прутѣ, Дунайци въ По́прадѣ и по розли́чныхъ става́хъ.

Пчолово́дство осове́нно въ восто́чныхъ пограни́чныхъ окрѫгахъ есть знамени́те и цѣлый кра́й въ о́бще ма́е досы́ть ме́дѫ и во́скъ. — Въ восто́чныхъ окрѫгахъ сбира́ютъ лю́де че́рвень (кошени́лю), доброты́ то́и само́и, що и америка́ньска, котрѫ продаю́тъ до Трье́ччины до кра́шена шо́лкъ, во́лны и т. д. тако́жь и майка́ми зна́чнѫ торго́влю дѣю́тъ.

Ме́жи всѣми произво́дами го́рни́цтва держи́тъ верхъ со́ль ка́мѣнна, котро́и велйкїи склады́ нахо́дать ся въ не вы́черпаемыхъ копа́льнахъ Вѣлѣчки, Бо́хнѣ и Стебника — тако́жь въ Дрого́вичи, Болеховѣ и Дела́тынѣ сѫть со́льнїи банѣ. Желѣзо нахо́дитъ ся въ 250 до́лахъ; сѣ́ркъ копа́ютъ въ Шво́шовицахъ; мѣдь въ Пошори́тѣ; о́лово и сре́бро въ Кирлива́бѣ на Бѫковинѣ; ци́нкъ въ Кре́шовицахъ; то́рфъ нахо́дитъ ся подоста́ткомъ, найкраснѣйшїй въ Коломы́йскомъ; тако́жь и о̃угля ка́мѣнного есть досы́ть. Въ Чортковскомъ нахо́дать ся краснїи точи́лца и брѫскы, котрїи аж до Пе́рсїи въ торго́вли захо́дать. Ка́мѣна въ про́чемъ, гли́ны и пѣскъ нахо́димъ не ома́ль по всюдѫ

по достáтокъ. Наконѣцъ и жерéлъ мїнерáльныхъ, особéнно сѣрчúстыхъ и желѣзныхъ находúмъ въ велúкомъ мнóжествѣ, а въ Трѫскáвци, Роздóлѣ, Лю́вѣни, Вѣлѣчцѣ, Крыни́ци и Шавни́ци сѫть мїнерáлнїи кѫпелѣ.

Промысловéцтво не вспúране ѣкъ где úиде мнóгими фáбриками, ограничáе сѧ по найбóльшóй чáсти на поединóкїи дѣланицѣ. Найпéрвше налéжитъ спóмнѫти о ткáцтвѣ и выробáхъ зъ прáжи, котрúми мáйже всѣ Горáне сѧ дѫже занимáютъ. На велúкомъ стéпени нахóдитъ сѧ ткáцтво úменно въ Úндрúховѣ, Дѫкли, Горлúцахъ, Корчúнѣ, Пивнúчнѣ, Úрославлю ѣкъ и въ Глѫбочкѫ (въ Тернопóльскомъ), где такóжь тóншїи выробы сѧ спорáджáютъ. — Фáбрики въ Бѣлѣ, Лúпникѫ, Кéнтахъ, Ланцѫтѣ, Микѫлиньцахъ и Залóзцахъ выроблáютъ вóлнѫ на сѫкнò, кóвры, дергú и т. п. Найбóльша чáсть вóлны óтъпотреблáе сѧ для сѫкнà селáнъ а úменно въ Тернопóльскомъ, Бережáньскомъ, Перемúскомъ и Бадовúцкомъ. Выробы ваволнáнїи спорáжáютъ сѧ въ Бѣлѣ а шолкóвїи и перкáликъ въ Сѫчáвѣ. Числéннїи сѫть такóжь поворóзники, котрúхъ выробы коноплáнїи сѫть и за границею пошѫкованй.

Папѣръ найлѫчшого сóрта произвóдатъ предъ всѣмъ папѣрнѣ въ Бѫскѫ и въ Бережáнахъ.

Винокѫрнѣ (вúнницѣ, горальнѣ) становлáтъ найзначнѣйшѫ óтрасль промысловéцтва. Горѣлкѫ палáтъ по найбóльшóй чáсти изъ картóфель, мáло где изъ звóжа. Броварú не сѫть такóго значéна. Цѫкóръ въ найбóльшóмъ колúчествѣ произвóдатъ фáбрики въ Толмáчи и Ланцѫтѣ, а поташъ вывáрюютъ найбóльше на

Бковинѣ. Робо́ты бодна́рскїи сѫть въ Перемы́скомъ найлѣпшїи. Выро́бы гарба́рскїи сѫть дѫже ва́жнїи, и почáсти изъ цѣлы́хъ фа́брикъ, по чáсти изъ поединóкихъ гарба́рнь ѭкъ въ Львóвѣ, Крáковѣ, Тарнóвѣ, Самворѣ, Перемышлáнахъ, Станѣслáовѣ, Залѣщикахъ и т. д. выхóдятъ. Скóры кордѫанóвїи спорѫжáютъ въ Кѫтахъ, сафїанóвїи въ Сѫчáвѣ и Ты́сменици. Бóскъ бѣлятъ по найбóльшой чáсти въ востóчныхъ окрѫгахъ. Стклá по достáтокъ даю́тъ гѫты въ Бковинѣ ѭкъ и въ Станѣслáвóвскóмъ, Сандéцкомъ и Рéшóвскóмъ. Гѫтъ желѣзны́хъ есть 22; гамáрнь 38 а въ Порони́нѣ рóбятъ нáветь дóбрѫ стáль. — Въ Кѫткори нахóдитъ сѧ ц. к. фаврика пóрохѫ стрѣльного — а въ Мóстахъ Велúкихъ фаврика терпентúны.

Торгóвлѧ Галиццйска есть такóжь въ кóждóмъ взглáдѣ доскúть знáчна. Óпричь торгóвлѣ проходóкои, котрá нúнѣ ограничáе сѧ лишь на мѣстá Крáковъ и Броды — нахóдимъ въ мѣстáхъ Львóвѣ, Чернóвецéхъ и Прослáвлю знáчный торговéльный оборóтъ. Сплáвными рѣкáми, ѭкъ Днѣстéръ, Вúсла и Сáнъ, вывóзятъ велúке мнóжество вздóвѧ (пéрвою рѣкóю ажь до чóрного мóрѧ, а послѣдною ажь до мѣста Гдáньска надъ мóрёмъ Балтúцкимъ), збóжѧ, прáжи и розлúчныхъ úныхъ выробóвъ и робóтъ. Сухопѫтемъ, ѭкъ н. пр. до Оу́горъ вывóзятъ: сóль кáмѣнинѫ, лéнъ, конóплѣ и полотнó, спѭрѣтсóвїи плúны, солонúнѫ и т. д. до Шлеска, Чехъ и Моравы крóмѣ сóли кáмѣнной, мѣдъ, кóскъ, кóжи зáчúнъ и вóлнѫ. Óпричь ѭрмаркóвъ велúкихъ на кóнѣ,

предвсѣмъ въ Терно́поли, Черновцѣхъ, Мости́скахъ, Оу҃ла́шковцахъ и Дзбро́вѣ; а на волы въ Сада-гзрѣ, Войни́ловѣ; на ходо́вз въ о́бще въ Станѣсла́вовѣ и въ Ли́скз; на всѣ торговѣльнїи предме́ты въ Оу҃ла́шко́вцехъ и въ Оу҃невѣ, жензтъ мно́го воло́въ на торги до Голомзца, Бе́рна и Вѣдня.

Изъ за грани́цѣ приво́затъ до краю сами́и выро́бы зъ во́лны, бавóлны, шóлкз, зъ мета́ллѣвъ и предме́ты вимысло́вїи или збытко́вїи.

Нехи́бне, що ско́ро желѣзни́ца глзвше ся въ Гали́цїи розгалззи́тъ, рѣки сплавнѣ́йшими вздзтъ и товари́шество господа́рске сильнѣ́йше свою дѣ-ятельно́сть розвинѣ, розвинзтъ ся и бо́льше всѣ о́трасли краёвого маéткз; во мно́гїи арти́кзлы, котрїи сзть въ всѣхъ и́ныхъ краáхъ дзже пошзкований, ныне въ Гали́цїи при мало́мъ спо́лззвѣга́ню ся кзпцѣвъ дзже ни́зко стоáтъ, — а и́нїи арти́кзлы при заохо́тѣ и принзцѣ изъ стороны господа́рского товари́шества подава́емо́й, чѣмъ разъ лзчшими става́ти ся вздзтъ. Наконе́цъ и то́е есть си́льною для Гали́цїи порзкою кра́сной ей вздзчности, що ѣкъ шко́лы такъ и и́нїи сре́дства шире́нїю просвѣще́нá пособствзючїи о́тъ дня до дня ся тзтъ зна́чно оу҃множа́ютъ, а тимъ самы́мъ ѣкъ зъ одно́и стороны жи́телямъ благобы́тїе забезпеча́ютъ, такъ зъ дрзгои стороны ихъ и мно́гими добродѣтельми оу҃богата́тъ!

В. К.

117.

Нещáстный.

Кому́ Богъ въ гру́ди да́лъ се́рдце мягéньке,
И далъ ся въ до́бру роди́ти годи́ну,

Ща́стье, я̑къ лѣтомъ со́нѣчко тепле́ньке,
Въ житю̀ му вся́ку огрѣва́е дни́ну;
И свѣтъ му ми́лый и соло́дка но̑чка,
Мы́сли весе́лѝ и се́рденько гра́е
Я̑къ бы въ дубро́вѣ тихе́нька кирни́чка,
Дни́на за дни́ною такъ му сплыва́е. —
Лишь кто въ посе́стру взя́лъ тя́жку недо́лю,
Що да́витъ се́рдце, я̑къ вѣдьма кща́ва,
Кто вра́жо̑й ну́ждѣ попа́лъ ся въ нево́лю,
Кому̀ съ журба́ми и со́нъ и заба́ва:
Тому̀ нѣтъ мѣ́стця а́нѣ супоко́ю,
Ну́дитъ си свѣтомъ и ну́дитъ собо́ю,
Туга̀ до се́рдця я̑къ га́дь ся всели́ла,
Зъѣда́е мы́сли я̑къ ѕмі̀ѝ зо̑ро́чки,
Гру́ди зсуши́ла, здоро́вье зноря́ла,
Хлѣбъ му не ми́лый, не терпи́тъ соро́чки. —
Ещѐжь кто мо́же изъ се́рдця спла́кати,
Чи то въ куто́чку, чи за у́гломъ ха́ты
Чи въ гру́дь бра́та, або въ жме́ню дру́га,
Хоть на часо́чокъ сплы́не зъ се́рдця туга̀:
Лишь колѝ сле́зы въ гру́дѣхъ скаменѣли,
И въ тя́жку скалу̀ надъ се́рдцёмъ ся сби́ли,
Де́сять разо̑въ щодень ра́дбысь уме́рти —
Го́дѣ! а го́дѣ!.. потѣхи, нѣ сме́рти! —

М. Р. Шашкевичь.

118.

Хо̑дъ на О́стро̑ Кѣчи́рко̑.

(Уры́вокъ.)

Чере́зъ го̑сти́н бо́ры на́шои Верхо́вины по надъ пото́ки де́брами, ко̑да̀ лишь хи́ба̀ зве́рь хо́дитъ, и где о́ко со́нца̀, я̑къ долго̀ зво̑дъ не́ба дви́житъ, ещѐ нико́ли не загля́нѣло, прова́дилъ сто́ронскихъ прово̑дни́ко̑. Чере́зъ зло́мы и о̑тве́чное гнила́ча

дéрли сѧ зъ прóпасти въ новꙋю прóпасть, | зъ оꙋ́лети въ новꙋю оꙋ́леть. Що часóчокъ ставáли отдыхáючи зъ ослабáючои грꙋди а не едéнъ оꙋ́пáлъ безсúльный пóдъ стрóмкóю ѫ̃къ вéжа горóю, тай сказáлъ до свóго провóдникà: „ѫ̃ оꙋ́жè дáлéй не могꙋ!“ Но той захвалáючи Острꙋ Кѣчúркꙋ, додавáлъ охóты, а такъ собрáвши послѣднїи свои сúлы стáлъ знóвъ дéрти сѧ на горꙋ.

Черéзъ гꙋстый ѫ̃лóвый лѣсъ окрывáючій цѣлꙋю востóчнꙋю чáсть горы тóи, трéба бы́ло ещè пересадúти. Горà не бы́ла зъ тóи стороны нáдто стрóмкà, але пꙋ́ть спинáла инáкша перешкóдла. Перéдъ кóлькóма лѣты загостúлъ бы́лъ въ тïи сúглы знакóмый лѣсовый чéрвъ, що часáми ѫ̃къ саранчà на бóры спадáе и обгрызáючи лúстъ, корꙋ и самꙋ нáветь пóдъ корóю плѣвкꙋ, цѣлúи овшáры и лѣсы до послѣдного морúтъ пнà. Однáкожъ изъ всéи красы, вы́сухлый ѫ̃къбы на грáдахъ стоáлъ тꙋ лѣсъ тотъ представлáючи сꙋмны́й видъ разорéнїа, ѫ̃къ бы въ тóмъ зáкꙋтѣ цѣлáм природа зазмéрла. Всю нáрость, недóгрызки чётúны и дрóбнѣйшихъ галꙋзъ, дáже самïи óтлáмки пóдгрызéнои коры, позрывáли вѣтры, и постелúли на зéмлю, поспыхáвши еднò верхъ дрꙋгого такъ, що тáжко бы́ло стꙋпúти ногóю, жебы не завáдити о дрóбны́й лóмъ, котры́й сꙋхúми вѣтрáми погóдливои ѫ̃рì ѫ̃къ кáжꙋтъ, на пéрець просꙋшéнъ, трѣщáлъ ломачúсь пóдъ ногáми.

По дóлгóмъ часѣ и съ тáжкúмъ трꙋдомъ добúли сѧ пꙋтники черéзъ тꙋю сы́глꙋ на верхъ. Пóдъ верхóмъ зазеленѣла сѧ оꙋ́жè природа. Ѭкъбы шанꙋючи верхà, не доходúлъ тꙋ розточáючій зꙋбъ ненасы́тного чéрва, и лишúлъ на самóмъ вершкꙋ

малéнькій перéлѣсокъ молодыхъ ѣлúць не ткнéный. Йле въ околѣсѣнко вершкà, котрый óстрымъ закóнчáлъ сѧ рóгомъ, лежáлъ знóвъ лáвою стáтый въ осенú весь находáчій сѧ тѫтъ зáпѫстъ, призначéнъ на спáль пóдъ насѣ́нное зéрно. — Провóдникъ оповѣдáлъ, що мáйже въ цѣлыхъ Бескидахъ нáшихъ быкáла и есть ещѐ въ звычáю такъ назвáна спалúнная óу̃прáва землѣ́, котрà состóитъ въ тóмъ, що або старúнній бóры, або молодúй зáпѫстъ цѣлкóмъ зтинáе сѧ, и палúтъ сѧ, скóро вúсхне, и на тóй спáли закóпѫе сѧ насѣ́на посерéдъ пнѣ́вà мотúкою. — И такъ прéдставлáла тáѧ горà óтъ свóи подóвы прóзвáна „Óстра Кѣчúрка“ сѫмный и отражáющій óкѫ вúдъ завмéрлои абò стáтон сѫхóлѣси.

Въ послѣ́днихъ напрѫжéніяхъ силъ пресаджáючи черéзъ óу̃стéленіи лóмы и рѫбáнь, дóстáли сѧ на сáмъ вершóкъ — и добúвши сѧ на зáпаднѫ стóронѫ, надъ простопáдлю óу̃леть, котóра сторóю серéдъ самóго селà стоáла, посѣдáли на óтпочúнокъ. Зъ óтты мóжь бúло шúроко и далéко все бáчити, и чѫти не óмаль кóждое слóво зъ цѣлóго пóдъ нúми лежáчого селà. — И незнáти ѣ̃къ долгò бúли бы оставáли на тóмъ мѣ́стци, слúвы имъ заходáчое сóнце не пригáдокало сближáючѫ сѧ нóчь. — Колú сходúли зъ Óстрои Кѣчúрки óу̃крашáло сóнце прашáюче всѣ́ вершкú гóръ золотúмъ вѣнцéмъ рожáного блéскѫ, мовь красúтъ народолю́бный цáрь богатúрóвъ слáвы. Й надъ селóмъ долѣ́ дрожáла полѫвечѣ́рнаѧ зорà и нúзала кáплѣ невéсной роскú нѣ́вы пéрлы на шолкóвѫ нúть, щобъ ихъ обúльно розсѣ́ати на лицѐ оскáлои прóды. — Изъ блúзкихъ и далéкихъ полонúнъ оз-

ва́ли сѧ трѫмбе́ты и сопе́лкы, а съ ихъ ми́лыми звѫками мѣша́лъ сѧ звена́цій соловіевый го́лосъ — то зно́въ ѣ́къ бы на перемѣ́нѫ занѫти́лъ Верховы́нецъ свою тѫжли́вѫ пѣ́сню — а пѫтники то въ ѥдну то въ дрѫгѫ сто́ронѫ напрѫжа́ючи ꙋ́хо, сходи́ли ле́гкимъ кро́комъ крѫтыми стежка́ми зъ высо́кои горы — и сами́ї незна́ли ѣ́къ ско́ро чи ѣ́къ по́здно прїйшли́ на замовле́ный но́члѣгъ.

Н. Устіяновичъ.

119.

До Зори.

Кра́сна зо́ре! подивы́ сѧ
Ꙗснымъ ли́чкомъ зъ высоты,
Бли́жше, ни́жше прихили́ся,
Тугу́ зъ се́рдця розжены.

Засвита́й ми, ꙗкъ свита́лась
Коли́мъ въ ща́стю мо́имъ жи́лъ,
Ми́ло, щи́ро все сѣ́лась,
Нѣжь тя те́мный свѣ́тъ закры́лъ.

Кра́сна зо́ре, тысь всё зна́ла
Мой гара́здъ, и кло́потъ вся́къ,
Ху́ткось, пру́дкось потѣша́ла,
Ꙗкъ дѣти́ну со́нный зра́къ,

Ꙗ въ надѣ́и выгляда́лъѥмь,
Лу́чшу до́лю що весны;
Жи́ти, сни́ти переста́лъѥмь
Когда́ ща́стя цвѣ́ты ꙋ́схли.

Тепе́рь ужѐ свѣтъ не ми́лый,
Бо надѣ́я гдѣ́жь она́?
Ста́ну, гля́ну нещастли́вый
Ща́стя мо́го гдесь не ма́!

И. Гушале́вичъ.

120.

Похожденье Домѫ Га́бсбѫргъ.

(По́для хро́ники А. Циґле́ра.)

Похожде́нье сїа́тельнѣ́йшого кня́жеского До́мѫ „Га́бсбѫргъ“ о҃тно́сатъ ажь до се́дмого столѣ́тїа и называ́ютъ Кнаѕа́ Лотари́нґїи Е҃тика, родонача́лникомъ Домо́въ Га́бсбѫрско-Лотари́нского и Цери́нского; но тѫ не да́сть са съ докла́дностїю родосло́вїе тихъ Домо́въ продолжа́ти зъ причи́ны гдѣ́котрыхъ не ѣ҃сныхъ мѣ́стць и пере́рвъ; и ажь съ Гра́фомъ Лѫитфри́домъ, котры́й жилъ еще́ на початку́ деса́того столѣ́тїа, мо́жно Га́бсбѫрскїй родово́дъ съ бо́льшою пе́вностїю за неперерва́ный прїа́ти.

Роди́нніи посѣ́лости то́го До́мѫ находи́ли са въ Ѧлза́ції, Гелве́ції (Швайцарїи) и въ Шва́бїи. Они́ бы́ли знакоми́тыми; но помножи́ли са ещѐ бо́льше чере́зъ сва́тьбы съ мо́жными роди́нами, цѣса́рскїи дарови́зны и чере́зъ пра́во покрови́тельства надъ сосѣ́дными канто́нами въ Швайца́рїи, ѣ҃къ наконе́цъ и чере́зъ мно́жан дѫхо́вніи заложе́нїа и о҃тказы.

Гра́фъ Лѫитфридъ IV. оста́вилъ по со́бѣ трёхъ сыно́въ, ме́жи котры́ми найста́ршїй называ́лъ са Лѫитфридъ V. а то́йже лиши́лъ сы́на и́менемъ „Гѫнтрамъ бога́тый,“ кото́рый сопровожда́лъ Цѣсара Га́йнриха I. въ всѣхъ его́ походахъ и во́йнахъ проти́ѫ Гѫннамъ, Ява́рамъ, Ве́ндамъ, Со́рбамъ и Оботри́тамъ и оста́вилъ по со́бѣ сла́ѫ велїкои бо́дрости и зрѫ́чности.

Его́ сы́нъ Канцели́нъ або ина́кше назва́ный Ко́нрадъ ме́шкалъ посере́дъ сво́ихъ до́връ

недалéко Ви́ндиша въ головно́мъ мѣ́стци ри́мскои Виндони́ссы.

Того́же сынъ Ра́дбодъ посѣда́лъ гра́фство Клéтговъ и оженúлъ са съ Ітто́ю, до́черїю Князà Фри́дриха Лотари́нского.

Ра́дбода бра́тъ Бе́ртолдъ сталъ са родоначáлникомъ Князѣвъ Цери́нскихъ и Те́цкихъ, а бра́тъ Бе́рнеръ полѣчúлъ епúскопство Стражбѣрске.

Той епúскопъ Бе́рнеръ былъ тако́жь основáтелёмъ родово́го зáмкѣ, котры́й выбѣдовано недалéко о́тъ сплы́вѣ рѣки Ла́ры и Ра́йсы на горѣ Бѣлпель, тамъ, где колúсь стоáло ри́мское мѣ́сто Виндони́сса, въ нынѣшней Ларго́вїи, и подáлъ по́водъ до слѣдвючои ка́зки:

„Ітта, жѣнка Ра́дбода, захотѣ́ла мешкати въ новóмъ зáмкѣ, котры́йбы давáлъ крáсный про́зо́ръ, и на котры́й то зáмокъ вы́брано горѣ Бѣ́лпель недалéко о́тъ Áлтенбѣрга, повы́шше Ви́ндиша. Но понéже Ра́дбодъ власнѣ по той часъ малъ мáло гро́шїй, авы мо́гъ желáнье свои́ любе́знои сѣпрѣги до ра́зѣ исполни́ти, о́удáлъ са въ то́й спрáвѣ до сво́го бра́та, епúскопа Бе́рнера, котры́й охо́чо требѣемѣ сѣммѣ емѣ дáлъ.

Въ коро́ткомъ часѣ о́укончéно зáмокъ, на котро́го бѣдо́вѣ епúскопъ не щадúлъ нѣ́кихъ же́ртвъ нѣ ко́штовъ, а понéже той „зáмокъ“ (Burg) стоáлъ на власти Ра́дбода и его „имѣ́нїе“ (Habe) т. е. землà и до́бра по́дъ роскáзами того́ зáмкѣ здавáли са бы́ти, бо зъ него въ самóмъ дѣлѣ на всю окре́стно́сть мо́жно было крáсный про́зо́ръ мáти, то назвáлъ Ра́дбодъ его „зáмкомъ сво́го имѣ́на“ илú по нѣмéцки: „die

Burg der Habe" а корóтше: „Habsburg = Габсвѫргъ."

Ябы дѣло новóго основáнѧ вúдѣти посѣтúлъ епúскопъ Вéрнеръ свóго брáта Рáдвода, найшóлъ однáкожь о҃кончéный зáмокъ, при простóй вѫдóвѣ и малóмъ овъéмѣ мѫрóвъ въ сорозмѣрности до позы́ченои сѫммы, за скѫдный.

Незадоволéный зъ тóго призвáлъ Грáфа и обявúлъ емѫ, же ѻнъ чáсть вы́зыченыхъ на вѫдóвѫ грóшїй признáчити мáлъ на ѧкѫсь úншѫ цѣль. Грáфъ однáкожь спокóйно слѫхалъ сéрдачого сѧ епúскопа, а на конéцъ просúлъ егò, абы лишь извóлилъ до вѫдѫчного рáна сѧ воздéржати, а ѻнъ тогды довóльно оправдúтъ сѧ взглáдомъ спотребленыхъ грóшїй. Епúскопъ тимъ забеспéченьемъ задоволéный перебы́лъ конéцъ тóго днѧ съ скóнмъ брáтомъ и егò сѫпрѫгою весéло, и радъ былъ знáти, ѧкимъ то спóсобомъ вѫде сѧ оправдáти Рáдводъ взглáдомъ тѣснóго овъéмѫ тóго новóго зáмкѫ.

Но колú епúскопъ ѻ҃дáлъ сѧ на спочúнокъ розъслáлъ Грáфъ Рáдводъ ещѐ въ ночú мнóжанихъ послáнцѣвъ до свóи шлáхты и до прóчои ѻ҃тъ нéго зависúмои слѫжбы, и велѣлъ имъ всѣмъ, абы съ рóзсвѣтомъ днѧ ѧвúли сѧ въ пóлнóмъ ѻ҃зброéню пѻдъ мѫрáми зáмкѫ, и тúже формáльно обсадúли, що и тóчно захóвано.

Колú пóтѻмъ епúскопъ рáно сѧ провѫдúлъ, завéлъ егò Грáфъ Рáдводъ кѫпно съ свóею сѫпрѫгою, не моклячú áнѣ слóка, до ѻ҃твéртого ѻкнà, и всказáлъ на воéннїи отрáды совранїи окóло зáмкѫ.

Тóю несподѣванкою епúскопъ Вéрнеръ не мáло изъѫмѣлъ сѧ, понéже не мóгъ ѻ҃тгадáти причúны

того особли́вшого зъвиска, и дѹма́лъ, що его́ обкрѹжи́ли непрїя́телѣ хота́чїи взя́ти его́ въ поло́нъ. Ра́дводъ же ѹ̑смѣха́ючи са ѹ̑спокои́лъ его́ и объявѝлъ, що всѣ по́дъ мѹра́ми собра́нїи не сѣть его́ ворога́ми, но найвѣрнѣ́йшою дрѹжино́ю, котра́ въ часѣ потре́бы его́ бы бо́льше охорони́ла я̑къ и найбо́льшїи и найкрѣпчайшїи мѹры. На ню оберну́лъ о̑нъ про тое ча́сть о́выхъ вы́зыченыхъ гро́шїй и ю̑ черезъ то́е я̑ковы заку́пилъ и до свои́ слѹ́жбы сзоповаза́лъ, а черезъ що о̑нъ власти́во вы́вѹдовалъ совѣ́ въ ей се́рдцю найлѹ́чшѹ по́дпо́рѹ, а наймо́цнѣ́йшїй за́мокъ про всѣ часы́. По той бе́сѣдѣ далъ зна́къ свои́мъ лю́дёмъ, а они́ всѣ по́днесли во́скликъ ра́достный, по чѣ́мъ и соверше́нно задоволе́ный епи́скопъ не шадѝлъ похва́лъ для Ра́двода за розѹмне ѹ̑потребле́нье гро́шїй.“

По́зднѣ́йше робѝлъ Ке́рнеръ свое́мѹ бра́тѹ ещѐ мно́гїи и зна́чнїи да́ры; но поне́же при то́мъ дѣла́лъ ѹ̑щервъ епи́скопствѹ, былъ обжа́лованый изъ стороны́ капи́тѹлы пере́дъ Цѣсаре́мъ Ко́нрадомъ, котры́й его́ по́дъ позо́ромъ посо́льства вы́слалъ до Цариграда. Но зале́дво прибы́лъ тамъ Ке́рнеръ, ѹ̑важано его́ я̑ко ка́зна и о̑тъсла́но на еде́нъ остро́въ, где и ѹ̑ме́ръ р. 1028.

Ме́жи насле́дниками Гѹнтрама о̑тличи́лъ са ґрафъ Ѧлбрехтъ зъ Гавсбѹрґа, про́звискомъ богаты́й, котры́й домове́ господа́рство Гавсбѹрске ско́ро и зна́чно помно́жилъ и прина́лъ ти́тѹлъ Ландґра́фа Ѧлза́ціи, котры́й то ти́тѹлъ оста́вилъ въ насле́дїе свое́й роди́нѣ.

По не́мъ сле́довалъ его́ сынъ Рѹдолфъ, а по того́жъ смерти́ подѣли́ли его́ ова́ сыны́ Ѧлбрехтъ IV., оте́цъ по́зднѣ́йшого Цѣсара Рѹ-

долфа I. и Рдолфъ IV. посѣлости своего домъ между себе.

Албрехтъ IV. задержалъ кромѣ замкъ Габсбрга, великъ часть добръ въ Аргови, Црихгавѣ, Гиндгавѣ и Бризгови и оуградъ Ландграфа въ Аргови. Рдолфъ IV. же полъчилъ Лафенбргъ, добра въ Снсгови, Клетгови, надъ озеромъ Лцерненьскимъ, Семпахъ, Сарненъ, Глрсъ и покровительство надъ дѣвичимъ заложеньемъ Секингенъ. Покровительства надъ заложеніями Мри и Мрвахъ и Ландграфство Алзаціи остали при обоихъ братахъ, однакожь не оставили они тиже въ наслѣдство дѣтемъ Графа Рдолфа, стрыа позднѣйшого Цѣсара тогоже имене первшого.

Понеже Рдолфъ IV. осѣлъ на Лафенбрґ, то называла са молодша Габсбрска лиія „Габсбрско-Лафенбрска.“ Там нова лиія розпала са позднѣйше знова на двѣ иніи лиіи, зъ которыхъ однакожь одна са Графомъ Іоанномъ р. 1408, а дрга са Графомъ Сггономъ р. 1415 выгасла, и такимъ способомъ прійшолъ домъ Лафенбрскій знова до Ракбсск.

Албрехтъ IV. прозванъ мдрый повольшилъ свой посѣлости черезъ сжрбжество съ Идвигою, дочерію Графа Оуларица зъ Кибрга, Ленцбрга и Баденъ, и сталъ са родоначалникомъ „Габсбрско-ракбсскои лиіи.“

Рдолфъ сынъ Албрехта IV. оуродилъ са дня 1. Мая 1218 въ Бризгови и малъ за отца крестного, Цѣсара Фридрица II. (свого кревного, бо походилъ изъ Графа Райнбалда зъ Кишшои

Бѹрґѹндіи), котрый по той часъ пребывалъ въ мѣстѣ Брайсахѹ.

Онъ былъ наслѣдникомъ своего отца Албрехта IV., и былъ про тое ґрафомъ Габсбѹрґа и Кибѹрга, Ландґрафомъ въ Алзаціи; а отъ р. 1273 выбраный зостался на Нѣмецкого Цѣсара и назвался сѧ Рѹдолфъ I., бо первый сего имене полячилъ корѹнѹ Цѣсарскѹ. Такимъ дѣломъ пріишолъ Домъ Габсбѹрґъ до Цѣсарства, котрое по нынѣ при немъ зостаѥ.

В. К.

121.

Адинаисъ.

Адинаисъ, дочка Леонтіа, славного Любомѹдрца въ Адинахъ, оуродила сѧ рокѹ 400 по рождествѣ Христовомъ. Отецъ ей много ложилъ старанѧ на образованье вроджѣного талантѹ дочкы, котра значно въ наѹкахъ постѹпала. — Кто ю привелъ до Царгорода? якимъ свѣтомъ на престолъ стѹпила? тіи подробности передаютъ намъ древніи описы.

Цѣсарь Теодосій молодшій, хотячи сѧ подрѹжити, малъ звычай радити сѧ часто въ томъ взглядѣ своей сестры Пѹлхеріи Авґѹсты. Пѹлхеріа желаючи оущастливити брата, постано вила выбрати добродѣтельнѹ и надобнѹ особѹ, котора бы совершенно отвѣствовала ожиданю брата.

Теодосій мовлялъ Пѹлхеріи, же его единственно така красота и така лишь добродѣтель оущастливити може, которой жадна ина не выровнае, и для того готовъ даже сѧ женщиною низкого станѹ сѧ подрѹжити.

Въ тѣмъ власнѣ времени Адинаисъ оукрашена талантомъ и красою прибыла до Царгорода, а то изъ слѣдующихъ причинъ: Отецъ ей оумирающи вырекъ до неи тыми словами свою послѣдню волю: „Адинаисъ, любезна дому, товѣ лишаю только сто червонцѣвъ; понеже твоя краса, несровнана добродѣтель и рѣдкій талантъ на найвышшій степень щастливости вынести та могутъ.“

Адинаисъ видячи са оскорблену, оудала са до своихъ двохъ братій, которіи цѣлое именье наслѣдствомъ достали, авы они ей за сдѣлань черезъ отца несправедливость въ подѣлѣ маетку, хота по части вынагородили.

Але сердца скаменѣлій не выслухали тои ей просьвы, а колій Адинаисъ чимъ разъ больше налягала на признанье спадаючои на ню части, такъ строго совѣ съ нею поступили, же ей больше до своего дому не дали приступу.

Нещастлива Адинаисъ оудала са до своей тети; там была ей матерью, и изъ сторонъ сестрѣницѣ подала до суду жалобу о сдѣланъ отъ братій кривду, и авы той справѣ надати прядшій наворотъ, ставила свое прошенье до Плахерій, малюючи найживѣйшими красками негодивость братій, а красоту, добродѣтель и высокое даровань нещастливои.

Тіи похвалы сдѣлали великое впечатлѣнье на книгиню, котора пересвѣдчивши са о истинѣ, не залишила довѣдовати са въ оубочныхъ сторонъ о нравственности тои дѣвицѣ, а оувѣривши са о ей обычайности взяла ю въ коло дѣвицъ подъ ей опѣкою зостаючихъ, и прирекла мати старанье за сдѣланъ кривду.

Пѵлхе́рїа пересвѣ́дчивши сѧ чимъ разъ бо́льше, же И́диначъ въ всёмъ свои́ товарищкы́ превышша́е, же съ приро́дною красото́ю и наб҃тыми вѣ́домостьми соедина́е найдоро́жше сокро́вище добродѣ́тели, не медли́ла донести́ сво́ем҃ бра́т҃ о то́й че́стно́й дѣ́вѝци, котро́и р҃ку҃ о҆нъ посѣда́ти есть го́денъ. Θеодо́сїй видѧ́чи исполне́нїи свои́ жела́нїѧ розплыва́лъ сѧ въ ра́дости, а вѣ́рный сво́ем҃ постановле́ню подр҃жи́лъ сѧ съ надо́бною Ѳвдо́ксїею. (Тако́е ей на креще́нїи и́мѧ да́но).

Ѳвдо́ксїа не залиша́ла навки, котро́й зъ молоды́хъ лѣ́тъ прилѣжа́ла. Отлича́лась найбо́льше въ слове́сности гре́ческо́й и лати́нькой, не ме́нше въ фїлософї́ческихъ а ариѳмети́ческихъ вѣ́домостехъ. Опи́совала стиха́ми побѣ́д҃ Ѳеодо́сїѧ надъ Пе́рсами, толкова́ла парафра́зы пе́рвыхъ о҆смы́ книгъ письма́ свято́го, и їсто́рїю м҃ченико́въ Кипрїа́на и Юсти́на. — Ста́вила Церкви́ и бы́ла матерїю о҆у҃бо́гихъ — а по смерти́ сво́го м҃жа посѣ́тила Палести́н҃, где ро́к҃ 460 Бо́г҃ дѣ́ха о҆тда́ла.

Бра́тѧмъ не о҆тпла́човала взаймностїю, въ пре́ки стара́ла сѧ о ихъ добро́ и вынесла ихъ на найвы́шшїи о҆у҃ра́ды. За́мѣсть закида́ти имъ ихъ стро́гое пост҃па́нье съ сестро́ю, мовла́ла она҃ ѩкъ егѵ́петскїй Іо́сифъ до сво́ихъ бра́тїй: „Если бысте менѣ не прин҃дили бы́ли опо҃сти́ти мою о҆тчи́н҃, не бы́лабымъ въ Царгоро́дѣ, и не ма́лабымъ способности оказа́ти любо́вь и прива́занье, кото́рое къ вамъ въ се́рдци мо́ем҃ но́ш҃!“ — Ѩкїй кра́сный примѣ́ръ любвѝ роди́ннои!! —

ІА. Геро́вскїй.

122.

Водоспáдъ Прѹта кóло Дóры.

Станѣслáвôвскій окрѹгъ, котрый що до свóи природнои красотѣ и свóихъ занимáтельныхъ пáматникôвъ вѹвáльщины исключнѣйшое мѣжи ѝными окрѹгами Галíціи занимáе мѣстце, — представлáе óкѹ природолюбца óбразъ, котрый природа прелѣстною красóю богáто вѣпосажила, а кокрый очертáти надáрмо сѝловалабы са рѹкà человѣка. Есть то величáвый водоспáдъ їсторíческо слáвного Прѹта. —

До Делáтина ведѐ по при селò Шивалôвка, ôтъ головнóго до Черновéцъ ведѹчого гостѝнца, повóчнаа такъ звáна сôльнаа дорóга. Делáтинъ самъ есть то невелíчке, по бôльшôй чáсти черéзъ жидôвъ замéшкане мѣстéчко съ сировíчными кѹпелáми: выровлáютъ тѹтъ такóжъ мнóго деревáного нáчинъ, краснò вырѣзованíи лижкѝ, вилкѝ, тарéлѣ и ѝнши вéщи. Зъ ôтты идѐ р. 1826 Фр. Крáтеромъ, тогдáшнымъ стáростою Станѣслáвôвскимъ завéденый головнúй гостѝнецъ, ведѹчíй черéзъ Дóрѹ, Ямнѹ, Микълáйчинъ и Ивлоницю до оѵгóрского надграничного мѣстéчка Черемóшѹ. Оѵйшóвши тóю хорóшою чѹдéсно-прекрáсни гôрскíи окóлицѣ перетинáючою дорóгою одинѹ мíлю ôтъ Делáтина, привыкáемъ до гѹцѹльского селà Дóра, котрóго нúвы оплíкае вѹйный Прѹтъ. На крáйнôй граници тóго селà къ Ямнѣ взнóситъ са скалíстый вéрѣгъ тóи рѣки до значíтельнои высотѝ, и тѹтъ спадáе водà стиснéна скалáми съ громовúмъ тѹтномъ и незвычáйною вúстростíю. Роскáзѹютъ, же спадъ тôй колúсь былъ надъ 4

сáжнѣ; но понéже и тѫтъ загадáли бы́ли Прѫтъ спла́вныхъ зробúти, отже порозстрѣ́лювано скалѫ. Водà спадáе съ цѣлóю сúлою на велúкúй, черéзъ вы́стрѣлъ сдѣ́ланый ôтломъ скалы́, изъ котрóго и цѣлы́й водоспáдъ найлѫ́чше можь перезрѣ́ти. Єгò ц. к. Высóчество Áрхикнáзъ Францъ Кáроль звѣ́дали въ часъ свóго пѫтешéствїа по Галúчинѣ рóкѫ 1823. и тѫю прекрáснѫю романти́ческѫ окóлицю, а тáмка о Нихъ жїѐ ещѐ и дóсы мéжи вдáчнымъ тамóшнымъ жúтельствомъ, дéрзкими и мотóрными Гѫцлáши.

Пôдъ водоспáдомъ твóритъ рѣкà обшúрное стáлище, где сѧ бы́стрымъ спáдомъ розгѫканїи вóды ôу̃смирáютъ, абы́ свой фáлѣ знóвъ новáжно дáльше къ мóрю котúти. Мôстъ 30 сáжнiй дóлгiй а 4 широ́кiй ведѐ черéзъ рѣкѫ; лѣ́томъ привѫ́ваѐ тѫтъ мнóжество природолю́вцѣ́въ, абы́ пречѫ́дéсное тóе зрѣ́лище оглáдати. — Вдáчнôсть вы́ставила тѫтъ покóйномѫ надвóрномѫ совѣ́тникови Фрáнцови Крáтерови за вы́бѫдованье гостúнцѧ, котры́й совокѫпла́е окрѫгъ Станѣслáвôвскiй съ Оу̃гóрщиною, прекрáсный пáмятникъ.

Цѣлà тáѫ дúко крáсна окóлицѧ а úменно селò Микѫлúчинъ, бы́ла наймúлшымъ провѫ́вáлицемъ слáвного розбóйника, рѫ́ского Фра-Дїáвола, Дóбоша, о котрôмъ народъ тамóшный мнóго анекдóтъ и сказóкъ любопы́тнымъ гóстѧмъ оповѣ́дáе, ѫ̃кожь и мнóго оу̃кáзѣ рѣ́чiй дотычныхъ того ослáвленого опры́шка.

Зорѧ гáлицка.

123.

Людске се́рдце и лю́дска вола́.

„Лю́дске се́рдце“ есть то найши́ршое мо́ре. Ѥ́сть тамъ гдене́ѯда и пѣски́ и мѣли́зна и на́сыпы и твердая скала́, но найбо́льшая его́ часть есть незмѣре́ннаѧ гл҃бѣнь.

„„Лю́дска во́ла“ „есть то и́стинна весна́; кобъ лишь разъ под҃ла́ъ на ню тепле́нькій ле́готъ и розгрѣ́лъ въ ней ѳ҃дро́ жита́, най собѣ ш҃ми́тъ тогда́ зи́мный западо́вецъ тай г҃дѣ́ о́стрый в҃йне́стеръ, — она загрѣ́е свою́ трави́чк҃ и дасть крас҃ ей ли́чк҃, а соловѣ́еви дѣ́ти розвѣ́ютъ ей цвѣ́ты.

Гриць Кукуру́дза.

124.

Блаже́нный камѣнь.

Оу҃ры́вокъ изъ епи́ческого стїхотворе́нїа „Ски́тъ Ма́наескїй.“

Въ тыхъ торжестве́нныхъ чувствій по́ломѣни
Сплылъ имъ (Черци́мъ) остатокъ се́и па́мятнои дни́ны!
Сумра́къ зъ доли́ны па́лъ ся надъ го́ръ щи́ты,
Щобъ свѣ́тло со́нця въ о́блакахъ згаси́ти!
Тогды́ ажь Черцѣ́ почали́ тада́ти:
Що въ то́й пусты́ни — нѣ села́ нѣ ха́ты!
Кобы́ хоть въ корчёхъ, — або ко́ло плы́ты
Знужёну на но́чь го́лову склони́ти!
Ты́ми гадка́ми запря́тавши мы́сли
Горѣ пото́комъ скро́зь хабни́къ ся ти́сли,
Ажь где ся бо́ки Ски́тского прова́лу,
Чимъ разъ то ужше сближа́ли по ма́лу:
А густи́ корчѣ́ прохо́дъ затыка́ли,
На мху́ — по́дъ со́сною, — но́члего́мъ ста́ли. —

Мягкà мурáва! и бокла́гъ и сви́та,
Ако́гожь тре́ба подоро́жнымъ ло́жа?
До то́го ра́до́сть! по́стѣль належи́та! —
Не є́де́нъ бы имъ за́здростилъ вельмо́жа! —
О́тда́ли Бо́гу вече́рнѣ похва́лы:
Лягли́ и булибъ солоде́нько спа́ли;
Но я́кійсь ше́лестъ надъ ни́ми въ обочи́
Не да́лъ ихъ тве́рдо сну уколыса́ти:
Цѣлу́ но́чь мрѣ́ли, и жмури́ли о́чи!
И ночь мину́ла, — лишь го́дѣ заспа́ти!

Ско́ро вѣстуны́ молодо́и дни́ны
Но́чныхъ маръ ре́шту въ гу́щъ позаганя́ли;
Чере́зъ вершо́чки въ затѣня́ долѣ́ны
Цѣка́вымъ о́комъ туй туй заглядáли;
За́разъ И́нокн опусти́ли ло́же,
И повита́ли пѣ́сньми свѣ́тло Бо́же!
Потóмъ къ обочи́ поступи́ли смѣ́ло;
Що тамъ надъ ни́ми скро́зь но́чь шелестѣ́ло?
Кто имъ по́дъ бо́комъ таку́ псо́ту пра́вилъ?
Не далъ засну́ти, — и но́чи позба́вилъ?
Гадо́къ бога́то! а мала́ дивни́ця! —
Жа́дного Чернцѣ́ не знайшли́ страши́ла:
Скала́ въ обочи́, по́дъ нею керни́ця,
Съ котро́и струя́ по камѣ́ню плы́ла!
Хо́тьбы ся въ жмéню змѣсти́ла води́ця,
Ско́ро ю́ Чернцѣ́въ здыба́ла зѣни́ця,
Но́ва утѣ́ха гру́дь ихъ наполни́ла.
Бо скалы́ про́странь, — въ споко́йно́й затѣ́ни
Твори́ла въ глу́бѣнь и по́бо́чь три стѣ́ны;
А на нихъ плы́та нѣ́бы сте́ля спе́рта;
Сподо́мъ по́дло́га ка́мѣнна просте́рта;
Але зъ пере́ду, где стѣ́на́ четве́рта
Ма́ла стоя́ти, — тамъ про́странь о́тве́рта!

Чи тоту́ ха́тку на́чинёмъ изъ ста́ли
Въ скалѣ́ то́й лю́дскѣ ру́ки вы́ковали?

Чи для чїёгось спочи́нку, выго́ды,
Такъ изъ ру́къ вы́йшла вѣ́чной приро́ды?
Надъ ти́мъ ся въ у́мѣ ро́зна га́дка бу́дитъ,
Мина́ѥ пра́вду, — и въ домы́слахъ блу́дитъ!
Але певнѣ́йше ѥсть свѣдо́цтво о́ка:
Що цѣла́ ха́тка, то ѥдна́ опо́ка!
Не дро́бній плы́ты, — а́нѣ гру́бшій бры́лы
Въ ѥдну́ ся цѣ́ло́сть шту́чно излѣпи́ли!
Посере́дъ ха́тки, — при само́мъ поро́зѣ,
Або прина́ймнѣ́й о̂тъ поро́га зъ бли́зка,
Въ твердо́й зъ приро́ды и гла́дко́й по̂дло́зѣ
Стои́тъ керни́чка кругле́нька я̆́къ мы́ска:
Ро́вно и гла́дко вы́точена въ бры́лѣ,
Гейбы тока́рь ю̀ вы́кружлялъ въ точи́лѣ!
Безъ скалуби́ны, — на днѣ безъ норы́;
А вода́ пре́цѣнь сычи́тъ до горы́!
Такъ, що студе́на, керни́чка чудо́вна
Хоть пїй и че́рпай, — завсѐ воды́ по́лна!

Притѫлокъ Черцѣ́въ къ блаже́нно̂мъ ка́мени.

Чужосторо́нимъ го́стямъ въ то̂й пусты́ни,
Блу́днымъ Ино́камъ, безъ ха́ты, безъ стрѣхи,
Щожь могло̀ бо̂льше принести́ потѣхи
Я̆къ сухїй ку́тикъ то́и скалуби́ны?
Хотъ ся по̂дъ дре́вомъ сма́чно спало до́ты,
Но гдѣ́жь ся дѣю́ть, я̆къ наста́нутъ сло́ты?
Туть цѣль гости́ны, — тутъ доро́ги ме́та,
Да́лѣй ступа́ти, — о̂тсы у́жѐ не лзя̀!
Я̆къбы не та́я въ ка́мени прикме́та,
Въ цѣло̂й доли́нѣ, притулку не ма̀!
О́тжежь! въ скалѣ, той тѣсны́й закама́рокъ
Собѣ обра́ли на смирне́ньку ха́ту!
И я̆́къ за свѣ́тлый, небе́сный пода́рокъ,
Я̆къ за выго́дну, коштовну пала́ту
О̂тъ се́рдця Бо́гу поблагодари́ли,
И сере́дъ ѣ̀й стѣнъ ся розгости́ли,

А на пáмятку, тихъ чудóвныхъ знáменъ,
Имѧ надáли ей: „Блажéнный Кáмень!“

Первый початóкъ ґаздóвства новóго,
Акъ то за звы́чай, — тýтка былъ ўбóгїй:
Въ цѣлóй печéрѣ не бы́ло ничóго;
Лишь: тверда́ пóстѣль посерéдъ пóдлóги!
Нѣ стола̀, — лáвы, — жáднои судúны:
Лишь: бóклагъ, книга, костýръ подорóжный!
Съ водóю керни́чка, — и три гóлѝ стѣны,
А въ прóчемъ пýстка! кóждый кутъ порóжный!
И въ хáтцѣ хóлодъ, сли зъ надвóру дýло!
Бо стѣны̀ зъ прéду, и дверїй не бýло!

Кóждый зъ насъ кáгїй на сей свѣ́тъ прихóдитъ,
И той былъ бѣ́дный, що ны́нѣ всё мáє;
Прáця зъ ничóго маéтки розвóдитъ:
Живы́й працю́є, и живѣ гадáє!
Акъбы въ пусты́ни мóжно проглипѣ́ти?
Яли ся черницѣ ґаздóвствóмъ журúти!
„Щожь за спочúнокъ — хати́на безъ лáвы?
Прéцѣнь по трýдахъ здáлобы ся сѣсти!
Дýхъ жїѣ̀ прáвдою! Но тѣ́ло безъ стрáвы
Нѣщò не вáрто! кóнче хóче ѣ́сти!
Акъ прїйде óсѣнь, и зимà несы́та
Въ хáтѣ безъ дверій, ци загрѣ́є свúта?
Хоть дýхъ Инóкóвъ спочúває въ Бóзѣ,
Толчѝ ци схóчутъ кóсти по пóдлóзѣ?
Безъ тихъ то потрéбъ и житьѣ̀ Инóче,
Долгò такъ въ нýждѣ ци вы́трвати схóче?
Лѣ́то богáте, гóстьбý мáє швы́дку, —
Же óсѣнь блúзко, даѐ хóлодъ знáти;
Сли зимà дóлга не знáйде забы́тку,
Щожь за хосéнъ имъ зъ кáменнои хáты?
Черницѣ̀ хоть Бóжѝ, — але зéмскѝ лю́де!
Сли на часъ прúкрый несложúли спрáтку
Сли не бýде ся къ чóму розъгнáти,
Щожь тогды̀ бѣ́днѝ мáютъ починáти?“

Бо ктѡ лѝшь вёсну въ часъ обѣрувáти
Не ѷстѝгъ, — и зе́рномъ нѝву не засѣ́е,
Кому́ стебло́ ся не зазеленѣ́е;
Золоты́й ко́лосъ, по́лный не жолтѣ́е;
Ѩкъ прїйде жни́во, — щожь ѡнъ бу́де жáти?
Въ гумнѡ пѡдъ о́сѣнь, що буде сбирáти?
Где ди́ка пу́ща, глухѝ те́мнѝ го́ры,
Чимъ наполни́тъ ѡнъ стодо́лы, — комо́ры?

Но! ѓаздà лѣ́пшїй жіѣ́ гдѣ́сь та́мъ въ Не́бѣ!
Притóмный ко́ждóй, сво́ихъ слу́гъ потре́бѣ,
Той! що про́мысломъ до́лю всѣ́хъ керу́е,
Той! що дрѡбо́ньки птичкѝ пѡднебе́снѝ,
Хотя́й не о́рютъ, — не сѣ́ютъ на ве́снѣ,
Приодѣва́е и чи́мъсь году́е!
Той! що на по́ли самаро́днѝ цвѣ́ты,
Хоть неумѣ́ютъ нѣ пря́сти, — нѣ тка́ти
Въ бога́то кра́сшѝ — и свѣтлѣ́йшѝ ша́ты
Ѩкъ Соломо́нъ ма́лъ — зна́е приодѣ́ти!
Той свой слу́ги въ глубо́кой пусты́ни,
Где роспоча́ли дѣ́ло Єгѡ сла́вы,
Въ зимѣ́ не ли́шитъ ихъ безъ одежи́ны,
А въ при́крый го́лодъ, безъ хлѣ́ба и стра́вы!
Для ихъ потре́бы, пожи́тку, выго́ды
Сама́ пусты́ня не пуста́, не го́ла,
Бо и на ло́нѣ ма́тери — приро́ды
Хлѣ́бъ и оде́жа мно́жатъ ся до вко́ла!
Такъ надѣ́ею скрѣпле́нѝ Иноки
Цѣлко́мъ на Бо́жій про́мыслъ ся изда́ли;
И въ тóй пече́рѣ бо́льше ѩкъ три ро́кы
Такъ ся живи́ли и такъ одѣва́ли:
„Въ бока́хъ ѡтсо́ня сбира́ли суни́цѣ
Кра́снѝ, — румя́нѝ, — ажь имъ за́пахъ ми́лый!
Въ гу́щахъ, затѣ́няхъ, — ожи́ны, черни́цѣ,
Не разъ по корча́хъ прохо́дъ загати́ли!
По надъ пото́ки, мали́ны ѩкъ пло́тъ!
Вкусѝ!.. соло́дка, въ ѷста́хъ ся розпла́ыла;
По пѡдъ смере́ки тма ѩфи́нъ лежи́тъ,

Що ажь ôтъ нихъ ся земля́ заси́нѣла·
Мѣстця́ми зъ гру́шки, зъ ди́кои ѩблóни
Натрясу́тъ гу́сто о́вочей ѩкъ рѣ́ни,
Орѣхъ да́сть лѣ́ска здоро́вый, смачны́й,
А букъ доста́ткомъ жи́ру на олѣ́й!
Съ дождже́мъ тепле́нькимъ прозяба́є гри́бъ,
Рѣка́ и по́тôкъ достарча́ютъ ры́бъ,
И скота́рь ча́сомъ, ѩкъ зачу́є чу́тку,
Що въ тôй доли́нѣ ма́ютъ Черцѣ жи́ти,
Принесѐ ву́рды, або сы́ра гру́дку,
И свѣ́жои ся женти́цѣ напи́ти."
Тимъ на́шѝ Черцѣ го́лодъ поко́или,
Жа́жду гаси́ла зъ керни́цѣ вода́,
Ре́шту добы́тку на зи́му суши́ли,
И щожь имъ зро́битъ въ пусты́ни бѣ́да?
Въ кôмъ чи́сте се́рдце и со́вѣсть споко́йна,
Тому́ и пу́ща въ поживле́нье го́йна;
А радъ зъ мало́го, — бога́то не ба́гне,
Берѐ съ пода́кою, що рука́ да́сть Бо́жа,
Що не ŷзри́тъ о́комъ, се́рдцемъ не запра́гне,
Щастли́вшій въ пу́щи, ѩкъ и́нде Вельмо́жа!

Внѣтренне оу̂порѧдко́ванье блаже́нного ка́мена.

На сушени́ну и вся́кій добы́токъ
Ма́ли при ха́тцѣ саморо̂дный спря́токъ:
Глубо́ку ѩму въ плы́ты скалуби́нѣ
Мно́го певнѣ́йшу ѩкъ богачѣ́въ скри́нѣ.
Уже́бы ѩко́сь ся перебу́ло го́лодъ;
Але що бу́де, ѩкъ прiйде зима́?
Ѩкъ до хати́ны завита́є хо́лодъ,
А ту нѣ дверій, — нѣ пе́чи не ма́!
Ба, и стѣна є́щѐ четве́рта бракує,
А о́сѣнь ŷжѐ ся до зимы́ хили́тъ,
Щожь, — ѩкъ шару́га съ моро́зомъ поду́є,
И снѣжни́цею день бѣ́лый затьми́тъ?
Кто Бо́га про́ситъ, зъ розу́ма не збо́читъ

Помогу́тъ ру́ки, до́кн є́щѐ живѝ,
Тутъ ўрвѐ тро́хи, — тамъ зновъ надторо́читъ,
Пре́цѣ да́сть ро́звѡдъ сво́е́й головѣ́;
Нема́ли бѣ́днй Иноки соки́ры,
Щобы та́къ нибу́дь захисти́ти дѣ́ры,
И поробѝти ѡ̂тъ вѣ́тра зага́ты,
При тѡ̂мъ нѣ́ све́рла, долота́ нѣ́ пи́лки,
Щобы при вѡ̂льнѡ̂мъ прохо́дѣ́ на дво̂ръ
Поприбива́ти зъ кѣма́чя одво̂рки,
И припусти́ти хоть ле́да запо̂ръ;
Але въ приго́дахъ, — где бѣ́да́ доку́читъ,
Сама́ потре́ба насъ розу́му ўчитъ;
А где ся на́веть нѣко́му не сни́ло,
Мала́ причи́на зро́дитъ ва́жне дѣ́ло.

Ма́лъ Іоанни́кій но́жикъ на припо́нѣ —
Пра́вда, — мале́нькій, скры́лъ бы ся въ доло́ни,
Тупы́й на ѡ̂стрю, и не здо̂бный, хиба́
Ча́сомъ мягко́го ўкрои́ти хлѣ́ба,
Ти́мъ, для потре́бы, потя́гши на бру́сѣ́,
Рѣ́зали пру́тье зарѣнко́ве въ лу́зѣ́,
Ко̂лье, лѣщи́ну, где мо́жна лома́ли,
А свидова́те сподо́мъ по̂дтина́ли,
Зъ то́го двѣ́ лѣ́ски, сплѣ́вши на зага́ту,
Отъ простого́ну захисти́ли ха́ту;
По середи́нѣ ўзо́ньки воро́та
Примкли́, гей две́рмй зату́локъ изъ пло́та,
Же пло́тъ не го́денъ вѣ́теръ студе́нъ спе́рти,
Му́сѣли лу́бя зъ ли́пъ и смере́къ де́рти,
Зъ и́вы, лози́ны ўже́лки крути́ти,
И та́къ шко̂рою зага́ту обши́ти.
Мхомъ, що ўкрыва́е берегй и ба́ры,
Позамыка́ли щели́ны и шпа́ры:
А же ко̂лъ въ ка́мень не да́сть ся заби́ти,
Да́ли по̂дпо́ры зъ спо́рыхъ ку́снѣвъ плы́ты!
Є́щѐ доробѝли за́мокъ до запо́ру,
Завязку зъ лыка и ко̂ло́къ зъ запру́ти,

Щобы хоть трóхи двéри прищепнýти
А такъ ўжѐ хáта готóва зъ надвóру.

А въ середúнѣжь? Всё то безъ чóго
Анѣ Чернéцъ ся объитѝ не мóже . . .
Зъ матерїя́лу зробúли éдного:
Стóлъ, пѣчь и лáвы, полúцѣ и лóже,
Зъ самородного, Бóжого створéня:
Зъ кýснѣвъ опóки, зъ твердóго камéня.
Стóлъ — спóрый кáмень въ самóй середúнѣ. —
Пѣчь, — чты́ри плы́ты, при самóй керни́ци,
И лáвы зъ тóгожь, вышь нихъ въ скалубúнѣ,
На кóждый спря́токъ, выгóдни полúцѣ.
Зъ шувáра перóвъ попле́ли рогóжи,
Сѣтни́къ мочáрный повязáли въ мáты,
Твердѐ рогóжею застели́ли лóже,
Мáтами ўкры́ли стѣны ôтъ загáты.
А щобы змя́кли твердіи скáлъ бры́лы
Мхомъ и сухúмъ ихъ лúстёмъ пристели́ли!

На столѣ крéстикъ, знáмя оборóны,
Що го Пахóмій тутъ принéслъ на шы́и,
На стѣнѣ пóбóчь чудóвни́ ико́ны,
Тутъ Спаси́теля, — тамъ Дѣвы Марiи,
А я́ко знáмя вѣрного звычáя,
При нихъ ещѐ óбразъ Отцà Николáя.
Всё въ пошанóвку — и бóклагъ и книги,
Рясно зъ васи́льку связáне кропи́ло,
Щобъ нимъ прогнáти рыбака *) набѣги,
И посвяти́ти кóжде новѐ дѣло.
Щобы прагнучи зъ чудóвного здрóю —
Не при́горщами чéрпали напóю,
Где зъ стклà и гли́ны нáчиня не ви́дко
Черпáчка зъ ты́квы была піяньéтко!
А щобъ въ потрéбѣ огéнь розложи́ти,
На чтырёхъ бры́лахъ широ́кои плы́ты
Сухи́ дерéвця однó въ дру́ге тёрли,

*) Слóво дýха нáйгшого сѧ въ вúдѣ рыбакà.

Потомъ зъ порохнѣ губки си надерли,
Зъ старого бука наломавши чиру,
Скалку кремѣнну злупали подъ мѣру,
А тупымъ бокомъ ножика изъ стали
Въ кождой потребѣ огня си кресали.
А при той ватрѣ щоденній приправи
Пекли на грани, на каменномъ кузѣ,
Або немавши варенои страви,
Замѣсть въ горняти — пражили що въ спузѣ.

Тимъ могли прикрый голодъ покойти;
Але такъ люта потисне зима,
Чимъ тогды грѣшне тѣло приодѣти,
Коли кромъ свиты — нѣ руба не ма?
Але той Промыслъ, що живилъ ихъ щодень,
Щобы котрый зъ нихъ голоду не згинулъ.
На тверду зиму и на люту студень
Приобрѣлъ нагимъ тѣплу одежину.

Анш. Л. Могильницкій.

125.

Житьѣ Іоанна Снѣгирского.

Іоаннъ Снѣгирскій родилъ са дня 18. Мая 1784 года, въ селѣ Берестанахъ округа Самборского — зъ отца Ивана Снѣгирского, пароха рускаго тамошного и зъ матери Єфросины зъ Вербѣцкихъ. До школъ нѣмецкихъ отданый былъ 1792 г. до Самбора, въ 8 годѣ житя свого, и скончилъ ихъ 1795 г. съ превосходною першою классою, давши зразомъ доказы такъ найлѣпшихъ обычаѣвъ. Тамъ зачалъ также и до гимназіи ходити, но помочію отца скаго не долго са тѣшилъ, бо отецъ померъ 23. Марта 1799 г. Такъ осиротѣвши завчасъ рекъбысь, же загине Іоаннъ и не дасть совѣ жаднои рады, но провѣ-

дѣнїе Бо́жое ч8вае и надъ сиротáми — и ѡнъ по чáсти ѡтъ родúны воспомáганый, а по чáсти влáстнымъ тр8домъ (навчáючи дѣти ч8жїи ꙗко домовы́й навчúтель) ѡ8трúм8ючи сѧ, скѡнчилъ такóжь и ґ҃мназїю г. 1800 и то ꙗко пéрвшїй нагорóдою ѡ8вѣнчáный. Ѡ8жѣ тогды пѡзнáно сѧ на егѡ талáнтахъ и держáно егѡ за молодцà найлѣ́пшои надѣи и найчемнѣйшихъ обычáѣвъ, що м8 и въ свѣдóцтвѣ вы́писано. Изъ тóи то причúны ѡ8жѣ егѡ товáришѣ ꙗкбы предскáзꙋючи егѡ пѡзднѣйш8 сѧдьб8, называ́ли Влады́кою. На Любом8дрїе ѡ8дáлъ сѧ до Львóва, где сѧ по чáсти изъ стипéндїи ꙗко искáтель стáн8 дх҃óвного, по чáсти черéзъ дáванье коррепетúцiй въ предмéтахъ фїлософiйныхъ ѡ8дéржовалъ, житьѣ скрóмное провáдилъ и на малóмъ преставáлъ. Въ вы́шшихъ шкóлахъ розвинȣли сѧ егѡ талáнты ещѐ бóльше, а егѡ обычáйнѡсть бы́ла всѣмъ знакóма, про що ѡтъ свóихъ товáришѣвъ шкѡльныхъ дȣже былъ повáжаный и любле́ный. Въ гóдѣ 1803 скѡнчúлъ трилѣтный кȣрсъ Любом8дрїа. Потóм8 ѡ8дáлъ сѧ на Богослóвїе. Ѡ8кѡнчúвши г. 1804 съ прекрáснымъ пост8помъ пéрвшїй рѡкъ Богослóвїа въ всеч8чúлищи Львѡвскѡмъ, подáлъ прóсьб8 до Консисто́рiи р8скои Перемы́скои, абы мѡгъ бы́ти послáнымъ до цѣсáрского конвúкт8 въ Вѣдни на Богослóвїе для бóльшого выдосконалéня сѧ. Позыскáвши отвѣтъ пѡдлѧ свóго желáня, поѣхалъ до Вѣдня и тамъ 19 Листопáда 1804 г. въ кни́г8 всеч8чúлища Вѣдéньского вписаный зостáлъ. Тамъ свóимъ навкамъ прилѣжáлъ и на пѡбли́чныхъ и́спытахъ найкраснѣйше сѧ выкáзовалъ, бо всѣ предмéты съ превосхóдным ѡ8спѣхомъ позда-

вáлъ. Въ конвúктѣ ѿличúлъ сѧ зáразъ пéрвшого гóда черéзъ строгѕ обычáйность, чéмное зауовáнье сѧ и тóчное выкóнѕванье прéдписóвъ конвúктѕ такъ дѕже, що мѕ ꙗко пóдпрефéктѕ нáдзоръ надъ одни́мъ ѿтдѣломъ молóдшихъ пúтомцѣвъ съ всéю довѣрéнностїю порѕчéный былъ и котóрый ѻнъ черéзъ всѣ три лѣта ажь до вúстѕпленѧ свóго изъ конвúктѕ съ совершéннымъ задоволéньемъ свóихъ настоáтелѣвъ провáдилъ.

Оу҃жѐ ꙗко пúтомецъ цѣсáрского конвúктѕ по оу҃кóнчéнóмъ трéтемъ рóцѣ Богослóвїѧ р. 1807 черéзъ Перемúского Владúкѕ Антóнїѧ Ангелóвича, котóрый тогдꙑ слꙋчайно въ Вѣдни находúлъ сѧ, на Пóдъ-Дїáкона и Дїáкона а невáвомъ на Пресвúтера посвящéный зостáлъ. По оу҃кóнчéнóмъ четвéртóмъ рóцѣ Богослóвїѧ р. 1808 зостáлъ дꙋхóвнымъ сотрꙋдникомъ при рꙋскóй цéркви св. Варвáры въ Вѣдни. Тѕ крóмѣ свóихъ дóлжностїй дꙋшъ пастꙑрства занимáлъ сѧ навúками богослóвскими и поздавúвши зъ тúуже строгїи йспꙑты вѣнцéмъ Дóктора Богослóвїѧ оу҃вѣнчáный зостáлъ. Ꙗко сотрꙋдникъ посвящáлъ кóждого тꙑждня шпитáль не ино цивúльный но и головнúй войскóвый и оу҃дѣлáлъ потѣхѕ и оу҃слꙋгѕ дꙋхóвнѕ хóрымъ зъ власнои охóты и безъ домагáнѧ сѧ ꙗкои кꙑнагорóды за тóе. Пꙋдчасъ войнꙑ г. 1809 доглядáлъ всѣхъ седми серéдъ чéртъ Вѣднѧ оу҃становленꙑхъ войскóвꙑхъ шпиталѣвъ, и тамъ хóрымъ и ранéнымъ жолнѣрамъ съ велúкимъ сúлъ напряженїемъ и пожертвовáнїемъ потѣхѕ вѣры и дꙋхóвни оу҃слꙋги нѐсъ. Тóе дѣлáлъ и пꙋдчасъ войнꙑ въ г. 1813 и 1814 оу҃жѐ ꙗко пáрохъ. Зъ Вѣднѧ вспирáлъ свою мáтерь и

посылáлъ ей чáсто грóши, хотъ самъ не мнóго малъ.

Его кроткое, побóжное и тúхое житьé не дáло его бóльше никóмꙋ пóзнати инó Бóгꙋ, котóрый скрúтости и тáйны вѣдае и покóрныхъ вывышáе, а котóрый такъ оучтúвого, трꙋдолювúвого и оученóго мꙋжа для вúшшихъ стéпеней присꙋдúлъ. Якo сотрꙋдникъ и пáрохъ працювáлъ такóже съ прилѣжностію и съ дóбрымъ пожúткомъ при канцелáріи Архіепúскопа Вѣденьского. Колú за старáньемъ Михаúла Левúцкого, Владúки Перемúского заведéное бúло общество для выдавáня книгъ катехитúчныхъ и омилетúчныхъ для шúренá прáвдъ вѣры христiáнскои мéжи людомъ и для образóванá обычáѣвъ, былъ и Снѣгꙋрскiй на члéна тогóжъ общества возвáный. Въ р. 1817 былъ черéзъ профессóровъ Вѣденьского богослóвского ôтдѣла на Декáна тогóжъ ôтдѣла вúбраный а дня 19. Листопáда 1817 р. вúнесеный зостáлъ на достóйность почéстного крилошанúна епáрхіи Перемúскои. Р. 1818 знóвъ вúбраный Дꙋхомъ Свáтúмъ на Епúскопа, зостáлъ черéзъ австрiйского Цѣсаря Фрáнца I. именóваный Владúкою рꙋскимъ Перемúскимъ, Самбóрскимъ и Санóцкимъ за свою спрáвность, розвáжность, рéвность въ слꙋжбѣ, взорóвое житьé и такъ въ школьнóмъ ѣкъ и дꙋхóвнóмъ завóдѣ навúтiи хвалéвнiи заслꙋги.

При захованю звúклихъ торжествéнныхъ обрáдовъ въ престóльнóй Церкви св. Іоáнна Крестúтела на Владúкꙋ посвящéный, помáзаный и на Ей престóлъ впровадженый объáлъ зарáдъ Епáрхіи бóльше 800,000 дꙋшъ числáчои и позыскáлъ для

свои дѣлательности просторонное поле, а престолъ его окрылъ са небавомъ лѣчами блестячои славы. До его особы никомѣ пристѣпъ не былъ зборонены. Кождого занимала зразъ его поверховность. Взростъ былъ середнёго, тѣла полного, ока сивого, головѣ покрывало сѣдое волосье а въ чертахъ лица его видно было такѣ пріемность и добротѣ, же ними кождого до себе осмѣлялъ и притягалъ; до того несходила зъ лица его николи веселость, котора была доказомъ чистои и спокойнои совѣсти. Веселость, можна сказати, была наветь природнымъ даромъ его! и где са въ товаришествѣ пошвилъ, гнеть было полно оутѣхи, бо любилъ и самъ забавнїи рѣчи роскázовати и дрѣгихъ до того побѣждалъ, и про тое любили всѣ его товаришество. Оужѣ въ молодыхъ лѣтахъ любилъ дѣже пѣсни, а зостабши Владыкою запровадилъ спѣвакóвъ при церкви престольнóй, тихъ оплачѣвалъ, и искѣсного для нихъ оучителя спровадилъ, и абы той їнститѣтъ николи не остáлъ, кѣпилъ село Новосѣльцѣ (двѣ милѣ отъ Перемышла коло Кальварїи) и тое на оудержанье того їнститѣта записалъ. — Отъ него кождый отходилъ оудоволеный, бо онъ о кождомъ добрѣ сѣдилъ, никомѣ не оуближилъ, кождого честно прїймалъ, а гордостїю, которои его сердце не зналo, никого не зразилъ, прото кождый, хотьвы и не позыскалъ того, чого совѣ желалъ, однако прїемнымъ его принятїемъ оуятый, опѣскалъ задоволеный порогъ палаты его. Кто свѣтлицѣ и снарадье его палаты оглядалъ, николи не могъ вы по нихъ видѣ отгадати ёкъ достойна

осо́ба тамъ ме́шкала. Онъ не люби́лъ зблы́тковъ и выста́вности, ѿкъ также и въ оде́жахъ и стра́вахъ найскромне́йшій бы́лъ. Но хоть въ до́ма рѣ́чьми марны́ми велича́ти са не люби́лъ, одна́ко ѿкъ заходи́ла потре́ба выстѫпити съ оказа́лостїю, то не бы́лъ послѣ́днимъ въ то́мъ взгля́дѣ и трима́лъ пара́дніи карѣ́ты и кра́снїи ко́нѣ, а слѫги выстѫпа́ли въ лїве́рїи. Вступа́ючи на епи́скопство такъ былъ ѻу́бо́гимъ, же а́нѣ одно́и сре́брнои лы́жки не ма́лъ, а кре́стъ, зна́мя пасты́рское, кото́рый на грѫдёхъ носи́лъ, былъ зъ початкѫ зъ по́длого мета́лла и лишь позоло́чёный.

Але въ чѣмъ былъ несро́вна́ный, то въ доброте́ се́рдца сво́го, кото́рѫ о́тъ ра́зѫ въ его́ приро́дныхъ, не неволе́ныхъ и не облѫдныхъ че́ртахъ лица́ чита́ти мо́жна бы́ло. Онъ радъ былъ ко́ждомѫ догоди́ти, а безъ надѣ́и нико́го о́тъ се́бе не пѫсти́ти; если́ не да́ткомъ, то вода́й сло́вомъ хотѣ́лъ ко́ждого задоволи́ти, а ча́сто волѣ́лъ изъ сво́ихъ правъ дла дрѫгихъ ѻу́ступи́ти. Єсли́ кого́ малъ поправля́ти, то гладѣ́лъ на то́е найлагодне́йшихъ и найприличне́йшихъ сре́дствъ. То́ю добротою́ по́дбилъ собѣ́ се́рдца всѣ́хъ людїй безъ взгля́дѫ на обра́докъ або и вѣ́рѫ, всѣ его́ одногла́сно Д о́ б р ы м ъ называ́ли, а если́ кто, то о́нъ собѣ́ заслѫжи́лъ на и́ма О т ц а́ всѣ́мъ пра́вомъ. Що вольше, тота́ доброта́ се́рдца въ такъ высо́ко́мъ ѻу́ него́ находи́ла са сте́пени, же его́ гдѣ́которїи о надмѣ́рно́сть доброты́ а про то́е и о недоста́токъ ене́ргїи обвина́ли, не могѫчи емѫ ничъ и́ного зако́нѫти. По́дда́нїи не ви́дѣли въ нѣмъ сво́го Па́на, но сво́го О́тца́, и не называ́ли его́

никóли и́ншимъ именемъ, лишь Панъóтецъ, а ѻ̑нъ послѣ́дною своéю вóлею дарова́лъ имъ всѣ́ долги́ и зала́глости ци то въ чиншáхъ, ци въ збо̑жю, ци въ пáнщинѣ, ци въ и́ншихъ дани́нахъ. Особли́во милосе́рдным ъ бы́лъ на ѻ̑у̑бо́гихъ и нещастли́выхъ. Всѣ́ сѧ до не́го горнѫ́ли, не лишь такїи, що по ѻ̑у̑лицáхъ слѣ́дѡвъ его̀ пильнова́ли, но и такїи, що сѧ ѻ̑ѵ̑но же́брати встыда́ли. Ко́ждый снещастливѣ́лый, ко́жда вдова̀, ко́жда сирота̀ ма́ла до не́го при́стѫпъ во̑льный, а ѻ̑нъ всѣхъ потѣ́шалъ и ще́дрою рѫко́ю вспомага́лъ. (Замѣче́нѧ есть досто́йнымъ, же коли́ на по́гребѣ его̀ ѻ̑ѵ̑ка́сь невѣ́ста пере́дъ дрѫгою сѧ жа́ловала, що не могла̀ и кѫсника сѫкна̀ изъ трѫмны его̀ на па́маткѫ полѫчи́ти, сказа́ла ей та́м: на що ти и́нои па́мятки — ско́ро ти сѧ коли́ ѣ̑сти схо́чѣ, прїйдѣ̀ ти небо̑жчикъ не га́дкѫ! . . .) Ꙗко о̑бще зна́ный добродѣ́тель зо̑ста́лъ р. 1839 вы́браный на предсѣда́теля комїссїи заведе́нїѧ ѻ̑у̑бо́гихъ въ Перемы́шли, кото́рого повѝнностьми ре́вно сѧ занима́лъ и кото́рого фо́ндъ вели́кими датка́ми помножа́лъ, а на́веть послѣ́дною во́лею сво́е́ю много на ѻ̑у̑множе́нье капїта́лѫ то́гожь фо́нда о̑тказа́лъ. Коли́ ишо́лъ до це́ркви на набоже́ньство, а дѣ́ѧло сѧ то́е ко́ждои недѣ́лѣ и ко́ждого сва́та, все всхо́ды ведѫ́чїи до це́ркви жебрака́ми гѫ́сто обсаджє́нїи бы́ли. Повертаю́чи изъ це́ркви благословíлъ ѻ̑у̑бо́гихъ, а за нимъ постѫпа́лъ слѫгà роздаючи́ ми́лостиню ко́ждомѫ зъ осо́бна. Въ р. 1846, коли́ вели́кїй го́лодъ былъ, собира́ло сѧ въ полѫ́дни вели́кое мно́жество жебрако́въ ко́ло его̀ пала́ты, где всѣ́ те́плою стра́вою кормлє́нїи бы́ли. — Онъ то запрова́дилъ тако́жь комїссїю заведе́нїѧ вдови́цъ и сиро̑тъ по

Свящéнникахъ рѳскихъ въ епáрхіи Перемы́сковй и оу̑становúлъ стіпéндіѧ для 15 оу̑бóгихъ оу̑ченикóвъ съ дóбрымъ пóстѳпомъ до шкóлы головнóи въ Перемы́шли ходáчихъ.

Но не инò пáствѣ его̀ дѳхóвнóй пóдчинéніи чтúли и любúли его̀, ѳнъ бы́лъ ѳтъ всѣхъ, котóрїи его̀ лишь знáли, ѩкои бѳдь онú бы́ли вѣры, высóко повáжанымъ и любле́нымъ.

Гóстей оу̑ нéго полнò бывáло, а значнѣйшїи осóбы перѣзджáючїи черéзъ Премы́шль не опѳскáли спосóбности пóзнáти тóго всѣми любле́ного Влады́кѳ и сложúти емѳ своѐ почтéнье. При кóждомъ вóльшомъ торжествѣ запрóшѳвалъ до сéбе мнóгихъ осóвъ на гости́нѳ — оу̑гощáлъ чáсть свóихъ крылошáновъ оу̑ сéбе, и кóждого, кто инò прїйшóлъ до нéго на оглáдины, чи то былъ пáнъ дóвръ, чи оу̑рáдникъ, чи ѩкїй заслѳжéный свящéнникъ задéржовалъ оу̑ сéбе на обѣдѣ. Дúвна рѣчь, же той мѳжъ при своéмъ почáткóвомъ оу̑бóжествѣ и при не велúкихъ прихóдахъ а при велúкóй щедротѣ для оу̑бóгихъ, при знáчнóмъ спомáганю крéвныхъ, при непереставáючóй гостúнности, при велúкомъ засúланю фóндовъ и выдáткахъ на потрéбнїи рѣчи н. п. на свóй книгосвóръ, на запомóгѳ писáтелѣвъ, на розлúчнїи складкú и т. п. и наконéцъ при мнóгихъ нещáстныхъ выпáдкахъ и понесéныхъ жéртвахъ мóгъ ещѐ остáвити такъ знáчнѳ ѳтъѳмéрщинѳ, ѩкъ то по тòлько добродѣйныхъ зáписахъ и ѳтказахъ вúдно.

Дóлжности свóго пастúрского звáнїѧ споляáлъ сóвѣстно и съ велúкою рéвностїю, а пéрвшое, що на нѣмъ, ѩко на Архїерéю въ óчи впадáло,

бы́ла его̀ по́бо́жно́сть; не щади́лъ о҃нъ жа́дного выда́тк8, кото́рымъ бы мо́гъ къ хвалѣ́ Бо́жо́й са̀ причини́ти, окраша́лъ и вѣнова́лъ церковь, стро́го захо́в8вала̀ церко́вныѝ обра́ды, наблюда́лъ и о҃у̑правлна́лъ пора́докъ Богослѫже́нѧ и два́лъ о полѫ́чшенье до́лѣ Свѧщенни́чества, бо хвала Бо́жа и добро̀ всѣ́хъ его̀ па́ствѣ вр8че́ныхъ лежа́ли ем8 предъвсе́мъ на се́рдци. Правле́нїемъ сво́и епа́рхїи ре́вно са̀ занима́лъ, працю́ючи день и но́чь надъ е҃и̑ справа́ми и выдаючѝ всѣ потре́бнїи роспоражѐнїѧ. Отправла́ючи канони́ческы̀ посѣще́нїѧ не ба́чилъ а́нѣ на sл8 хвы́лю, а́нѣ на sл8 доро́г8 — ко́жд8 це́рковь, не ино̀ ма́терню но и до́черню огла́да́лъ, въ всѣ потре́бы ихъ и зале́житости зазира́лъ, прихожа́но̀въ высл8ховалъ, до́брыхъ па́стырей хвали́лъ, зы́хъ о҃у̑помина́лъ, карта́лъ а въ потре́бѣ и кара́лъ; на обыча́йно̀сть прихожа́нъ д8же ба́чилъ, дѣ́тїи катихи́зм8 сл8ха́лъ, школа́рѣ́въ выпы́товалъ, до́брыхъ то гро̀шми то образка́ми нагорожа́лъ; всѐ, чого̀ бы́ло потре́ба, роспоража́лъ, ра́ды о҃у̑дѣла́лъ, сло́вомъ, всѣ́ повѝнности сво́го зва́нїѧ со́вѣ́стно исполна́лъ.

Самъ на8ки и иск8ства д8же люби́лъ, и ско́ро ли́шь часъ ма́лъ, чита́лъ пи́сьма повреме́ннїи и и́нїи кни́ги пожито́чнїи, ск8повалъ цѣка́вїи книжкы̀ особли́во овходя́чїи р8скы̀й наро́дъ, краепи́сы, образы̀, моне́ты и т. д. собра́лъ вели́кы̀й и кра́сный книгосво́ръ, кото́рый на вивліо́тек8 сово́ра крилоша́нъ записа́лъ и о҃у̑чреди́лъ фо́ндъ на повольше́нье то́го книгосво́ра. О҃у̑че́нїи горѣ́ли са̀ до не́го, и надсыла́ли ем8 своѝ робо́ты; о҃нъ к8повалъ и почѐстнїи даткы̀ ще́дрою р8ко́ю о҃у̑дѣла́лъ, всѣмъ охо́ты додава́лъ, нѣкото́рїи пи́сьма вла́стимъ

выдáткомъ печатáти давáлъ, и былъ для писáтелѣвъ правдúвымъ а на той часъ едúнымъ меценáтомъ! . . . Говорúлъ азúкомъ рѫскимъ, пóльскимъ, нѣмéцкимъ, латúньскимъ и францѫзскимъ, а въ грéческóмъ и въ такъ звáныхъ востóчныхъ азúкахъ, ѣкъ и въ старослове́ньскóмъ дѫже впрáвный бúлъ. Не опѫскáлъ такóжь жáднои способности пожитóчнои для просвѣщéна народного и для тóго съ охóтою кѫпúлъ прáво на книготискáрню. Ико любúтель наѫкъ прїáлъ на сéбе Дїректорáтъ фїлософúческого наѫкóвого заведéна въ Перемúшли. Съ оучéными и знакомúтыми мѫжáми зостававáлъ въ писéмныхъ сношéнїахъ.

Цѣсарю бúлъ вѣрнымъ и Егò правúтельствѫ прихúльнымъ, про тóе ѣкожь и для свóихъ заслѫгъ рóкѫ 1843 полѫчúлъ санъ тáйного совѣтника Егò Велúчества и одержáлъ тúтулъ Превосходúтельства съ велúкою рáдостїю цѣлóго рѫского народа; самъ далéкїй бúлъ ôтъ всáкого величáна, все въ покорѣ оставáлъ, и мúмо свóго достóинства и чéсти, ѣкѫ оу всѣхъ мáлъ, чáсто чѫжóй гордости оустѫпáлъ; но такóжь за тóе ôтъ всѣхъ высóко чтéный и úскренно любле́ный бúлъ.

Ѩкъ сáмъ бúлъ Рѫсиномъ дѫшéю и сéрдцемъ такъ и о рѫскѫ народнôсть ѣкъ найбóльше дбалъ. Всё, що рѫское, найбóльше го обходúло и наймúлшимъ мѫ бúло, для того рѫскихъ писáтелѣвъ дѫже любúлъ, охóты имъ додавáлъ а за посвящéнй собѣ дѣла, все щéдро ихъ дарúлъ. Цѣлúй Двóръ егò и вся слѫжба съ нимъ и мéжи собóю по рѫски говорúли; по рѫски розмовлáлъ съ свóими всѣми слѫгáми, хотя ся где въ гостúнѣ на дворáхъ пóльскихъ панóвъ находúлъ.

О своéй родúнѣ дѫже тáмилъ, мáтери ѿкъ зъ Вѣднѫ, бѫдѫчú еще сотрѫдникомъ и потóмъ парóхомъ, гроши посылáлъ, такъ ю бѫдѫчú и епúскопомъ не инó спомагáлъ, но и до сéбе ю взáвши велúкѫ о нéй малъ старáннóсть. Всѣ крéвнїи, хотя и найдáльшїи, находúли оу нéго притѫлокъ и помóчь.

Съ слѫгáми лáгóдно и ласкáво сѧ обходúлъ; но и тїи бúли до нéго дѫже привáзаными и беспечéньства егó всегдá пильновáли. Ѩкъ о всѣхъ, такъ и о нúхъ не забúлъ óнъ при пúсаню своúхъ послѣднои вóлѣ.

Звúкло мéшкалъ въ Перемúшли; а прáцами своúго звáнїя такъ рéвно сѧ занимáлъ, що часóмъ хоть недѫжúй, не оухилáлъ сѧ отъ своúхъ повúнностїй, а и на пóстели грáммоты консїстóрскїи пóдпúсовалъ и посѣщéнїя въ справáхъ епáрхїáльныхъ прїймáлъ. Для здорóва и рóзрывки выѣздúлъ повóзомъ за мѣсто, а тамъ вúсѣвши, трóха пѣшки похóжѫвалъ.

Цѣлé егó житьé бúло безъ змáзы, пóлное трѫда, богáтое въ заслѫги и добродѣáнїя, слѫчене съ всáкимъ пожертвóваньемъ сѧ для повúнностїй стáнѫ своúго. На оудостовѣрéньe сегó лúшь одúнъ примѣръ най послѫжитъ: Колú въ р. 1831 холéра по пéрвшїй разъ въ Перемúшли сѧ повúла, и жúтилей мѣста такúмъ страхóмъ навáвила, же кто инó мóгъ, изъ Перемúшла оутѣкáлъ, що и нѣкóтрїи зъ клúра дѣлáли, óнъ безъ бóязни остáлъ сѧ на своéмъ мѣстци, оукорáючú дѫже тихъ свящéнникóвъ, котрїи въ хвúлахъ пожертвóвана такъ славóго оказáли сѧ дѫха, а додаючú óткáги тымъ, ко-

трїи сѧ поспо́лꙋ съ нимъ на сво́ихъ оста́ли мѣстцѧхъ.

Вносячѝ зъ его̀ здоро́вѧ и силъ и зъ его̀ крѣпкости, во рѣдко колѝ слабова́лъ, мо́жна сѧ бы́ло ѣкъ найдо́лшого житѧ̀ на́дѣати; тимъ ча́сомъ Богъ ина́кше сꙋди́лъ! Въ 63 ро́цѣ житѧ̀ сво́го мꙋсѣлъ лиши́ти виногра́дъ Христо́въ и праща́ти сѧ съ лю́быми овечка́ми свои́ми. Дня 24. Ве́ресня 1847 по недо́лго́мъ але болѣ́стно́мъ терпѣ́нїю зако́нчи́лъ своѐ по́лное че́стности и дѣ́ятельности житьѐ. Вѣсть найсꙋмнѣ́йша розлетѣ́ла сѧ швы́дкостїю мо́лнїи по мѣ́стѣ и цѣло́й окре́стности; а не бы́ло се́рдца (безъ взгля́дꙋ на вѣ́рꙋ, ста́нъ или и́ншїи сво́йства осо́въ) кото́рое бы сѧ тимъ смерте́льнимъ гро́момъ не чꙋ́ло ране́нимъ, кото́рое бы ци́рого не почꙋ́ло жалю̀ и хоть одно́и не о᷑рони́ло слезы . . . божь то· и о̀нъ ко́ждомꙋ осꙋша́лъ сле́зы, кто сѧ лишь сближи́лъ до не́го. Незаба́вомъ зо́йкнꙋли всѣ звоны це́ркви престо́льнои и всѣхъ про́чихъ церко́въ Перемы́скихъ найплачли́вшимъ звꙋ́комъ и рознеслѝ по воздꙋсѣ найболестнѣ́йшꙋ вѣсть для се́рдца рꙋ́ского. Гꙋкъ звоно́въ розлага́ючїй сѧ сере́дъ о᷑лиць мѣ́ста всё приглꙋшала̀, но жалю̀ и то́ски се́рдецъ чꙋвстве́нныхъ не мо́гъ приглꙋши́ти. Жа́денъ ещѐ по́хоронъ въ Перемы́шли не склика́лъ тако́го мно́жества досто́йнико́въ дꙋхо́вныхъ, цївїльныхъ и войско́выхъ, обыва́телѣ́въ горо́дскихъ и се́льскихъ вса́кого вѣроисповѣда́нѧ и обра́да ѣкъ по́хоронъ Іоа́нна. — Обцїй розлага́лъ сѧ го́лосъ изъ всѣхъ о᷑стъ: Ахъ, вели́ка шко́да того̀ челове́ка!

Тѣло того великого мѫжа сложено посередъ его овецъ на всеобщомъ кладбищи, бо така была волѧ его.

Долго вспоминали его всѣ и жаловали за нимъ, — но дѣла его въ найпоздн'ѣйшіи часы промовлятъ и вѣдѫтъ славити его — а благодарне сердце рѫске захована памать о нѣмъ отъ рода въ родъ.

Іосифъ Лозиньскій.

126.

Іосифъ II. яко орачъ.

Давными часы брано то за жартъ
Єслѝ кто мовилъ: „ролникъ много вартъ.“
Хоть жили зъ поту всѣ его чола
Но уважали лишь якъбы вола,

Котрый до ночи отъ сѣрого ранку
Тягне и двигатъ гармо безъ устанку;
И такъ то всюда немаль кождый рольникъ
Давно колисьто былъ истый невольникъ!

Ажь Марья Терéса, славна царица
Якъбы тепленька, небесна росиця
Згнетеныхъ селянъ житьѐ подкрѣпила
И царскимъ словомъ зъ рабства увольнила.
А хотячи всѣмъ явно показати
Якъ то рольника треба оцѣняти,
Воспитовала такъ всѣ свои дѣти,
Абы завсегда за найкрасшій цвѣты
На нивѣ Царства рольниковъ держали,
И такъ, якъ должно, станъ ихъ почитали.

Іосифъ, наслѣдникъ дѣлъ Сѝ великихъ —
Той истребитель спустизнъ временъ дикихъ —

Говори́лъ зъ ча́ста: „що и селяни́нъ
Не сто́итъ ме́нше, ѣ́къ вся́къ дворяни́нъ,
А чимъ з б р о́ я для ца́рскои коро́ны
Тимъ є́сть и п л у́ г ъ для житя́ захоро́ны!“
Но дѣ́ломъ є́щѐ хотячи́ ствердѝти,
Якъ ду́же зна́є ро́льни́цтво цѣни́ти,
Дворя́намъ свою́ разъ объ ъ ави́лъ во́лю:
Щобы́ съишлѝ ся ра́но въ чи́сто́мъ по́лю
Всѣ князѣ, ґра́фы, ры́царѣ, маґна́ты
И нѣжни́ да́мы зъ ца́рскои пала́ты. —
Су́нутъ цѣка́ви́ роёмъ туда́ лю́де,
Ко́ждый пыта́є: що то такѐ бу́де?

По хви́ли Цѣ́сарь самъ пѣ́шки прихо́дитъ,
Где плу́гъ у́жѐ съ всемъ запря́гомъ нахо́дитъ —
На всѣ ся бо́ки склони́вши мили́нько
Гнѣ́ть приступа́є до плу́га живе́нько,
И ста́лъ ора́ти . . . и орѐ безъ хи́бы . . .
Єдну́ ѣ́къ дру́гу — кладѐ ро́вно ски́бы —
Пото́му сѣ́є зе́рно золоти́сте,
Весны́ надѣ́ю — мѣ́че въ по́ле чи́сте!!
И тѣмъ да́лъ смо́трцямъ зъумѣ́лымъ нау́ку:
Що ч е́ с т н е дѣ́ло, на кото́ре ру́ку
Не погнуша́лъ ся самъ Ца́рь положи́ти,
И такъ ѣ́къ ски́птромъ — и́стикомъ владѣ́ти.

Сѣяни́ зерна́ ца́рскою руко́ю
Въ се́рдцяхъ наро́да чу́дною поро́ю
На вѣ́чни́ часы́ ко́рѣнь запусти́ли,
И ди́вно кра́сну цвѣ́тку у́роди́ли,
Котру́ нѣ моро́зъ, нѣ спе́ка, нѣ ту́ча,
Бу́ря, нѣ волна́ жесто́ко реву́ча
Не знищитъ, а́нѣ вы́рве изъ ко́рѣня;
Бо на зажи́вокъ т а к о́ г о насѣ́ня
Нема́ нѣ сре́дства, нема́ нѣ спосо́бу;
Бо цвѣ́тка та́ка ростѐ изъ за гро́бу!

„Безсмéртникъ“ нáзва éсть вѣ властúва,
А вѣ вонѣ: „Благодáрнôсть жива.“

В. К.

127.

Чарвючíй господáрь.

На старóго госпóдара, котрúй изъ свóихъ малúхъ загóнôвъ бôльше свирáлъ, ѣкъ мнóгíи úнíи изъ велúкихъ, просторóнныхъ ланôвъ, занеслú лѣкáвíи сосѣ́ды жáловѣ, що ôнъ всё звóжье изъ úхъ ланôвъ на своѐ пóле чарвѣ.

Старúй госпóдарь стáлъ перéдъ сѣдомъ, но не забвáлъ съ совóю взáти свою сúльнѣ, здорóвѣ и дóбро приодѣ́тѣ чéлядь, свой дéрзкíи воронáкú и толстíи волú, свой мôцнíи плвги, тáжкíи мотúки и всѣ́ прóчíи до ôуправы пóля слвжáчíи орвдíа и сказáлъ: „То свть мой чáры, а еслú хóчете вúдѣти ѣкъ ѣ чарвю, то вставáйте до всхôдъ сóлнца и придивлáйте са черéзъ цѣлúй день до пôзднои нóчи, ѣкíй пôтъ изъ мóго чолà менѣ са заéдно лíѐ, ѣкъ ѣ овхóджѣ мою чéлядь и мою ходóвѣ, то чейже не вѣдете менѣ сюдà бôльше позывáти и менѣ часъ дорогíй гáйти.“

Свдíа похвалúлъ трвдолюбúвого госпóдара а лѣнúвíи сосѣ́ды лишúвши са свóго лѣнúвства лишúли са такóжь завобóнѣ и клеветáна.

В. К.

128.

Иванъ Швыдкій.

Ой робилъ то Иванъ Швыдкій отъ рана до ночи,
На корчмиска, пиятыку не звернулъ онъ очи;
Гноилъ, копалъ, садилъ, сушилъ колько силъ му стало,
За то у него чимъ разъ больше добра прибувало.
Поле его якъ огородъ справлене краснênько,
Хата садомъ обведена якъ вѣнцёмъ миленько;
Комаництѣ тожь достаткомъ мала ходобина
За то красно выглядала якъ въ лѣсѣ звърина.
А у него скриня була полна якъ набита,
Була одѣжь, було шматье и всяка монета;
Всѣ го чтили, поважали, всѣ го величали,
И многіи господарѣ въ слѣдъ его вступали.
Давно уже Иванъ Швыдкій розсталъ ся съ симъ свѣтомъ,
Но все память о нѣмъ цвитѣ, а все краснимъ цвѣтомъ;
Бо днесь кажутъ господарѣ: „що такъ може бути,
Кто но щиро до роботы хоче ся нагнуги!“

Левъ Трещаковскій.

129.

„Псалмы Рѳславовы“.

I.

Кто съ Богомъ, Богъ съ нимъ, мовлятъ люде наши и добре мовлятъ; бо кто, якоо Богъ? — Бо цѳрати ся тобою вѳдѳтъ люде и станѳтъ та сѳдити сосѣды, и братъ твой скаже: „нѣтъ менѣ брата!“ и отецъ твой скаже: „не малѣемъ сына!“ а матерь твоя назвѣ та гадиною, сынъ

твой двигне рѫкѫ на тебе, а своякы твои выречѫтъ ся тебѣ и вержѫтъ на та сромъ, и неславити та станѫтъ далеко и широко, бо не оугодилъ есь ихъ лихой воли . . . але ты не жѫрй ся, не вдавай ся въ розпѫкѫ, бо кто ѥко Богъ? — Той, що велѣлъ ничомѫ зродити свѣты, величное солнце и мѣсяць и тымы звѣздъ, що велѣлъ темнотѣ перекинѫти ся въ свѣтло, зъ котрого долонѣ сверкнѫли огнѣ и оударили воды, котрого невидоме око видитъ гадкы дѫшъ нашихъ, котрый справъ собою безначатокъ и безконецъ, котрого сердце всемѫ свѣтѫ сердце, а волѧ гаразъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ сторонъ щастье, той съ тобою — Богъ съ тобою

II.

Великій есть Богъ и велике имѧ Его! Зъ небесъ на землю, отъ конца до конца свѣта простираѥ ся волѧ Его; всё, що подъ солнцемъ и вышше солнца, въ свѣтѣ и за свѣтами, розгомонюе мѫдрость безначальнѫ и безконечнѫ Его; а передъ сею мѫдростію марница всѣ мѫдрости нашіи, ѥкъ крапѧ передъ моремъ, ѥкъ червина передъ велитомъ, ѥкъ годинка передъ вѣками. Мѫдрость и волѧ Его сѫть двое и едно, ѥкъ дѫша и мысль ей, поломѣнь и огень. Мѫдрость тѧ свѣтови то, що вода рыбѣ, що воздѫхъ людемъ, що надѣѧ сердцю чоловѣческомѫ, возьмы тое а погивне сіе. Гордишь ся, чоловѣче оумомъ твонмъ и розѫмомъ твонмъ, ѥкъ день свѣтломъ завѫвши на солнце, ѥкъ въ подобѣ корона пѧканымъ пѣрьемъ; гордишь ся и кажешь: нѣтъ Бога! — то и тебѣ нѣтъ!! — сонъ

есь и мара, а твоѣ има вѣтерь на степáхъ Оу-крáины, а мысль твоѩ дымъ и завóротъ, а житьѣ твоѣ житьѣ камѣня въ земли глубóко, а надѣа твоѩ ѩкъ пѣна на водáхъ, и не лишитъ ся по днёхъ твóихъ слѣдъ. Мраки огортáли та по сѣмъ, и темнотà гóрькà налáже на та по тóмъ бóцѣ, бо Богъ хотѣлъ, щобысь свѣтъ видѣлъ; а ты въ пóтьмѣ влюбúлъ есь ся — и взволúтъ ся ти вóля твоѩ.

III.

Вѣра сéрдца мóго ѩкъ Бескúдъ твéрдо постановúла ся на любви. — Смѣтокъ твóй знúдѣе, а рáдость слѣды егò позмѣтáе, а сумнà пóлнóчь вѣде úнымъ полудньмъ, и возвеселúшь ся, а óко твоѣ заблыщúтъ зóрничкою въ вѣрнóй пóтьмѣ житà твóго и огóрнешь ся зорéвою свúтою тúхомúра и лунáе надъ тобóю мúлость Бóжа, бо надѣа изъ сéрдца твóго не óутеклà — бо кто ѩко Бóгъ!

Сполóшишь ми дóлю и проженéшь щáстье, день ми споморóчишь и свѣтъ ми запáде, нúждою ма óудáришь и нашлéшь ми злú дни, свѣтъ ми спúстѣе и имѣ ворогувáти, знúдѣе рáдость и плáчъ ма огóрне, тугà ми рáнкомъ и вечерóмъ жúрбà, и нóчь ми несóнна и горювáньe съ сóлнцемъ, úрвешь ми óчи и дúшу ми úрвешь: а не вóзьмешь мúлости и вѣры не вóзьмешь, а не úдрешь любвѣ и вѣры не úдрешь. . . .

Вѣнóкъ.

130.

Два скѵпцѣ.

Одинъ скѵпе́цъ въ мѣ́стѣ Кѵ́фѣ дове́дался ся, що въ Бассо́рѣ нахо́дитъ ся такій скны́ра, до котро́го емѵ́ вы еще́ до шко́лы ходи́ти. Идѣ́ про́сто до Бассо́ры и ѹ̑ рече́ного скны́ры ѹ̑чи́теля представля́е себѣ́ ѣ̑ко ѹ̑чна въ искѵ́ствѣ скны́рства овъѣ̑вляючи своѣ́ жела́ніѣ ста́ти ся по́дъ его́ рѣковóдствомъ совершѣ́нным. „До́вре!“ сказа́лъ скны́ра Бассо́рскій, „пойдѣ́мъ за́разъ на то́ргъ кѵ́пова́ти жи́вностій, бо тре́ба тебѣ́ ѣ̑ко́сь ѹ̑гости́ти.“ Пойшли́ ова́ до пекаря́ и пыта́ютъ ся: „Я ма́ете до́брый хлѣ́бъ?“ „„До ва́шихъ ѹ̑слѵ́гъ есмь гото́въ,““ сказа́лъ пека́рь, додаючи́: „„ѹ̑ме́не хлѣ́бъ свѣ́жій и мало́нькій ѣ̑къ ма́сло!““ — „Самъ ви́дишь, дрѵ́же!“ сказа́лъ Бассоряни́нъ до Кѵ́фяни́на, „що ма́сло есть лѵ́чше ѣ̑къ хлѣ́бъ, и мы про то́е сдѣла́емъ лѵ́чше, сли накѵ́пимо ма́сла мѣ́сто хлѣ́ба“ — Пойшли́ до крамни́цѣ и запыта́ли ся: „ци мо́жь тѵ́ до́ста́ти до́брого ма́сла?“ — „„До ва́шихъ ѹ̑слѵ́гъ мой пано́ве!““ сказа́лъ кра́марь, „„моѣ́ ма́сло свѣ́же и квѵ́сне мовь олѝва найлѵ́чшого со́рта!““ — „Чѵ́ешь“ сказа́лъ госпо́дарь до го́ста, „найлѵ́чше ма́сло рѣкла́е ся олѝвѣ, котра́ о мно́го ма́е превосходи́ти ма́сло — цижь не лѵ́чше кѵ́пити олѝвы?“ — Тепе́рь по́йшли до олѣ́йника: „Есть ли ѹ̑ ва́съ до́бра олѝва?“ допроси́ли. „„Ѣ̑къ найлѵ́чша; чистѣ́сѣнька гейбы водѝца!““ ѿповѣ́лъ олѣ́йникъ. — „Я! а! сказа́лъ скны́ра Бассо́рскій до скны́ры Кѵ́фского, то такѝмъ спо́сомъ есть вода́ найлѵ́чша стра́ка . . . . Я ма́ю въ до́мѵ́ по́лный

стака́нъ, свѣжа и чи́ста мовь криштáлъ, о́тожь тебѣ́ почестю́ и оу҃гощ8!!!“

И въ и́стѣ повернувши домо́въ не поста́вилъ пере́дъ сво́го го́ста ничъ и́ного, ѣ҃къ рече́ный стака́нъ съ водо́ю, поне́же, ѣ҃къ са пересвѣдчи́ли, вода́ л8чшою и бо́льше захвале́ною была́ ѣ҃къ оли́ва, оли́ва ѣ҃къ ма́сло, ма́сло ѣ҃къ хлѣ́въ. Отъодачи́ сказа́лъ скны́ра К8фскій: „Бо́г8 да́ковати, що не даре́мно ходи́лъемь до Бассо́ры, вомь са нав чи́лъ чого́сь осно́вно;“ — а повернувши до К8фы жи́лъ по всѣ́мъ прави́ламъ совершѣ́нного скны́ры.

Лю́де роска́зовали, що хота́ корóтко былъ на пра́ктицѣ, превосходи́лъ одна́кожь сво́го оу҃чи́тела скны́р8 зъ Бассо́ры.

В. К.

131.

О л8нѣ (мѣсяци).

Л8на́ обхо́дитъ зе́млю по новѣ́йшем8 числе́нїи въ 29 днехъ, 12 годи́нахъ и 42 мин8тахъ и то о́тъ за́пада къ восто́к8. Сѝ мни́мое движе́нье о́тъ восто́ка къ за́пад8 произхо́дитъ о́тъ оборо́т8 землѣ́ око́ло сво́и о́си. Л8на́ есть те́мнымъ шаро́мъ и освѣча́е са со́лнцемъ и земле́ю, такъ ѣ҃къ о́тъ не́и отража́ючое са свѣ́тло со́лнца освѣча́е но́чїю на́ш8 зе́млю. Земла́ на́ша представла́е са жи́телямъ л8ны 16 разъ бо́льшимъ свѣта́чимъ са кр8жко́мъ ѣ҃къ намъ л8на́. Л8на́ представла́е са намъ въ розли́чныхъ перемѣ́нахъ. Мы ви́димъ л8н8 то въ ви́дѣ „се́рпа“ то въ ви́дѣ „по́лного окр8га.“ Тїи ви́ды л8ны произхо́датъ о́тъ

того, же она при обороте около земле бывае въ розныхъ местцахъ относительно солнца, то передъ землею, то по за землею, то по сторонамъ. На „нову“ бываетъ сторона освещена солнцемъ невидна, а къ земли обернена только темна ея сторона, котра получае светло свое отражаючое съ отъ земле. Постепаючи дальше въ лево луна мало помалу обертае намъ свою светлу сторону и черезъ 5 дней начинае видети са на подобе „серпа.“ Тогда говоратъ, що „месацъ настале.“ Съ кождымъ днемъ серпъ грубее. Въ 7. дней иде луна о только, що намъ видна есть половина ея светлои стороны, и тогда она есть въ „первой четверти“ свои пути. Потомъ луна обертае къ намъ еще четверту часть свои светлои стороны и представлае са „съ горбомъ къ востоку.“ — По 15 днехъ посла нова приходитъ она на половину свои пути, и тогда вса светла сторона обернена къ земли или „подполна“ — Посла подполна начинае „оущербъ“ луны. Она отверта отъ земле светлу свою сторону, котора все оумешае са, такъ въ первии 15 дней поболшала са И посла „подполна“ становитъ са „съ горбомъ къ западу“, потомъ быкае въ „последнои четверти“ свои пути — и все оутончае и представлае са такъ серпъ, а когда прийде къ прежному месту, отъ котораго начала свою путь, то стае са невидимою (новолуние или новъ.) —

Отъ земле на противной солнцу стороне всегда падае тень и тагне са за землею, такъ и наша тень. Такъ и оу луны. Одна сторона светла, а по другой стороне тагнеса отъ ней тень. Если луна входе въ земную тень то произходитъ

„затьмѣнїе лѫнное.“ Онѡ бываѣ тогда, колѝ земла проходячѝ прѧмо междѫ сѡлнцемъ и лѫнѡю заслонѧѣ ѿтъ лѫны сѡлнце. Еслѝ же земла проходитъ скрѡзь тѣнь пѧдающю ѿтъ лѫны, тогда бываѣ „затьмѣнїе солнѣчное“ — понѣже лѫна заслонѧѣ намъ сѡлнце. Лѫннїи затьмѣнїѧ бываютъ чѧстше. Рѣдко бываютъ затьмѣнїа „пѡлнѣи“—частѣйше же „частковїи.“ Затьмѣнїѧ солнѣчнїи слѫчаютъ сѧ лишь въ врѣмѧ новолѫнїа а тамтїи (лѫннїи) въ врѣмѧ полнолѫнїа. Когда произзѝйде „пѡлное затьмѣнїе сѡлнцѧ“ то срѣди дня бываѣ темнота и на нѣбѣ вѝдно звѣзды. Лѫна затьмѣваѣ сѧ зъ востѡчнои стороны. Пѡлное затьмѣнїе сѡлнца може продолжѧти сѧ тѡлько черѣзъ $7^1/_2$ мїнѫтъ.

Лѫна есть спѫтникомъ нашои землѣ, двѝжитъ сѧ окѡло нея а съ нею въ крѫгъ сѡлнцѧ. Она есть кѫлею $491/_{10}$ разъ мѣншою ѿтъ зѣмнои кѫлѣ. Въ попорѣчницѣ маѣ 474 мѝля, илѝ 4 разъ мѣнше ѣкъ земла. Ѥѝ повѣрхнѡсть вынѡситъ 706,000 квадратѡвыхъ мѝль илѝ трѣтю чѧсть сѫши землѣ нашои. Поровнѧвши сѧ сѡлнцемъ, то вѣловы изъ того 63 мїллїонѡвъ лѫнъ. Однѧко онѧ выдаѣ сѧ такъ велѝкою ѣкъ сѡлнце по влѝзости свѡей къ землѝ. Онѧ ѿдалѣна ѿтъ средотѡчїѧ нашои землѣ на 52,000 мѝль. Паровѝй вѡзъ съ 4 милѣвою скѡростїю въ годѝнѣ потребовѧлъ бы летѣти къ нѣй 500 дней. Мѣждѫ нѣю и землѣю помѣстѝловы сѧ 30 зѣмныхъ кѫль. Сѡлнце же занѧло бы все сїе прострѧнъство и ещѣ оно по за лѫнѫ и по за зѣмлю сѧгѧловы зъ кѡждои стороны премнѡгими тысячѧми миль дѧльше. Въ своѣмъ ѡборотѣ окѡло землѣ летѝтъ лѫна въ годѝнѣ 500 миль и то въ однѡмъ гѡдѣ 13 разъ. Въ оборѡтѣ же своѣмъ съ

земле́ю въ кр8гъ со́нцѧ лети́тъ она̀ въ годи́нѣ 14,800 ми́ль.

На лицѣ сѣть прекра́сніи го́ры и простра́ннїи доли́ны и тако́жь мо́же бы́ти вода̀, хота́й нѣсть океа́новъ.

М. Малино́вскій.

132.

Таный обѣдъ.

Да́вна то есть прїповѣдка: „же кто по́дъ др8гимъ ѭмо̀ копа́е, самъ найчастѣйше въ тѣю впада́е“ — одна́кожь Наливайко, гости́нникъ мѣста И. былъ оу̑жѐ пре́жде въ не́й. Бы́ло то въ само̀ обѣдно̀ пор8, колѝ прїйшо́лъ ѭкїйсь до́бре оу̑бра́ный го́сть до его̀ гости́ницѣ и жада́лъ до́брого росо́ла за своѝ гро́ши. По́слѧ того̀ жада́е до́брого ма́са и ѭрины за свои́ гро́ши. — Гости́нникъ вопроси́лъ сво́го го́стѧ, ци не роска́же совѣ да́ти до́брого вїна̀? „И длѧ чо́гожь нѣ“ отвѣти́лъ незнако́мый го́сть, „ско́ро мог8 за моѝ гро́ши чого̀ до́ста́ти бо́льше! а сли чого̀ л8чшого, то тѣмъ ра́дше!!“ — Напи́вши сѧ по обѣдѣ пода́ного совѣ вїна̀ вы́тѧгнолъ изъ кеше́нѣ вы́тертого шестака̀ и ка́же: „На́не, гости́нник8! т8 ва́шїи гро́ши!!“ — Гости́нникъ: „„Я то́жь цо ма́е значи́ти? Та́же вы наѣ́листе и напи́листе за цѣло́го та́лара!““ — Го́сть: „И пре́цѣнь не жада́лъ за та́лара ѣсти и пи́ти, но за моѝ гро́ши. Хо́чете, то берѣ́тъ совѣ моѝ гро́ши. Бо́льше не ма́ю; а сли за моѝ гро́ши за мно́го менѣ да́листе, то въ то́мъ есть На́ша вина̀.“ — Така̀ ве́сѣда не могла̀ нѣко́го дивова́ти, кто по́зналъ въ то́мъ гостѝ безвсты́дного обма́нцика, котры́й не д8же дбалъ, ѭкъ сѧ

емѫ его штѫка выплатитъ. — Но що сѧ стáло дáльше? „„Вы естѣ скрѫтнáвый прóйдисвѣтъ““ сказáлъ гостúнникъ до гóстѧ, „„и заслѫжúлисте на дóбре почéстне; но ѫ Камъ дарѫю цѣлúй овѣдъ а до тóго въ додáтокъ ещѣ двáдцать четúри крáйцарóвъ, абúсте сѧ такъ сáмо справúли и оу мóго сѫсѣда Заливáйка.““ — Тóе для тóго мóвилъ, понéже съ свóимъ сосѣдою жилъ въ несгóдѣ, и зáвидовалъ емѫ кóждого шéлюга — а скóро сѧ ѫка способнóсть приключúла, дѣлáлъ одúнъ дрѫгомѫ всáкiи псóты. — Но хúтрый гóсть взялъ однóю рѫкóю грóши, а дрѫгою смотрúлъ клáмки оу дверíй, попрашáлъ краснéнько гостúнника и стáвши въ двéрéхъ сказáлъ: „Пáне гостúнникѫ! до Вáшого сѫсѣда Заливáйка не мáю потрéбы итú, бо власнѣ ѳнъ а не кто úншíй менѣ до васъ справúлъ!“ — Такúмъ дѣломъ вывелъ обóхъ въ пóле, зыскáвши изъ обóхъ.

Наливáйко оувúдѣлъ, ци зáвисть и ненáвисть ближнéго не принóситъ правдúвого пожúткѫ, но зáвсѣды шкóдѫ. Помирúлъ сѧ съ свóимъ сопéрникомъ Заливáйкомъ, и обà дóбре на тóмъ вúйшли: бо сгóда крѣпúтъ и оживлáе, а несгóда славúтъ и разорáе.

———— *В. К.*

133.

Домокѣ житьѣ Граничарѣвъ.

(Пóдля Гúценґера.)

Въ войскóвóмъ Погранúчю жúютъ чáсто мнóжаи поколѣна рáзомъ въ однóмъ и тóмже домѫ, дѣдъ, отéцъ, сúнъ и внѫкъ въ многорáкóмъ побóчнóмъ розгалѫзеню. Цѣлà родúна (домокà ов-

щина) есть непосредственно подчинена господареви; однакожь и полнолѣтніи мужчины въ домѣ маютъ голосъ при обрадѣ надъ важными родинными залежитостьми. Окромъ господаря ведѣ господина внѣтренное господарство и маѣ надзоръ надъ женьскими членами родины. Такимъ способомъ оукрѣпляѣ ся межи часто численными житељми домъ порадокъ и согласіѣ, а патріархалніи обычаѣ и звычаѣ оубеспечаютъ старости почитанье и послушеньство. Не въ всѣхъ однакожь граничарскихъ домахъ есть спокой и добра сгода — а дуже часто, особенно, сли не важе близке покревеньство, може лишь роздѣленье родины привернути спокой.

Тагаръ домовога господарства лежитъ преимущественно на женщинахъ, межи котрыми молодшіи найтажшіи роботы справюютъ. Земледѣльство, скотоводство, пшлична и громадска робота занимаѣ мужчинъ, однакожь не безъ помочи изъ стороны женщинъ, котріи въ часѣ войны часто такожь и того труда ся поднимаютъ. Въ домѣ однакожь радатъ всюды они саміи; тѣ варатъ они, молотатъ, прадѣтъ, ткаютъ, шыютъ, красатъ и гафтюютъ; выпраклаютъ кожи и роблатъ всю одѣжь для мужчинъ, дѣтій и для себе так що до матеріи ѣкъ и що до крою. Въ Славонії опредѣлаѣ ся на загонахъ лканыхъ кождой женьщинѣ и дорослой дѣвчинѣ особна часть позема, изъ котрого позыскати маютъ лѣнъ на полотно. Тѣ власнѣ дѣлатъ помежи себе женьскіи особы подля черги роботы днєвніи. Там, котрои тыждень (радшша) варитъ, доитъ, кормитъ и т. д. Въ заможнѣйшихъ ро-

дѝнахъ мáе кóжда радѹша свою окремѣшнѹ льнáнѹ бѣлúзнѹ, котрóю стóлъ накрывáе. Вáжною робóтою дѣвчáтъ есть въ прóчемъ прилáгоджѹвати собѣ вѣно (посáгъ). Не ѹтомúмо ѹпотреблáютъ женщины въ Погранúчю кóждѹ хвúлю къ полéзномѹ занáтïю, и чáсто оповѣдáютъ съ велúкою похвáлою, ѿкъ не однà мáти идѹчи въ пóле илù въ виноградъ, пóдчасъ найбóльшои спекоты, несѐ немовлáтко на головѣ илù завúнене въ пеленáхъ на плечи, и при тóмъ ещѐ прадѐ. Я хотà той жéньскïй пóлъ въ Погранúчю такъ есть богáтый въ домовïи довродѣтели, и такъ мнóго причинáе съ до народного блáга, то однáкожь не бываé ôнъ въ мѣрѹ заслѹгъ своúхъ зъ стороны мѹжéй цѣнéный и почитáный.

Ѿкъ прóстое есть строéньe домôкъ, такъ прóстое есть такóжь и домовóе снарáдье. Велúка пѣчь забирáе знáчнѹ чáсть свѣтлúцѣ. Прóчое мѣстце заполнáютъ по бóльшой чáсти высóкïи лóжка, котрïи сѹть вúстеленïи сѣнникáми и кóцами, а ѹ заможнѣйшихъ такóжь подѹшкáми и перúнами. Въ мѣстцахъ, где кóло домѹ нахóдатъ съ бѹды до спáня, мáютъ лишь господáрь и господúня лóжко въ свѣтлúци, въ зимовúхъ однáкожь ночёхъ спáтъ такóжь и прочïи домовникù тáмже. Прóстïи сѹть столы, стóлцѣ, ослóны, ѹ православныхъ въ Хорвáцïи дѹже нúзкïи. Скрúнѣ слѹжáчïи къ захованю трóха снарáда и грóшïй сѹть чáсто помальóванïи. Орѹжье вúситъ на стѣнѣ; а образы Сватúхъ, освѣтлéнïи лáмпою сѹть однóю тúхже окрáсою. Въ Карловáцкомъ и Банáтскомъ Погранúчю и мéжи Волóхами не выглядáе онò нáветь и такъ. Тѹ чáсто мѣстáтъ

ся въ одно́й свѣтли́ци лю́де ра́зомъ съ ско́томъ; ло́жка сѣ́ть вы́стеленїи соло́мою и кожа́ми; ча́сто нема́ и тыхъ, а цѣла́ родина спитъ на голо́й земли́.

Чере́зъ лѣ́то ма́ло ви́дно че́лѧди въ свѣтли́цахъ; на подво́рю, въ по́ли, въ лѣ́сѣ нахо́дитъ ся и стары́й и молоды́й. На́вечь по́здно въ ве́черъ зо́стаю́тъ всѣ при погодно́мъ не́бѣ на во́льно́мъ воздусѣ, найчастѣ́йше пере́дъ дверьмѝ до́мъ сѣдѧтъ на лавка́хъ въ прилѝчно́й тишинѣ́, сли не злохо́титъ прїѧ́зный мѣ́сяць дѣвча́тъ до весе́лыхъ пѣ́снїй, котрїи они въ хо́рѣ о́тспѣвю́тъ. Ина́кше ся оно́ дѣе въ зимѣ́. Тогды то всѣ ти́сне ся до ха́ты, въ котро́й велика́ задуха, котра́ дла чужинца́ о то́лько е́сть незноснѣ́йшою, же ся съ нею при лихо́й вздо́вѣ домо́ства́, слу́ча́е дуже ча́сто велїкїй ды́мъ, но она́ здае́ ся служи́ти дла то́го наро́да къ ожившле́ню. Мужчины́, съ сво́ими лювезными люлька́ми въ у́стахъ, и съ ещѐ дорогоцѣнѣ́йшою чу́торою (ча́ркою до пита́) при боку́, сѣдя́тъ ко́ло само́и пе́чи, а по при нихъ ихъ жены́, котрїи и тогды безъ у́станку́ „своїми пи́льными ру́ка́ми ру́ха́ютъ.“ На земли́ лежа́тъ або ла́зятъ посере́дъ дорослѣ́йшими малїи дѣти. Часо́мъ опове́да́е опы́тный стари́къ байкы́ сво́го наро́да, то́гожъ сла́внїи и велїкїи дѣла́ и казкы́ о рыцара́хъ, исто́рїю сво́ихъ часо́въ, сво́ихъ молоды́хъ лѣ́тъ, що то о́нъ до́зна́лъ, запамата́лъ въ оте́чествѣ и ви́дѣлъ въ чужинѣ́, а осо́бенно въ ко́йнѣ́, чо́го о́нъ ся надѣе а чого́ ся опаса́е про вздучно́сть. Съ у́вагою и съ довѣ́рїемъ прислухю́тъ ся ему́ всѣ его́ окружа́ючїи, и зале́дво кто ся о́тважитъ перерва́ти его́ рѣчь ци то ки́мъ

вопросомъ, ци междорозговоромъ. Въ такой почести сѣть старшіи отъ молодшихъ!

В. К.

134.

Загадка *)

Ѧ пе воронъ, не воробецъ,
Хоть и крила маю;
Теплымъ лѣтомъ по воздусѣ
Весело лѣтаю;
Живу въ домѣ, въ поли, въ лѣсѣ,
Съ людьми и скотами;
Питанъ сокомъ и молокомъ,
Кровью и плодами;
Зимою спю, а ѧвлюся
Коль лудитъ погода,
Хоть ѫ мужикъ, еще про то
Все женьского рода.
Ѧ есмь птиця, но вся створа
Гнушаесь мя страшно;
Птицѣ птички не узнаютъ,
Хватаютъ мя въ брашно;
Ѧ нещастна, лихѫ створа
Маленького духа.
Знаете мя, лишь придайте
Мыслѣте на уха.

А. Духновичь

135.

Старикъ.

О старикѫ говорити намѣраю, который прожилъ на свѣтѣ деватьдесать лѣтъ, и если менѣ

*) Рѣшенье слѣдуе на послѣдномъ листѣ.

тепе́рь не о҃у́да́сть сѧ превознестѝ его̀ похвала́ми, то вѣ́чно о не́мъ спомина́ти не вѣ́дѣ. О старикѣ хо́чѣ роспрaвла́ти и овыви́ти, ѩ҆кїи дѣла̀ о҆тъ не́го происходи́ли; скажѣ вамъ, що о немъ въ їсто́рїи чита́лъземь. — Спѣва́йте стихотво́рцѣ съ пла́менникъ водхнове́нїемъ и прославля́йте себѣ пѣснопѣ́нїемъ о вїнѣ и любо́щахъ; ѩ҆ оставля́ю вамъ все вїно̀ и любо́щи, оди́нъ то̑лько стари́къ вѣде предме́томъ мо́его пѣ́нїа. Спѣва́йте о защи́тникахъ цѣлы́хъ Держа́въ, прославля́йте себѣ и ихъ попече́нье! ѩ҆ не вѣ́дѣ спѣва́ти о иройческихъ дѣла́хъ; но стари́къ то̑лько вѣде предме́томъ мо́и рѣ́чи. Натага́йте стрѹ́ны золоти́стїи на бандѹ́ркѣ и чарѹ́йте ихъ пречѹ́дѣсными то́нами всѣхъ се́рдца — ѩ҆ про́стымъ го́лосомъ изъ тѣсно́и мо́и грѹ́ди загремю́, бо о славнѣ́йшихъ да́рахъ мо́го старика̀ спѣва́ти вѣ́дѣ. О сла́во! греми́жь въ о҃у́шехъ потомства — сла́во приобрѣте́нам сиволо́сымъ старико́мъ! Послѹ́хайте времена̀! послѹ́хайте, що ска́жѣ:

„Стари́къ мо́й — — роди́лъ сѧ... жилъ... ма́лъ жѣ́нкѣ... и... о҃у́мѣ́ръ.“

В. Волянъ.

136.

Особлúкша хоро́ба.

Оди́нъ знакоми́тый мѫ́жъ опов҃ѣда́лъ такѣ́ при́ключкѣ: „Сидѣ́лъземь,“ ка́же, „разъ съ мно́гими осо́бами пере́дъ дверьмѝ ра́днои пала́ты въ мѣ́стѣ Б. — и розмовля́лисьмо о розли́чныхъ предме́тахъ, ѩ҆къ наразъ пере́дъ на́ми ста́лъ ѩ҆кїйсь жевра́къ, котры́й проси́лъ насъ о ми́лостиню ока́зѣ-

ючи розли́чными спосо́бами свою́ крайнѣ́йшꙋ нꙋжда́ и отчая́нїе. Ко́ждый зъ насъ дари́лъ его́ чи́мъсь, по чѣ́мъ о҃нъ и о҃тъишо́лъ. Той нꙋжде́нникъ мови́лъ намъ ме́жи про́чими, що его́ опанꙋва́ла осо́бли́вша хоро́ба, котрꙋ одна́кожъ намъ вы́крыти не дозволя́е емꙋ встыдъ. Нара́зъ взя́ла насъ охо́та дове́дати ся, що́бы то могла́ бы́ти за осо́бли́вша хоро́ба, котрꙋ намъ вы́крыти не смѣ́лъ той жебра́къ; посла́лисьмо про то́е за нимъ на́шого слꙋгꙋ съ порꙋче́ньемъ дове́дати ся о всѣ́мъ. Той догна́вши его́ по хви́ли, осмотри́лъ его́ изъ всѣхъ бо́ко́въ, а не найшо́вши на не́мъ жа́днои о҃ло́мности а́нѣ ра́ны сказа́лъ: „Дрꙋже! менѣ́ ся не ви́дитъ, а прина́ймнѣй не по҃знаю по то́бѣ, абы́сь малъ причи́нꙋ до такъ вели́кого нарѣка́ня.“ „„Ахъ!“ о҃тповѣ́лъ жебра́къ, „„моя́ хоро́ба есть тако́го ро́да, що ей а́нѣ ви́дѣти а́нѣ о҃гада́ти не мо́жно; а одна́кожъ опанꙋва́ла мене́ о҃тъ головы́ до но́гъ. Она́ повыкрꙋчꙋвала всѣ чле́ны мо́го тѣ́ла и не дозволя́е менѣ́ на хлѣ́бъ роби́ти хо́тьбы и найле́кшою пра́цею. Хо́чешь ли зна́ти, я҃къ ся она́ называ́е? Называ́ютъ ю: лѣни́вствомъ!“ Отъ смѣ́хꙋ бы́ло намъ го́дѣ ся вздержати зъ того́ осо́бли́вшого оправда́ня ся; но оно́ да́ло намъ по́во҃дъ не до одно́го достопа́матного примѣче́ня. Я на́вѣть найшли́ ся мно́гїи, котрїи загада́ли безпла́тно того́ нꙋжде́нника лѣчи́ти, но о҃нъ зна́ти почꙋвши письмо́ но́сомъ не пока́зовалъ ся намъ я҃ко́сь бо́льше.

В. К.

137.

Ѥврейскїи мелодїи.

(Изъ Ло́рда Байро́на).

Цить! — Царь — Бандури́ста, а́рфу строи́тиме, —
Царь надъ чоловѣ́ки, и Не́бомъ люби́мый;
Уже́ по стру́нахъ вѣ́щѝ заплясáли ру́ки,
Пѣ́снь плыне́ изъ гру́ди — и золотїи зву́ки
Пла́чутъ, а о́чи въ слезáхъ тону́тъ,
Се́рдце пу́каѥ — а стру́ны ся рву́тъ.

Му́жѣ мрамо́рнои душѝ дѣтинѣ́ютъ,
Егдà тѝ святїи умны ихъ овѣ́ютъ. —
Гдежь у́хо то́ѥ — душà зледене́ла,
Щобъ не учу́ло — щобъ не розгоре́ла,
Царя́ слышачѝ и съ а́рфою въ руцѣ —
Бо́льшого ѩкъ съ ски́птромъ — въ божествѣ́ннѣмъ
зву́цѣ?

Ѥгдà Ісра́иля побѣ́ды загра́ѥ,
Ѥгдà Іего́вѣ Вы́шнѣму спѣва́ѥ,
Гудьбу́ побо́жну ра́йскїи доли́ны,
Ке́дры Лива́ньскѝ, святѝ верхо́вины
Бо́жои землѣ́ скро́зь о҃тгомоня́ютъ,
А мы́сли пѣ́вця? . . . въ Небесѣ́хъ буя́ютъ.

Тякíй на земли́ уже́ не чува́ный
Моле́бенъ съ до́черю любво́ю,
Ѩкъ духъ ревни́вый въ то́ны перебра́ный,
Розчуща́лъ псáльмы небе́съ высото́ю;
И дрѣмота́ души́ лю́дскои съ гудьбо́ю
Ѩкъ бы но́чь рѣдне́ла ѩсною зоро́ю.

И. Н. Бужане́нько.

138.

Прогѹлка по Семерингѣ.

По десатимѣсачнѡмъ напряженїю дѹха попрашали са мѹзы съ питомцами своими, и отпѹстили ихъ на праздници, абы покрѣпивши са на дѹхѹ и тѣлѣ по нѣкѡмъ времени зновъ до сватынь свѡихъ поклѝкати, и тѹтъ зновъ пищею дѹховною питати. Все воспитаючое са юношество опѹстило столичный городъ и ледво съ свѣцою въ рѹцѣ можь бы где котораго здѣсь придыбати. Одни поѣхали до родичѣвъ, дрѹгїи до сродниковъ, инїи до прїятелѣвъ свѡихъ; словомъ, где тѡлько кто мѡгълъ ѡ҃летаълъ спѣшно, дабы городскїй шѹмъ на сельскѹю тишинѹ перемѣнити. Но комѹ жестокосердна сѹдьба высѹшила всѣ истѡчники подѡбныхъ ѡ҃тѣхъ, ѡтнавши емѹ предвчасно смертїю любезныхъ родичѣвъ, сродниковъ и прїятелѣвъ, и лишивши егѡ самого на свѣтѣ безъ всякихъ средствъ, той не спѣшитъ са ѡ҃зрѣти свѡй рѡдный кѹтикъ, где кождое повѣванье дерева, кождый птички щебетъ, найнѣжнѣйша цвѣтка, найтихшое жорчанье потѡчка, припоминало бы на ново ледво що застрѹпѣлїи ѣазкы сердца егѡ. Такїй нещастный скитае са по чѹжинѣ, гладае потѣхи самъ въ собѣ — въ назкахъ — въ природѣ.

Извѣстно есть кождомѹ, кто тѡлько коротткое времa въ Вѣдни прожилъ, що за прекрасни околицѣ тѹю стародавнѹю столицю въ розличнѡмъ ѡтстоанїю окрѹжаютъ. Но если любопытный посѣщатель колька разъ ихъ видѣлъ, подноситъ са въ егѡ грѹди желанье, великїи черезъ тѹманы порохѹ провиваючїи са Норійскїи Алпы, до два-

надцать миль отъ Вѣдня на полудне отдаленїи, такожь ближше осмотрити, а то тимъ больше, якъ отъ якогось часу великаньскїи строенїа желѣзницѣ черезъ тїи горы вниманье цѣлои Европы, ба цѣлого свѣта на себе стагаютъ. И въ истинѣ, належитъ то до найкрасшихъ успѣховъ истории человѣка, що онъ дерзнулъ черезъ одно изъ найвышшихъ пасмъ горъ Европы перетягнути такъ великолѣпною дорогою, якою есть желѣзница, и на будучность соединити два далекїи моря, которїи тою часть свѣта ограничаютъ. Пришедши межи тїи горы зумѣлъ самъ съ надъ ихъ высотою и величиною, и загубилъ съ мовъ мухъ по между величаво строеными домами города. Стремистїи мраморнїи и гранитовїи скалы взносятъ съ гордо къ тверди небесной, а о ихъ вѣками вытертое чоло розбиваютъ съ густїи хмары; ихъ сѣдои головы не вѣнчае жаднаа рослина, и лишь гдѐсь не гдѐсь прикрыває ихъ наготу дрѣвненькїй мохъ, и вранами та птицами засѣянїи, возростомъ карловатїи сосны. Но есть такожь по межи нихъ помѣшанїи може ещѐ вышшїи горы, котрїи выпосаженїи отъ матери природы всемъ изъявилїемъ, витаютъ пристроенїи въ праздничною одежу косичиного пѣтника, и подаютъ къ розсмотрѣванїю голыхъ скалъ утомленымъ его очемъ скѣжою пожаданѣ пастве. Кто передъ колькома годами тїи скалы видѣлъ, тому и до головы не прийшло̀, абы тамъ на тои скалистои стѣнѣ, где отъ ей свѣствокана нога̀ человѣческа не повстала, где санги и дикїи козы лишь возливо шагали, и неразъ дерзость свою жизнею платили, где хищнїи выводилиса птицѣ, и где игнатникъ улѣталъ съ своею до-

бы́чею; — абы тамтѫдà по надъ бе́здню и про́пасть бѣгчи́ мо́гла колúсь локомоти́въ, и сво́имъ шѫмомъ и свúстаньемъ до тепе́рь безпе́чно живѫщихъ тѫтъ хúщныхъ звѣрѣвъ перепѫджовалъ. — Но въ úстинѫ такъ есть! Єслú где, то тѫтъ человѣкъ найбо́льше оу̃потребúлъ пра́ва надáного емѫ Всевы́шнымъ, кото́рый по́двéргла цѣлѫ вселéннѫ владѣ́нію его̀. Цѣло́е розстоáнье новóи желѣзни́цѣ чере́зъ тїи го́ры досягáе 28,000 Вѣдéньскихъ сáжней, а такъ есть 7 нѣмéцкихъ мúль до́лге. Новà желѣзни́ца тáгне сѧ о̃тъ Гло́кницѫ къ за́падѫ по надъ лѣвый бе́регъ рѣкú Шва́рцы, чере́зъ Шлéгельмиль до Баерба́ха, и помúнѫвши нѣско́лько хоро́шо и искѫсно строéныхъ мостóвъ и про́пѫстóвъ для воды̀, не пóявлáе сѧ потолѣ жáденъ предмéтъ достойнѣ́йшїй бо́льшого внимáня. Йжь ко́ло Баерба́ха посере́дъ великолѣ́пнои Райхенáвскои долúны подивлáе пѫтешествéнникъ одно̀ изъ найискѫснѣ́йшихъ строéнїй найно́вшого вре́мене, т. е. великáньскїй 150 сáжней долгїй, а до 20 сáжней высо́кїй мо́стъ надъ рѣко́ю Шва́рцою. О̃нъ опирáе сѧ на 13 столпáхъ и провáдитъ желѣ́знѫ ко́лѣю на пра́вый бе́регъ рѣкú Шва́рцы. О̃тсы начинáеса ко́лѣа возвышшáти и къ восто́кѫ подавáти сѧ, где перетиснѫвши сѧ чере́зъ два тѫнéлѣ (чере́зъ горѫ и скáлы сквóзь передóлбанїи свобóднїи перехóды) 60 — 80 сáжней до́лгїи, знóвъ чере́зъ Пе́тенбахъ къ за́падѫ стреми́тъ, и до замко́выхъ розвалúнъ Кламъ навертáе сѧ. Ме́ждѫ Баерба́хомъ и Ки́бомъ застигáе пѫтешествéнника нечаáнный видъ 6,577 Вѣдéньскихъ сто́пъ высо́кои горы̀, котрóи го́ловѫ вѣ́чнїи покрывáютъ снѣгú. Ко́ло Кла́мъ зникáе

ра́птомъ изъ о҃чіи желѣзни́ца и прова́дитъ до тре́тёго 100 са́жней до́лгого тѳне́ла, изъ кото́рого вы́шедши идѣ́ до дико-сѳмно́и а҃рѳги зва́ной Ѧтлицѓравенъ, и сюдѣ́ са вольше а҃къ ми́лю по ѓале́рїи въ скалѣ́ вы́кованой, и бо́льше а҃къ 100 са́жней зъ до́лъ о҃тъ земли́ до горы́ о҃тдале́но҃й, переходячи въ то́мъ о҃тстоа́нїю знове́ чере́зъ два въ скалѣ́ вы́долванїи тѳне́лѣ. Тѳтъ кр҃титъ са ко́лѣи весьма́ знамени́то, и по҃дно́ситъ са що 35 са́жней до́лгости о одинъ са́жень до горы́, о҃тноше́нье а҃ко́е до тепе́рь неслыха́не бы́ло, поне́же на дотеперѣ́шныхъ желѣзни́цахъ ле́дво на 200 са́жней о одинъ са́жень желѣ́зна ко́лѣа са по҃дноси́ла. Про тое призначи́ло высо́кое правѝтельство 20,000 дѳкато́въ зо́лотомъ за изъобрѣте́нье тако́го локомоти́ва, щобы́ такъ при́крый пѳть преодолѣ́лъ — и локомоти́въ Бакарїа полѳчи́лъ тѳю нагоро́дѳ.

Ле́дво що достижи́мїи сѣть для о́ка пѳтешествѐнника помешка́нїа робо҃тнико́въ повсю́дѳ по пече́рахъ скалъ построе́нїи, и а҃къ ла́стовичїи гнѣ́зда надъ ты́сячь-са́жне́вою про́пастїю виса́цїи, до кото́рыхъ найчастѣ́йше жа́дной и́ной доро́ги нѣтъ, а҃къ лишь нѳ́жно изъ мотѳ́за о҃у҃пле́тена драви́на. Изъ всѣ́хъ сторо́нъ даю́тъ са чѳти гро́мы, а по҃сла нихъ представля́е са страше́нное зрѣ́лище, цѣлїи во скалы принѳ́жде́нїи си́лою по́рохѳ розтрѣ́скаю́тъ са, и огро́мными кѳ́снами въ бездно҃ вала́тъ са, опѳскаючи ма́терное ло́но, на кото́ромъ о҃тъ сотворе́на свѣта недвижи́мо спочива́ли, по чѣмъ лишь стокро́тный о҃тголосъ о҃у҃жа́сно до о҃у҃ши́й изъѳмлю́чого са пѳтшествѐнника проника́е са. — Одна́кожь сей видъ великолѣ́пной приро́ды, и тѳю вели́кѳ мысль человѣ́ческой по-

бѣды надъ такъ чрезвычайными силами природы, огорчае обувидѣніе той то такъ великой цѣли пожертвованыхъ соратій. Коло замкѫ Клам̀ъ находитъ ся новоотворене мѣстце, на которомъ оужѣ надъ 200 свѣжихъ могилъ взноситъ ся. По части холера, по части инїи нещастя и припадки позбавили жизни тихъ бѣдныхъ людій. Въ зимѣ года 1850 засыпало отъ раз̀ 15 роботниковъ обсѫвшое ся камѣнье. — Поставѣмъ на поманѫтомъ пѫти дальше, а онъ заведѣ насъ по многихъ прикрыхъ зоротахъ и постепѣнномъ подношеню ся до горы, по при мало не однѫ милю долгѫ скалистѫ стѣнѫ звано Байнцетель-вандъ послѣдно на конецъ Ятлицграбенѫ до Тальгофѫ. — Тѫтъ представля̀е ся очемъ величество того предприната̀ъ въ цѣломъ своемъ обземѣ. Тѫтъ надъ поточкомъ, въ которомъ бы ледво качка ногѫ замочила, есть мостъ не менше якъ 75 сажней долгій а 25 высокій; онъ бѫде прото два разы вышшій, нежели велика четыреповершна каменица. Потомъ слѣдѫютъ четыри тѫнелѣ, два первїи выдолбанїи въ горѣ Берберкоґель выносятъ по 100 сажней, а два послѣднїи проходачїи горѫ Ґартенкоґель по 110 сажней. Дальше есть тѫнель на Болчой Горѣ надъ Гайдбахґрабеномъ, котрый мае 105 сажней. Онъ есть дѫже скривленымъ. Оттѫдъ мае пѫтшественникъ пречѫдесный видъ къ сторонѣ Снѣжной Горы и пр. — Прамо изъ тѫнела отъ Болчои Горы приходитъ ся знова на пштовѫ дорогѫ, котрѫ пѫтшественникъ въ Ґлоґницѫ зостависъ, а зараз тѫтъ ледво изъ тѫнела прамо провадитъ желѣзница до найбольшого изъ

всѣхъ тѵнéлѣвъ, котóрый 60 сáжней глѵбóко пóдъ горóю Семерúнгомъ лежúтъ, и 755 сáжней, мáло що не чвéрть мúлѣ дóлгимъ есть. Онъ самъ мáе стоáти 1.275,203 зол. реньскихъ сребрóмъ. Где далéке розстоáнье робóтникóвъ óтъ вхóда тѵнéлѧ, тамъ вúкопанїи сѵть сквóзь гóры простопáлїи и óукóснїи шáхты, а такъ 7 изъ южнои а 3 изъ сѣвернои стороны Семерúнга, котóрыми посрéдствомъ паровúхъ мáшинъ изъ внѵтрѧ зéмлю и непотрéбное камѣнье на вéрхъ выдовѵвáютъ, а на мѣсто тóго розлúчнїи матерїáлы въ 60 сáжнéвѵ глѵбинѵ дла вѵдóвы спѵскáютъ, и свѣжїй воздѵхъ для робóтникóвъ впомпóвѵютъ. Повсюдѵ, где сѧ лишь человѣкъ оглáне, изъ всѣхъ сторóнъ и въ всёмъ отбывáе сѧ величествéнный хáрактеръ, въ окóлици, въ строéнїи, въ заботлúвой дѣятельности робóтникóвъ, котрúхъ 1851 рокѵ до 18,000 въ одно невелúкое мѣстце сѧ поселúло. — Порóвнáвши попередúвшое óтстоáнїе желѣзнúцѣ съ тепéрь слѣдѵючимъ, то не нахóдитъ сѧ нѣчóго примѣчáтельного въ еѣ строéнїю, зачáвши óтъ Семерúнга аж до Мирццѵшлагѵ, крóмѣ нѣскóлько хорóшихъ мостóвъ строéныхъ по новѣйшой систéмѣ. — Цѣлѣ тóе велúкое предпринáтїе въ розстоáнїю 7. миль, рáзомъ съ 10 тѵнéлѧми и мнóгими мостáми и прóпѵстами, котóрїи желѣзнúцю за Норїйскїи Алпы перенóсатъ, залѣщитóване есть за сѵммѵ 7.382,525 зол. реньскихъ сребрóмъ въ конвенцїйнóй монéтѣ óтъ розлúчныхъ зóдцевъ.

Насладúвши сѧ тимъ великолѣпнымъ вúдомъ попрацáлземъ сѧ съ величествéнною прирóдою и повернѵлземъ назáдъ въ гóродъ, а отрáсши сѧ

трóха ôтъ плѣни́вшихъ мнѣ впечатлѣ́ній, собра́лъ-емь въ ки́тицю по А́лпахъ посви́ранїи цвѣткѝ, и подаю̀ тїи щастли́вшимъ ôтъ ме́не по́дрȣгамъ въ оте́чествѣ, для кото́рыхъ посере́дъ дорого́и роди́ны щодѣ́нно исто́чники новы́хъ ра́достїй и ȣ̂тѣ́хъ выплыва́ютъ.

В. Во́лянъ.

139.

Пѣснь житѣ̀.

Легѣ́сенько, тихѣ́сенько
Мо́вбы вѣтре́цъ по доли́нѣ,
Ро́дна ма́ти сонъ дѣти́нѣ
Прикли́кує щирѣ́сенько;

А надѣ́єю пѣ́сня вѣ́є
Ра́дощаво и миле́нько,
Ажь ся душа̀ веселѣ́є!
Малы́й а́нгелъ зновъ радне́нько

Руче́ня́та витяга́є,
Ма́буть не́ньцѣ отвѣча́є:
Спѣва́й не́ню пѣ́сню ту́ю
А̏къ ї̏ собѣ̀ въ ней любую!

* * *

Отъ такъ на́ше житьѐ въ цвѣтѣ̀
Колы́сане спѣванка́ми
И ра́йскими ща́стя сна́ми.
Розвива́єсь въ Бо́жо̂мъ свѣтѣ̀; —

Розвива́єсь — а всѐ ли́хо:
Журба̀, кло́по̂тъ, непоко́ѣ
Гляди́тъ зи́рцемъ и жде ти́хо
Добы́ и́ншои, добы́ сво́и.

Ив. Гушалевичъ.

140.

Лéвъ и Лисъ.

(Байка.)

„Господи́не льве'“ говоро́лъ ли́съ, „менѣ го́дѣ вздéржати ся, що́въ тобѣ не сказáти, ѩкъ о́селъ зъ тéбе шѫти́тъ. Онъ говóритъ, що въ то́бѣ нѣтъ нѣчо́го похвáльного, жо твоя ѣтвáга сомнѣтельна, що ты не пока́зѫешь нѣ великодѫшïа, нѣ справедли́вости, що ино́ ѣумертвля́ешь ко́ждого безъ вся́кого взгля́дѫ.“

„„Най ѣнъ гово́ритъ, що хо́че,““ отвѣча́лъ пова́жный левъ, „„менѣ то́е ба и дѫже обхо́дитъ, що и ѩкъ о́селъ о мнѣ дѫмае,— а́ле кто осмѣля́е ся наговóрѫвати предъ мно́ю на дрѫгихъ и менѣ ся лести́тъ въ о́чи, того не могѫ ѩ терпѣти. Вонъ! негóдникѫ ѣтъ мéне, бо ина́кше въ сей ча́съ тобѣ коне́цъ.““

Лисъ прира́женый пова́жнымъ отвѣтомъ сво́го короля́, склони́лъ ся низе́нько и радъ былъ найти́ хотьбы где ѩкѫ мы́шѫ дѣрѫ для сво́го беспеченьства.

В. Во́лянъ.

141.

Вѣйтъ Подóльскïй.

Дрѣма́ютъ, дрѣма́ютъ подóльскй ни́вы
И по се́лищу сонъ ѫже засѣда́е,
И всю́да ѫти́хло, ли́шь бро́докъ сварли́вый
Да́лѣй текучи чого́сь не ѫтиха́е,
Ой не гара́здъ то, бо и псы незаснýли
Вы́ютъ и вы́ютъ, а вее голоснѣйше,
Ба́чу лихо́е щось они́ зачýли
Бо не утиха́ютъ, лишь вы́ютъ сумнѣйше.
Въ цѣло́мъ се́лищу свѣтло посгаса́ло
Лишь на горбо́чку въ бѣдне́нькой хати́нѣ
Згáсло... зновъ блы́сло... ви́дко догара́ло....
Ой догара́ло въ оста́тнѣй годи́нѣ!

Такъ то изъ сéрдця житьѐ выгасáѥ,
По котрѐ нýжда ѩ̑къ гáдина ся́гне,
Тúсне го тúсне, ѡ̑ттáкъ заѣдáѥ,
Пóкн ажь въ зúмнѡ̑й землúци не ля́гне.
Кýрна хатúна и стѣ́ны низéнькѝ
Котрѝ ўпáсти туй, туй ўжѐ гадáли
Велúкѝ болѣ́ и мýки тяжéнькѝ,
Дáвного вѡ̑йта въ сóбѣ объимáли;
Стары́й Никóла — такъ го звáли лю́дe —
Бы́лъ колúсь богáтъ, бо двóма плугáми
Орáлъ на нúвѣ. Ктóжь тóѥ забýде,
Ѩкъ ѡ̑нъ и рáдилъ щúрими словáми?
А тепéрь лежúтъ на солóмѣ гóлѡ̑й
Лúшь верéтою грýбою прикры́тый,
Тя́жко вздыхнýвши згадáлъ о недóли —
На двéрёхъ óчи стоя́ли ѩ̑къ вры́тѝ. —
Когóсь здавáлъ ся тепéрь ожидáти —
Шéпнулъ щось зъ тúха и плéснулъ въ долóнѣ,
И зновъ до сéбе начáлъ промовля́ти;
То щось о свя́тахъ, то щóсь и о звóнѣ.
Лицé потя́гле, вы́схле и блѣдóѥ
Рáзомъ слабéнько хвúльку запалѣ́ло,
И ѩкéсь чýвство, охъ! чýвство святóѥ
Въ очёхъ и грýдёхъ тепéрь заяснѣ́ло.
Два хлопчиня́та, сыны́ ѥгѡ́ рѡ́днѝ
Голóвъ спустúвши ў ногáхъ стоя́ли.
„Óтче!“ рекли̑ му, „ѩ̑кѝже мы бѣ́днѝ!
Щóжь самѝ бýдемъ на свѣтѣ́ дѣлáли?
Самѝ безъ тéбе — бо мáти насъ мúла
Ѥщѐ мáлыми и дýже малы́ми
Вѣ́чне, ѩ̑къ знáѥшь óтче! опустúла,
Тепéрь и ты насъ остáвишь самы́ми?
Не ўмерáй, óтче, ахъ óтче любéнькiй!
Мы тебѐ щúро изъ сéрдця любúли
Не ўмерáй óтче, óтче солодéнькiй!
Щожь мы безъ тéбе бýдемо чинúли?““
Уклякли и взнéсши въ горý ручня́та

Съ твердóю вѣ́рою, щобъ нéбо розби́ла,
Мóлятъ ся: „Бóже! мы Твоѝ дѣтя́та;
Всѣхъ людій дóля и на́ша ти ми́ла.“
Тепéрь замóлкли, слéзы залія́ли
Да́льшіи словà плынучѝ рѣкóю,
А онѝ отцà нóги объима́ли
Съ вели́кимъ бóлёмъ, жа́лёмъ и тугóю

— — — — — — — — — — —

Стары́й Никóла ще разъ сла́бѝ си́лы
Собра́вши мóвилъ таки́мп слова́ми:
„Не пла́чте дѣ́ти! Гóсподь ми́лостивый
Надъ цѣлы́мъ свѣ́томъ и надъ сирота́ми.“ —

— — — — — — — — — — —

Три́чи щастли́вый, кто всéю душéю
Въ пóмóчь и крѣ́пость вы́шню ўпова́є,
Въ тéмный грóбъ лéгко и весéло съ нéю
Тѣ́ло золѣ́ле по смéрти склада́є.

— — — — — — — — — — —

„Менѣ не долгò на семъ свѣ́тѣ жи́ти,““
Да́лѣй промóвилъ до дѣтій Никóла,
„Скóрѣ прійдѐ ся му́ки закôнчи́ти —
Слухайте дѣ́ти ôтцѣ́вского слóва:
Щосьте не чу́ли, хóчу вамъ повѣ́сти,
Най тóє въ па́мять для васъ позôста́не,
Най о тôмъ хóдятъ въ Бóжôмъ свѣ́тѣ вѣ́сти,
Най та́я пóвѣсть по ва мóре ся́гне.
Тя́млю ѣ́къ ны́нѣ, хоть ўжѐ лѣ́тъ не ма́ло,
Ещѐ небóжка ма́ти ва́ша жи́ла,
Ôтъ! въ сей хати́нѣ, ту́тка ся то ста́ло....
Чому́жь непа́мять тóє не ўхóпила?
Ахъ! по що сéрдце на нóво ѣ́звѝти;
И вамъ гôрькіи слéзы вытиска́ти.
Лу́чше бы бы́ло тóє залишѝти,
И вамъ ничóго о тôмъ не каза́ти.“
„„Óтче скажѝ намъ, мы зна́ти жела́ємъ,““
Кри́кнули дѣ́ти и слéзы отера́ли,
„„Óтче скажѝ намъ рéвно ўпраша́ємъ

Мы то́е въ па́мять буде́мо хова́ли““
„Ой такъ, такъ дѣ́ти!“ ре́клъ стары́й сумне́нько
И чолѡ́ змо́рщилъ и пле́снулъ въ долѡ́нѣ —
„Ѧ́ ужѐ не могу̀, ѩ́къ же мнѣ тяже́нько!!“ —
И зно́въ щось ше́пнулъ о свя́тахъ, о зво́нѣ —
„Ой та́къ, та́къ дѣ́ти! до́бре тя́мю то́е,
Бы́ло то ра́но въ зеле́нiи свя́та —
Такъ — здѣ́ былъ пра́здникъ, а селѡ́ цѣло́е
Щи́ро прiйма́ло ко́ждого ѩ́къ бра́та.
Ужѐ до це́ркви лю́де ся сбера́ли,
Бо на всено́чне звонъ кли́калъ вели́кiй,
А вы моли́тву съ ма́мою домовля́ли;
Въ то́мъ посѣпа́ка ѩ́къ во́лчище ди́кiй
Присла́нъ о̂тъ па́на, до ха́ты вбѣга́е
Принося̀ на́казъ; до двора̀ става́ти —
А дру́гiй ждучiй по̂дъ о̂кно́мъ зѣпае·
Ско́ро не хо́че, до темницѣ бра́ти!“

— — — — — — — — — — —

Зновъ у̂мо́лкъ стары́й, а́ле не на до́лго;
Щось ѩ́къ за се́рдце тепе́рь го схвати́ло,
Зо́йкнулъ и стря́слъ ся и боле́лъ премно́го
Бо́жъ спомина́ти о ну́ждѣ не ми́ло!
И зно́въ стиши́лъ ся, а мовь по лото́кахъ
Одна́я га́дка за дру́гою плы́ла
Хотя̀ и ста́нешь въ смерте́льныхъ воро́тахъ
Ну́жду вспо̂мне́шь си, котра̀ тя пяли́ла,
Жела́єшь съ не́ю вѣ́чнесь’ попраща́ти
Она̀ ся тако́й все тебѣ̀ трима́е
И ѩ́къ но́чь те́мна о̂ко́нцёмъ до ха́ты
На па́мять сама̀ — ой! сама̀ ся пха́е.
Кобы́ можь се́рдце Нико́лы о̂ткры́ти,
Ѧкiижь му́ки въ не́мъ перебува́ли,
Не мо́жнабъ ра́зомъ ихъ всѣхъ исчисли́ти —
Ди́во! ѩ́къ въ се́рдцю одно̂мъ ся смѣща́ли.

— — — — — — — — — — —

„Дѣ́ти,“ ре́клъ стары́й — „дѣ́ти мои̂ бѣ́дни̂
И моѐ се́рдце гара́здъ коли́сь зна́ло,

Але неда́ли въ немъ жи́ти него́днѣ,
А моѐ ща́стье на свѣтѣ пропа́ло.
Тогда́ най разъ ся пове́рну до сло́ва,
Мою́ и ва́шу до́лю зопсува́ли,
Що въ ха́тѣ бы́ло — по що та́ка мо́ва?
О́тъ на́й не ка́жу, все въ грабѣжь забра́ли!
Чи на то́мъ коне́цъ? Ни, то ли́шь нача́ло.
Ѭ... ѧ... хотѣлъѣмь тому́ ся опе́рти."
(Тутъ му ѥщѐ разъ лицѐ запала́ло —
Бы́ла то борба́ во годи́нѣ смерти!)
„Ѭ... ѧ... хотѣлъѣмь, а́ле мои́ си́лы
Ско́ромъ ѵ̂ви́дѣлъ, я̃къ ся ва́ша ма́ти
Зъ но́гъ повали́ла, гнеть мя опусти́ли,
И го́дѣ бы́ло зно́ва ихъ собра́ти."

— — — — — — — — — —

Сыны́ Нико́лы я̃къ кра́сніи цвѣты
По зи́мно́мъ вѣ́трѣ го́рько заболѣ́ли —
А по и́хъ ли́чку ле́гко бы́ло зрѣ́ти,
Ѭкъ мягкѐ се́рдце су́мъ и жа́ль присѣ́ли.
Бо ся двоя́ки́ чу́вства вра́зъ срѣча́ли —
Котрѐ зъ нихъ тя́жше? го́дѣ бы́ло зна́ти:
Пе́рве и вто́ре го́рёмъ о̂тдыха́лн. —
Богда́й то въ житю́ таки́хъ хви́ль не ма́ти!
Тутъ ся ѵ̂жѐ вѣ́ко гробо́ве схиля́ѥ,
Бы вѣ́чне отца̀ предъ ни́ми замкну́ти
А зъ о̂ттамъ го́лосъ да́вный промовля́ѥ
О любо́й не́ньцѣ не да́ѥ забу́ти.

— — — — — — — — — —

„„Дорогій о́тче!"" — щось хтѣ́ли повѣ́сти,
Але и то́ѥ зъ жалю́ незмага́ли —
Такъ ихъ проня́ли попере́дни вѣ́сти
Що и слова̀ имъ въ ѵ̂ста́хъ зау́мера́ли. —
Стары́й Нико́ла, я̃къбы зъ сна̀ збуди́лъ ся,
Въ котро́мъ коща́вѣ вѣ́дьмы ли́шь сную́тъ ся
И круго́мъ се́бе жа́лко подиви́лъ ся,
И ѵ̂зрѣ́лъ стра́сти я̃къ на стра́сти шлю́тъ ся.

„Не пла́чте дѣти прійде и вамъ годи́на,
Бы зну́жи свѣта се́го зако̂нчи́ти,
Житьѐ коро́тке, ꙗкъ бы одна дни́на —
Але и ту́ю тя́жко пережи́ти!
Що коли́сь бы́ло, о всемъ забува́йте
И о то̂мъ, щомь вамъ напо̂мкну́лъ не да́вно,
А въ любвѝ Бо́га и бли́жныхъ взраста́йте —
Пре́дъ лице́мъ свѣта поступа́йте я̂вно.
Благословлю̀ васъ . . . . благословлю̀ дѣти
То́ю руко́ю, котра̀ васъ корми́ла;
Благословлю̀ васъ . , . . мой ми́лѝ цвѣты!“
И въ то̂мъ ся бо́лѣзнь є́го зако̂нчи́ла. —

— — — — — — — — — —

„„„Уме́ръ Нико́ла, нашъ ба́тько старе́нькій““ —
За́разъ ся чу́тка по селѣ́ розбѣ́гла;
„„„Уме́ръ нашъ го́лубъ, охъ! у̂ме́ръ сиве́нькій! —
Не да́рмо зо̂рка се́и но́чи зблѣ́дла,
Не да́рмо и псы такъ сумне́нько вы́ли,
Що не мо́жь бы́ло о́ка прижмури́ти.
Не да́рмо мнѣ ся чаро̂вни́цѣ сни́ли —
Отъ! — мой рове́сникъ переста́лъ у̂жѐ жи́ти!““““
Такъ мо́вилъ ста́рецъ къ ха́тѣ доходя́чи,
Въ кото́ро̂й мо́щи Нико́ли лежа́ли,
Ступа́лъ та става́лъ, щось ду́же мысля́чи
Въ одну̀ ся га́дку всѣ гадкѝ скупля́ли;
Бо тепе́рь ви́дѣлъ лѣта̀ молоді́и,
Когда̀ ся ра́зомъ съ Нико́лцёмъ плясáло,
Зновъ перегля́нулъ и часы́ новіи —
Но ко̂лькожь жалъ ся въ ни́хъ не у̂крыва́ло?!
„„„Бѣдный Нико́ла съ роди́ною всёю!““““
Проре́къ до се́бе, „„„у̂жѐ о̂тъ часу̀ то́го,
О̂тколи́ ре́вно, душе́ю цѣло́ю
Хорони́лъ бра́тій о̂тъ вра́га лихо́го,
Нема́лъ часи́нки одно́и спочи́ти —
Бо вся́ке сре́дство врагу̀ бы́ло ми́лымъ,
И не поки́нулъ на нёго трови́ти,
Ажь го на ла́вцѣ оба́чилъ засты́лымъ. —

Менѣ ся ви́дитъ, що и не менѣ ся
На чѣ́мъ бу́дь, — Го́сподь кара́ти ю́мѣ́е!
Бо́рше, по́зднѣ́йше все то́е найдѣ ся
Якъ кто собѣ́ тутъ на свѣ́тѣ посѣ́е!!“““
То́е сказа́вши пово́ли сближа́лъ ся
Къ ха́тѣ рече́но́й — со́нце выходи́ло;
А его́ про́мень не такъ простира́лъ ся
Якъ давно́ я́сно, но чому́сь ю́ны́ло.
Вы́крикнулъ ста́рецъ: „„„„О, красото́ свѣ́та!
Ци долго́ бу́дешь такъ менѣ́ сходи́ти?
Разъ то после́дный мабу́ть се́го ле́та;
За́утра ю́жѣ бу́дешь не менѣ́ свѣ́ти́ти.
Прійшо́лъ до ха́ты на коле́на впа́вши
Мо́литъ ся щи́ро за ду́шу Нико́лы.....
Пото́мъ сближи́лъ ся, и тѣ́ло обня́вши
Съ пла́чемъ ре́клъ: „„„„Коне́цъ ю́жѣ тво́ей не-
до́ли.
Ско́рѣ до те́бе и я́ перенесу́ся.....
Намъ лише́ ра́зомъ ци ту, ци тамъ жи́ти...
Усо́пшій дру́же! я́ незаба́влю ся
Съ суе́то́ю свѣ́та се́го розлучи́ти“““....

* * *

Хоть въ ра́нцѣ со́нце сходи́ло я́сне́ньке,
Да́рмо и да́рмо ю́жѣ ста́рця буди́ло;
Бо его́ се́рдце якъ ле́то тепле́ньке
Зи́мнымъ ся ле́домъ на вѣ́ки покры́ло —
Двомъ ме́ртвцямъ су́мно ра́зомъ зазвони́ли...
Одно́го въ вѣ́чну пу́ть дне́сь выправля́ли,
О дру́го́мъ вѣ́сти въ селѣ́ розноси́ли —
Ми́лости Бо́га для душѝ блага́ли. —
Бы́ли то старцѣ, щобъ въ пе́кло само́е
За добро́ бли́жныхъ гото́вы́сь пусти́ти,
Темни́цю, го́лодъ, хоть житьѐ це́ло́е
Ле́гко имъ бы́ло для бра́тій зноси́ти.
Тому́ не ди́во, що лю́де толпа́ми
Изъ се́лъ сторо́нныхъ тепе́рь прибыва́ли

И ихъ могíлу рéвными слезáми
За любóвь брáтню зливáли й зливáли.

Зорѧ гáлицка.

142.

Благодáрность.

Изъ Рíхтера.

Бандѵгíй, Сасанíдскíй Кнáзь причинíлъ сѧ найбóльше своíмъ краснорѣчíемъ пóдчасъ совóра Пéрскихъ Сатрáповъ, котрíи óтсѵдíли Королѧ Оромáза óтъ дрóна, що корѵнѣ пéрскѣ полѵчíлъ молоды́й Хозрóй. — Колѝ молодый Корóль былъ принѵжденый бѣгствомъ спасáти сѧ перéдъ збѵнтóванымъ Багрáмомъ, то знóвъ былъ Бандѵгíй пéрвымъ, котры́й своéю мѵдростíю и дѣломъ благородного пожертвóванѧ сѧ вы́бавилъ Хозрóѧ изъ рѵкъ егѡ гонáчого вóрога. Онъ замѣнíлъ свою óдѣжь за óдѣжь Хозрóѧ, остáлъ сѧ навмы́слно по дорóзѣ въ однóмъ хѵторѣ и стоáлъ въ óкнѣ, абы́ мóгъ бы́ти óтъ всѣхъ вíдимымъ. Вóйско Багрáма вы́слане за Хозроéмъ дѵмало, що вíдитъ егѡ самóго, и обсадíло въ сей часъ цѣлы́й бѵдынокъ. Тепéрь бѵдѵчí въ ихъ рѵкахъ просíлъ мнíмый Хозрóй, абы́ емѵ, ѩко сы́нови ихъ давнѣйшого Королѧ позвóлили хвíлю óтпочúнкѵ, понéже онъ дѵже бѣгствомъ óутомíлъ сѧ. На тóе призвóлили вожкí и обсадíли цѣлѣ домóствѡ страáжю. Но Бандѵгíй дѵмаючи, що Хозрóй довóльно вы́передилъ óужѣ своíхъ гонúтелѣвъ, пóддáлъ сѧ страáжи, котрà егѡ óтпровáдила до Багрáма. Тойже однáкожъ знаюгí зъ лицà такъ Бандѵгíѧ ѩкъ Хозрóѧ óткры́лъ скóро

зашéдшое ошѹкáньство; но цѣнячи высóко благорóднóсть нáветь и въ сопротúвникѹ, пѹстúлъ Бандѹгїа на вóлю — Áле цúжь мóгль Бандѹгїй того сѧ нáдѣати? Цижь не выставилъ ôнъ себѣ на небеспечéньство смéрти? Єгò дѣло не мóжно про тое назвати инáкшимъ, ѩкъ великодѹшнымъ пожертвованїемъ себѣ самóго, — и про тóе достóйнымъ ѩкъ оу҃знáлъ такъ и нагорóды, до котрóи мóгль зáвсѣды мáти нáветь прáво. Но ѩкже нагородúлъ єгò Хозрóй, котрóмѹ ôнъ такъ велúкѹ зровúлъ присл҃гѹ? Чимъ оказáлъ свою благодáрнóсть? За пóмочїю мóжныхъ Римлáнъ, до котрыхъ Хозрóй оу҃бѣглъ, вернѹлъ сѧ ôнъ знóвъ на дрóнъ Пéрсїи, — а хотячи позбѹти сѧ тóго, котрóмѹ безпосредствéнно захóванье свóго житá былъ вúненъ, велѣлъ вѣдного Бандѹгїа оу҃топúти въ волнáхъ рѣкú Тúгра. Ци мáлъ Хозрóй сéрдце человѣческе? Нѣтъ! бо и дúкї звѣрѣ оу҃мѣютъ бы́ти благодáрными. Изъ мнóгихъ примѣрóвъ лишь одúнъ тѹ приточúти довóльно:

Одного рáзѹ прїйшóлъ зранéный лéвъ перéдъ кéлїю пѹстúнника, Герасúма. Ласкаючи сѧ и скавлячи, пôдносúлъ до горы свою окрвавлéнѹ лáвѹ. Пѹстúнникъ вымылъ рáнѹ, приложúлъ на тѹю сѣлá и завязáлъ лáвѹ — а лéвъ въ кôлькóхъ днáхъ выздоровѣлъ совершéнно. Отъ тóго часѹ не опѹстúлъ вѣрный звѣрь никóли отшéльника, хивá колú выйшолъ до сѣсѣдного лѣса за жúромъ. Въ ночú спалъ ôнъ перéдъ кéлїею свóго довродѣя, и где сѧ тóй постѹпúлъ, былъ ôнъ єгò нерозлѹчнымъ товáришемъ. Я колú Герасúмъ помéрлъ, сопроваждáлъ вдáчный лéвъ єгò до гробѹ, и нерозлѹчúлъ сѧ ôтъ тóгожь нѣ въ день нѣ въ ночú, ажь

по́ки не скончáлъ сѧ самъ. Его́ то́лѕвъ прикры́лъ мо́щи сво́го добродѣ́ѧ.

Въ и́стѣ! Ѕвѣ́рѣ встыдáютъ сво́ею благодáрностїю не разъ розѕмного чоловѣ́ка.

Лишь благодáрнôсть грýдь чéстну здоби́ла;
Бо крáснымъ сéрдця всѣмъ княжи́тъ зарóдамъ!
Во слáву всегдà онá ся числи́ла
И въ честь мóжнымъ, вели́чнымъ Нарóдамъ!!

В. К.

143.

Лакомство.

I.

Царь Никифóръ.

Цáрь Никифóръ былъ óбще знáный ѿко дѕже лѕкáвый чоловѣ́къ. Скóро оу̑вúдѣлъ себѣ́ на дрóнѣ, не знáлъ ничъ важнѣ́йшого и наглѣ́йшого ѿкъ предвсѣ́мъ забрáти всѣ́ грóши и дорогоцѣ́нности Ірúны, давнѣ́йшои Царúцѣ. Зáразъ на дрѕгúй день посѣтúлъ ю̑, — мóвилъ, ѿкъ то велúкимъ есть грѣхóмъ въ такъ тѧжкúхъ часáхъ ховáти скáрбы по пивнúцѧхъ и заклáлъ ю̑, абы емѕ пôдъ присáгою сказáла, мнóго онà пôдчасъ сво́го правлéнѧ присвирáла богáтства. Ірúна подáла емѕ доклáдный спúсъ всѣ́го и заклáла сѧ крестóмъ Спасúтела, що ничъ не затаúла, — и лишь просúла, абы Никифóръ за тóе, що онà добровôльно дрóна сѧ зрекла, съ нéю сѧ належúто и прилúчно обходúлъ и позволúлъ, абы въ палáтѣ ôтъ нéи на оу̑берéжѕ Пропóнта звѕдóванôй, моглà въ спокóю дни сво́го житѧ закôнчúти. Пôдъ присáгою, котрѕ на вѣ́теръ го-

ори́лъ, прире́клъ Никифо́ръ, що тїи справедли́вїи и оу҃мѣре́ннїи жела́нїа Ири́ны всѣ сѧ совреме́нно испо́лнатъ. Безъ про́волоки о҆тда́ла Ири́на всѣ свои́ имѣ́нїа сребролю́бцѣви; но о҆нъ не ино҃ же всё емꙋ̀ о҆тда́не забра́лъ, но и привласти́лъ собѣ́ ко́ждꙋ̀ найме́ншꙋ̀ рѣ́чь, котра̀ але́жала до давнѣ́йшои Цари́цѣ, и велѣ́лъ на послѣ́докъ ю҃ самꙋ̀ замкнꙋ́ти въ монастырѣ́, о҆тдале́нѡмъ о҆тъ Цариграда́, а потѡ́мъ перенестѝ на остро́въ Ле́сбъ, где никѡ́мꙋ̀ не бы́ло позволе́но сѧ нѣ́ю сообща́ти сѧ. О ей оу҃три́маню не хотѣ́лъ ничъ и зна́ти, а Ири́на, нещастли́ва Кнагѝна и колись Цари́ца гре́ческа, бы́ла принꙋ̀жде́на пра́деньемъ собѣ́ на хлѣ́бъ насꙋ̀щный заробла́ти. Она̀ оу҃ме́рла изъ грызоты́ ро́кꙋ̀ 803 въ 42 р. сво́го житѧ̀.

Но не былъ ненасы́тный Никифо́ръ доволенъ тимъ раꙋ̀нкомъ; о҆нъ такъ са́мо постꙋ̀па́лъ и съ сво́ими по҆дда́ными, котры́хъ здира́лъ всѧ́кими спосо́бами, абы̀ ино҃ своѐ сокро́вище повольши́ти. Зимнѣ́йше о҆тъ зо́лота бы́ло его̀ се́рдце, а его̀ жа́жда не зна́ла нѣ́ конца̀ нѣ́ мѣ́ры. Такъ н. пр. довѣ́далъ сѧ о҆нъ разъ слꙋ́чайно, що одинъ мѣщани́нъ въ Цариграда́ѣ полꙋ̀чи́лъ зна́чнꙋ̀ сꙋ̀ммꙋ̀ гро́шїй. Хотя́чи тꙋ̀ю собѣ́ присвои́ти, велѣ́лъ, абы̀ рече́ный мѣщани́нъ по҆дъ приса́гою объ҃ви́лъ, мно́го всѣ́хъ гро́шїй въ сво́ей пѣна́зници ма́е. Перестра́шеный созна́лъ, що ма́е сто фꙋ̀нтѡ́въ зо́лота. Никифо́ръ росказа́лъ въ сей часъ то́е емꙋ̀ показа́ти. Такъ сѧ ста́ло. Оу҃ки́дѣвши ла́комый Царь кра́снꙋ̀ кꙋ̀пкꙋ̀ влыща́чого сѧ зо́лота сказа́лъ: „Непонима́ю, на що мѣщани́ноки, стоа́чомꙋ̀ по҆дъ защи́тою мо́нхъ зако́нѡвъ, такъ мно́го зо́лота тре́ба“ и далъ изъ цѣло́и сꙋ̀ммы

властúтелеви дéсать фѫнтôвъ назáдъ, а за деватьдесáть фѫнтôвъ запросúлъ зрабóваного до сéбе на пúръ, и не соромúлъ сѧ объѩвúти: „що длѧ прóстого мѣщанúна повúнно тóе бúти бóльшимъ цáстьемъ, що рáзомъ съ своúмъ Царёмъ пирѫе, ѣкъ слúвы и дáльше зôставáлъ въ посѣдáнїю цѣлóи сѫммы.“

На представлéньке своúхъ мїнїстрôвъ: абы ласкавѣйше съ своúми постѫпáлъ пôддáными, ôтповѣлъ жестокосéрдый Цáрь: „И мôй народъ повúненъ мáти своóго Фараóна, бо инáкше не бѫде знáти, що есть злóе!“

Но бúвила на конéцъ послѣдна годúна и длѧ Никифóра. Въ вôйнѣ протúвъ Болгáрамъ прошúбла стрѣлà егò каменнотвердóе сéрдце а всѣ егò имѣнїѧ, цѣлà воéнна пѣнáзницѧ, цѣлѣ вóйско и все орѫжье попáло сѧ непрїáтелеви въ рѫки. Цариградъ и всѣ провúнцїи до Грéцїи належáчїи восклыцáли ôтъ рáдости почѫвши тѫю вѣсть — а хотà до 100.000 мѫжа зôстáло по чáсти на побоéвищи а прóчїи въ плѣнь забранїи, то однáкожь всѣ Грéки дѫмали достатóчно бúти вынагороджéными смéртїю самóю своóго гнобúтелѧ. Егò гóловѫ стырчáчѫ на кóпїи вúставили Болгáри въ своéмъ тáборѣ черéзъ три дни; а потôмъ Корóль Болгáрôвъ, Хрóмъ велѣлъ ю здоймúти и зъ еи чéрепа вúдѣлати длѧ сéбе богáто позолочéный пѫгáръ, изъ котрóго при пировáнїѧхъ своúхъ достóйникôвъ и цѣлóго своóго Двора пúлъ на погúбель Грéкамъ.

В. К.

II.

Коро́ль Ариперт'ъ.

Ариперт'ъ, Коро́ль Лонгобардо́въ, о҃ттагнꙋ́лъ съ во́йскомъ до Павіи, не могꙋ́чи о҃тпе́рти напа́дꙋ Бава́ро́въ втиснꙋ́вшихъ съ до Іта́лїи. Зъ то́и причи́ны повста́ло въ цѣло́мъ во́йскꙋ велике неоу҃до́вольство. Ариперт'ъ подозрѣва́лъ головнꙋ́ зра́дꙋ и рѣши́лъ съ въ сво́ей крайнѣ́йшо́й опа́сности оу҃тѣка́ти до Фра́нцїи. Къ то́й цѣли забра́лъ съ собо́ю изъ ска́рвници такъ мно́го зо́лота, ꙗ҃къ ино҃ бы́ло возмо́жно ко́ло се́бе помѣсти́ти — и но́чїю оу҃тѣ́къ зъ та́ворꙋ. Тре́ба емꙋ́ бы́ло предвсѣ́мъ переплы́сти рѣкꙋ́ Тези́нъ — но въ пре́ки всѣ́мъ его҃ оу҃си́лїямъ не оу҃да́ла съ емꙋ́ та́м перепра́ва, бо та́гаръ зо́лота тагнꙋ́лъ его҃ съ собо́ю на спо́дъ. Охо́та до житꙗ́ промовля́ла до не́го го́лосно: лиша́й съ зо́лота а спаса́й себѣ́! но по́хоть лꙋ́ка́ва каза́ла: шко́да зо́лота, чимъ бо и есть житье́ безъ не́го?! Ещѣ́ разъ сильнѣ́йше промо́кила охо́та до житꙗ́: спаса́й себѣ́ а зо́лота ещѣ́ на́йдешь до во́лѣ! но по́хоть лꙋ́ка́ва примѣти́ла: верже́не зо́лото въ во́дꙋ не выплыва́е на ве́рхъ! И такъ поне́же емꙋ́ жа́ль бы́ло лиши́ти съ того́ маѣ́тка, отъ́же найшо́лъ бра́зъ съ зо́лотомъ гро́въ въ волна́хъ рѣки́. На Ариперт'ѣ спра́вдило съ то́е, що ла́комый ра́дше тра́титъ своѣ́ житье́, ꙗ҃къ еслибы ма́лъ розста́ти съ съ сво́ею мамо́ною.

В. К.

144.

Паѫкъ, мѫха и синица.

(Изъ Зорѣ галицкои.)

Коль почáло сóнце грѣти
Выйшолъ пáукъ зъ дóму,
Позаставлялъ свои сѣти
Не рéкши никóму.

Самъ до шпáры знóва влѣзши
Скóро выглядáє
Ци до єгò сѣти блúжше
Щось не присувáє.

Ажь ту мýха нещáстная
Въ летý ся спинúла,
И на зрáду небáчная
Житя ся збáвила.

Бо такъ дýже тóнко ткáнй
Сѣткй паукóвй,
Що ихъ трýдно розпóзнáти
Бачнѣйшóй головѣ.

Коль такъ мýха въ прóпасть впáла
Пáукъ потѣшилъ ся,
И крóвь зъ нéи высысáти
Зáразъ поспѣшúлъ ся.

Такъ то й лю́демъ ихъ вóроги
Сѣти заставлáютъ,
Та невúннымъ средъ дорóги
Дыбы накладáютъ.

Тому́ трéба брáтья мои
Острóжными бы́ти;
Щобъ ѫкъ мýха нещáстнои
Дóлѣ не дожúти.

Хоть не вы́йшла паукóви
Глáдко тѫ зрáда;

Бо на обо́нхъ голо́вы;
Ста́ла та́йна ра́да.

Бо о̑тъ да́вна ся диви́ла
Сини́ця на то́є:
Ꙗкъ до́бру хви́лю у̑зрѣ́ла,
Ли́кнула обо́є.

Такъ! где оди́нъ на дру́гого
Свари́тъ, вызыва́є;
Тре́тій прійдѣ, и зъ ко́ждого
Корысть потяга́є.

Е. Г.

145.

Вѣрно̑сть слѣги.

Бертари́дъ, сы́нъ Ариве́рта, короля̀ Лонгова́рдо̀въ, за котры́мъ всю́да слѣ́джено, повза́лъ рѣши́тельнꙋ̀ и о̑тва́жнꙋ̀ га́дкꙋ̀, ста́вити ся̀ осо́бисто пере́дъ сво́имъ сопроти́вникомъ, королёмъ Гримоа́лдомъ и проси́ти его̀ о оборо́нꙋ̀. Гримоа́лдъ взрꙋ̀ше́ный тимъ неограниче́нимъ дове́рїемъ, по̑дне́салъ о̑у̑па́вшого емꙋ̀ до но́гъ Бертари́да, прости́лъ его̀ и назва́лъ его̀ сво́имъ бра́томъ. Пото́мъ веле́лъ емꙋ̀ просторо́нꙋ̀ пала́тꙋ̀ вы́значити на помешка́нье, о̑у̑поряджова́лъ его̀ домовѐ господа́рство и опредѣ́лилъ для не́го зна́чнꙋ̀ ро́чнꙋ̀ пла́тꙋ̀. Чере́зъ скꙋ̀пленье ся̀ мно́гихъ досто́йнико̑въ и розли́чныхъ обыва́теле̑въ въ пала́тѣ Бертари́да повста́ла наконе́цъ за́висть въ Гримоа́лдѣ, и ѳнъ о̑у̑хвали́лъ сво́го неве́спе́чного сопроти́вника позва́вити житъ. О̑у̑жѐ бы́знача бы́ла и но́чь, въ котро́й ма́ло ся то́є зло́бное дѣ-

ло исполни́ти. Вечеро́мъ посла́лъ коро́ль Бертари́дови мно́жество ѣ̃къ найлѹ́чше припра́вленыхъ стра́въ и ещѐ бо́лыше количество найвкѹсне́йшого ві́на — и вел҃ѣлъ емѹ̀ каза́ти, авы̀ весе́ло сѧ съ свои́ми дрѹга́ми того́ ве́чера забавла́лъ. Гримоа́лдъ дѹмалъ, що Бертари́дъ сѧ о҆у҆пїѐ, а потѡ́мъ тве́рдо засне́, где вѹде мо́жно безъ га́лассѧ и кри́кѹ и безъ найме́ншого слѣдѹ̀ внѣ́шного наси́лїа его̀ спра́тати. Но хотѧ̀ на всё ба́чилъ, забѹ́лъ одна́кожь, же и о́ко вѣ́рного и прозорли́вого слѹгѝ не есть слѣпѐ. О҆тъ ко́лько́хъ о҆у҆жѐ днїй пере́дъ тимъ о҆ткры́лъ че́стный О́нѹлфъ, слѹга̀ Бертари́да, кова́рство на свого́ па́на; про то́е о҆у҆важа́лъ о҆нъ на найдро҆бнѣ́йшїи рѣ́чи, котрїи вы емѹ̀ моглѝ вы́ѧснити всѣ̀ обстоѧ́тельства гроза́чого невеспече́ньства. Въ то́мъ послѣ́дно́мъ чрезвыча́йно приготовле́но́мъ о҆у҆гоще́нію и пиро́ваню по́зна́лъ о҆нъ сѣ́ти, котрїи непосредстве́нно заста́влено на пожада́емѹю же́ртвѹ, и завѣ́домилъ свого́ па́на о всѣ́мъ подозрѣ́нію. Бертари́дъ, авы̀ не да́ти по́зна́ти королѐви, що вѣ́сть, кѹда̀ то идѐ, вы́далъ замо́вленне пиро́ванье, а́ле не пилъ по́дчасъ того́ ві́на̀, но чи́стѹ во́дѹ, котрѹ̀ О́нѹлфъ подава́лъ емѹ̀ въ срѣ́бно́мъ пѹгарѝ. Ско́ро го́стѣ сѧ розъи́шлѝ въ своясѝ, загада́ли тако́жь Бертари́дъ и О́нѹлфъ сѧ одны́мъ ещѐ не ме́нше вѣ́рнымъ слѹго́ю о҆у҆тѣка́ти, и о҆у҆жѐ хотѣ́ли опѹсти́ти помешка́нье, ѣ̃къ то́ижь само́и хвы́лѣ стра́жи корольѐвскїи обкрѹжи́ли пала́тѹ.

Но и въ то́й хвы́ли найопасне́йшо́й не лиши́лъ сѧ о҆тва́жный О́нѹлфъ притомности дѹха; о҆у҆бра́лъ въ сей часъ свого́ па́на въ одѣ́жѹ невольницкѹ, понакладалъ простира́лъ на его̀ го́ловѹ,

вложи́лъ матера́цъ и сѣнни́къ на пле́чи, взялъ кей до рѫкъ, и гналъ его̀ предъ собо́ю мовь то а҃ко́го невольника. Стра́жи вопроси́ли, що то ма́е значи́ти? „Сей леда́що,“ о҃тповѣ́лъ Онѫлфъ, „хотѣ́лъ менѣ́ стели́ти въ комна́тѣ Бертари́да, а емѫ тре́ба бѫде мои́ о҃слѫги ба и дѫже, коли́ такъ сѧ о҃тра́чилъ, що хиба̀ въ полѫдни продрѫгае сѧ; о҃нъ спи́тъ, а҃къ забы́тый! а я҃ хочѫ выго́днѣйше въ мо́емъ до́мѫ переночѫва́ти. Ѧнѫ да́льше, да́льше,“ кли́кнѫлъ до перевра́ного невольника, о҃тдара́ючи его̀ кеёмъ ко́лька ра́зы зъ во́льна. Вожки́ смѣ́ли сѧ, а они́ ова по́йшли́ сво́ею доро́гою. Онѫлфъ поскори́лъ сѧ сво́имъ па́номъ въ о́вѫ дѣ́льницю мѣ́ста, где плынѣ рѣка́ Тесси́нъ, и спѫсти́лъ его̀ по шнѫрѣ чере́зъ мѫръ мѣ́стскій. Бертари́дъ перепла́лъ рѣкѫ, взя́лъ совѣ́ одно́го зъ пасѫчихъ сѧ на оволо́ню ко́нїй и не спини́лъ сѧ ажь въ Фра́нцїи.

Коли́ одна́кожь офїциръ, по́дъ котро́го роскя́зами зо́ставя́ла вы́слана стра́жь, дѫмалъ, що власнѣ вы́лавы сама̀ до́бра пора̀, исполни́ти королѣ́вское велѣ́нїе, жада́лъ, абы̀ его̀ припѫщено до спа́линѣ Бертари́да. Но оди́нъ изъ слѫгъ Бертари́да замкнѫлъ сѧ въ спа́лни, и абы̀ для сво́го па́на позыска́ти бо́льше вре́мене, не о҃тмыка́лъ то́и, по́ки возмо́жно вы́ло. Стра́жь наконе́цъ зъ нетерпли́вости наси́лѣмъ вы́ломала две́ри — но не найшо́вши Бертари́да принѫдила слѫгѫ вызнати, що сѧ съ его̀ па́номъ ста́ло. Встекло вергли́ сѧ вожки́ на слѫгѫ и о҃твели́ по́то́мъ его̀ до Короля́. Безъ бо́язни и съ всѣ́ми подро́бностями оповѣ́лъ о҃нъ цѣлѫю рѣчь Мона́рхови, а҃ки́мъ спо́сокомъ его̀ панъ лиши́лъ пала́тѫ. Гримоа́лдъ

выслѣхавши тóе вопросúлъ всѣхъ присѣтствѣющихъ, на ѣкѣ кáрѣ заслѣгѣе тóтъ, котрúй далъ сѧ ѹ̑жúти за срéдство, абы пошѣтúти совѣ зъ егò роскáзѣ? „Смéрть!“ клúкнѣли всѣ, ѣкъбы однúмъ гóлосомъ. „Нагорóдѣ!“ ôтповѣлъ Монáрхъ и продолжáлъ: „велúкѣ и знаменúтѣ нагорóдѣ заслѣгѣе вѣрный слѣгà, котрúй, абы свóмѣ пáнови житьѣ ѹ̑ратовáти, самъ себѣ принóситъ въ жéртвѣ. Отъ нынѣ прїймáю ѣ такóго слѣгѣ въ мою слѣжбѣ и надáмъ емѣ посáдѣ ôтповѣдáючѣ егò прáведности и добродѣтели — и надѣю сѧ, що ôнъ и менѣ вѣде слѣжúти съ тóю самóю придáностїю и вѣрностїю, ѣкъ свóмѣ дотеперѣшномѣ пáнови.“ Корóль попúтовалъ сѧ пóтомъ за Онѣлфомъ. Сказано: онъ сохранúлъ сѧ въ цéркви свáтого Áрхáнгела Михаúла. Корóль объѣвúлъ, що ôнъ ѹ̑повáѳ на королéвское слóво, най сѧ ѣвúтъ безъ бóязни перéдъ нéго. Онѣлфъ прїйшóлъ и росповѣлъ емѣ, що сѧ дáльше съ Бертарúдомъ стáло. Такóжъ и вѣрнóсть Онѣлфа похвалúлъ Гримоáлдъ, дарúлъ егò дорогоцѣнностьми и сказáлъ: що съ велúкимъ задоволéнїемъ вѣде и надáль егò въ свóемъ пóчтѣ дворáнъ вúдѣти. Но чéстный Онѣлфъ подѧковалъ за всё и объѣвúлъ, що рáдше хóче дѣлúти съ свóимъ пáномъ всю недóлю и недостáтки непéвного житьà, ѣкъ безъ нéго тѣ въ изъовúлїи проживáти. Гримоáлдъ назвáлъ Бертарúда щастлúвымъ, що такúхъ слѣгъ або властúво такúхъ прїѣтелѣвъ найшóлъ — и наказáлъ вúдати для Онѣлфа найкрáшшїи кóнѣ изъ королéвского стáда, гróши и все къ далéкóй пóдорожи потрéбне

снара́дье, по чѣмъ Онъ́лфъ вы́правилъ ся́ въ сей часъ въ доро́гѣ за сво́имъ па́номъ.

В. К.

146.

До здоро́ва.

(По́для Коханóвского.)

Кто здоро́вье ма́е,
Такъ долго́ не зна́е,
Якъ оно́ смаку́е. —
До́кись не попсуе́.
Ко́жды тако́жь чоловѣ́къ
Се да́вно беспе́чно ре́къ:
Що бога́тство, та весь свѣ́тъ
За здоро́вье не стойтъ;
Бо сре́бро, имѣ́нье,
Дорогѣ́ камѣ́нье,
Уро́ды доброта́
Ей вся красота́,
Вы́шше досто́инство
Тако́жь чино́въ мно́жество
Суть до́брыми ино́;
А здоро́вье надъ всё!
Бо еслѝ нѣ́тъ си́лы
То весь свѣ́тъ не ми́лый!

Іос. Лѣви́цкій.

147.

Грани́цѣ гости́нности.

Мно́го прим'ѣ́ро́къ въ Св. Пи́сми ма́емъ, ѣ́къ гости́нными сѣ́ть лю́де на Восто́цѣ. До таки́хъ гостелюби́выхъ нале́жатъ такожь Ара́вы, котри́ прише́дшого до ни́хъ нѣко́ли ся не пыта́-

ютъ: зъ ôтки прихóдитъ и кѵда идѣ, а то лишь для того, бо рáди оу сéбе кóждого гости́ти. Но одúнъ Єѵропéйчикъ почѵвши о тôмъ гостелю́бїю Ярáбовъ загадáлъ кôлька лѣтъ помéжи Ярáбами сѧ гости́ти, абы ощади́ти собѣ выдáткôвъ на оудéржанье житъ; надыбалъ однáкожь зáразъ зъ початкѵ на Ярáба, котрúй не чúслилъ сѧ до особли́во гостелюбúвыхъ. По звычáи Ярáбовъ прїймúлъ речéный Ярáбъ чѵжинцà и гости́лъ егò черéзъ трú дни оу сéбе; но чѵжинéцъ дѵмаючи, що то чимъ дáльше, то емѵ господáрь радн€йшúй вѵде, нелáгодилъ сѧ до дáльшого пѵтешéствїѧ. Дня однáкожь четвéртого осѣдлáлъ самъ господáрь вельблю́да чѵжинцéви, котрúй не зважáѧ на тóе остáлъ сѧ на гости́нѣ. Ярáвъ не могѵчú сѧ своúго гóстѧ лáгодным€ спóсобом€ позбы́ти написáлъ до нéго кáртѵ такóго содержáна:

„Ци ты дрѵже не чѵвáлъ есь, же гôсть есть дня пéрвшого зóлото; дрѵгого срѣбро; трéтого цинà? Дня четвéртого стаѣ сѧ ôнъ óловом€; пáтого дéревом€; а шéстого огнём€, котрúй дня сéмого розпадáѥ сѧ въ пóпѣл€; а съ тим€ не мóжъ нúчъ úного почáти, ѧкъ рáзом€ съ смѣтьéм€ вúмести не двóр€.“

В. К.

148.

Пóвѣстка старóго Єáвы зъ Подгóрѧ, австрїйского вóѧка.

Колú Ирой, сынъ Кóрсики
Вѣкôвъ нáшихъ вождъ велúкій
Пôдвалúны свѣта стрясъ;

А всѣ наро́ды Егро́пы
По́дъ є́гѡ звале́нѣ сто́пы
Застогна́ли въ оди́нъ часъ:

Коли́ князѣ и престо́ли
Змѣня́лися зъ є́гѡ во́лѣ
И не оди́нъ въ гру́зы впа́лъ;
О́нъ о́рдами зъ надъ Секва́ны,
Въ долголѣ́тно́й тяжко́й бра́ни,
Кра́й Аґстрійскій залива́лъ:

Тогды́ въ ро́веняхъ Веро́ны,
Для Ломба́рдо́въ охоро́ны,
Ка́роль, Архикня́зь стоя́лъ;
По́дъ нимъ мно́гихъ ро́до́въ дѣти,
Якъ собра́нѣ весны́ цвѣты
Стерегли́ Мона́рха пра́въ.

Ме́жи ни́ми — ру́ска сла́ва,
Го́жѣ хло́пцѣ зъ Станѣсла́ва,
Зъ Коломыи леґѣнѣ:
Полкъ Бу́ліи съ хоругво́ю
Розпростира́лъ си́лу свою
Въ нерозорва́но́й стѣнѣ.

Ужь не тя́млю — якъ го зва́но:
Ци Арколе — ци Леньа́но,
Ци котрѣ зъ Іта́льскихъ мѣ́стъ:
Тамъ точи́лъ ся бо́й керва́вый
А ско́нчилъ для на́шихъ сла́вы,
Якъ ва́мъ ко́ждый оповѣ́стъ.

День былъ кра́сный, весна́ ми́ла
Цвѣтомъ зе́млю пристели́ла,
И пора́нокъ золоты́й,
Мы гото́вѣ ужѣ до бо́ю
Ко́ждый зла́дилъ шаблю збро́ю
И о́тмо́вилъ па́цѣрь сво́й!

Въ рядáхъ тúхо, глýхо, сýмно:
Гéйбы кóждый въ своѐ трýмно,
Отворéне поглядáлъ;
Разъ морóзъ пôйдѐ по тѣлѣ
Кровъ ŷдáритъ въ лúцѣ смѣлй
Ажь стрясѐ ся весь состáвъ!

Товáришѣ шéпчутъ прóщи;
„Сли врáгъ кýлею нáшй мóщи,
„Въ сырŷ зéмлю повалúтъ,
„Кого̀ сей разъ не дося́гне
„Най на грôбъ нáшъ землѣ кúне,
„И родúнѣ ознаймúтъ,

„Що въ тузѣ за свóимъ крáємъ,
„Въ чужôй землѝ ŷмирáємъ,
„Акъ ся вóяку годúтъ:
„И съ собóю той знакъ чýлый:
„Щóсьмо вѣрнй Цáрю бýли,
„Понесéмъ на тамтôй свѣтъ!

Офіцúры зъ вóжда вóлѣ
Роздаючѝ нáмъ парóлѣ,
Додавáли дýха всѣмъ:
А вóждъ хрáбрый перéдъ нами,
Оточеный старшинáми
На кóнику воронôмъ:

Такъ промóвилъ: „Мой дѣтн!
„Нúнѣ бýдемъ врагôвъ бúти
„Евróпы рúцаря;
„Вáша храбрôсть, свѣту ȃвна,
„Стрáхъ гетъ на бôкъ! бо смéрть слáвна
„За Ôтчúну и Царя̀!

Нѣбы мóря шýмнй фáлѣ,
Всѣ ся грôмко ôтъзвáли,
Блúсли збрóвю и мечéмъ!

„Же́сьмо вѣрнѣ! дне́сь дока́жемъ,
„Бо́рше въ бо́ю всѣ поля́жемъ,
„Но зъ ме́стця не утече́мъ!

Ци то бо́ры съ вѣ́тромъ гра́ютъ,
Ци ся съ шу́момъ посува́ютъ?
И вершка́ми миготя́тъ?
Ци ся хма́ры гдесь урва́ли
Зъ берего́въ повыliва́ли,
Вало́мъ гру́бымъ къ намъ летя́тъ?

Ци сигли́ ся запали́ли,
Густы́мъ ды́момъ свѣ́тъ затьми́ли
Въ очере́тахъ гори́тъ ло́мъ!
Ци возду́шнѣ Алпо́въ щи́ты
Хо́че въ про́пасть повали́ти,
Зъ чо́рнои хма́ры ѣ́сный гро́мъ?

Нѣ! то Фра́нко́въ обороты,
Нѣ́бы въ тане́цъ до охо́ты
Сме́лый вождъ склада́е въ ря́дъ:
Ру́чна збро́я и арма́ты
Зачина́ютъ прокида́ти
Густѣ ку́лѣ, нѣ́бы гра́дъ.

Улиця́ми сере́дъ по́ля
Кукуру́зы, ры́жъ, топо́ля
По на́дъ ре́чки берегѣ:
По сѣмъ бо́цѣ на́шѣ ро́ты,
А зъ тамто́го — нѣ́бы пло́ты
Розставле́нѣ ворогѣ. —

„Гу́рра!“ „хло́пцѣ!“ загреме́ло
„Въ и́мя Бо́же!“ „лице сме́ло!“
Го́мо́нъ въ хма́рѣ ся о́тби́лъ!
Ку́рки бле́сли — ку́лькы сви́сли,
Пушо́къ па́ци пожа́ръ прысли,
Ды́мъ ся клу́бомъ покоти́лъ!

Бы́стрѝ ко́нѣ чвало́мъ го́нятъ,
Ша́блѣ ѩсни́ и́скры ро́нятъ,
Въ похо́дъ гу́чно ба́нды тнутъ:
Гу́чно — а вамъ не до то́го:
Бо по́дъ бо́комъ не зъ одно́го
Пѣскѝ те́плу кро́вцю пьютъ!

Кри́къ, — зо́йкъ, гро́момъ глуши́тъ уха,
Видъ тьми́тъ ды́му заверу́ха,
Середу́дня падѐ змрокъ:
Мы обля́нѝ тяжки́мъ зно́ѥмъ
Премъ Францу́зо́въ си́льнымъ бо́ѥмъ,
Плати́мъ кро́вю ко́ждый кро́къ.

Ужѐ о́лова сме́ртна си́ла
Густѝ ла́вы прорѣди́ла,
Акъ поко̂съ мертве́цъ лежи́тъ:
Зъ обо́хъ сторо́нъ мно́гѝ стра́ты,
Мы бье́мъ жва́во, — лишь не зна́ти,
Кто зъ насъ по́ле удержи́тъ?

Въ то̂мъ адъю́тантъ даѐ зна́ти:
„Хло́пцѣ! мо́ста добува́ти!
„Що на рѣ́чцѣ ни́жше — ге́тъ!
„Во́рогъ ху́тко зача́лъ кла́сти,
„Щобы зъ бо́ку на на́съ впа́сти·
„Ступа́й Бу́лья на пере́дъ!“

„Набо̂й о́стрый! — а баґне́ты,
„Въ стрѣльбы сто́рцомъ застроми́ти!
„Жва́во! кро́ки подвойтъ!“
Нѣмъ ско̂ньчи́лъ, — а мы въ то̂й хви́ли
Густо́ю ла́вою повали́ли
Ворого́ви на сосрѣ́тъ!

Тужь! на рѣ́чки бо́цѣ лѣво̂мъ
Ужѐ ся Фра́нкамъ въ о́чи ди́вимъ,
И при́ступомъ бере́мъ мо̂стъ;

Рясни́ ку́лѣ и баґне́ты
Вала́тъ му́жѣвъ — ꙗ̑къ зъ трепе́ты
Си́лна бу́ря жо́лтый ли́стъ!

Уже́сьмо тру́помъ загати́ли
Бы́стру рѣ́чку — мо́ста взя́ли
Кра́вымъ бо́ємъ бо́льшу ча́сть,
Силъ оста́тныхъ добува́ємъ,
Тяжкій на́падъ о̑тпира́ємъ,
Чей ся ре́шта ща́стно у̑да́сть!

Але! ци ихъ чорто́въ си́ла
Принесла̀? — ци пта́хо́въ кри́ла?
Ꙗкъ ся взя́ли въ ро́вниньѢ?
Гдѣ́сь тамъ ни́жше шваліе́ры
Чвало́мъ рѣ́чку перебры́ли
И взялѝ насъ въ два̀ огнѢ!

Сме́рть! поги́бель! бра́тья всю́ды!
ШаблѢ въ пле́чи; — ку́лѣ въ гру́ды,
Мно́гій во́якъ зъ мо́ста — мы́къ!
Мутна̀ рѣ́чка зъ ру́скои крвѝ,
А изъ на́шои хору́гви
Не оста́лъ ся ли́шь паты́къ!

Мы пере́днѝ ослабле́нѝ,
И о̑тъ На́шихъ о̑тътне́нѝ
Сло́во: „Па́рдонъ!“ — не реклѝ!
Въ ряда́хъ за́дныхъ бо́льшѝ си́лы,
Врагово̑въ стѢны проломи́ли,
И — — до сво́ихъ утеклѝ!

Насъ на мо́стѢ — го̑рька̀ бѢда̀!
Обско́чили ꙗ̑къ псы дѢда
Ворогѝ — и го́рнутъ въ плѢнь!
О̑тъбра́ли, где що бу́ло
Гве́ръ, баґне́ты, по́рохъ, ку́лю,
НѢчи́мъ би́ти; — ану́ ги́нь!

Мы голѣру́чь — съ ору́жиною
Пращáємъсь, я̃къ съ дружи́ною —
  Слезà ка́пле долóвъ ли́ць:
Такъ сто му́жа зъ батальóну
Гетъ займи́ли до призóну
  Як̃ъ теля́та до рѣзни́ць!

А въ тôмъ зъ за́ду — що за ди́во?
Ци зôрва́лъ ся ви́хоръ жи́во?
  И туманóмъ копоти́тъ;
Ахъ! то намъ на оборóну,
Кирасúрôвъ пôлъ півадрóну
  Черéзъ пóле въ чва́лъ лети́тъ.

Нѣ́бы зъ хма́ры ра́зомъ впа́ли,
Зъ ру́къ чужúхъ насъ ôтъбра́ли,
  Го́рдый во́рогъ ху́тко зни́къ:
Бо тельмóмъ, я̃къ водà зъ спу́сту,
Всѣхъ посѣ́кли на капу́сту!
  Лишь съ ору́жіємъ вôзъ ўтѣ́къ!

„А! сла́важь Ти Бóже ми́лый!
„Ще живцéмъ насъ хоть не съѣ́ли!
  „Же верта́ємъ хоть такѝ!
„Чéсть воя́цку чей не стра́тимъ,
„И Францу́замъ ся ôтпла́тимъ!
  „Ще здоро́вѝ кулакѝ!

А комéндантъ насъ въ двѣ ла́вы
Гéтъ за фрóнтомъ тамъ поста́вилъ:
  „Вы беззрбóйнѝ стôйте тутъ,
„Щобы́ во́рогъ не взрѣ́лъ лю́ки!“
А мы поспуска́вши ру́ки,
  Ди́вимо ся, я̃къ насъ бю́тъ!

Осинà му! Фра́нцузъ лю́тый,
И ту́тъ не да́сть ôтътхну́ти!
  Такъ насъ ду́же полюби́лъ!

Не до́сть! же намъ побѝлъ му́жье, —
И забра́вши всё ору́жье,
Ще зъ насъ ду́рнѣвъ поробѝлъ.

Ско́ро зазрѣ́лъ — сюда̀ — тудà; —
Що ко́ло на́съ гру́бше лю́да,
Вы́цѣлилъ на на́съ пушкѝ:
Цѣлѣ́сенька бате́рія,
Зарыча́ла нѣ́бы змія,
Летя́тъ ку́лѣ я̃къ грушкѝ!

Лѣ́дво ко̂лька хвиль мина́є,
Оге́нь ду́жше докуча́є;
Ви́димъ бли́зко нашъ коне́цъ:
Ку́ля ку́лю постига́є,
Мужъ по му́жу поляга́є
Нѣ́бы Сѣ́чня пластове́цъ!

Адъюта́нта слова̀ чу́ти:
„Тамти́хъ тре́ба въ бо̂къ цофну́ти!
„Бо цѣль взя́ли ворогѝ!
„Онѝ зъ збро́н обголе́нѝ,
„Стоя́тъ нѣ́бы осуджѐнѝ,
„И поги́ну́тъ до ногѝ!“

Ста́ршѝ и́ннѝ надбѣга́ютъ,
Бриґади́рю предлага́ютъ:
„Ко́нче насъ взя́ти хотя́тъ!
А бриґа́диръ — ца́ну — ла́ну!
Розклада́є я̃ку́сь ма́ну:
„Такъ пля́нъ ка́же: най стоя́тъ!!“

На́доньку нашъ нещастли́вый!
Чого́жь мы ще ту дожи́ли!
Такій пля́нъ! — ай! го̂рькій свѣ́тъ!
Якъ о̂вцѝ по̂дъ но̂жъ ляга́ти,
И безъ по̂мсты умира́ти!
А цижь то ся такъ годи́тъ?

Щѐ насъ о̑сьмдеся́ть чты́ри
Якъ быдля́та на офе́ры,
Стоимо̀ безъ оружи́нъ:
Въ то̑мъ вы́скочилъ зъ пе́ршои ла́вы,
По̑дъо̑фіциръ, леґе́нь жва́вый,
Ґдесь зъ по̑дъ го̑ръ попо̑вскій сы́нъ:

„Ану̀ хло́пцѐ! — намъ то зна́ти,
„Ци ся́къ — ци та́къ — умера́ти!
„Разъ умрѐ — ктось разъ роди́лъ!!
„Припомне́тъ си я̑къ то до́ма:
„Ґде чупры́на гей соло́ма
„Круго́мъ лежи́тъ по по̑дъ сто̑лъ!

„Або̀ въ ле́сѣ, где суть зру́бы
„Кто̀ зъ нечи́стои лишь гу́бы
„Вы́пустилъ я̑ку зъ оби́дъ;
„Вы свѣдоми̑ то́и робо́ты
„Съ медве́демъ ся побороти,
„Въ полони́нѣ вамъ не вты́дъ!

„А ту ру́ки поспуска́ти;
„И споко́йно сме́рти жда́ти
„Цижь то сла́ва для жолне́рь!
„Щобы́ Францу́зы — псѣ жи́лы!
„До одно́го подуси́ли,
„Нѣбы зъ ба́нто̑въ ку́ры тхо̑рь!!

„Ану̀ хло́пцѐ! такъ по сво́му,
„Че́стну вѣсть по̑шле́мъ до до́му —
„Най Гуцу́ло̑въ зна́є свѣтъ!
„Дивѣ́тъ! о́нде въ виногра́дѣ,
„Гру́бе ты́чье стои́тъ въ рядѣ́,
„Съ кра́снымъ ко̑льёмъ до́лгій пло̑тъ!

„Ану̀“ — а са́мъ плю́нулъ въ жме́нѣ!
А мы роѐмъ гей шершѐнѣ,
Нова́ли́ли за нимъ въ чва́лъ;

Ко́ждый вы́рвалъ, що мо́гъ ско́ро;
Ты́чку, ко́лъ — або по́дно́ру,
Абы́ въ ру́ки щось до́ста́лъ!

„Те́перь да́лѣй, въ и́мя Бо́га!
„На Франці́за намъ доро́га,
„Що насъ лю́то до́сы би́лъ!
„Мы ся всѣ перекрести́ли,
„Съ вѣ́тромъ на вздого́нъсь пусти́ли
Ажь ся по́рохъ закури́лъ!

Уже́сьмо бли́зко — а въ то́й хви́ли,
Ясни́ лю́нты засвѣти́ли,
Явна — але сла́вна сме́рть!
Они́ мы́слятъ, що варья́ты
Бѣ́жатъ съ ко́льёмъ на арма́ты
И ще собѣ строя́тъ жа́ртъ!

Въ бо́йцѣ жа́рту мы не зна́емъ!
Чимъ разъ бли́жше по́дбѣга́емъ,
Уже́сьмо ко́лье по́днесли́:
Ахъ! я́къ сы́пнутъ зъ пушо́къ ра́зомъ!
Де́сять на́шихъ сте́лятъ пла́зомъ —
Ажь земле́ю потрясли́!

А мы ско́комъ на лявѐты:
Я́къ зачне́мъ ко́льемъ вали́ти,
Кого́сьмо ли́шь засягли́!
Хоть намъ кля́ли и квича́ли,
Но пушо́къ не набива́ли!
Всѣ до ногѝ полягли́!!

„Такъ ва́мъ тре́ба лю́ти дѣ́ти!
„Зна́йте я́къ кровь ру́ску пи́ти!
„Тепе́рь земле́ю закусѣ́ть!!
„Мно́гѝ зъ ва́шихъ ру́къ поме́рли,
„И намъ вста́ честь вы́дерли,
„Такъ ся во́якъ кри́вды мсти́ть!“

Ско́рше ко́нѣ припряга́ємъ,
И съ пушка́ми о̂тбѣга́ємъ
А Францу́зо̂въ гу́стый ро̂й,
Ту́жь за на́ми, а мы да́лѣй
Ѭкъ ма́ртови̯ съ ви́хромъ фа́лѣ
Забѣга́ємъ за фро́нтъ сво̂й.

Хоть мале́ньке на́ше де́ло:
Цѣле́ войско покрѣпи́ло,
Въ сумны́хъ свѣ́жій ду́хъ вступи́лъ;
„Вразъ до бо́ю!“ закрича́ли
Цѣлы́мъ го́рломъ ѥнера́лы;
„Непрія́тель по̂дступи́лъ!“

Ту зача́лъ ся на баґне́ты
Бо̂й керва́вый и завзя́тый
Ѭкъ сгада́ю, ще ми стра́хъ!
Со́нця лу́ци у̂жѐ згаса́ли,
Нѣмъ на́ша̯ враго̂въ прогна́ли
И поби́ли, гетъ на пра́хъ!

Мы тимъча́сомъ а̂къ на гра́ни
Обвива́ємъ свѣ́жа̯ ра́ны
Лахмана́ми на́шихъ ша́тъ:
Бо францу́ска̯ канонѣ́ры
Шабля́ми насъ гу́сто зры́ли,
Нѣмъ пота́хли о̂тъ арма́тъ!

Супочи́нокъ на́шъ мина́ѥ,
Бо полко́вникъ надлѣта́ѥ
Сопѣ̀, а̂къ въ ку́зни мѣшо́къ;
Кричи́тъ, свари́тъ, що му си́лы,
А не ви́дитъ, же́смо взя́ли
Отъ Францу́зо̂въ ше́сть пушо́къ?

„Ѭкъ вы сме́ли безъ веле́ня
„Ити̯ зъ ме́стця, въ сме́рти тѣ́ня!
„Чу́вши: „сто̂й! на ко́ждый кро́къ?

„Тéперь кóждому куióну
„Кáжу дáти безъ пардóну
„Тугúхъ пятьдеся́ть палóкъ!

„А фелвéбель зуховáтый
„Що смѣ́лъ дрýгихъ бунтовáти,
„Зуфáльствомъ си скóпалъ грóбъ:
„Ауди́тора сýдъ воéнный
„Осýдитъ єгò провúны
„И дóстáне кýлею въ лóбъ!

„Тутъ мáєте рядóмъ стáти,
„Що ся стáне мóлчки ждáти,
„Сýдъ вамъ зáразъ обвѣсти́тъ.“
Отъ тáкъ же! За нáше жúто,
Якъ то кáжутъ — єщѐ насъ бúто!
Гóрькій же вашъ, тéмный свѣ́тъ!!

И ýжѐ бýбны, зъ плечíй зня́ли,
И капрáлѣвъ посклыкáли
Кóнче бúти, тай въ сей чáсъ!
Въ тóмъ летúтъ штáбъ єнерáльный,
Въ середúнѣ Вождъ начáльный,
Зъ боєвища въ прóстъ на насъ!

И пытáютъ: „Що новóго?
„За що въ сýдѣ люда мнóго?
„Кто зъ нúхъ и що провини́лъ?“
А полкóвникъ — страхъ сгадáти
Якъ начнѐ имъ повѣдáти,
Ажь кóждый зъ насъ остолпѣ́лъ!

Тутъ фелвéбель припни́лъ бóрту,
И прóситъ ся до рапóрту,
Кладѐ рýку на чолò:
Всѣ цѣкáвй, що принóситъ,
А ôнъ смѣ́ло всё голóситъ,
Такъ до крúхты якъ булò!

Въ ре́штѣ мо́вить: „Такъ зухва́ло
„Се́рдце на́ше не жада́ло:
„Зъ мѣ́стця бо́ю утечѝ:
„Але гна́лъ насъ жа́ль роспу́ки
„Що нема́ що взя́тн въ ру́кн
„Абы бра́тьямъ помочѝ

„Отъ! стоя́тъ тотѣ арма́ты
„Що уда́ло ся намъ взя́ти,
„О́сьде ра́ны, весь на́шъ блу́дъ!
„Мы послу́шнѝ для старшины́
„Оте́чества вѣ́рнѝ сыны́,
„Пріймемъ вдя́чно пра́вый су́дъ!

Въ то́мъ прискочилъ къ на́мъ близе́ньно
И промо́вилъ лагодне́нько
Ка́роль, Во́ждъ нашъ, Архикня́зь:
„Послуше́ньство здоби́тъ збро́ю,
„Покрѣпля́е си́лы въ бо́ю
„Заруча́е намъ звыта́зь!

„Сли́бысьте то въ и́нше́й цѣ́ли
„Въ тако́мъ ра́зѣ учини́ли
„Стро́гій судъ бы на васъ впа́лъ;
„Але взя́вши на розва́гу
„Ва́шу вѣ́рно́сть и о́тва́гу
„И той чи́нъ, що ся уда́лъ;

„Верта́емъ вамъ че́сть повѝнну,
„О́тпуска́емъ всю́ прови́ну:
„Сла́вна ва́ша хра́бро́сть бу́дь!
„На па́мятку то́и хви́ли,
„Гдѣсьте врагѣвъ побѣди́ли
„Кре́стъ озло́битъ ва́шу гру́дь!

„Всѣхъ о сте́пень посува́ю
„Надгоро́ду прирѣкаю,
„А же со́тникъ вашъ упа́лъ;

„Сей фелвéбель, що провáдилъ
„Васъ до слáвы и не зрадúлъ,
„Єгò мѣстце днесь занялъ!

„Вѣватъ! Úрой нáшъ най жіе!
„Що карáти, такъ умѣе
„Слáва! Чéсть Му! Гýрра! га!“
Такъ мы грôмко закричáли,
Бо пôдъ Нéмъ лúшь пéвни хвáлы,
Всю́да ишлúсьмо на врагà!

Ци прáвда? Не небылúця!
Кáжутъ, що самà Царúця
Вышывáла хоругóвъ,
Котрóю, по тôмъ страшнôмъ бóю
Дополнéнну сúлу свою
Бýлію здобúла знóвъ!

Такъ ми Сáва изъ Пôдгôря,
Старúй вóякъ, гóденъ вѣры,
Росповѣдáлъ дáвну вѣсть:
Кто зъ книжóкъ бôльше читáе,
Або ôткись лýчше знáе
Най Вамъ лѣпше оповѣсть.

Антôнъ Л. Могúльницкій.

149.

Сѣверно-востóчна Оугóрщина.

Пôдъ сѣверно-востóчною Оугóрщиною розумѣемъ óвю часть тóго австрíйского корýнного краю, котрà лежúтъ внутрь граніць почáвши ôтъ Семигрáда, Буковины, южного хрептà Галицíйскихъ Карпáтъ, по рѣкý Пóпрадъ и Зáмоша.

Поземе́лье то́и ча́сти Корале́вства Оу̀го́ръ есть по бо́льшо́й ча́сти гори́сте, а почáвши вздо́лжъ по́дно́жїа сѣ́верныхъ Карпа́тъ покрыва́ютъ отвѣ́чнїи ле́сы тїи сто́роны. — Ме́жи ре́ка́ми заслꙋ́же Ти́са на первéньство. Она́ ма́е свои́ исто́чники въ само́мъ о́ꙋглѣ твори́мо́мъ Карпа́тами и Семигра́дскими го́рами назва́нїи Бѣ́лою и Чо́рною Ти́сою; и прїи́ма́е въ сво́емъ ю́жно-за́падно́мъ тече́нїю изъ сѣ́вера Ви́шовꙋ, Ма́рмарошь, Берта́ньскꙋю ре́кꙋ, Рꙋ́нꙋ, Талабо́ръ, Агъ, Боржа́вꙋ, Кра́снꙋ, Чаро́дꙋ, Латори́цю, Оу̀гъ съ Тꙋ́рьею, Тꙋри́цею, Лю́тою, Лабо́рцею, Онда́вою, Ѻрико́мъ и мно́го и́ныхъ ме́лки́хъ пото́ко́въ а завернꙋ́вши са на ю́гъ чере́зъ сте́пы впада́е въ Дꙋна́й.

Преважнѣ́йшꙋ множа́йшо́сть жи́тельства то́и ча́сти становя́тъ Рꙋсинꙑ, по нихъ слѣ́дꙋ́ютъ Ромы́ни (Воло́хи), потомъ Мада́ри, Нѣ́мцѣ, Словакꙑ, Ѻрме́ни и Жидꙑ.

Рꙋсинꙑ займа́ютъ нео́маль цѣлїи столи́цѣ (жꙋпа́ньства) Марморо́шскꙋю, Бере́жскꙋю, Оу̀го́чскꙋю, Оу̀жгоро́дскꙋю и Сатма́рскꙋю съ сѣ́верными сторона́ми Земне́ньскои и Шари́шскои; наxо́дятъ са такожъ въ велико́мъ числѣ въ столи́цаxъ Спи́жскои́, Ябланꙋ́вара́скои́, Торна́нскои́; по ча́сти въ Боршо́дскои́, Геме́рскои́ и Забо́лчскои́, но мно́гїи зъ тиxъ Рꙋсино́въ бе́сѣ́дꙋ́ютъ мѣ́стца́ми по слова́цки — наконе́цъ въ Бѣ́гарскои́ и въ Чонгра́дскои́ столи́цаxъ наxо́димъ Рꙋсино́въ чи́сленно. Число́ всѣ́xъ Рꙋсино́въ въ Оу̀го́рщинѣ вынóситъ свышъ по́лъ мїалїо́на.

Въ о́выxъ столи́цаxъ, въ котры́xъ Рꙋсинꙑ становя́тъ ме́ншо́сть, тамъ Ромы́ни (Воло́хи) становя́тъ перевѣ́съ, а то предсѣ́мъ въ ю́жныхъ

столи́цахъ и по надъ рѣкѫ Замо́шѫ, котры́хъ (безъ обита́ючихъ въ Семигра́дѣ) приближи́тельно до 400,000 можъ чи́слити.

Мада́ри сѫть по всѣ́хъ вы́шше помянѫ́тыхъ столи́цахъ порозсы́повани и станова́тъ то бо́льшій то ме́ньшій чи́сто мада́рскій гр҃ппы.

Нѣ́мцѣ жи́тельствѫ́ютъ по бо́льшо́й ча́сти въ мѣста́хъ и занима́ютъ сѧ торго́влею и промысло́ваньемъ.

Словакі́ обита́ютъ почя́вши о́тъ Попра́дскои доли́ны къ за́паду.

О́рме́ни нахо́дятъ сѧ въ Мармаро́шѫ.

Жидо́ві посели́ли сѧ новѣ́йшими часа́ми въ зна́чно́мъ количествѣ въ сѣ́верныхъ столи́цахъ.

Пре́дки ны́нѣшныхъ Оу́го́рскихъ Рѧсино́въ нале́жали до скі́птра осно́ваного Ростисла́вомъ Вели́ко-Мора́вского Кня́жества, и въ IX. о́у́жѐ столѣ́тію о́тъ Апо́столо́въ Славя́нъ Кири́ла и Меѳо́ді́ѧ прі́и́мили Христі́а́нство по́дла о́бра́да косто́чнои Це́ркве. Коли́ же чере́зъ си́льніи, о́тъ р. 890 — 907 продолжа́ючи сѧ о́у́да́ры Мада́ро́въ Вели́ко-Мора́вске Кня́жество сѧ розви́ло — пересели́ла сѧ вели́ка часть жи́тельства въ Карпа́тскіи го́ры, и переходи́ла къ сво́нмъ однопле́мѣ́нникамъ, съ котры́ми о́тъ се́го часа́ въ тѣ́сне́йшо́й сва́зи по́дъ о́бщимъ и́менемъ „Рѧсино́въ“ остава́ла. Зна́чна одна́кожъ ча́сть не перемѣни́ла сво́го сѣ́дѣ́лища, но оста́ла по́дчасъ пришествія Мада́ро́въ по́дъ сво́нмъ Кнѧзе́мъ рѧскимъ (Дѧка — Влади́ка) Лаво́рцемъ при дома́шно́й ка́трѣ — а о́у́множе́на Рѧсина́ми прише́дшими по́здне́йше съ Мада́рами, потомъ попо́лнена Рѧсина́ми посели́вшими сѧ въ тіи сто́роны

подъ Царями Арпадового племене: Андреемъ I. и Коломаномъ, а позднѣйше знова подъ Белою IV. и Ладиславомъ Кзманомъ, крѣпила са въ внѫтрїи своемъ и изъ внѣ. Има рѫское вславило са еще больше въ первой половинѣ XIV. столѣтїа, коли Князь Подольскій Θеодоръ Корїатовичъ лишеный своихъ отцѣвскихъ земель прїйшолъ въ Оугорщинѫ и полячилъ отъ Царя Лѫдовика Великого домїнїи Мѫкачевскѫю и Маковицкѫю а назвавши са Князем Рѫским, построилъ много Церквей, позакладалъ и вновалъ многїи монастыри, позаводилъ школи и сталъ са защитникомъ и покровителемъ народного просвѣщенъа.

Оугорска Рѫсь розпространила са еще больше на востокъ въ концѝ XIV. столѣтїа, коли Галицкїи Рѫсинъ пертїи ордами дикихъ Татаръ были принѫжденїи оу своихъ сократїй Оугорскихъ привѣжища искати — они займили опѫстошѣлїи мѣстца межи Карпатами и горѣшною Тисою.

Землеписное положенье сѣдѣлицъ Рѫсиновъ было то найболшою изъ многихъ причинъ томѫ, що они въ XV. и XVI. столѣтїахъ могли быти нѣмыми лишь свѣдками волненїй пристрастныхъ Мадярскихъ Магнатовъ, котрїи неомаль всю южнѫ и западнѫ часть Оугорщины черезъ безъоустанніи войны то съ Нѣмцами то съ Тѫрками въ зарище и пѫстополицю оверѫли. Рѫсинъ найшовши въ недоступныхъ своихъ лѣсахъ и горахъ природнѫю крѣпость, засѣкли са въ тѫю — и лишь съ сосѣдными городами сообщали са въ мѣрѫ свои потреевы. Такожъ и религїйнїи прѣнїа приверженцѣвъ Реформацїи Лютра и Калвина не мали найменшого вплыву на Рѫсиновъ, котрїи при-

лагнꙋвши цѣлы́мъ се́рдцёмъ до пра́дѣдного сво́го о́бряда восто́чной Це́ркве жа́дною челове́ческою си́лою не да́ли са̀ о̑твестѝ о̑тъ сво́его Богоче́стїа а́нѣ о̑тъ сво́ихъ наро́дныхъ звыча́ѣвъ и обыча́ѣвъ. Даре́мнїи бы́ли всѣ оу̑си́лїа Запо́лїи, Бо́чкаа и Бе́тлена, хотѣвшихъ корꙋнꙋ Оу̑го́рщины на свою̀ го́ловꙋ вложи́ти, а на́вѣть хи́тростїю ихъ сдѣ́ланое по̑дчине́нїе Рꙋсинꙋвъ и Ромы́нꙋвъ (Волохꙋвъ) по̑дъ вла́сть Тꙋре́цкои По́рты, за котро́и по́мочїю дꙋмали свою̀ цѣ́ль осагнꙋти, не потагнꙋло ничъ бо́льше за сово́ю, я̑къ, що Невѣ́рники безъ милосе́рдїа выбера́ли чере́зъ не до́лгїй часъ дань о̑тъ сво́ихъ по̑дда́ныхъ рꙋскихъ и ромы́нскихъ; — бо оу̑жѐ д. 31. Жо́лтня р. 1687. прїймы́ли Оу̑го́рскїи Ста́ны предложе́нье Цѣ́саря Леопо́лда I, взгла́домъ овголо́шена Оу̑го́рщины за наслѣдстве́нный корꙋнный кра́й Я̑встрїи. Орꙋжїе Я̑встрїйское вы́перло по́лки Сꙋлта́на ма́ло пома́лꙋ изъ предѣ́ловъ Оу̑го́рщины, осводи́ло о̑гнете́ныхъ о̑тъ та́жкого и́га, положи́ло га́ть безпра́вїю и своево́льствꙋ, привернꙋло поря́докъ въ цѣ́ломъ краю̀ и забезпе́чило ко́ждомꙋ жи́телеви зако́нныи оборо́нꙋ.

Про тѣ́снотꙋ вели́кꙋ въ гори́стыхъ сторона́хъ переселя́ли са̀ мно́жан рꙋскїи роди́ны р. 1749 зъ о̑тсы въ ны́нѣшнюю Се́рвскꙋ Воево́дꙋ, въ котро́и число́мъ 8,612 въ Ба́чско́и и Сре́мско́и столи́цахъ а и́менно въ се́лахъ Ке́рестꙋрѣ и Кꙋцꙋрѣ ме́шкаютъ. Онѝ, що до вѣроисповѣда́нїа, нале́жатъ до Спа́рхїи Крижѐвскои и ми́мо мало́го числа̀ сво́его не сла̀ли са̀ съ окрꙋжа́ючими ихъ наро́дностьми, но розлича́ючи ихъ собственно позна́ки задержꙋютъ вѣ́рно.

Ромы́ни (Воло́хи) сꙋть похожде́нїа Рома́нъского и II. оу̑жѐ столѣ́тїа по̑дъ Тра́иномъ Импера́-

торомъ Рímскимъ изъ Итáліи поселúлися въ Дáкію и Панóнію (Оу҃гóрщинѫ) — а смѣшáвши ся въ продолжéніи врéмене съ Славáнами пріймúли ôтъ тúхже мнóгіи въ общежитію оу҃жúванія словá, котрúхъ до нúнѣ въ бесѣдѣ и письмѣ оу҃потребля́ютъ. Ихъ совершéнное къ вѣрѣ Христiáнскоѹ҃ обращéніе налéжитъ окóло 940 гóда пріймúти, ôтъ котрóго то часѹ҃ онú при óбрядѣ востóчнои Цéркве непоколебúмо остаю́тъ. Хотя́ онú бúти мóже нúнѣшніи сѣдѣлица въ сѣверно востóчныхъ сторонáхъ не задóлго заразъ по пéрвшомъ ихъ пришéствіи займúли, то однáкожъ стáло ся тóе числéннѣйше и значнѣйше р. 1285 пôдъ Царёмъ Ладислáвомъ Кѹ҃мáномъ, колú Татáры по разъ втóрый въ Оу҃гóрщинѫ ся вдéрли. Сей Царь призвáвши Ромúнôвъ на Костóцѣ въ Держáвѣ Имперáтора Андрóника поселúвшихъ ся, побѣдúлъ за ихъ помочію напáстныхъ Татáръ, а прогнáвши тихъ послѣдныхъ изъ предѣлôвъ свóихъ земéль, опредѣлúлъ приспѣвшимъ емѹ҃ къ пóмочи Ромúнамъ (Колóхамъ) жúлища въ столúцахъ Берéгскоѹ҃, Оу҃гóчскоѹ҃ и Мараморóшскоѹ҃, изъ котрúхъ вѣроя́тно онú дáльше на зáпадъ и югъ ся розширúли. Въ слѣдствіе безпрерúвныхъ непокоéній ôтъ иноплемéнникôвъ вúйшла бóльша зъ нихъ чáсть пôдъ начáльствомъ Богдáна изъ Берéгскои столúцѣ въ Молдáвію и въ нúнѣшню Бѹ҃ковинѫ — прóчіи же Ромúни тóи столúцѣ слiáли ся съ Рѹ҃синáми.

Ромúни въ прóчемъ хотя́ блúжшіи бúли злопáматныхъ повоéвицъ, на котрúхъ черéзъ два неóмаль столѣтія широкіи стрѹ҃ѣ крви ся проливáли, старáли ся однáкожъ зôстáти безсторóнными и лишь въ оборóнѣ свóихъ правъ

сѝльно выстѫпа́ли — а находя́чїй достато́чнѫ по тѣ́хѫ вх своёмх вѣроисповѣда́нію не да́ли сѧ о҃тх то́го жа́дными оу҃сѝлїѧми Реформа́торо́вх о҃твести.

Мадя́ри (Оу҃гри), которы́хх оте́чество вѣро́ятно есть нын҃ѣшна крайна Каза́нх вх Ази, захвачёнїи волна́ми проходя́чихх наро́до́вх, оп҃стѝли свои сѣдѣ́лища и ꙗ̑ко кочѫю́чїй наро́дх че́рѣзх до́лгїй часх мѣня́ли тїже. Пере́дх пришéствїемх вх Пано́нїю (нын҃ѣшнѭ Оу҃го́рщинѫ) ме́шкали они́ три послѣдніи лѣта́ (о҃тх р. 940) ме́жи Славя́нами зово́мыми Хаза́рами, око́ло нын҃ѣшнои Молда́вїи; но зх о҃тсы Пацинаци́тами вы́пертїи, потагнѫ́ли вх Вала́хїю и Бессара́вїю, а тѫ зновх тимх самы́мх наро́домх по҃здн҃ѣйше тѝсненїи вергли́ сѧ на Пано́нїю и по҃двѝли тѫ́ю двома̀ о҃тря́дами, изх которы́хх оди́нх по҃дх во́ждомх Арпа́домх чере́зх Семигра́дх и краѣ̀ надѫна́йскїи, а дрѫгїй по҃дх Ялма́номх чере́зх Хрова́цію (Галѝцію) и кра́й рѫ́ скїй Оу҃жскїй вх предѣ́лы Оу҃го́рщины прїйшли́. Не долго̀ сто́ало Велѝко-Мора́вское Кня́жество, во оу҃жѐ р. 980 чере́зх оу҃да́ры пришéлцевх встрясло̀ сѧ то́е вх ско́нхх по҃двали́нахх и ста́ло сѧ ихх здоровы́чею. Щастли́вїи во́йны сх сосѣ́дными Держа́вами ещѐ бо́льше оу҃твердѝли дро́нх Мадя́ро́вх, которїи залишѝвши своѐ кочѫю́чее житьѐ ма́ло нома́лѫ присвоѝли собѣ́ звыча́ѣ и обыча́ѣ тихх, которы́хх ста́ли сѧ владѣ́телми. Свѣ́тло Христїа́нства прогна́ло тьмѫ̀ таготя́чѫ на ихх оу҃мѣ́, а такх зх Оу҃ра́льскои дѝчи ста́лх сѧ по не до́лго́мх часѣ́ земледѣ́лческїй наро́дх. Пе́рвое сѣ́мя Христїа́нства верже́но номе́жи тоѝ наро́дх р. 940, колѝ они́ провѕва́ючи ме́жи Хаза́рами ста́ли сѧ сообща́ти сх Цариградомх, где ихх два

вóжды Бѫлчѫ и Дѫлѧ дáли сѧ окрести́ти и съ собóю Епи́скопа Їеродéя съ мнóгими грéческими свящéнниками для проповѣдáня вѣры Христóвои мéждѫ свóими соплемéнниками привели́. Бóльша ещѐ чáсть Мадáрóвъ лиши́ла сѧ погáньства пришéдши въ Оу̑гóрщинѫ, въ котрóй оу̑жѐ Ромы́нóвъ, Рѫсинóвъ, Словáкóвъ и Болгáръ съ 7 Епи́скопствами застáли. Численнѣ́йшое залúшенїе погáньства послѣдовáло пóдъ Оу̑гóрскимъ Воевóдою Гéйзою, котры́й ожени́вши сѧ съ Христїáнкою Шарóлтою, дóчерїю Семигрáдского Воевóды Дюли, склони́лъ сѧ къ прина́тїю Христїáнства и побѫди́лъ свóимъ примѣ́ромъ мнóгихъ къ послѣдовáнїю емѫ. — Наконéцъ пóдъ сы́номъ егò Бóйкомъ, въ свáтóмъ крещéнїи назвáнымъ Стефáномъ послѣдовáло совершéнное обращéнїе Мадáрóвъ къ вѣрѣ Христóвой. Всѣ Мадáри вѣроáтно исповѣдáли зъ начáла вѣрѫ Христóвѫ по óбрядѫ востóчнои Цéркве и ажь за посóбїемъ сѫпрѫги Стефáна, Гизéллѣ, Бавáрскои Княгúнѣ, пришéдшїи съ нéю нѣмéцкїи и чéшскїи свящéнники розшири́ли мáло по мáлѫ обрáдъ зáпаднои Цéркве такъ, що всѣ неóмаль Мадáри тóйже обрáдъ прїáли. Стефáнъ оу̑чредúлъ мнóгїи тóгожъ óбрада Епи́скопства и вѣновáлъ тїиже цéдро, но при тóмъ не позабы́лъ и на остáвшихъ сѧ при древнѣ́йшóмъ óбрядѣ востóчнои Цéркве, котрїи мáвши оу̑жѐ давнѣ́йше свóихъ Епи́скопóвъ, пóдъ тимъ Царёмъ вѣно для мнóжаихъ монасты́рей и церквéй полѫчúли.

Съ Йндреемъ III. вы́гаслъ (р. 1301) родъ Королѣ́въ Оу̑гóрскихъ плéмене Ярпáдова (Ялмáсóвъ), изъ котрóго мáла Оу̑гóрщина 24 благорóдныхъ, а гдéкотры́хъ изъ нихъ преслáвныхъ

Королѣвъ. Корѡна Оу҃горщины прїйшла за посредничествомъ Рима до Дома Анделавского зъ Неаполю; а пѡзднѣйше обставали Мадяри при правѣ овирана своихъ Королѣвъ и давали корѡнѫ Оу҃горщины, котора властиво спадала въ наслѣдїе Австрїи, то Польщи, то Мадїю, сынови Гѡнїада, то знову родинѣ Ягайлонѡвъ. — По смерти Людвика I., послѣдного Ягайлона (р. 1526 погивъ пѡдъ Могачомъ противъ Тѡркамъ) пѡднесли ся сильно розличнїи сторонництва въ краю и розгорѣла оу҃жаснаѧ война межи Нѣмецкимъ Царёмъ и могѡчими родинами Запольй, Веселинихъ, Текелїихъ и иныхъ. Кромѣ того и Тѡрки полѡчивши владѣнье въ Оу҃горщинѣ жестоко тое исполняли. Въ тоже само́е врема начали такожь и приверженцѣ Реформацїи Лютра и Калвина свою новѫ наѡкѫ ширити, и найшовши межи Мадярами, Нѣмцями и Їталїанцями велике совчастїе, допѡскали ся неслыханыхъ безчеловѣчїй. Всѣмъ несгодамъ и оу҃собицамъ положила конецъ щастлива ѿтмѣна въ Оу҃горщинѣ пѡдъ Царёмъ Леополдомъ I., на котрого предложенїе, ѩкъ кышше оу҃же сказано, Оу҃горскїи Станы оголосили дронъ Оу҃горщины за наслѣдственный въ Нѣмецко-Австрїйскѡмъ мѫжескѡмъ поколѣню а по кыгасненю тогожь въ Ишпаньско-Австрїйскѡмъ. При концѝ р. 1687. корѡновано найстаршого цѣсарского Принца Їосифа I., и оголошено ѩко перкшого наслѣдственного Короля Оу҃горщины. Велика часть Магнатѡвъ, ѩко отечественолюбныхъ сынѡвъ соединила ся съ мѫжественными силами Австрїйского войска, котрѣ пѡдъ своимъ преславнымъ вождомъ, Принцомъ Евгенїемъ Савоядскимъ

по́дъ Зе́нтою (р. 1697) и Петроваради́номъ (р. 1716) повѣ́дило и прогна́ло изъ краю Тѳркѡ́въ, тихъ то ненасытныхъ пїавѡ́къ Оу҃го́рщины, котра́ ѿъ то́го часѹ́ по́дъ правительственною вла́стїю въ всякѡ́мъ ѿношенїи ѩ҃кѣвы са ѿтроди́ла.

Множа́йшѡ́сть жи́тельства сѣ́верно-восто́чнои Оу҃го́рщины есть кадоли́ческого вѣроисповѣда́нїа по о́брадѹ́ восто́чнои Це́ркве; а и́менно Рѳсинѣ́ сѣ́ть по́дъ 3 Єпи́скопами: Мѳкаче́вскимъ, Пра́шѡ́вскимъ и Велико-Вара́дскимъ; по́дъ двома́ послѣ́дными сѣ́ть тако́жь и Ромы́ни, котры́хъ одна́кожь преважнѣ́йша часть наха́дитъ са по́дъ Велико-Вара́дскимъ. Про́чїи сеи́ ча́сти Ромы́ни не сѣ́ть соедине́ными съ за́падною Це́рквою. Мада́ри, Словакй ѩ҃къ и Нѣ́мцѣ въ тихъ сторона́хъ обита́ючїи сѣ́ть по ча́сти Кадо́ликами по о́брадѹ́ лати́носкомѹ́, по ча́сти Протеста́нтами Аугсвѳ́рского и Гельве́цкого вѣроисповѣда́нїа.

Юно́шество всѣ́хъ наро́дностїи ма́е спо́льнїи вы́шшїи оу҃чи́лища, а о́причь то́го и свои́ вла́снїи исклю́чно кадоли́чески або исклю́чно протеста́нтскїи прихо́дскїи шко́лы, ѩ҃къ и иска́телѣ ста́нѹ́ дѹхо́вного свои́ сѣ́мениша.

Мада́ри пере́дъ ко́лько́ма еще́ десатка́ми лѣ́тъ не ма́ли свои́ собственно́и лїтератѳ́ры, — Лати́нщина ѩ҃къ въ це́ркве́ такъ и въ шко́лѣ и оу҃ра́дѣ бы́ла не́маль одино́кимъ сре́дствомъ сообща́на са. Наро́дный ихъ а҃зы́къ былъ ограниче́ный лишь на непросвѣще́нѹ́ верствѹ́ наро́да. Нѣда́вными однако́жь часа́ми провѣ́дилъ са и въ нихъ дѹ́хъ наро́дный, а при вели́кихъ ихъ вещественны́хъ сре́дствахъ ста́ло просвѣще́нье и оу҃ нихъ на наро́днѡ́мъ пѹ́ти си́льно розвива́ти са.

Но и прóчїи народности тóгото краю, йменно Рѳсинй и Словакй ѣкъ и Ромы́нии, не остаютъ на зáдѣ, и, по елúкѳ имъ ихъ дѳхóвїи и вещественїи сúлы выстарчáютъ, ожившáютъ мéжи совóю народно-дѳхóвое житїе и просвѣщéнїе, къ чóмѳ стремúти основáне р. 1850 „рѳское лїтератѳрное заведéнїе Прáшовское“ за найголовнѣйшѳ задáчѳ мáе.

Земледѣлчество, промышлéннóсть и торгóвлѧ въ тóй чáсти краю стоáтъ неóмалъ на рóвнóмъ стéпени ѣкъ въ Галúцїи.

В. К.

150.

Смертъ на Прáздникѳ.

Ктось, ѣкъ ѳнъ звáлъ ся, що намъ по тóму,
Узрѣлъ въ самъ прáздникъ смéрть въ свóємъ дóму;
Ѣкъ припадáло, просúлъ сѣдáти —
Не сѣла; а ѳнъ: ступáй ми зъ хáты!
Мѣсто напóю, тай мѣсто стрáвы,
Кидáлъ ѳнъ въ óчи лихѣ ей спрáвы.
Тай здѣлáлъ чýдо: смéрть ся змѣшáла,
И ѣкъ моглà, такъ ся извиняла:
Господúнъ въ дóму добрáвши злóсти
Завзялъ ся стéрти струпѣхлй кóсти,
Тай ѣкъ то въ прáздникъ дáвно бывáло,
Взялъ смéрть носúти, що сúлы стáло. —
Хватúлъ ю въ рýки ѣкъ мотовúло,
Ажь въ головáхъ ся всѣмъ закрутúло;
То въ задъ то въ передъ ялъ смéрть крутúти,
Нѣ ей дыхнýти, нѣ то спочúти;
Тай не липúлъ ся плохóго дѣла,
Ажь ся засáпалъ, а смéрть ѵмлѣла! —
По такóй гýльцѣ áнѣ му въ гáдцѣ,
Що гóстѣ зъ тúха шéпчутъ си въ крáтцѣ:

Же не красно̀ такъ го́стёмъ крути́ти!
Ще ка́же сме́рти въ гру́ди ся би́ти;
Тай дивѣ́тъ, въ всѣ́мъ ся повинова́ла
Хоть жена̀, му́жемъ зъ страху́ ся зва́ла!
За такѐ дѣ́ло честь му та сла́ва!
Лише чи щи́ра сме́рти попра́ва?
Кто зна́е, мо́же ле́да годи́на
Вы́веде въ по́ле сме́рть Господи́на!

Лука̀ зъ Ра́кова.

151.

Красота̀ Верхо́вины.

Я҃хъ ѣ҃кѣже то красно̀, ѣ҃кѣже то наповы́дно въ нашо́й Верхо́винѣ! Не вы́повѣсь, не вы́пишешь, хо́тьбысь говори́лъ вели́чавымъ ш҃момъ мо́ра, ше́пталъ мягки́ми гр҃дьмѝ ле́гота, лебедѣ́лъ цвѣта́ми соловѣ́я, писа́лъ всѣ́мѝ краска́ми свѣ́та. К҃да̀ о́комъ верже́шь, всю́да ненагля́дна ра́дость, необмежи́ма величина̀! — Дивѝ ся! тамъ по пра́вой р҃цѣ́ широ́кій л҃гъ, а въ ко́ло не́го по́днебе́сній стѣ́ны, а въ ко́ло стѣ́нъ тыхъ к҃пка́ми лѣ́сочкѝ, въ ко́ло лѣ́сочко́въ ходо́вка, а ко́ло ходо́вки сопѣ́лка. По л҃зѣ́ гне ся сребе́рная рѣ́чка, въ рѣ́чцѣ пстр҃жо́къ свобо́дно гл҃а́е, а по надъ рѣ́чк҃ шолко́вїи цвѣ́ты, поме́жь цвѣтка́ми дѣти́на. Я̀ да́лѣй ха́тка на мало́мъ берѣ́жк҃, а въ ко́ло ха́тки высо́кій ѣ҃ли́цѣ, а на ѣ҃ли́ци го́л҃бка. Я̀ все весе́ле, все ла́дне, все ле́гке, всю́да житїѐ бїѐ по́лными жи́лами, кити́тъ, гл҃а́е ра́достно, свобо́дно, ѣ҃къ зъ но́ръ жива̀ води́чка. Я̀ если совѣ́ не вда́чишь т҃да̀ о́ко па́сти, то гла́нь на лѣ́во. Т҃ гл҃бо́ка де́бра, чорна́ безъдна, въ ней дрѣмла́тъ ма́ры ѳтъ початк҃ свѣ́та; тамъ с҃мъ розложи́лъ чо́рнѣю

колы́въ, и по первовѣ́чныхъ лѣсовы́хъ кона́рахъ розвѣ́силъ дꙋ́мы. Тꙋ́ пти́чка ми́лꙋ не зазво́нитъ пѣ́сню, то́скна сопѣ́лка воздꙋ́хъ не провꙋ́дитъ; хиба́ лишь вꙋ́ра завы́е стогна́ми, та звѣ́рь кꙋдла́тый заревѣ́ надъ жи́ромъ. Но впа́ть надъ ты́ми безде́нными смꙋ́ги, взно́ситъ са́ новы́й свѣ́тъ. Вершо́къ надъ вершко́мъ, гора́ надъ горо́ю пнѣ́ са́, врыва́е до не́ба. Чоло́мъ въ безмѣ́жно̀мъ мо́ри на воздꙋ́сѣхъ, стопо́ю въ безо́дни розвали́цъ зе́мныхъ, стоа́тъ о ко̀лько о́ко сагнꙋ́ти возмо́же, чимъ разъ въ синѣ́йшо̀й мра́цѣ свѣ́та, ве́лити землѣ́. Е́динъ вы́шшій надъ дрꙋ́гого, е́динъ сильнѣ́йшій надъ дрꙋ́гого. Я всѣ́ въ зо́лотѣ, съ весе́лымъ ѣ́къ не́бо лице́мъ. Часа́ми нѣ́вы призадꙋ́ма́ютъ са́ и сребе́рнїи хмарки́ обла́жꙋтъ имъ чоло́, тогда́жь не надѣ́йса, авы́ и со́нце розвеселя́ло свѣ́тъ сво́имъ ли́чкомъ, и оно̀ закры́е са́ хмара́ми. Часа́ми зашꙋма́тъ стра́шно, загꙋда́тъ пѣ́снь разоре́на и грома́ми розгово́ратъ са́ съ сово́ю; а о꙽жа́съ прила́же все, що живо́е, пти́чка хова́е са́ въ гнѣ́здо̀ о꙽кры́те, медвѣ́дь за га́ꙋрꙋ́ пыта́е. Часа́ми знова́ розсмѣ́е са́ съ ни́ми приро́да; воздꙋ́хъ ѣ́къ ме́домъ розлїе́ са́ межь ни́ми, и ѣка́ськ ра́дость, ѣка́ськ незна́на весе́лость о꙽да́ритъ по всѣ́хъ ти жи́лахъ. И ши́рше ста́нешъ грꙋ́дкмѝ о̀тдыха́ти и спо́рше зачнѣ́ ви́ти се́рденько, ѣснѣ́йше вды́снꙋтъ зѣни́цѣ. Я ѣ́къ ещѐ ста́нешъ на найвы́шшо̀мъ верхꙋ́, и гля́нешъ въ около на тїи краcо́ты, и змѣ́ришъ о́комъ безо́дню при то́вѣ, а надъ тобо́ю безмѣ́жностїй мо́ре, тогда́жь взнесѐ са́ дꙋша́ твоя́ къ горѣ́, ѣ́къ о́ный ве́литъ, щось на нѣ́мъ стопа́ми, и нѣ́вы тѣ́ломъ вла́йшій нѣ́вꙋ, чоло́мъ о꙽да́ришъ предъ престо́ломъ то́го, що

го́ры и бо́ры, и зе́млю и мо́ре, и всю безме́жность держи́тъ въ сво́ей доло́ни. — Ахъ ѩкъже то красно̀, ѩкъ наповѝдно, ѩкъ велича́во въ на́шо̀й Верхо́винѣ!

Н. Усти́яно́вичъ.

152.

Гра́фъ на Габсбу́ргѣ.

Балля́да — изъ Шилле́ра.

Въ Царско̀й столи́ци, въ мѣстѣ Аквисгра́нѣ
Престо̀лъ Мона́рхо̀въ Гра́фъ Ру́долфъ засѣ́лъ,
И та́мъ въ свѣтли́ци че́стно̀й — старода́вно̀й
Гу́чно день сво́го вѣнча́нїя чти́лъ:
Розноси́лъ стра́вы Ре́на Палати́нъ,
Чехъ лїя́лъ добо́рныхъ по доста́ткомъ ви́нъ;
А Електо́ры: се́дмъ въ по́лно̀мъ числѣ
Ѩкъ ко́ло со́лнця ѩсна̀ звѣ́здъ окру́ги
Ста́вши гото́ва̀ Царю̀ до услу́ги,
Ура́дъ сво̀й че́стный исполня́ли всѣ!

По̀дсѣнь окру́жна, по́лна ѩкъ наби́та, —
Го́стей охо́чихъ наполня́лъ ю̀ ли́къ:
Ра́достна̀ пѣсни, — и „мно́гая лѣта!“
Мѣша́ли ся гу́чно съ хо́рами музи́къ;
Бо по укѝнче́нію безца́рствїя зва́дъ
Засїя́лъ у́же ми́ръ и пожада́ный ладъ;
Судїя̀ жезло́мъ скрѣпле́нои вла́сти,
И сло́вомъ пра́вды на землѝ владѣ́лъ,
А охоро́ну о̀тъ го́рдыхъ на́пасти
Сла́бшїй и ти́хїй дово́льну имѣ́лъ!

Тогды̀ по̀дне́сши золоты́й пуга́ръ,
Съ лице́мъ весе́лымъ такъ промо́вилъ Ца́рь:
„Кра́сный сей пра́здникъ и учта прему́ла,
Чу́вствомъ утѣхи се́рдце наполни́ла,

Но єщéмь пѣвця óкомъ не дозрѣлъ,
Щобъ грýдь струєю небéсъ напоúлъ,
На крúлахъ пѣсни пôднѣслъ мя до рáю!
Бо щомь зъ дѣтúнныхъ лѣтъ ще полюбúлъ,
Чимъ скрáнь рыцáрску при учтахъ здобúлъ,
Тóго въ цáрскôй днесь палáтѣ желáю!“

Тутъ! мéжи князéй всесвѣтлый совѣтъ
Вúступилъ пѣвецъ въ повáжнôй сукмáнѣ,
Сúвый íакъ гóлубъ, — зъ числà мнóгихъ лѣтъ,
Но єщѐ съ сúлою молодця̀ въ орхáнѣ. —
„„Знáю, що въ струнахъ звýкъ солóдкїй спúтъ
Пѣвецъ утѣхи — и лю́бощи чтúтъ,
И выхваля́є, — що крáсне и гóйне;
Що сéрдце прáгне, чогò умъ желáє;
Но най твоя̀ пѣснь нынѣ ôтгадáє,
Що въ день вѣнчáня, Царя̀ єсть достóйне?““

„Но, — и ктóжь пѣвцю пѣти повелúтъ?“
Речѐ Цáрь ýсты пóлными весѣля, —
„Пѣвцемъ, Пáнъ бôльшїй ôтъ мéне рядúтъ:
Несподѣвана вотхнóвенiй хвúля!
Бо íакъ не знáємъ, изъ ôтки ся взя́лъ
Вúхоръ, що тúхїй прáдухъ зволновáлъ,
Ôтки водъ нóры въ глубинáхъ повстáли,
Такъ вѣтія пѣснь зъ внýтрь похóдитъ вся!
Чýвствія сóнни бýдитъ до житя̀,
Що дóсы въ сéрдцю непоня́тно спáли!“

А пѣвецъ взя́вши солóдкій ручáй,
Зачáлъ звукъ пѣсни съ струнами мѣшáти:
„„Зъ дворя̀ на лóвы ѣхалъ рыцярь въ гáй,
Щобы швы́дкои дичины̀ дôстáти;
За нúмъ нѣсъ хлопáкъ сайдакъ пóлный стрѣлъ;
А скóро бы́стрымъ кóникомъ вступúлъ
На замаєнй цвѣтомъ оболóнѣ:
Гóлосъ звôнкà ся о слухъ му ôтбúлъ

Съ тѣ́ломъ Христо́вымъ іере́я срѣти́лъ,
Церко́вникъ пре́домъ свѣ́чу нѣ́съ въ доло́ни.““

„„А ґра́фъ низо́нько къ земли́ ся схили́лъ,
Склони́лъ поко́рно го́лову о̂ткры́ту,
Щобъ пра́вою ві́рою досто́йно почти́лъ
Того́, що спра́вилъ спасе́ніе свѣ́ту!
Но по́то̂къ бы́стрый, що тѣ́къ сере́дъ ни́въ,
Зъ берего́въ вы́лялъ о̂тъ вчера́йшихъ зли́въ,
И подоро́жнымъ кла́лъ вели́кі та́мы;
Но іере́й Та́йны сложи́въ на обло́гъ,
Зача́лъ обу́вье иззува́ти зъ но̂гъ,
Щобъ перебры́сти бо́сыми стопа́ми!““

„Що хо́чь чини́ти?“ ґра́фъ му на сосрѣ́тъ;
А о̂нъ зъумѣ́лый такъ му повѣда́є:
„„Спѣшу̀ до му́жа, що хо́рый лежи́тъ,
Душѝ поси́лку усе́рдно жада́є;
Але прійшо́вши надъ пото́ка бро̂дъ
Где бу́ла кла́дкя, ле́дво ви́жю слѣ́дъ,
Съ по́води во́лною му́сѣла поплы́сти,
Но щобы́мь є̀щѐ спасе́нія ча́сть
Занѣсъ слабо́му, нѣ́мъ ду́ха о̂тда́сть,
Спѣшу̀ чимъ бо́рше бо́со перебры́сти.““

„„Ту́жь ґра́фъ всади́лъ го на сво́го коня̀,
Пода́вши въ ру́ки злоти́стѝ зуби́ла,
Щобъ нѣ́съ слабо́му хлѣ́бъ спасе́нія,
До́ки спосо̂бна хви́ля не уплы́ла;
А са́мъ на слу́жки ко́ника у̂сѣ́лъ
И ху́тко далѣ́й на ло́вы займи́лъ.
Іере́й щастли́во дополни́вши хо́ду
Ти́хо, смирне́нько, лишь свѣ́тъ зазорѣ́лъ
Красно̀ съ пода́кою за таку̀ выго́ду,
Ґра́фови наза́дъ ко́ника привѣ́лъ.““

„А сохра́нь Бо́же! ґакъже бы ґа смѣ́лъ?“
Речѐ му Ры́царь поко́рными сло́вы;

„Коня̀, що Твóрца мóго ўжѐ носи́лъ,
Знóвъ сѣдла́ти на бо́ѣ и на ло́вы!
Сли на свôй хосе́нъ не вóзьмешь го Ты,
То го услу́гамъ Це́ркви посвятѝ!
Бо ꙗ то́му го въ жéртву ôтступа́ю
Ôтъ Котро́го сла́ву и добрò все,
Ду́шу и тѣ́ло, — и само́ житьѐ
Въ незаслужéнôй даровúзнѣ ма́ю!“

„„На́йже Ва́мъ Го́сподь сто́кроть заплати́тъ!
Той, що немóщныхъ моли́твы прiйма́є,
Такъ Ва́съ въ сѣ́мъ житю̀ и въ буду́щôмъ чти́тъ,
Ꙗкý честь ны́нѣ ôтъ Васъ отбира́є!
Ко́ждый Ва́шъ кра́сный и ры́царскiй чи́нъ,
Голосны́й свѣ́ту, зъ Швайца́рскихъ крайнъ;
Шѣ́сть дочо́къ го́жихъ, ꙗкъ цвѣ́ты весня́нй,
Найже и́мъ кра́сна бу́де до́ля всѣ́мъ,
И процвѣта́ютъ въ со́тне поколѣ́нье!
Най ца́рскихъ вѣнцѣ́въ шѣ́сть внесу́тъ Вамъ въ дôмъ!““

Царь ся на то́є заду́малъ глубо́ко
Спôмну́лъ на слу́чай промину́вшихъ лѣ́тъ;
И погля́нувши пѣ́вцю бли́жше въ о́ко
Ôтгада́лъ за́разъ, що та пѣ́снь значи́тъ:
Бо зъ лиця̀ ўзрѣ́вши, що той са́мъ Їере́й
Въ ра́достнôмъ о́цѣ слезъ ряснéнькiй здрôй,
Закры́лъ пола́ми багря́нои ша́ты;
Всѣ погля́нули на лицѐ Царя̀,
А въ Нѣ́мъ позна́вши то́го ры́царя
Зача́ли про́мыслъ Бо́жiй велича́ти!

* * *

Вѣ́цого пѣ́вця натхне́нй слова̀
Шéсте столѣ́тіє сла́вно дополни́є.
Бо вѣнцéмъ Ца́рскимъ стрôйна голова̀
Ужѐ въ поколѣ́нню деся́томъ сія́є:

Габсбургъ, той соколъ, подъ солнце ся взбилъ,
И многи роды обнялъ тѣнью крилъ;
А въ лютой бури, въ волнованю строгомъ,
Акъ середъ моря крѣпость зъ твердыхъ скалъ
Неоскорбленый въ побѣдѣ стоялъ,
Доки, якъ Рудолфъ, поступае съ Богомъ!
Уже уста пѣвця шесть сотъ лѣтъ молчатъ,
Котри пророчимъ духомъ пѣснь спѣвали,
А цѣлый еще стоитъ союзъ святъ,
Хоть люти волны на него вставали;
А сли жезлъ правды, щирость съ любвою
И надалъ сваже Народы съ собою;
Незадавнѣли права зъ рукъ природы
Удѣлитъ щиро, якъ дѣтемъ Отецъ
И въплете въ честный Прадѣдовъ вѣнецъ
Цвѣтки свѣженьки розумнои свободы:
Тогды най буря въ кругъ скалы кипитъ,
Пѣна розпырсне, — скала цѣла буде!
Бо Престолъ любовь людовъ укрѣпитъ
А найсильнѣйша крѣпость, — вѣрни груди!

Антонъ Л. Могильницкій.

153.

Псаломъ CIII.

Благослови душе моя Господа.

Іегова, Боже мой, колика слава, коликое Величество окружае Тебе! Ты облекъ ся свѣтомъ; якъ одежею.

Ты роспростеръ есь небо, якъ шатро; Ты покрылъ есь чертоги Твои водою. Ты восходишь на облаки, якъ на колесници и носишь ся на крилахъ вѣтровъ. Бурѣ идутъ передъ Тобою а поломѣнѣ огненни спроводжуютъ Тебе.

Ты основа́лъ есь кѫлю зе́мнѫю на нёй само́й, и бѣгѫны ей не поколеба́тъ са. Ты покры́лъ есь ю̃ мо́рёмъ, ѩко свитою.

Во́лны шѫмѣли надъ гора́ми. Ты есь нагрози́лъ имъ, а они́ обернѫли са наза́дъ въ низины, оу̃боа́вши са гро́ма го́лосъ Тво́его. Го́ры возвышша́ютъ са; долины спѫска́ютъ са на мѣсто призначе́ное имъ Тобо́ю. Нѣко́ли бо́льше не обе́рнѫтъ са во́ды покры́ти зе́млю; Ты положи́лъ есь преде́лъ, которо́го они́ не перестѫпатъ.

Ты есь сопровожда́ючїй исто́чники въ долины; ихъ во́ды прохо́дятъ скро́зь го́ры. По́льнїи звѣрѣ́ прихо́дятъ тѫда́ пи́ти и вельблю́дъ жде́ тамъ, абы оу̃толи́ти жа́ждѫ свою. На ихъ бере́га́хъ сѣда́тъ пти́цѣ небе́снїи и спѣва́ютъ въ зеле́ни. Вершины го́ръ напа́ешь о́блаками. Вса̀ земла̀ насыче́на Тво́ею благода́тїю стаѐ са плодоро́дною.

Ты повелѣва́ешь рости́ траве́ на ко́рмъ ско́тобъ, и расли́намъ, изъ кото́рыхъ произхо́дитъ хлѣбъ потре́бный до жита̀ человѣкови и ви́но̀ розвеселя́ючое се́рдце его̀ и олѣ́й роспространя́ючїй ра́до́сть по чолѣ́ его̀. Насыче́нй стоя́тъ де́рева гаю, ке́дри ливанскїи насажде́нїи рѫко́ю Тво́ею. На ни́хъ гнѣзда́тъ са пти́цѣ; на высо́кихъ ѣли́цахъ обита́е родъ ча́пль; се́рны ма́ютъ прибѣ́жи́ще своѐ на скала́хъ, кро́лики въ каме́нныхъ щели́нахъ.

Онъ сотвори́вшїй лѫнѫ дла̀ роздѣле́нїа вре́мене и со́лнце знаю́чое цѣль тече́нїа сво́его; Онъ возво́дитъ темнотѫ и быва́е но́чь. Тогды звѣрѣ́ дѫвро́кнїи выхо́дятъ на по́ле; молодїи львы́ рыча́тъ за добы́чею и про́сятъ пожива́ленїа о̃тъ

Бо́га. Но ско́ро со́лнце засїа́е, они́ о҃у҃же́ собра́нї лежа́тъ въ сво́ихъ лего́вискахъ. Тогды́ выхо́дитъ челове́къ до дѣ́ла сво́го ажь до ве́чера. Го́споди, ѩ́къ же то превосхо́днїи сѣ́ть дѣла́ Твои́! Ты всѣ рѣ́чи о҃у҃строи́лъ есь съ безконе́чною премѫ́дростїю. Вса́ земла́ перепо́лне́на есть благодѣ́а́нїа́ми Твои́ми.

Не измѣри́мое мо́ре кипи́тъ мно́жествомъ живо́тенъ малы́хъ и вѣ́льшихъ. Тамъ пла́ваютъ кораблѣ́, тамъ ди́вы обита́ютъ и игра́ютъ съ волна́ми.

Всѣ о҃у҃пова́ютъ на Те́бе, а Ты дае́шь имъ ко́рмъ въ то́е вре́ма, коли́ потребѫ́ютъ. Ты дае́шь, они́ собира́ютъ са; Ты простира́ешь рѫ́кѫ Твою́: они́ всѣ напълна́ютъ са благослове́нїа.

Отвёрнешь ли лицѣ́ Твоѣ́: они́ о҃у҃страша́ютъ са, ѿтъиме́шь ли имъ дыха́нїе: они́ изчеза́ютъ и оверта́ютъ са знова́ въ по́рохъ. Даси́ ли имъ зно́ва дыха́нїе Твоѣ́: они́ оживотвора́ютъ са и лицѣ́ землѣ́ обновла́е са.

Въ вѣ́ки на́й вѫ́де благослове́нно и́ма Іегóвы! Онъ са́мъ на́й ра́дѫе са о сотворѣ́нїа́хъ сво́ихъ. Онъ, ѿтъ кото́рого взо́рѫ земла́ содрога́е са, ѿтъ кото́рого доткновéнїа го́ры дымомъ копо́тятъ. Чере́зъ всю жи́знь мою́ спѣва́ти вѫ́дѫ Іегóвѣ, хвали́ти Бо́га мо́его, до́ки живѫ́. О вѫ́дь Ємѫ́ о҃у҃го́дною бе́сѣдо моа́! Онъ оди́нъ есть моа́ ра́дость, онъ оди́нъ есть моѣ́ ща́стье. Пропа́дьте съ шѫ́момъ всѣ́ оскорбла́ючїи Его́ и заги́ньте; ты́же дѫ́шѣ моа́, благослови́ Го́спода!

В. Во́лянъ.

Содержаніе.

Число		Сторона.
1.	Правѝло житѧ. — *Васи́лій Кова́льскій* . .	3
2.	До́бра ма́ти (по́длѧ Гебла). — *В. К.* . .	—
3.	Пчо́лки и ихъ ма́ти. — *Чарнянъ Маковицкій*	7
4.	Байкѝ *Лессинґа*:	
	I. Добродѣ́тельства — *В. К.*	8
	II. Левъ и за́ѧць. „	—
	III. Ко́нь и бы́къ. „	9
	IV. Оре́лъ и гѳ́ска. „	—
	V. Волкъ и о́вча́рь. „	—
	VI. Хлопчи́на и га́дина „	10
	VII. Лисъ „	11
5.	Ꙗкà стра́ва, такà запла́та. — *В. К.* . .	—
6.	За́гадка. — *А. Духно́вичь*	13
7.	Байкѝ. — *ІА. Балагу́ра*:	
	I. Ракъ и воро́на	—
	II. Волкъ и теля́та	14
	III. Пчолà	—
	IV. Жмѣль и пчолà.	15
8.	О́вцѧ и Ґаздà (Ба́йка). — *Лукà зъ Ра́кова*	—
9.	Прѝповѣ́дка на́родна	16
10.	Ꙗпо́ньска роди́на (Изъ Цимерма́на).—*В. К.*	—
11.	Пра́поръ. — *В. К.*	18
12.	Два спѣ́вакѝ. — *В. Зборо́вскій*	19
13.	Лисъ и когѳ́тъ. (Ба́йка). — *В. К.* . . .	20
14.	Повѣ́жде́нье зла. — *В. Во́лянъ*	21
15.	Спо́ръ звѣ́рѣвъ о первенство́ (по́длѧ Лессѝнґа). — *В. К.*	22
16.	Молоды́й за́ѧць. — *В. К.*	24
17.	Левъ. — *В. Во́лянъ*	25
18.	На́йденїи о́слы. — *В. К.*	27

Число Сторона.
19. Самохва́льство. — *В. К.* 27
20. Го́рдая гѫска. „ 28
21. Сре́дство проти́вѫ смерти. — *В. К.* . . —
22. Кре́чный челове́къ. „ . . 29
23. Во́лъ и оселъ. (Ба́йка) . . . . . —
24. Шту́чка. — *В. К.* 30
25. Лю́ба дни́на. — *И. Наумо́вичь* 31
26. Богъ зна́е, чимъ чолове́ка кара́ти ма́е. — *Мих. Тимя́къ* 32
27. Весно́вка. — *М. Р. Шашке́вичь* 36
28. Деревце́. (Ба́йка). — *Вас. Зборо́вскій* . . . —
29. Молоды́й Вѫкасо́вичь. — *В. К.* 38
30. За́гадка. — *А. Духно́вичь* 39
31. Ива́сь въ цастю (по́дла Гри́мма). — *В. К.* 40
32. Ко́минъ и воро́на (Байка). — *Лука́ зъ Ра́кова* 47
33. Хо́дъ до пи́санои кирни́це. (Оу́рывокъ). — *Н. Усцiяновичь* . . . . . —
34. Надгро́вникъ сварли́вой жене́. — *М. Козано́вичь* 49
35. Стары́й песъ (по́дла Гри́мма). — *В. К.* . — 36. Знамена́ погоды. — Перемышляни́нъ . . 51
37. Цвѣтки́ до вѣнка́ че́сти и бра́тнёи любве́. — *В. К.* 57
38. Слонъ. — *В. Во́лянъ* 58
39. По́то́къ, ставъ, со́нце. — *Лука́ зъ Ра́кова* 63
40. Казка: „Такъ свѣтъ плати́тъ.“ — Перемышляни́нъ 64
41. Що есть лѫчше? — *И. Гушале́вичь* . . 69
42. При́тча о ѩвлоцѣ. — Вѣстникъ 70
43. Скита́лецъ. — *В. К.* 72
44. Два товариша́. — *Н. Усцiяновичь* . . . —
45. Креще́нье Володимiра Вели́кого и Кiева́нъ. — *Анѳ. Добря́ньскій* 76
46. Си́ла дѫха челове́ческого. — *И. Гушале́вичь* 80
47. Мале́ и вели́ке. — *В. К.* 81
48. Свѣтъ надзе́мный. — *М. Малино́вскій* . 82

Число Сторона.

49. Образъ смéрти. *Г. Вóлянъ.* 85
50. Кто достойнѣйшій? — *Лукà зъ Рáкова* . 86
51. Пáвкъ (изъ Гéблѧ). — *В. К.* 87
52. Кúтицѧ розноцвѣта. — Новины, — *И. Гушалéвичь.* — *В. К.* 89
53. Зéрна длѧ родúннои нúвы. — *В. Зборóвскій* 90
54. Пóвѣстка изъ Áвлѧ Гéллїѧ. — *В. К.* . . 92
55. Бандúристъ. — *Маркіянъ Р. Шашкéвичь* . 93
56. Человѣколюбїе. — *В. К.* 95
57. „Колú вѣдà éсть найбóльша
Бывáе пóмочь найблúжша:“
I. Máркъ Áгрелїй. — *В. К.* 96
II. Обсѣдѣнїе мѣста Нисивїи. — *В. К.* . 97
58. Корабéль воéнный. — *В. К.* 98
59. Лéгко прїйшлò, лéгко и пóйшлò. (Казка). — *Влад. Даль* . . . . . —
60. Máти и дѣти. — *Чарнянъ Маковúцкій* . 104
61. Песъ зъ горы Св. Бернáрда (пóдлѧ Вакернаґлѧ). — *В. К.* 105
62. Пригóда въ лѣсѣ. — *Марк. Р. Шашкéвичь* 107
63. Рѣчка. — *ІА. Головáцкій* 110
64. Ошúбка въ розчетѣ. — *В. Вóлянъ* . . . 111
65. Дóбра рецéпта. — *В. К.* 112
66. О благодáрности. — *В. Вóлянъ* 114
67. Дрѫжеска гостьбà. — *В. К.* 116
68. Зáгадка. — *А. Духнóвичь* 117
69. О sвѣздахъ. — *М. Малúновскій.* . . . —
70. Богъ надѣѧ! — *В. К.* 123
71. Рóдство и слѫжба (Казка). — *Влад. Даль.* —
72. Любовь дѣтúй къ мáтери. — *Чарнянъ Маковицкій* 131
73. Пештúньскій кальный торгъ (ярмарокъ). (пóдлѧ Кóлѧ). — *В. К.* 132
74. Зáгадка — *А. Духновичь* 154
75. О солнци. — *М. Малúновскій* 155
76. Моисéй Мéнделсонъ. — *В. К.* 156

Число Сторона.

77. Подоро́жный. — Пчола̀ 158
78. Проценье оби́дъ. — *В. Во́лянъ*. . . . 160
79. Ла́стовка и воробе́цъ. — Пчола̀ . . . 161
80. Дро́хва (изъ Фоґлѧ). — *В. К.* . . . . —
81. Бѫрла́къ. — *И. Гушале́вичъ* 163
82. Когѫтъ (изъ Ленца). — *В. К.* . . . 165
83. Пчола̀ и моты́ль. — *Лука̀ зъ Ра́кова* . . 168
84. Оу̑ те́бе са́мого есть свой ро́зѫмъ. — *ІА. Головацкій* 169
85. Хмаролю́къ. — *М. Козано́вичъ* 171
86. Смерть. — *В. К.* 178
87. Йковъ Гера́вскій (Сказка посмертна). — Зорѧ га́лицка . . . . . —
88. О Венерѣ или Зо́рници. — *М. Малиновскій* 183
89. Мѫдрый сѫдія̀. — *В. К.* 184
90. Ко́тъ съѣлъ четы́ри волы́. — *М. Козано́вичъ* 185
91. Ôтказъ 189
92. Камѣнь. — *В. К.* 194
93. За́воды съ волка́ми. — Вѣстникъ . . . 195
94. Мѫдрый быкъ. — *Лука̀ зъ Ра́кова* . . 201
95. Сомнѣтельное взгля́домъ терпли́вости. — *В. К.* . . . . . —
96. Лѣрникъ и волкы̀ (по̀д. Шѫберта). — *В. К.* 202
97. Вели́кіи снѣжніи гро̀ды. — *В. К.* . . . 204
98. Дождь сѣрко́вый. — *В. К.* 205
99. Дождь жа́бачій. „ 206
100. Дождь крва́вый. „ 207
101. Оу̑ченый панъ и про́стый Иванъ. — *М. Козано́вичъ* 208
102. Іоа́ннъ ми́лостивый. — *В. К.* 209
103. Бѫдь ще́дрый. „ 210
104. Щедрота̀ (изъ Ри́хтера):
I. Іоа́ннъ ми́лостивый. — *В. К.* . . . 211
II. Серапіо́нъ Сгнодѝтъ. „ . . . 212
105. Житьѐ (Казка). — Пчола̀ 213
106. Кво́ка и кѫратко. — *В. К.* 215

Число Сторона.
107. Оцѣненье по слѫшности. — *В. Волянъ* . 217
108. Бѫрѧ. — *И. Гушалéвичь* . . . . . —
109. Ѧлврехтъ (IV.) Ґрафъ Гавсвѫрскій праціе́ сѧ съ свое́ю роди́ною въ гро́бници въ Мѫри (по́длѧ Цинґлера). — *В. К.* . . 221
110. Слеза̀. — Новины̀ 224
111. Два плѫги. — *В. К.* 225
112. Чіѐ ны́нѣ, чіѐ за́ѫтра? — *И. Гушалéвичь* 226
113. Ли́стье и цвѣ́тъ (по́длѧ Жеанъ Полѧ). — Зорѧ га́лицка 227
114. Весна̀. — *ІА. Ґеровскій* 228
115. Звѣзда́рскіи вѣ́домости о᷎ сельскихъ люді́й. — Перемышляни́нъ 229
116. Гали́ціѧ. — *В. К.* 232
117. Непра́стный. — *М. Р Шашке́вичь* . . . 249
118. Хо́дъ на Острѫ Кѣчи́рку (О᷎рывокъ). — *Н. Устіяновичь* 250
119. До Зорѝ. — *И. Гушалéвичь* 253
120. Похожде́нье До́мѫ Гáвсвѫґъ (по́длѧ хро́ники Ѧ. Цинґле́ра) — *В. К.* 254
121. Ѧдинаисъ. — *ІА. Ґеровскій* 259
122. Водоспадъ Прѫта ко́ло До́ры. — Зорѧ га́лицка 262
123. Людске се́рдце и людска во́лѧ. — *Гриць Кукурудза* 264
124. Блаженный камень (О᷎рывокъ изъ епи́ческо́го сті᷎хотворенія „Скитъ Ма́нѧвскій“). — *Анш. Л. Моги́льницкій* . . . —
125. Житьѐ Іоа́нна Сѣчѫрского — *Іо́сифъ Лози́ньскій* 272
126. Іо́сифъ II, ѣ̀ко ора́чь. — *В. К.* . . . 284
127. Чарꙋючій господа́рь. „ . . . 286
128. Ива́нъ Шкы́дкій. — *Левъ Трещаковскій* 287
129. Псалмы̀ Рѫслановѝ: I. . . . . —
„ „ II. 288
„ „ III. Вѣно́къ 289

Числ. Сторона

130. Два скѫпцѣ. — *В. К.* 290
131. О лѫнѣ (мѣсяци). — *М. Малиновскій* . 291
132. Тайный обѣдъ. — *В. К.* 294
133. Домовѣ житьѣ Граничарѣвъ (подлѫ Гиценґера). — *В. К.* 295
134. Загадка — *А. Духновичь* 299
135. Старикъ. — *В. Волянъ* . . . . . —
136. Осовлившa хорова. — *В. К.* 300
137. Єгрейскїи мелодїи (изъ Лорда Байрона) *И. Н. Бужанёнько* 302
138. Прогълька по Семерингѫ. — *В. Волянъ* . 303
139. Пѣснь житѫ. — *Ив. Гушалевичь* . . . 309
140. Левъ и лисъ. — *В. Волянъ* 310
141. Бойтъ Подольскїй. — Зорѧ галицка . . —
142. Благодарность (изъ Рихтера). — *В. К.* 317
143. Лакомство:
I. Царь Никифоръ. — *В. К.* 319
II. Король Ирипертъ. „ 322
144. Пазкъ, мѫха и синицѫ. Зорѧ галицка. *Е. Г.* 323
145. Вѣрность слѫгы. — *В. К.* 324
146. До здорова (подлѫ Кохановского). — *Іос. Лѣвицкій* 328
147. Границѣ гостиниости. — *В. К.* . . . —
148. Повѣстка старого Сѫвы зъ Подгорѫ, австрїйского вомка. — *Анш. Л. Могильницкій* 329
149. Сѣверо — восточна Оугорщина. — *В. К.* 342
150. Смерть на Праздникъ. — *Лукѧ зъ Ракова* 352
151. Красотѧ Верховины. — *Н. Устіяновичь* 353
152. Графъ на Габсбѫргъ (Баллѧда изъ Шилера). — *Анш. Л. Могильницкій* 355
153. Псалмъ СІІІ. „Благословї дѫшѣ моѧ Господа“ — *В. Волянъ* 359

70 - 1 }S6195 S507-C

Рѣшенїѧ загадо́къ:

Число	Сторона	
6.	13.	*Звóнъ.*
30.	39.	*Ли́стъ.*
68.	117.	*Плу́гъ.*
74.	154.	*Прáва и лѣ́ва рукà.*
134.	299.	*Му́ха.*

LIBRARY OF CONGRESS
00023941168